

Александр Бушков

НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА

Александр Бушков

НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА

ОЛМА
ПРЕСС

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
РУССКИЙ ПРОЕКТ

ОЛМА
МЕДИАГРУПП

Александр Бушков

НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА

МОСКВА
ОЛМА-ПРЕСС
ОАО ПФ «Красный пролетарий»
2005

УДК 821
ББК 84 (2Рос–Рус)6
Б90

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова «Нелетная погода» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Художник *В. Люлько*
Оформление переплета *А. Шнаков*

Бушков А.
Б90 **Нелетная погода: Роман. Повести.** — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 448 с. — (Специальный русский проект).

ISBN 5-224-04917-2

ISBN 5-85197-241-6

При попытке входа в гиперпространство, космический корабль «Лебедь» потерпел крушение. Связь с ЦУПом и кораблями сопровождения оборвалась, запасы энергии иссякли, приборы сигнализировали о реальных, но неизвестных испытателям опасностях.

За всю историю кораблей Дальнего прыжка ничего подобного не случалось. Назад, в обычное пространство экипаж выйти не смог.

Командир корабля Панарин не знал, где они, но «Лебедь» должен вернуться домой...

УДК 821
ББК 84 (2Рос–Рус)6

ISBN 5-224-04917-2
ISBN 5-85197-241-6

© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2005
© ОАО ПФ «Красный пролетарий»,
оригинал-макет, 2005

НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА

Роман

ПРОЛОГ

Почему-то думалось о грибах. Панарин представил сковородку молодой картошки с грибами и зеленым луком — слюнки потекли. Вот так всегда — в самые серьезные минуты лезет в голову всякая чепуховина, и не прогнать ее. Или так и нужно?

— Ты о чем думаешь? — спросил его Станчев.

— О грибах, ты знаешь. Зримо вообразил сковородку.

— А я перед стартом почему-то всегда думаю о пляже.

— И сейчас?

— Ага.

— Мне пляжи почему-то не нравятся, — сказал Панарин. — Жарко. Людно.

— Это смотря где.

— Я все же больше люблю горы, — сказал Панарин. — Но не любые, а поросшие лесом. Интересно, о чем сейчас думает Риточка?

— О том, что вы оба мне безмерно надоели со своими сковородками и пляжами. Каждый раз одни и те же разговоры.

— Это мы из суеверия, — сказал Панарин.

Вспыхнуло табло «Внимание!», секундой позже раздался голос Рауля:

— Диспетчер космодрома — «Лебедю». Даю старт. Выход к точке эксперимента по коридору номер четыре. Корабли сопровождения стартуют через две минуты.

И сразу стало не до пустой болтовни — начиналась работа.

Карточка Глобального информатория.

«Тим Николаевич Панарин. Родился 14 ноября 2074 г. в Ванееве. Ранняя специализация — технические дисциплины. В 2094-м закончил Омское училище Звездного Флота (факультет космического пилотажа). С 2094 по 2100-й — пилот на кораблях Дальней разведки. В 2100 прошел курс в Центре подготовки испытателей Проекта «Икар». С 2100-го и по настоящее время — командир корабля — испытатель на седьмом полигоне Проекта. Орден Гагарина, медаль им. Гейзенберга. Холост. Постоянное место жительства — ТН 402 С, планета Эвридика. Видеофон — через справочную Главной диспетчерской».

...Вокзал был как все вокзалы, независимо от того, уезжают ли с них, улетают или отплывают. Пестрое разноязычье, как на завершающем этапе строительства Вавилонской башни, встречи и проводы, смех и напутствия, и очень редко — слезы. Снерг любил вокзалы, они его всегда приятно волновали и утверждали во мнении, что жизнь состоит из дороги.

— Ну, все, — Мигель пробился сквозь поток только что прилетевших из Мельбурна спортсменов. — Погрузили ребята твой особо ценный груз.

— Спасибо, дружище, — сказал Снерг. — Если тебе понадобится кедр — я к твоим услугам.

— Она красивая?

— Самая красивая, — сказал Снерг.

— Рад за тебя, хомбре. Люблю, когда людям все удается.

— Ну, «все» — очень уж растяжимое понятие. Шагать нам до главных удач и шагать...

— Все равно. Ты хорошо начинаешь, а это главное.

Посадочный жетон в кармане Снерга затараторил:

— Пассажиров, вылетающих рейсом двести сорок шестым Мехико — Красноярск, просим пройти к пятому эскалатору. Повторяем...

Карточка Глобального информатория.

«Станислав Сергеевич Снерг. Родился 9 сентября 2074 г. в Минусинске. Ранняя специализация — гуманитарные дисциплины. В 2095 г. закончил Красноярский институт журналистики (факультет глобального стереовидения). Корреспондент Сибирского региона Глобовидения, с 2099 г. и по настоящее время — редактор программы «Т — значит тайна». Премия им. Степченко (2097), лауреат Золотого пера МОЖ. Холост. Постоянное место жительства — Красноярск, Итина 45-267, видеофон — ТЛ 73255».

Глава 1

КАМЕННОЕ НЕБО

Эвридика осталась за кормой, превратилась в крохотный, не больше ноготка, стеклянный шарик, налитый нежным голубоватым светом. Она была очень красива — самая дальняя из достигнутых людьми иных планет. Десять световых лет от Земли. Планета, с которой стартовали испытатели, пытаясь прорваться в недостижимое — и возвращались ни с чем. Бывало, что и не возвращались...

Коротко рявкнул динамик:

— Готовность номер один!

Панарин провел безмянным пальцем по левому плечу, от шеи, почувствовал легкий, едва уловимый и насквозь знакомый толчок в ключицы — скафандр загерметизирован. Не было нужды смотреть на остальных, он и так знал, что они сделали то же самое, и в ЦУПе это знали. Но правила есть правила, и сейчас алые табло вспыхнули в нескольких местах — в одном из залов ЦУПа, за шестьсот с лишним тысяч километров отсюда, в рубках кораблей сопровождения, шедших журавлиным строем в ста километрах левее, и наконец — перед глазами самих испытателей.

«Командир-испытатель — герметизация скафандра».

«Ко-пилот-испытатель — герметизация скафандра».

«Инженер-испытатель — герметизация скафандра».

На рейсовых и разведывательных кораблях эта въедливо-педантичная опека давно канула в прошлое. Но не здесь. Здесь она приняла характер настоящей мании — в ЦУП шли отчеты о каждой отданной команде, любом действии, независимо от степени его важности. Пуск конвертера Дальнего прыжка, щелчок рычажка, отодвигавшего кресло от

пульта на десять сантиметров, — разницы не было. Двойной контроль, тройное дублирование, скрупулезность, заставившая бы стонать от зависти бюрократов прошлого — в сущности, пустышка для младенца, уловка, призванная сгладить и заслонить пронзительное чувство беспомощности.

«И беспомощность — еще не самое страшное, — подумал Панарин. — Самое страшное — мы не понимаем, почему стали вдруг беспомощными. Мы, такие могучие и гордые. Мы обещали когда-то любимым звезды с неба, и начали было выполнять обещание, но звезд, доступных нам, оказалось слишком мало. Ничтожно мало. До обидного. Любые эпитеты бессильны перед холодной истиной — звезд не хватило на всех...»

— Маршевые двигатели отключены, — отчеканил киберштурман, один из апостолов тройного контроля.

Он лишь констатировал факт, он был отстранен от управления. Все, абсолютно все выполнялось человеческими руками, и оттого Панарин — как, впрочем, и все остальные испытатели, — чувствовал себя так, словно ему вручили лопату и заставили рыть яму. Или поручили управлять колесницей — одним словом, выполнять своими руками монотонную, нудно-томительную работу, которой была насыщена жизнь предков.

— Начинаю разгон, — сказал Панарин.

Он нажимал клавиши, касался сенсоров, взгляд выхватывал из мелькания разноцветных цифр и индикаторных полос, ритмичного мигания лампочек главное и следил за второстепенным. За проведенные у пульта семь лет радость и удовлетворение собственным умением снизилась до средней нормы, но, разумеется, не исчезла. Ему приятно было ощущать, что он — хозяин, что пугающие первокурсников кажущийся хаос десятков табло и экранов, россыпи удобных для пальцев клавиш и тумблеров давно перестал быть для него хаосом. Корабль он знал, как собственную квартиру, знал и мог описать все, что происходило сейчас в каждом агрегате, в любой точ-

ке «Лебедя». Просто великолепно знать, что ты любишь свое дело... но кто мог предполагать, что звездолеты, единственное, что есть в жизни, однажды подведут, окажутся слабее своего хозяина, не смогут осуществить его мечты?

— Разгон продолжается.

Станчев сидел слева от него, Рита Снежина — справа и позади, за вынесенным на середину рубки «ласточкиным хвостом» пульта энергетических волноводов. Перед ними антрацитово поблескивал экран, черный круг почти трехметрового диаметра. Альтаир, льдинка с голубиное яйцо величиной, сиял холодным белым огнем, россыпь звезд похожа была на искристый иней, посверкивающий на ветвях невидимых деревьев. Неподвижные звезды. Черный колодец, в который могут провалиться дерзкие надежды, смелые планы, насчитывающие несколько столетий от роду...

— Выход в зону свободного полета. Время принятия решения.

— Начать вход в гиперпространство, — сказал Панарин. — Управление передаю ко-пилоту.

Он убрал руки с пульта, чтобы отчуждение было полным, откинулся на мягко-упругую спинку кресла. Ему хотелось на этот раз представить себя пассажиром, сторонним наблюдателем следить за действиями экипажа. Не такая уж гениальная задумка (все равно ничего не удастся понять), но она вносит хоть какое-то разнообразие в программу, а всякое разнообразие руководством Проекта только поощрялось.

Серебристая полусфера рубки, строгие линии белых пультов, той фигуры в голубых скафандрах — рациональный аскетизм. И одно-единственное «постороннее» — игрушка, рыжая лохматая собачка, прикрепленная присоской меж двух овальных экранов. Пережитки живучи, и некоторым из них летная братия следовала до сих пор.

— Начинаю вход, — сказал Станчев.

Звездный планктон, усыпавший экран, менял облик — белые искорки дрожали, расплывались, слов-

но Панарин смотрел на них сквозь залитое дождем окно, потом от звезд, перекрещиваясь и сплетаясь, протянулись тонюсенькие белые волоски, волоски разбухали в ниточки, ниточки в жгуты, жгуты в канаты, экран затянула белая сеть, сплетенная без складу и ладу спятившим или просто недобросовестным мастером, осколочки черноты уменьшались, истаивали, вот и Альтаир растворился в белом мерцании, и молочное сияние залило весь экран, целиком.

Тело, мозг, сознание пронзило испытанное сотню раз, но не ставшее от этого понятным и привычным ощущение, которое нельзя было описать ни с помощью слов, ни с помощью уравнений. Очертания пультов на миг диковинно исказились. «Лебедь» вошел в гиперпространство.

Вошел — и не мог войти. Словно пущенный с силой мяч ударил в сетку, и она покорно прогнулась сначала, но тут же упруго отбросила мяч назад.

— Инженер! — Станчев через плечо Панарина искоса глянул на Риту.

Она склонилась над своим пультом, и тотчас отреагировали датчики — мощные излучатели, висящие в пустоте на границе полигона огромные решетчатые чаши, похожие на исполинских радиолярий, метнули вслед «Лебедю» идеально прямые невидимые лучи. По волноводам хлынул поток энергии, пополнявший оскудевшие запасы «Лебеда».

Бесполезно. Мощность, которой они сейчас располагали, вчетверо превосходила требуемую для гиперскачка — и никакого результата.

«Ну давай, давай...» — шептал про себя Панарин.

Экран молочно белел. Притекавшая к ним энергия тут же уходила в никуда без всякой пользы. На обычном корабле киберы давно подняли бы уже бесстрастную панику и блокировали энергоемкости, но «Лебедь» был способен на многое. Правда, и у него, как у любой машины, был свой предел прочности.

— Накопление — и на форсаж, — сказал Панарин.

Затея, надо сказать, была раскованная — накопить максимально возможный запас энергии, отклю-

читься от волноводов и вложить все силы в отчаянный рывок. Такое мало кто пока делал, но следовало испробовать и это — коли уж попытки войти в гиперпространство, равноускоренно наращивая мощность, успеха не принесли.

— Энергоемкости на пределе.

— Отключиться от волноводов, — сказал Панарин.

— Есть.

— Форсаж!

Желтые, голубые, алые индикаторные полосы протянулись во всю ширину окошечек и застыли, пульсируя. Панарин сжал подлокотники, чтобы руки не тянулись к пульту — ему просто не было необходимости помогать Станчеву, тот тоже не был новичком. Как правило, командир-испытатель берет управление лишь тогда, когда подступает настоящая опасность.

Густым басом взвыла сирена, рассыпался пригоршней упавших на каменный пол монет дребезг нескольких звонков. Автоматика безопасности существовала на «Лебеде» едва ли не в чисто символической форме и, коли уж поднимала тревогу, — оставалось разве что звать к господу богу. Или к спасателям, поскольку они ближе.

Свет в рубке погас, россыпь разноцветных огоньков заполнила ее колышущимися причудливыми тенями, невидимые лапы рванули Панарина за плечи вверх, почти выдрали из кресла, так, что ремни натянулись в струну. И тут же те же лапы толкнули назад.

— Беру управление! — крикнул Панарин. — Уходим на плюс. Волноводы, до накопления!

Собственно, ничего непоправимого или страшного не случилось — просто-напросто «Лебедь» отдал прыжку все запасы энергии, емкости разряжены на девять десятых. Ничего страшного в этом не было, процесс возвращения в обычное пространство, «уход на плюс» особых трудностей не представлял — мяч всегда исправно и послушно отлетал от сетки.

Всегда, но не теперь. Рита подключила резервные мощности, и под потолком вновь вспыхнули лампы.

Панарин дал конвертеру полную тягу, молочная муть экрана подернулась черными пятнышками — первыми сигналами начала перехода в обычное пространство, — и вновь погас свет, колыхнулись ломаные тени. Толчок, другой, что-то непостижимое парализовало волю, растворило в себе, и несколько то ли секунд, то ли веков не было ничего — верха и низа, корабля и Вселенной, личности и мыслей...

— Энергия по волноводам не поступает, — услышал Панарин голос Риты, и с его головы словно свернули непроницаемый мешок, вернув зрение и слух.

Снова отчаянная дробь звонка — нарушена связь между конвертером и питавшими его энергоемкостями, та самая, трижды продублированная связь.

«Невероятно, — успел подумать Панарин, — в таких случаях остается только крестить нечистую силу...»

За всю историю кораблей Дальнего прыжка ничего подобного не случалось. Назад, в обычное пространство, они не вышли. Экран... Экран стал холодно-белым, был усыпан черными крапинками, повторявшими расположение звезд, каким оно было перед броском в гиперпространство, а там, где положено находиться Альтаиру, чернело пятно величиной с голубиное яйцо. «Негатив, — подумал Панарин, — совсем как негатив... Зазеркалье какое-то...»

— Это где же мы есть? — охнул Станчев и что-то протараторил по-болгарски.

Панарин молчал — некогда было разговаривать. В работе испытателя, несмотря на частые столкновения с чем-то новым и непонятным, случается один раз в жизни и такое — то, что в своем кругу, где нет нужды осторожничать в выражениях, именуется чертовщиной. Бывает новое и неизвестное, а бывает и чертовщина. Как в данный момент. И вся ответственность теперь лежит на командире...

— Где же мы? — спросила Рита.

Панарин не знал, где они, — приборы выдавали такую галиматью, что он чувствовал себя школьником, робко шагнувшим в рубку стоявшего на вечном приколе звездолета-музея.

— Подключить аварийные емкости, — приказал он. — Всю мощность конвертеру. Уходим на плюс.

Сейчас не существовало ошибочных и правильных решений, разумных и идиотских — в качественно новой ситуации улетучивались к дьяволу прежние каноны и установления, и прежние критерии...

Панарин бросил руки на пульт. Он сам стал пультом, сам стал кораблем, импровизировал, как музыкант-виртуоз, и не знал, что сейчас идет от профессиональных знаний и опыта, что — от интуиции и инстинкта. Да и не было времени анализировать. Он знал лишь: следует делать именно так, и никак иначе, «Лебедь» должен вырваться, вернуться назад...

Связи с ЦУПом и кораблями сопровождения не было — кто мог сказать сейчас, где ЦУП, где эти корабли? И где сейчас они сами? Запасы энергии таяли, приборы то становились до умиления послушными, то выплескивали очередную порцию электронного бреда, с кораблем происходило что-то неопишное, звонки дребезжали все разом, предупреждая о каких-то выдуманных ими, а может быть, и реальных, но неизвестных испытателям опасностях.

И вдруг все кончилось — рывком. Звезды на экране были, как им и положено, белыми. Пространство — черным, звонки умолкли. Кроме одного, обещавшего давно известную и, в общем-то, безопасную для людей беду. Гравифлаттер. И это при том, что вот уже двадцать лет, как ДП-корабли получили от него надежную защиту. Чертовщина...

— Экипажу приготовиться покинуть корабль, — сказал Панарин.

Энергия полностью исчерпана, флаттер набирал силу, Альтаир ушел за край экрана — корабль разворачивало, он сделал несколько «бочек», а потом его стало болтать, как захваченную ветром бумажку. Гасли лампочки, гасли табло — один за другим выходили из строя агрегатные группы, корабль становился холодным и мертвым. У них оставалось еще минут десять.

Панарин нажал кнопку — к лицу атакующей змеей метнулся аварийный микрофон на кольчатом кабеле.

— Я — «Лебедь», — сказал Панарин, не зная, слышат ли его. — Начался гравифлаттер, покидаем корабль.

— Я — «Матадор», — громыхнул жизнерадостный бас Перевицкого. — Вас видим, боты готовы, — он хмыкнул и добавил: — Плюхайтесь за борт, ребята, выловим.

— Инженер, покинуть корабль, — сказал Панарин.

Тугой хлопок. Кресло Риты провалилось вместе с ней, на его месте осталась овальная дыра.

— Ко-пилот, пошел, — сказал Панарин.

Второй хлопок. Панарин остался один. Он проделал все необходимые манипуляции, чтобы катапультировать «черный ящик» — единственного члена экипажа, который запомнил все обо всем и мог внятно доложить, как вели себя каждый агрегат, каждая схема. И все. На этом его обязанности капитана гибнущего корабля закончились. Осталось только покинуть корабль — последним, как и полагается.

Панарин отлепил от пульта собачку, сунул ее в наколенный карман скафандра, застегнул. Он сидел в рубке беспорядочно кувыркавшегося корабля, смотрел на экран, на мельтешение звезд. Прошептал: «Что же вы не пускаете нас к себе, почему?» В том, что он спокойно сидел так, не было ровным счетом никакого позерства — кораблю оставалось жить еще несколько минут, и можно было позволить себе не спешить. Это был третий за время его капитанства корабль, который он терял. Его работа в том и состояла, чтобы порой доводить корабли до гибели, но разрушение остается разрушением, и с ним, даже предусмотренными правилами игры, нелегко смириться...

«Наверное, не нужно было давать тебе имя, — сказал он «Лебедю». — Ни одному нашему кораблю не следует давать имени — ограничиться безликими номерами, и точка. Тогда не так больно было бы вас терять...»

— «Лебедь», я «Матадор», — гроыхнуло в его шлеме. — Что случилось, отвечайте!

— Ничего, — сказал Панарин.

— Прыгай за борт, чумовой!

— Иду, — сказал Панарин и нажал клавишу.

Полсекунды — и кресло провалилось в люк, в конусообразную, острием вниз, прозрачную капсулу, полсекунды — задвинулась крышка, полсекунды — конус катапультирован. Панарин взял управление на себя и остановил капсулу в километре от обреченного корабля. Слева сиял оранжевый апельсин — Дзета Индейца, вокруг — холодные бусинки звезд, и «Лебедь», серебристый треугольник прямо под капсулой. Или наоборот, над капсулой, — верха и низа в Пространстве не существовало.

Поверхность корабля вспучилась в нескольких местах, пошла уродливыми буграми, что-то похожее на беззвучный взрыв — и «Лебедь» разбрызгался роем обломков, неспешно поплывших во все стороны. Третий потерянный корабль. И недоступные звезды. И те четверо, что, разуверившись, покинули полигон только за этот год, а всего за последних три года — их уже девятнадцать. И страх, что и тебе может однажды показаться, будто работаешь ты зря и пора убираться отсюда восвояси...

Левее и ниже с пятисекундным интервалом вспыхивали ослепительные малиновые огни — это в дополнение к радиосигналам напоминал о себе «черный ящик».

«А у меня ведь праздник сегодня, — вяло подумал Панарин. — Черт, в самом деле. Вот и салют как нельзя более кстати — если можно считать салютом эти малиновые вспышки...»

Потом он увидел зеленые бортовые огни — к нему шел спасательный бот.

Глава 2

ИСПЫТАТЕЛИ У СЕБЯ ДОМА

Они спустились по широкому пандусу и подошли к человеку, ожидавшему их в круге света, золотой монетой лежащем на густо-черной тени «Матадора». Кедрин стоял, сунув руки в карманы тяжелой мешковатой куртки, не по погоде теплой, большой бородатый человек чрезвычайно импониовавшего корреспондентам Глобовидения облика — он словно олицетворял собой грандиозность возглавляемого им Дела, мощь Проекта «Икар». Правда, в последних три года корреспонденты появлялись на Эвридике очень уж редко...

— Докладывайте, — сказал Кедрин.

— Проникнуть в гиперпространства не удалось. Корабль погиб, адмирал.

— Можете считать себя свободными.

Вот и весь разговор — дань заведенным еще до появления первых воздушных шаров традициям и званиям. Рита отошла к синему фургону с освещенными окнами — там ее ждали энергетики. Станчев оглянулся на Панарина, понял, что Панарин задержится, кивнул на прощанье и пошел прочь. Кедрин стоял в той же позе, точнехонько в центре светового круга, рассеянного с одной стороны широкой тенью адмирала.

— Вы похожи на солнечные часы, — сказал Панарин хмуро.

— Часы? — Кедрин не сразу понял, оглядел себя, круг света. — Ах да, часы... Поздравляю тебя с сотым испытательным полетом. И с присвоением звания командора.

О первом, то есть о сотом полете, Панарин знал и сам. Но второе было для него полной неожиданностью.

— Только не нужно в торжественной обстановке, хорошо? — сказал он.

— Как хочешь, — Кедрин подал ему две тяжелые коробочки. — Новую форму будь любезен получить завтра же.

— Устав есть устав, — сказал Панарин. — Одного я не пойму: согласно уставу, звание командора может носить только тот, кто командует группой кораблей или занимает командную должность в системе управления полетами.

— Такую должность ты и занимаешь, — полуотвернувшись, сказал Кедрин. — Вот уже два часа, как ты мой заместитель по летным вопросам.

Панарин посмотрел на часы — полтора часа назад к Земле согласно расписанию ушла «Гардарика», один из шести кораблей, осуществляющих регулярные рейсы между Солнечной системой и Эвридикой. Один из шести, обслуживающих непосредственно их полигон — четыре грузовоза и два пассажирских, «Циолковский» и «Гардарика». Вот, значит, как...

— Он улетел на «Гардарике»? — глухо спросил Панарин.

— Да, — сказал Кедрин. — Согласно уставу, я мог немедленно удовлетворить его просьбу об увольнении, если имелась кандидатура для замены. Кандидатура имелась. Сиречь ты.

«Итак, пятый за этот год, — подумал Панарин. — Два инженера, два пилота, а теперь еще и командор Каретников, для друзей — Тарантас. Сто девятнадцать испытательных полетов, знаки отличия и ордена, когда-то — фанатик Проекта. Что же это такое? И кто следующий?»

— Следующие будут, — сказал Кедрин. — Ты ведь о них сейчас думаешь? Будут. Не стоит лицемерить — Проект находится в стадии, когда уходы неизбежны. И как раз групповые. Каретников — это толчок, который заставит сделать выбор тех, кто хотел бы уйти, но пока не решался. И в ближайшие дни четко определится, кто пойдет с нами до конца, кто улетит на Землю. Так даже лучше. Уход нескольких пилотов, инженеров, даже Каретникова — это еще не

самое страшное. Есть вещи пострашнее. Ты о них наверняка догадываешься.

Панарин молчал, потому что догадывался. Потом кивнул.

— Теоретики...

— Вот именно, — сказал Кедрин. — Говоря откровенно, Проект может при необходимости обойтись и без адмирала Кедрина, администратора, и без командора Панарина, пилота. А вот без Лобова, Муромцева, Бакстера, Терлецкого или Яроша он вряд ли обойдется. До сих пор Проект покидали технические исполнители, теоретики — на месте.

— За исключением Лобова и Бакстера.

— Ты что-нибудь слышал? — быстро прервал его Кедрин.

До Панарина не сразу дошел смысл вопроса и не сразу встревожил тон, каким был вопрос задан. О Лобове и Бакстере он брякнул чисто механически, просто потому, что они очень уж надолго задержались на Земле. Ну и что? Мало ли дел на Земле у двух крупных ученых, вынужденных почти без отпусков кочевать по девяти полигонам Проекта, разбросанным по периферии Ойкумены — доступного людям космоса в пределах не далее чем десяти световых от Земли... Но тон Кедрина? Неужели?

— А вы? — спросил Панарин. — Вы что-нибудь слышали?

— Ну конечно, нет. Просто каждый уход рождает глупые мысли.

— Да... — сказал Панарин. — Устал я, пойду спать. Спокойной ночи, адмирал.

Он стянул куртку, перебросил ее через плечо и пошел к далекой шеренге голубых фонарей, окружавших космодром по периметру. Он шел по огромному полю, выстланному квадратными плитами, мимо исполинских конусов кораблей, аккуратных рядов машин различных космодромных служб — сейчас Панарин впервые сравнил их с забытыми до утра детскими игрушками. На небе сияли недостижимые звезды, задорно поднял рожки перевернутый полумесяц Гертона, одного из трех спутников Эвридики.

Элкар Риты бесшумно поравнялся с ним и несколько метров ехал рядом.

— Подвезти?

— Нет, спасибо.

— Что тебе сказал Кедрин?

— Так, пустяки, — сказал Панарин как мог небрежнее. — Тарантас сбежал.

— Ничего себе пустяки! Садись.

Панарин неторопливо обошел машину и сел. Рита свернула на ведущую к поселку дорогу.

«Все чужое вокруг, — подумал Панарин, — чужая красивая женщина рядом, чужие звезды над головой, манящие и недоступные, чужие лица знакомых людей, которые вскоре могут появиться в его кабинете с заявлениями об уходе — такие будут, глупо лгать самому себе...»

— Не хандри.

— Я пытаюсь, — сказал Панарин. — Только тебе этого не понять, ты уж прости. Ты работаешь с нами, хорошо работаешь, но твое главное дело — волноводы. Передача энергии на расстояние. А мы... У меня же больше ничего нет, кроме кораблей. Пилоты моего поколения учились на звездолетчиков, зная, что через год, самое большое через два, выйдут в Большой Космос. Бетельгейзе, Магеллановы Облака, Ригель, Денеб... И вдруг оказалось, что дорожка к дальним звездам закрыта, десять световых, вот на что мы, оказывается, способны. И не более. Дальше почему-то не пробиться, словно сама Вселенная заупрямилась и не пускает. Скоро Проект начнут покидать ученые, теоретики, а это уже конец...

— Влюбиться тебе нужно, вот что, — сказала Рита.

— Ох уж эта женская логика...

— При чем тут женская логика? Мир станет более многоцветным. Вдруг да и поймешь, что именно ты не сделал как звездолетчик. А пока в тебе есть что-то от робота... И не воображай, будто оттого, что ушел Каретников, все рухнет.

— Я этого и не воображаю, — сказал Панарин. —

Но если уйдет кто-нибудь из крупных теоретиков — все равно что в бумажном городе закричат: «Пожар!»

— Проект мало напоминает бумажный город.

— Не уверен... — сказал Панарин. — Люди, как и тысячу лет назад, не любят продолжительных неудач. Вот и Глобовидение о нас практически забыло.

— Но мы-то от этого не перестали существовать и работать.

— Дай-то бог... — сказал Панарин. — Останови, пожалуйста. Пройдусь пешком.

Он захлопнул дверцу, и элкар исчез за углом. Панарин сел на скамейку под фонарем, достал коробки, вынул и положил на ладонь знаки. Тот, что поменьше — овальный, с золотым силуэтом звездолета на черной с золотыми искорками звезд эмали и цифрой «100». Сто полетов. Второй знак, знак командора — побольше и потяжелее. Синяя, алая эмаль, посередине золотой орел, над ним — Полярная звезда. «Любопытная все же штука традиции, — подумал Панарин. — Орел — как когда-то на гербах и знаменах, устоявшийся символ гордой силы. Сокол у капитанов, орел у командоров (не иначе в память о тех орлах, на которых лихой парень Доминико Гонзалес во времена оны добрался до Луны), а вот адмиралы почему-то остались без геральдической птицы — на их знаке изображена каравелла. А может быть, корвет — сейчас мало кто разбирается в таких тонкостях. Пожалуй, все правильно — существовали же в русских сказках летучие корабли. Так что тут наш «департамент геральдики» прав...»

Панарин задумчиво покачивал на ладони знаки — мечту любого курсанта или свежее испеченного пилота. За их обладателями во времена панаринского детства ходили мальчишки. Впрочем, и сейчас ходят. И бегут «на звезды», редко, но бегут. Об этом давно не упоминали, но некоторые меры контроля на космодромах введены исключительно для того, чтобы умерить рвение иных сорвиголов младшего школьного возраста. Согласно отчетам, на Сеуле ежегодно попадают в руки соответствующим космодромным службам около двадцати «зайцев», и ничего с этим

не поделатъ, пока существуютъ звездолеты, пока существуютъ мальчишки.

Знаки, знаки... Обидно, что они, долгожданные, достались в момент «мертвого штиля», в полосу неудач и тревожной неизвестности. Но как бы там ни было, а таскать их в кармане в знак протеста против упрямства Вселенной — вовсе уж глупое мальчишество...

Панарин прикрепил знаки над левым нагрудным карманом, встал и вразвалочку побрел куда глаза глядят. Спать не хотелось, неотложным делам, которыми стоило бы заняться в этот предрассветный час, пока неоткуда взяться, и не имеет смысла призраком бродить по улицам, вспугивая влюбленных. Можно было взять вертолет и отправиться куда-нибудь на пляж — он любил летать ночью над планетой, забираться подальше от поселка. Но сейчас и этого не хотелось. Подумав, он отправился в «Приют гиперборейцев» — центр отдыха и развлечений назвали так в первый год строительства поселка. В те времена это казалось ужасно остроумным, все тогда были убеждены, что пройдет несколько месяцев, год от силы — и Эвридика станет полустанком на длинной дороге, а название останется как курьез.

Курьезом оно так и не стало, с беспощадной меткостью напоминая все эти годы, что Эвридика, как и другие восемь планет, где расположены полигоны Проекта, остается обиталищем гиперборейцев, краем Ойкумены, границей доступного человеку космоса...

Панарин минут за десять добрался до площади Эвридики. Площадь была круглая, разрезанная дорожками по радиусам, как именинный торт, на клумбах росли местные цветы, а в центре стояла золотая статуя. Девушка в хитоне простирала руки к звездам — никто в свое время не мог предугадать, что ее поза вместо порыва к неизведанному станет олицетворять грусть, тоску по недоступному.

Неподалеку от входа в «Приют» стоял самый обычный дорожный указатель — но стрелка показывала в небо, и на ней было четко выведено: ВСЕЛЕННАЯ. Знак был одного возраста с «Приютом»,

даже чуточку старше — его поставили, не закончив строительства здания. Так он и стоит шесть лет — убрать его было бы неверием в собственные силы, никто не мог на такое решиться, и знак мозолил глаза памятником скороспелым надеждам, но на него как-то привыкли не смотреть...

В ресторане, куда вошел Панарин, сидели человек двадцать. Сутки здесь длились двадцать два земных часа, и три тысячи обитателей Эвридики имели возможность жить в нормальном, почти земном ритме. Но порой такая возможность существовала лишь чисто теоретически. По графику, не совпадающему с появлением на небе солнца или трех лун Эвридики, сплошь и рядом приходилось жить сотрудникам Проекта, работникам космодрома, изучавшим планету ученым. Постоянно кто-нибудь спал днем, бодрствовал ночью. Более-менее упорядоченное бытие отличало только сотрудников здешнего отделения туристического бюро «Галакс» — еще одно гордое название из длинного списка когда-то необдуманно заготовленных впрок.

Панарин знал всех сидевших в зале — старожилы, они его тоже знали. И наверняка знали уже о провале очередного эксперимента и гибели «Лебедя», но никто не подошел с вопросами — местная этика, неписаный кодекс, запрещающий с бухты-барахты интересоваться чужими неудачами.

Горели почти все светильники, но, на взгляд аборигенов, в зале было тем не менее мрачно — не работали телестены, установки светомузыкальных эффектов и прочие придумки, призванные сделать часы вечернего отдыха веселее и насыщеннее, а за стойкой не было бармена Рамиреса, поэта коктейлей, которого в свое время на коленях умоляла не покидать Землю вся Гавана и все когда-либо бывавшие в Гаване туристы. (Хотя любивший описывать это расставание Рамирес мог и ошибиться при подсчете на десяток тысяч провожающих, те, кто отведал его коктейлей, ему, в общем, верили.)

Панарин не спеша расправлялся с шукрутом. Остальные тоже больше ели, чем разговаривали, —

здесь сидели несколько сменившихся с дежурства космодромщиков, биологи, только что вернувшиеся из очередного похода за двести километров в тамошние заболоченные джунгли, энергетики, двое математиков, и здесь спорившие о чем-то профессиональном — они то и дело хватались за карманные компьютеры, как за шпаги, а на столе у них стоял видеофон, настроенный на пятую программу Глобовидения, предназначавшуюся для Внеземелья. Видимо, они ждали результатов очередной научной дискуссии — одного из десятков локальных тайфунов, то и дело незаметно для непосвященных потрясавших круги тех или иных узких специалистов. «Лебедь» тоже был таким незаметным тайфуном — погиб еще один корабль Проекта, человеческих жертв нет, эксперимент закончился провалом. Вот и все, что скажет диктор Глобовидения, — а что тут еще скажешь?

Новенькими были, пожалуй, только две девушки за одним из ближайших столиков, да единственная шумная компания, разместившаяся у фонтана. Математиков явно не радовали шумные соседи, но Панарин, по правде говоря, предпочел бы, чтобы зал звенел веселым гомоном — в нем порой не так уж трудно растворить грустные мысли.

Панарин приподнял бокал, словно чокаясь с невидимым собеседником — за помин души «Лебеда», успевшего совершить всего пять полетов, считая и тот, из которого он не вернулся. За помин души...

— Пьете с человеком-невидимкой?

Панарин поднял глаза. Перед ним стояла та, темноволосая, из-за соседнего столика. Блондинки там уже не было.

— Ну да, — сказал Панарин. — Невидимки у нас водятся. И привидения. Город наш молодой, но привидения водятся. Прилетели «зайцами», надо полагать.

Панарин подумал, что, согласно литературным штампам, он должен сейчас смотреть сквозь нее отсутствующим взглядом и говорить грустные слова о провале очередной серьезной мужской затеи и обу-

ревающей его печали. Но это было бы форменным идиотством. Грустными словами не поправишь дела, а грустные мысли можно преспокойно оставить в себе...

— Садитесь, — сказал Панарин. — Что новенького на Земле, вы ведь только что оттуда?

— Ну да, вы же наверняка знаете всех местных...

— Деревенька наша небольшая, — кивнул Панарин. — Вообще-то, согласно политесу, я должен уверять вас, что вас просто невозможно не заметить, независимо от того, сколько нас здесь живет и насколько хорошо мы знаем друг друга. Так вот, — вас просто невозможно не заметить.

— Ну, спасибо, — она откровенно разглядывала Панарина. — Что у вас случилось?

— Почему вы так думаете? Может быть, я просто стараюсь произвести на вас впечатление романтической мрачностью?

— Плохо верится. Когда вы зашли, вон тот парень сказал соседу, что Тимка Панарин опять как туча, значит, снова они мордой в стену... Ничего, что я цитирую дословно?

— Знают наши Эвклиды толк в изящной словесности, — проворчал Панарин. — Лучше бы теорему Ферма решили наконец, который век бьются... Ничего особенно плохого у меня не случилось — просто-напросто погиб корабль. Это у нас случается...

— Тим — это от Тимофея?

— Тим — это просто Тим.

— Меня зовут Ирена. Вам только что присвоили командора? Знак есть, но на куртке нет соответствующего шеврона.

— Ого! — Панарин посмотрел на нее с любопытством. — Вы, часом, не из нашей системы?

— Увы, нет. Все прозаичнее. Мой младший брат — курсант Львовского училища. Поневоле стала знатоком регалий и эполет.

«Младший брат, — подумал Панарин. — Еще один из тех, кто считает Галактику своим домом — настрой у нынешних курсантов прежний, тот, что был и у нас...»

— Значит, вы только что произведены. Жалко.

— Я могла и подумать, что вы — инопланетянин.

— Неужели похож?

— А вы разве не слышали? — удивленно подняла брови Ирена.

Странно, но она, кажется, не шутила.

— О чем я не слышал?

— На Земле распространяются слухи, что каким-то образом удалось обнаружить маскирующихся под землян инопланетных наблюдателей. Теперь понимаете, почему вас можно принять за инопланетянина? Знаки отличия и форму вы скопировали абсолютно правильно, а о шевроне забыли.

— Мы чуточку пренебрегаем мелочами, как все андромедыне, — сказал Панарин.

— Между прочим, я абсолютно серьезно. Ходят такие слухи.

— Ох, вторую сотню лет они ходят, — сказал Панарин. — Встретить бы такого наблюдателя — не отпустил бы, пока не дознался, каким образом им удастся преодолевать такие расстояния...

— Но ведь интереснее доискаться самим?

— Который год доискиваемся... — сказал Панарин.

— Значит, вы не андромедянин. Жалко. Но я не разочарована. Вы — мой первый знакомый испытатель Проекта, будет чем хвастать перед братом.

— Господи, чем тут хвастать...

Как всякий человек мужественной профессии, он был суров, немногословен и скромен до предела...

— Вы журналистка? Впрочем, такие штампы в журналистике давно отмерли. Да и журналисты нас прочно забыли.

— Нет, не журналистка. А кто, не скажу. Попробуйте угадать.

— Не так уж трудно, — хмыкнул Панарин. — Звездный Флот и Глобовидение отпадают. Остаются Проект, планетологи и «Галакс».

— Холодно. Можно перебить вас бестактным вопросом? Что вы будете делать, если усилия Проекта так и не увенчаются успехом?

— Такого быть не может.

— Уверены?

— Да, — сказал Панарин, начавший привыкать к ее почти мгновенным переходам от шутки к серьезному и наоборот. — Уверенность эта чисто эмоционального плана, и тем не менее... Существует некий закон преодоления преград — я бы его так назвал. Причем преграды становятся все более сложными. Когда-то человек не мог переплыть узенькую речушку — построил плот. Потом непреодолимым препятствием казался океан — но появились драккары, лодьи и каравеллы. Потом люди завоевывали воздух, Солнечную систему, вышли к другим звездам. Возьмем и этот барьер.

— Ну, а если все-таки?

— Для меня нет «все-таки», — сказал Панарин.

— Рассердились?

— И не думал, просто излагаю свои взгляды.

— Взгляды, взгляды... — она задумчиво чертила что-то пальцем на столе. Кажется, «пифагоровы штаны». Есть что-то забавное в том, что «штанами» называли чертеж, созданный человеком, никогда не пользовавшимся штанами.

— Такие взгляды кажутся вам наивными? — спросил Панарин. — Кое-кто отзывается именно так.

— Нет, отчего же — наивные. Взгляды как взгляды. Вот только... — она подняла на Панарина глаза. — Мне кажется, что, думая о развитии техники, вы смешиваете две противоположные тенденции: бороться с природой и сотрудничать с ней. Создавая самолеты, химические ракеты, вертолеты, человек боролся с ветром, с силой земного притяжения. И только двадцать лет назад появились мобили, которые, если можно так выразиться, «сотрудничают» с гравитационным полем планеты, а не борются с ним, пытаясь пересилить. Понимаете?

— Да, — сказал Панарин.

— Химические ракеты отжили свое и стоят теперь в музеях, но корабли Дальнего прыжка используют тот же принцип «борьбы» с природой — пробить пространство, проскочить, деформировать, одним

словом. Тот же самолетный винт, кромсающий воздух, если вдуматься. Почему бы не поискать более «мирные» методы? По-моему, никто до сих пор этим даже не занимался?

— Что-то такое было на заре ДП-полетов, — сказал Панарин. — Несколько спорных работ, которые забыли даже прежде чем они успели оформиться в тупиковую ветвь. Я не теоретик и не знаю всех подробностей, но можно покопаться в архивах.

— Может быть, эти идеи поторопились списать в архивы?

— Повторяю, я не физик, — сказал Панарин. — И вы, сдается мне, тоже — физики Проекта не видят иного пути, кроме ДП-кораблей. Может быть, вы все же в «Галаксе» работаете?

— Хорошо, не буду вас больше интриговать. Я археолог и прилетела сюда работать.

Панарин с трудом подавил удивление. Работы археологу на Эвридике найдется примерно столько же, сколько энтомологу — на Плутоне, а вулканологу — в Сахаре.

— Более того, я — астроархеолог.

В некоторых отношениях астроархеология, искавшая на других планетах следы иного Разума, была родной сестрой Проекта «Икар». Столь же уныло прозябала. Проект, по крайней мере, имел возможность неограниченно экспериментировать, но его сестричка была лишена такой возможности. Ни на одной из планет Ойкумены не удалось обнаружить ни разумных существ, пусть на низкой стадии развития, ни следов инопланетян. Редкие сенсации время от времени ослепительными метеорами вспыхивали в научных небесах и тут же гасли — ошибки, натяжки, ложные тревоги. Если смотреть правде в глаза, астроархеология уныло прозябала в ожидании чуда...

— Как видите, встретились родственные души и братья по несчастью, — сказала Ирена. — Однако нам, кажется, повезло — в Синегорье палеонтологи обнаружили нечто напоминающее захоронение.

— Очередная ложная тревога.

— Говорят, не похоже.

— Да быть этого не может! — сказал Панарин. — Нет здесь никаких сапиенсов, и не было. Простите, но вы снова гоняетесь за миражом. Хотя... Что ж, копайте. Интересно будет посмотреть.

— Иронизируете?

— Вполне серьезно желаю вам удачи, — сказал Панарин. — Не хочу, чтобы множилось число неудачников — их здесь и так больше чем нужно. Когда вы летите в Синегорье?

— Завтра. Прилетайте к нам. Или вы ужасно заняты?

— Да нет, — сказал Панарин. — Следующий полет у меня через три дня. А обязанности заместителя по летным вопросам не так уж и обременительны. Так что я непременно прилечу. Но только тогда, когда вы действительно откопаете что-то интересное.

— Постараемся. — Ирена встала. — Проводите меня.

Почти рассвело, над крышами задержались последние звезды, прозрачные, уже не казавшиеся по-ночному колючими.

— Мне пора, — сказала Ирена. — Вещи разбирать, осваиваться. До встречи, командор. Хрустального башмачка у меня нет, но если захотите меня найти — найдете.

Она ступила на «бегущую дорожку», прощально махнула рукой и исчезла за поворотом. Панарин задумчиво смотрел вслед. Потом покосился на дорожку, подумал секунду и пошел пешком. Задержался у серого трехэтажного дома — светилось окно на втором этаже, и Панарин увидел на белой занавеске четкий силуэт Кедрина. Адмирал, скрестив на груди большие руки, стоял вполоборота к окну, задумчиво глядя вглубь комнаты. В этой позе он показался Панарину похожим на капитана Немо.

Пилоты Эвридики, даже те, кто был старше Панарина, не говоря уж о самых молодых, чуточку по-мальчишески гордились своим адмиралом — Кедрин был единственным в своем роде. Он был легенда. Один из шестидесяти двух релятивистов. С две ты-

сячи пятидесятого года по две тысячи пятьдесят пятый Земля отправила к одиннадцати ближайшим звездам одиннадцать кораблей. В пятьдесят четвертом к Ауриге ушла «Рогнеда», десятый по счету корабль. Вторым пилотом был тридцатилетний Кедрин. На долю экипажа «Рогнеды» выпал самый трудный полет — улетало восемь человек, вернулось четверо.

Они вернулись в две тысячи восьмидесятом — двадцать шесть лет по земному времени, семь лет по локальному времени корабля. Кедрин оказался одним из немногих релятивистов, кому удалось продолжить службу — теперь уже в Звездном Флоте. Восемь лет летал командиром корабля, потом был флаг-капитаном поисковой эскадры Дальней разведки, последние семь лет руководил здешним полигоном и был директором поселка.

«Впрочем, — подумал Панарин, — пожалуй, самый трудный полет выпал на долю „Кентавра“».

Десять кораблей вернулись, но почему не вернулся «Кентавр», замолчавший в пятьдесят четвертом, никто не знал. Смерть всегда трагична, но, сопряженная с неизвестностью, трагична вдвойне. Кедрин никогда об этом не упоминал, но все знали, что двое из пяти навсегда ушедших на «Кентавре» были его близкими друзьями...

Светилось окно еще одного полуночника, Виктора Крылова. Тезка великого баснописца представлял здесь «Динго» — отдел безопасности Совета Системы. Со всевозможными разведками и контрразведками прошлого эта контора, разумеется, не имела ничего общего. Одно из его подразделений занималось всевозможными складами боеприпасов (даже сейчас их находят порой), затонувшими давным-давно кораблями с оружием на борту, скрытыми в укромных местах контейнерами с ядовитыми газами и отходами. Предки порядком захламили в свое время планету...

Второе подразделение наблюдало за безопасностью ученых, ставивших особо рискованные опыты. Третье присматривало за туристами на Земле и других планетах — туристы имели иногда склонность шататься там, где можно нарваться на зверя.

Четвертое, отдел чрезвычайных происшествий, было создано лет тридцать назад. На всякий случай, на случай, если произойдет что-то действительно из ряда вон выходящее — нагрянут с агрессивными целями инопланетяне, появится Сатана, сбежит из лаборатории киборг, одержимый манией создать на Меркурии государство роботов. Правда, за все время существования отдела не произошло ни одного ЧП, для борьбы с которыми он предназначался...

Назвать его сотрудников бездельниками все же не поворачивался язык. За эти тридцать лет они разработали неисчислимое множество моделей гипотетических конфликтов, критических ситуаций и опасных осложнений, связанных с непредсказуемым развитием новых областей науки или контакта с иным разумом. Злые языки утверждали, что писатели-фантасты вместо того, чтобы самостоятельно искать темы и сюжеты, беззастенчиво пользуются информаторием отдела ЧП. Как бы там ни было (фантасты отчаянно отпирались), отдел располагал богатейшим теоретическим материалом при полном отсутствии практики, и это способствовало иронически-прохладному отношению к нему. Лет десять назад отдел даже хотели закрыть, но не закрыли — опять-таки на всякий случай. Человечество было настолько богато, что могло позволить себе эту маленькую роскошь, тем более что при успехе Проекта «Икар» отделу ЧП найдется какая-нибудь работа. Но пока сотрудников в нем было очень мало, и в последние годы многие о нем попросту забыли...

Панарин вошел в свой коттедж, уселся в большое мягкое кресло. Посидел с закрытыми глазами, вновь вспоминая беззвучно рассыпавшийся корабль, физиков, стоявших унылой кучкой у выхода на летное поле...

Встал. И обнаружил на столе листок бумаги — список пассажиров, которые должны были прилететь завтра на «Кассиопее». Видимо, список принес Кедрин. Одна фамилия была подчеркнута синим карандашом, каким обычно пользовался адмирал.

Каратыгин И. Е. Профессии туристов обычно не указывались, но фамилию каждого, который прилетал в служебную командировку, сопровождало упоминание о роде занятий. Так и здесь — Каратыгин И.Е., член Совета Системы, начальник Управления энергетики Системы. Он же — Дрессировщик Харибды, Скупой рыцарь, Гобсек. Молодежь проекта была остра на язык и порой несдержанна в прозвищах, метко отражавших тем не менее суть дела. А суть была в том, что Каратыгин принадлежал к числу тех, кто ратовал за введение для Проекта энергетического лимита...

«Значит, вот так», — подумал Панарин. Вот, значит, как. Что это — просто очередное выражение недовольства, или Каратыгин собирается осуществить наконец свою прошлогоднюю угрозу — вынести вопрос на референдум Системы? Плохо, если так. Что ж, «Кассиопея» прибудет в девять тридцать, время еще есть...

Он решительно встал и нажал клавишу видеофона.

— Дежурный Главной диспетчерской, — по инерции отчеканил Тоймар. — А, это ты? Доброе утро, Тим.

— Доброе утро, Гуго, — сказал Панарин. — Есть дело. Запроси Землю, где сейчас находится репортер Глобовидения Станислав Снерг. Это срочно. А пока посплю часика три, позвони в девять, заодно и разбудишь. Запомнил фамилию?

— Конечно, — сказал Гуго. — Я его и сам знаю.

— Вот и отлично. Итак, ровно в девять...

СНЕРГ У СЕБЯ ДОМА

Снерг захлопнул мягко цокнувшую дверцу элкара, отошел на несколько шагов, встал спиной к машине, и больше не было начала двадцать второго столетия, радужных роев мобилей над домами, скоростных трасс и космолетов, многолюдства и строчных экранов Глобовидения. Всего четыре километра от автострады, шесть-семь минут по узкой старой дороге, заросшей сочной высокой травой колее, — и он, приехав в тайгу, вернулся самое малое на десять тысяч лет назад. И в те далекие времена все здесь было точно таким, как сейчас — звезды, тайга и тишина.

Он с наслаждением вдохнул полной грудью эту прохладную свежую тишину. Крупные, как вишни, белые звезды усыпали небо, их свет был чист и прост, как Время, которого не существовало сейчас. Млечный Путь тек по небу алмазным ручейком, и Снерг по неведомой ассоциации вспомнил плывшие по Днепру в ночь накануне Ивана Купала венки со свечками — вереницы зыбких огоньков на темной воде, крохотное пламя, такое слабое над тугой волной, робкое и трепетное, как надежды на то, что самое лучшее и самое главное в жизни — впереди... Он снимал там полтора года назад.

Откуда-то издали долетел самоуверенный, хозяйский вопль рыси и растаял, запутавшись в темной стене сосен. Зверь не чувствовал хода времени, перемены для него заключались только в том, что люди приносили с собой иные, новые шумы. Существо, которое воспринимает мир исключительно через звуки, — привычно представил Снерг сюжет. Нет, оно не слепое от рождения — у них там не слепнут,

у них вообще не бывает глаз. Подходит? Вполне. Пусть останется в запасе до того времени, когда я устану делать фильмы и стану писать фантастические романы. Вот только устану ли я когда-нибудь снимать?

Снерг сел в элкар и повел машину вверх по отлогому склону. Миновал гребень, перевалил на ту сторону и медленно стал спускаться в обширную долину. С трех сторон ее замыкала тайга, косо пересекала узенькая, отблескивающая светлым серебром речка, и там, у излучины, Снерг увидел огни, прибавил скорость. Фары он не включал — не хотел мешать репетирующим, да и лунного света вполне хватало, он отчетливо видел полдюжины выстроившихся полукругом мобилей, и рядом с ними — словно бы кусочек солнечного дня, перенесенного сюда с другой стороны планеты, где в этот час был день. Полусфера света, и в ней зеленели иные, не сибирские, деревья, зеленела трава, гуляли люди. До Снерга донеслись звуки старинной музыки.

Он подъехал к крайнему мобиле, остановил элкар, тихонько притворил дверцу, тихонько прошел к месту, откуда мог все видеть и никому не мешать.

Спиной к нему на раскладном стульчике, ссутулившись, подперев кулаком подбородок, сидел человек в черных брюках и черном свитере. Левее, у аккуратной шеренги мигающих синими, зелеными и алыми лампочками приборов сосредоточенно склонились еще пятеро, и тут же, как равноправный, не требующий опеки член коллектива, беззвучно работал, светился дюжиной окошечек, не уступающих в замысловатости калейдоскопу соцветием красок, компьютер сцены «Байкал», правда, так его никто не называл — люди театра по бог знает кем заведенной традиции именовали компьютер Мельпоменом. Справа от человека в черном выстроилась подчиненная Мельпомену аппаратура, давно сменившая архаические прожекторы и ставшая в современном театре привычнее, чем занавес. В свое время Снерг начинал с фильмов о театре и с тех пор неплохо разбирался в постановочном хозяйстве.

Он высмотрел и себе стул-разножку, тихо устроился поодаль и стал смотреть.

Зеленого луга уже не было. Перед ними была комната без одной, обращенной к зрителю, стены, старинная комната с высокими сводами, жилище ученого — большой глобус с непривычными для глаза, словно неумело нарисованными ребенком очертаниями материков (Америка узнавалась с трудом, а Австралии с Антарктидой не было вовсе), на полках, густыми рядами облепивших стены до высоты поднятой руки, — огромные книги в траченных мышами кожаных переплетах, увесистые неуклюжие реторты и какие-то банки. Бледная широкая полоса лунного света косо легла поперек комнаты, наполовину всосанная витражным стрельчатым окном. Освещала комнату не она, а багровое мерцание — оно вытекало из щелей, тянулось к стенам полосами багрового тумана, скрепленного блестками-искорками, бережно овеивало фигуру в мантии бродячего схоласта и черном квадратном берете, наконечниками стрел нацеливалось на старика в тяжелой роскошной одежде. Это было красиво и немного жутковато — самую чуточку.

Старик шевельнулся в кресле с высокой спинкой:

— По специальности прозвание вам дается:
дух злобы, демон лжи, коварства — как придется.

Так кто же ты?

— Часть вечной силы я, — схоласт отвесил поклон, торжественный до иронии:

Всегда желавшей зла, творивший лишь благое.

— Кудряво сказано; а проще — что такое?

— Я отрицаю все, и в этом суть моя.

Сказал Мефистофель с улыбкой, удивительным образом отстраненной от земных эмоций и чувств. Щупальца багрового тумана колыхнулись, словно подтверждая его слова, придвинулись к Фаусту, сплелись сетью за спинкой кресла, готовые опутать, задушить, если будет на то воля хозяина. А хозяин

бросал и бросал все отрицающие фразы, быть может, стараясь убедить в своей правоте прежде всего самого себя, доказать себе, что не ошибается и служит истине.

Снерг быстро узнал Фауста, хотя его лицо изменили парик и биогрим, — Кирилл Новицкий. Мефистофеля он узнал сразу — прекрасное женское лицо, черные волосы до плеч, мягкая пластика, темные, как-то странно блестящие глаза.

«Снова Влад кого-то эпатирует, поручив роль дьявола Алене», — подумал Снерг, — покосившись на неподвижного режиссера — казалось, Шеронин и не дышит.

Влад Шеронин был, бесспорно, выдающимся и весьма известным режиссером, но эта нехитрая аксиома оставалась лишь первой ступенькой лестницы — мало кто мог связно объяснить, куда она вела и откуда. Он постоянно экспериментировал, находил оригинальные интерпретации миллион раз интерпретированной классики, применял в спектаклях самые неожиданные технические достижения эпохи, искал новые формы режиссуры или вовсе выводил из игры самого себя, режиссера, писал пьесы, выступал по Глобовидению как исполнитель песен на свои и чужие стихи, и, как это обычно бывает, эксперименты вызывали самые полярные отзывы — одни хвалили взахлеб, другие неистовствовали в отрицании.

Последний скандал случился в прошлом году, когда Шеронин ставил «Гамлета». Он пригласил Неве-рару, одного из лучших психологов планеты, Неве-рару загипнотизировал актеров и на три часа заставил их забыть двадцать второй век — они стали древними датчанами, персонажами трагедии.

Эффект поразил, кажется, и самого Шеронина. Нет, актеры не так уж далеко отошли от текста, хотя доля импровизации была значительной — но это было что-то страшное и чарующее, пугающее то ли непривычностью, то ли неподдельностью. В Эльсинор ворвалось само прошлое, на Землю вернулись умершие тысячу лет назад люди. «Датчане», даже скрупулезно следуя тексту, играли, по сути, совер-

шенно иную пьесу. Слова и поступки оставались прежними, а побуждения, толкавшие к этим словам и этим поступкам, философия, внутренний мир и подспудные мысли героев вылились в тысяча первую интерпретацию, непохожую на все предыдущие — потому что пьесу не играли актеры, никто не играл, на сцене жили древние датчане. Битва критиков, театралов и шекспироведов загремела, в общем, по привычным канонам, не менявшимся за столетия, но неожиданно этот эксперимент заинтересовал психологов, историков психологии и философов — те утащили казус в свои вотчины и там использовали на благо своих наук в дискуссиях и разработках, уже не касавшихся театра и драматургии и плохо понятных дилетантам. Снерг сделал отличный фильм, именно тогда в его жизнь вошла Алена, а Шеронин чуточку недоумевающе раскланялся перед благодарившими его учеными и стал работать над очередным синтез-экспериментом.

Снерг поднял голову — все кончилось, Шеронин встал и махнул рукой:

— Конец. Всем — спасибо.

Тоненько просвиристел Мельпомен, и комната исчезла, унеслась в прошлое, растаяло багровое мерцание, в лунной тишине осталась таежная долина и два человека в старинных одеждах вернулись в двадцать второй век из притчи о хитром черте, замыслившем перехитрить самого себя. Операторы, тихо перебрасываясь профессиональными терминами, выдергивали из земли треноги приборов. Снерг негромко похлопал в ладоши — из уважения и чтобы дать знать о себе.

— Ну, здорово, — ладонь Шеронина была твердой и сильной. — Явился, Снерг? Люблю называть тебя, черта, по фамилии — Снер-рг. Снег, который вдруг зарывал.

— Ассоциации у тебя... — сказал Снерг. С небольшими вариациями эта формула приветствия повторялась ими каждый раз после более-менее долгой разлуки. — А у тебя опять, как я смотрю, что-то новое?

— На том стоим, — сказал Шеронин. — Это тебя вряд ли заинтересует. А вот есть у меня в запасе одна штука — мимо нее тебе никак нельзя пройти. Как фильм?

— Завтра пойдет по третьей, — сказал Снерг. — А на Внеземелье уже сегодня.

— Вельми и зело, — припечатал Шеронин одной из своих обычных присказок. — Отмечать в кругу восторженных друзей ты, понятно, будешь завтра?

— Ага.

— Ну что ж, до завтра.

К Снергу подошла Алена, стиснула его плечи тонкими пальцами, прижалась. Берет схолоста жестко цапнул щеку, Снерг толкнул его подбородком и сбросил, поцеловал знакомые губы и ему, как обычно, показалось на секунду, что кончились все странствия и сошлись в одной точке все дороги. И тут же это прошло. — смысл жизни состоял в погоне за ним, жизнь состояла из дороги.

— Я вернулся, — сказал он и приподнял ее голову. — Что у тебя с глазами, снова штучки этого доктора Моро?

Глаза у нее как-то странно светились, казались глубокими-глубокими и странными, словно бы и не человеческими — настоящие глаза черта.

— Контактные линзы, — сказала Алена, улыбаясь ему. — Говорят, мне даже идет.

— Ничего подобного, поехали?

— Сейчас, переоденусь только.

Она скрылась в грузовом мобиле-костюмерной. Операторы с деланным кряхтеньем погрузили Мельпомена, бесшумно взвились, хлестнув Снерга тугим ветерком, их мобили, следом взлетел Шеронин, ухарски просвистав на прощанье Соловьем-разбойником, взмыла костюмерная. Все эти ребята знали Снерга, и в другое время обязательно задержались бы поболтать о древних городах инков, о Мехико, но сейчас никто не стал ему мешать — деликатные люди. Все они понимали насчет разлук и встреч.

Алена подошла к Снергу, уже в знакомой белой куртке, в которой она по какой-то своей тайной

примете ездила на репетиции, и они были одни, а до звезд, казалось, было вдвое ближе, чем считают те, кто сейчас в городах смотрят на ночное небо.

— Суеверная актриса, чуткая, как нерв,
ты, пожалуйста, на радуге удержишься.
В пересчете на премьеры — сто премьер.
В пересчете на года — просто жизнь.

— А стихи ты читать так и не научился, — не замедлила безжалостно констатировать Алена. — Голос у тебя глупым делается.

— Я знаю, — сказал Снерг.

— Но я тебя все равно люблю. Несмотря на то, что ты звезда Глобовидения. — Алена дурачилась, прогоняя свинцовой тяжести напряжение ramпы, она отбежала на несколько шагов и круто обернулась к нему, черные волосы метнулись над плечами взмахом птичьего крыла, Алена раскинула руки. — Ни с места, Стах!

А сказочные принцы,
наверно, не бывают,
Из принципа, наверно, -
тех принцев сочиняют.
А может быть — бывают,
а впрочем, кто их знает,
что с принцами бывает! —

декламировала она звонко и весело, наперекор лунной тишине, потом подбежала к Снергу, крепко обхватила с разбега обеими руками, как ребенок, заглянула снизу вверх в лицо:

— И еще люблю за то, что ты не сказочный принц. Невозможные, должно быть, были типы — запрограммированные на успех, на корону, на любовь принцессы... На абсолютную положительность жизни. Как их только могли любить эти дуры из заколдованных замков? Молчи! Дуры, раз я говорю. Поехали, только поведу я. Мы будем любить друг друга сегодня, и всегда, и любовь никогда не станет привычкой, а мы никогда не станем похожими на

глупых марионеток из старинного театра, Арлекина и Коломбину... Вот. Ну, поехали.

Элкар выехал на автостраду, пихтовая ветка прощально стегнула по крыше. Алена лукаво покосилась на Снерга, опустила стекла и вывела скорость на максимум. Ветер трепал им волосы, разноцветные огни Саянска неслись навстречу.

— Гамлета играли женщины, и не однажды, — сказал Снерг. — Но почему еще и Мефистофеля?

— Когда это мы сами понимали в точности, зачем? Можем только ощущать, что делать нужно так, а не иначе. Ты ведь тоже не объяснишь, почему взял для последнего фильма древние города инков? Нет, ты объяснишь, но все равно что-то останется не перелитым в слова. — Она подумала и продолжала серьезнее. — Может быть, имеет смысл интерпретировать схватку Мефистофеля с Фаустом как извечную борьбу мужского и женского начал. Потому что, я считаю, логика дьявола по своей непознаваемости и странности близка как раз к женской.

— А вдруг и не было никогда этой пресловутой борьбы мужского и женского начал?

— Ну вот... Сие нам знакомо, — улыбнулась Алена. — Не было той борьбы, видите ли... Бойтесь просто. Признай вы, что была такая борьба, — придется вам автоматически признать, что побеждаем всегда мы. Но! Но... Я думаю, что Мефистофелева история как раз и иллюстрирует печальную истину — то, что нам кажется победой над мужчиной, было нашим поражением. Столь же иллюзорны порой триумфы... И женщина как нельзя лучше поймет и сыграет Мефистофеля, много у нас с ним общего. Столь же иллюзорны порой триумфы... Вот тебе и «Фауст» в трактовке Алены Романовской... и никакого издевательства над классикой — книги гениев тем и хороши, что напоминают кристалл с миллионом граней...

— Значит, побеждаем все же мы?

— Наше поражение вовсе не означает вашей победы, — отрезала прекрасная, разгоряченная скоростью Алена. — Я уже не о Мефистофеле говорю, не

о спектакле. — Элкар резко затормозил, задним ходом въехал под выгнутый стеклянный козырек. — Приехали. Третий час ночи, мамочка... Ничего, завтра будем спать до полудня... Что с тобой?

— А что?

— У тебя лицо на миг стало то ли чужое, то ли испуганное, — сказала Алена.

— Глупости, — сказал Снерг как можно беззаботнее. — По ассоциации вспомнил, что в полдень фильм и пойдет для Южной Америки.

— Ну вот, вечно ты... Кто это который раз клялся забыть о делах, переступая мой порог?

— Я больше не буду, — сказал Снерг.

— То-то, — поцеловала его в щеку Алена.

«Ничего не заподозрила, хорошая моя, — с тоскливой безнадежностью подумал Снерг, — и сказать ей ничего нельзя — встревожится только, а от этого легче не станет, да и не по-мужски это, сначала нужно самому во всем разобраться, выдернуть занозу проклятую...»

— Ой, Стах! Ты их — оттуда?

Алена замерла на пороге, комнату заливал густой аромат тропического леса, свежий и пряный, яркие охапки пронизанных лианами цветов были везде — на полу, на синей пушистой тахте. Снерг не старался разложить их очень уж аккуратно, они были красивы сами по себе, такие нездешние. Пилоты на красноярском космодроме были свои парни, давно знакомые и все понимающие, и все равно пришлось потрудиться, пока он довез эту грудку радужных запахов до Саянска — в трех грузовых мобилях, сюда, на третий этаж, таскал сам — почему-то не хотелось брать киберов, вмешивать их в это дело.

— И все — сам?

— Ну, в Мехико мне немножко помогли, — сказал Снерг нарочито безразлично — он всегда в глубине души побаивался полностью подчиняться нежности, хотя и ругал себя за это не единожды.

Алена сплела пальцы у него на затылке, Снерг обнял ее, притянул, и не стало ничего, кроме них и запаха нездешних цветов.

Снерг лежал на спине и слушал ровное дыхание спящей Алены. Глаза закрыть не решался — боялся, что уснет. Раза два он уже зажмурился, но тело тут же пронизывала мгновенная судорога, ощущение падения, и он просыпался, не успев заснуть. Он понимал — долго так продолжаться не может, нужно на что-то решаться...

Когда колыхание на границе полудремы и бодрствования стало непереносимым, он встал, накинул халат и прошел на балкон, осторожно обходя начавшие уже вянуть цветы. Наступал тот неуловимый переход от ночи к рассвету, утренний час, когда исчезли последние звезды, и перламутрово-серое небо должно вот-вот поголубеть. Мир был чист и свеж, новое утро означало новые надежды, но Снерг чувствовал себя опустошенным.

Так было всегда, каждый раз повторялось. Сначала блекло брезжила идея, как свет самой далекой звезды, потом она обретала четкие контуры, и началась работа, адова пахота, на всем протяжении которой Снерг прямо-таки панически боялся умереть вдруг, не закончив. А потом — монтаж, озвучивание, перевод на кристалломатрицы, и наконец наступал самый последний день — перед ним на столе лежали несколько голубых полупрозрачных двенадцатигранников. Конец. И Снерг без сожаления выбрасывал из сердца готовый фильм, забывал, как дикие звери забывают о выросших детенышах, был опустошен, ощущал себя ненужным никому, самому себе в том числе. До следующего легкого укола в сердце, означавшего — вот оно. Новая тема. Так было со многими, он специально расспрашивал, когда был моложе и неопытнее, считал себя отклонением от нормы и не понимал, что законы творчества едины для всех.

В комнате мягко прошлепали босые ноги, Снерг почувствовал взгляд Алены и напрягся.

— Ты почему не спишь, суеверная актриса? — спросил он не оборачиваясь.

— Потому что чуткая, как нерв, — ответила Алена слегка хриловатым, непроснувшимся голосом. —

И хочу, чтобы ты хоть немного выспался после своих заброшенных городов.

— Я спал.

— Врешь, — сказала Алена убежденно. — Вот и врешь.

— Почему ты так решила?

— Я тебя всегда чувствую, сам знаешь. Пошли. — Алена бесцеремонно сгребла его за воротник халата и потащила в комнату. Снерг покорно пошел. Ему пришло в голову, что сегодня, быть может, все и обойдется — должны же когда-нибудь кончиться эти кошмары?

Алена уложила его в постель, преувеличенно заботливо, как младенцу, подоткнула одеяло, критически осмотрела и осталась довольна. Отошла к столику, выдвинула верхний ящик.

— Ну вот, — сказала она. — Теперь король Глобовидения будет дрыхнуть без задних ног, а Глобовидение и остальное человечество подождут...

Снерг увидел направленный на него изящный параболоид «Морфея», успел еще приподняться, хотел что-то сказать, но воздух сгустился, бархатной маской лег на лицо, что-то мягкое нежно и властно закрыло ему глаза, Снерг успел еще почувствовать, как затылок вжимается в подушку, и больше ничего не видел и не чувствовал. Алена села на постель, подперла щеку кулачком и долго смотрела на него с тревогой, которую тщательно скрывала весь вечер.

... — Рос! Рос! Рос! — кричали справа и слева от Снерга.

Они надвигались стеной, выставив шетину копий с тусклыми широкими наконечниками, мрачные всадники в броне, на забранных железом конях, и Снерг, — тот, кем был сейчас Снерг, — подумал, что не так уж хороши дела у этих собак, раз они бросили в бой «бессмертных», но легче от этого не будет, силы слишком уж неравны, но что делать, остается драться и драться... Он поволок из ножен

взвизгнувший широкий меч и, горяча себя перед схваткой, заорал:

— Рос! Рос!

И побежал вперед, звук его шагов растворился в слитном гуле сотен ног, гремели, сталкиваясь, алые щиты, в гущу мрачных всадников летели через головы бегущих стрелы, и кто-то уже сполз с седла, несколько копий дернулись и выпали из частокола тусклой смерти. Катафрактарии умеряли аллюр, осаженные на полном скаку кони недоумевающе храпели, молотили передними ногами по воздуху, и уже первые мечи ударили по копьям, отсекая наконечники, по панцирям, по лошадям.

Р-раз! И лезвие меча опускается на оскаленную, пенную конскую морду, на огромный, налитый ужасом лиловый глаз: В нос остро шибает кислый запах крови.

Эх! «Бессмертный» промахивается, и древко копья лишь обжигает кожу на шее, а секундой позже Снерг срывает с коня потерявшего равновесие врага и бьет рукоятью меча в лицо — не размахнуться уже для рубящего удара в толчее, все перемешалось.

Снерг не чувствовал ударявших по броне вражеских мечей, он колол, рубил, когда удавалось, бил щитом, прорывался вперед — потому что оставалось только драться. И конников опрокинули, они поворачивали коней, уносились галопом, следом мчались лошади с пустыми седлами, враг бежал, и вслед ему неся крик:

— Рос! Рос! Рос!

Только почему не трогаются с места обращенные задом к бегущим высокие крытые повозки?

Холстины вдруг раздернулись, и навстречу бегущим ратникам ударили золотисто-черные толстые струи бурлящего огня. Снерга обдало нестерпимым жаром, меч выскользнул из руки. Он ослеп, катался по земле и горел, боль рвала тело, не стало мира и неба, ничего, кроме боли...

Неуловимо, зыбко, нереально просто заволокшая глаза боль перелилась в соленый густой запах океа-

на. Снерг стоял у деревянного борта корабля, у его лица подрагивал, словно дышало большое сильное животное, туго выгнутый ветром жесткий парус. И море, море — до горизонта.

На его плечах тяжело лежал тусклый панцирь, круглое выпуклое изображение оскаленной звериной морды прикрывало грудь, у бедра угадывалась литая рукоять меча.

Справа раздался длинный крик, и Снерг обернулся. Человек в таком же панцире и шлеме с черным щетинистым гребнем, — Снерг откуда-то знал, что это его помощник, — показывал рукой на море. Застучали по палубе ноги бегущих, резанул уши вопль медного рога.

По правому борту маячил корабль с зарифленными парусами, по-акулы длинный и узкий, было в нем что-то неуловимо-хищное, угроза. Снерг знал — это враг.

Он обернулся к мачте. Отдавал резкие команды, которых не понимал репортер Глобовидения, но, видимо, в них были толк и смысл — забегали матросы, заскрипели канаты, из трюма волокли что-то тяжелое и длинное, укутанное грубой тканью, корабль разворачивался носом к противнику, шел на сближение, но врага, казалось, это нисколько не заботило, он покачивался на волнах выброшенной доской, и над самым его бортом, на корме вспыхнул ослепительно белый огонь, дымящийся луч толщиной с оглоблю наискось чиркнул по парусу, упал на палубу, и корабль вспыхнул, как пучок соломы, весь мир состоял из обжигающего белого пламени...

...Он кричал во сне и проснулся от этого крика, не похожего на человеческий. Помотал головой, проморгался, окончательно отгоняя сон, резавший глаза, словно песок, увидел знакомый потолок, залитую солнцем комнату и попытался сообразить — во сне или наяву он кричал? Наверное, все-таки во сне, иначе из кухни непременно прибежала бы Алена, а она, Снерг слышал, безмятежно возилась с завтра-

ком. Ну и прекрасно, удалось обойтись без ответов и на этот раз, хотя она явно что-то почувствовала, нельзя долго обманывать женщину, которая тебя любит и знает насквозь — особенно если абсолютно нет навыков по части обмана, лжи...

Цветов уже не было, ни одного — роботы-уборщики постарались.

«Она правильно сделала, — подумал Снерг, — при дневном свете увядшие цветы выглядели бы смешно и жалко, всему свое время, всему своя мера...»

Он долго стоял под душем, пуская то ледяную, то горячую воду, растирался до жжения кожи жестким полотенцем, и вошел в кухню, чувствуя себя исключительно бодрым, свежим и готовым сворачивать горы — самое время забрезжить идее...

На углу стола стояли несколько тарелочек и чашка кофе, приготовленный на одного завтрак, что было довольно странно — Алена любила завтракать вместе с ним, кормить его, а сейчас сидела поодаль, в белых брюках и белой вышитой блузке (за пристрастие к белому Снерг называл ее порой то Снегурочкой, то Снежной королевой), с видом строгим и серьезным. Кажется, будет сцена, сообразил Снерг. Крайне редко, но случалось и такое. Неужели?

Снерг смотрел на нее. Молчание переходило в неловкость, неловкость — в напряженность, а он по-прежнему ничего не понимал. Или просто боялся кое о чем догадываться.

— Доброе утро, малыш, — сказал он как ни в чем не бывало. — Позавтракала уже?

— А притворяешься ты бездарно, — сказала Алена.

— Ну, я же не актер, — пожал он плечами.

Обычно Алена всерьез сердилась, когда он поминал все ее профессию, но сейчас прием не действовал, то ли в силу избитости, то ли по другим причинам. Снерга более устроило бы первое.

Алена невозмутимо молчала.

— Что случилось?

— Ничего особенного, — сказала она отстраненно. — Сиди себе и завтракай.

Резко поднялась и вышла, едва не опрокинув широким рукавом его чашку, это было уже совсем серьезно. Снерг торопливо последовал за ней, Алена его словно бы и не видела — села на тахту, сложила руки на груди и стала демонстративно смотреть в окно. Снерг потоптался и сказал:

— Аленка...

Никакой реакции.

— Хочешь, на колени встану?

— Хоть на голову, — отрезала Алена. — Как там тебе удобнее, будь как дома.

— Ну, так, — сказал Снерг. — Сейчас сграбастаю и буду держать вниз головой, пока не оттаешь. Трудно сохранять ледяную невозмутимость, когда тебя держат вниз головой, не так ли? А визжать и вырываться ты считаешь ниже своего достоинства, я тебя знаю.

— Ох, как же мы друг друга знаем...

— Итак?

— Садись-ка, — Алена смотрела на него сухими глазами, но Снергу все равно казалось, что она плачет. — И пожалуйста, изволь отнестись серьезно ко всему, что я скажу. Ты меня снова обидел. И снова не заметил, а ведь копится... Почему ты боишься спать, уснуть? Молчи. Если начал подыскивать слова, значит, собираешься врать. Ну нельзя же так, Стах. Я все понимаю — не жена, не имею права лезть в тайники души... предположим, и жена порой на то не имеет права, но суть в другом. Я верю, что ты меня любишь, ты веришь, что я тебя люблю, но разве этого достаточно? Я имею право знать, что с тобой. Иначе что у нас останется — одна постель?

— Понимаешь, я...

— Понимаю превосходно. Еще один атавистический комплекс — не доверять женщине свои сложности, это так не по-мужски, чуть ли не унижительно... Да ведь нам как раз нужно доверие, чурбан, доверяя, силу вы проявляете, а не слабость! Что с тобой происходит?

— Я не понимаю, — сказал Снерг. — Сны снятся дикие, ну прямо хоть с ума сходи...

— Кошмары?

— Не совсем то. Кошмары — это чудовища, фантазмагории... А здесь как раз реальность, но от этой реальности спятишь скорее, чем от кошмаров. Битвы, почти сплошные битвы, разные века, разные страны, одни я приблизительно могу опознать, другие — нет. И во всех я активно участвую. Иногда меня убивают, иногда нет, иногда обрывается на середине — просыпаюсь. А иногда бывает, что, уснув вновь, смотрю с того места, на котором прервалось... То дерусь за что-то хорошее, то вовсе даже наоборот — и буянить в захваченных городах не раз случалось. Но до чего все реально, знала бы ты, — боль, ощущения, скрупулезная точность действия... Словно во сне живу чужими жизнями. Передумал всякое — какая-нибудь генетическая болезнь, а то и просыпается наследственная память — есть у медиков теория, будто это все же возможно... Знала бы ты, до чего это иногда страшно...

— Но почему же ты к врачу не пошел?

— Сам не знаю, — сказал Снерг. — Три раза собирался, но каждый раз что-то останавливало, словно срабатывал некий предохранитель...

— И давно это началось?

— Около месяца назад. Пойми, я ведь уже начал снимать, фильм был на середине, и вдруг улетать к врачам? Я же не умею останавливаться на середине, пусть даже горит земля под ногами. Ты же сама творческий человек, ты поймешь.

— Значит, вот как... — сказала Лена. — Бедный ты мой... А теперь я ничего не понимаю. Прости, я тоже кое-что утаила. Помнишь Вельяминова, психолога из Звездного Флота? Мы с ним встречались в сто втором на Сордогнохе.

— Постой-постой, — раздумчиво сказал Снерг. — Такая шкиперская рыжая борода, перстень с радужником — он любит притворяться чуточку чудаком...

Он помнил врача, в жизни каждого современного человека масса таких знакомых — неплохие парни, но потом дороги разошлись, люди так и остались случайными знакомыми — просто не в человеческих

силах поддерживать тесную дружбу со всеми хорошими людьми, встретившимися на твоём пути, времени не хватит.

— Вот-вот, он самый, — сказала Алена. — Он мне звонил за день до твоего приезда. И весьма дотошно выспрашивал о твоём здоровье — хорошо ли спишь, не жалуешься ли на кошмары, как тебе работается. А потом не так уж хитро сделал вид, что ничего серьёзного за его расспросами не кроется — пишет он, дескать, какую-то работу о творческих людях. Понял теперь? Я и без него заметила бы, что с тобой что-то неладное... Но ты понимаешь, что означает его звонок?

— Что я — не единственный, — сказал Снерг. — Это многое меняет, и вообще... Аленушка, а если это — идея? Если это и есть новый фильм? Вдобавок все осмыслено человеком, с которым происходит то же самое... великолепно!

— Неисправим... — Алена вздохнула, подняв глаза к потолку.

— Но ты ведь не любила бы меня другим?

— Уже веселишься?

— Веселюсь, — сказал Снерг. — Значит, есть другие, с которыми происходит то же самое. Когда чудеса происходят с тобой одним, можно сгоряча и поверить в Сатану. Но когда чудеса запущены в серию — это уже Природа, так что никакой меланхолии. Если появилась какая-то экзотическая болезнь — вылечат, в двадцать втором веке живём. — Он распростерся на тахте и изобразил на лице высшую степень блаженства — ему в самом деле стало вдруг легко и хорошо. — И позвоню-ка я сейчас рыжему шкиперу...

— Поздравляю, — сказала Алена. — Ты становишься серьёзным. Если так пойдёт и дальше, с тобой можно будет говорить и о других серьёзных вещах...

— О каких?

— Потом... Иди поешь. И я тоже. Я ведь из-за твоих батальных кошмаров и не завтракала, дурачок, Стах Снерг этакий...

— Вельяминов оставил номер?

— Оставил адрес. Он сказал, что будет в лаборатории у Черного моря до конца месяца. Лабораторию только что построили, и видеофона там пока нет. Но ты можешь прилететь в любое время.

— Любопытно, — сказал Снерг. — Выходит, он словно бы знает, что я к нему непременно явлюсь, и ждет.

— Да. Да... — в ее глазах мелькнул испуг. — Стах, я чего-то недопонимаю...

— Не волнуйся, — сказал Снерг. — Это наверняка к лучшему — то, что он словно бы заранее знает что-то. Вот что, обойдусь-ка я без завтрака. В Красноярске что-нибудь перехвачу. Чтобы побыстрее кончить с этим делом. — Он шагнул к двери и остановился. — Возьму-ка я аппаратуру на всякий случай...

У элcara он обернулся, прощально посмотрел вверх. Алена стояла на балконе, медленно махала рукой, все было, как обычно, он снова улетап, она снова провожала, но что-то вторглось в жизнь, предупреждало о себе, пусть и едва слышно пока, словно крик в горах, такой далекий, что его воспринимаешь, скорее, сознанием, чем слухом, но не сомневаешься, что не почудился он, что был...

Снерг помахал Алене и звонко захлопнул дверцу.

Глава 4

ЧТО ТЕБЕ СНИТСЯ?

Это был белый домик на берегу тихой бухточки, у синего моря, у впечатляющих скал — место, где, скорее, следовало бы отдыхать, а не работать. Снерг посадил мобиль рядом с двумя другими. Поставил, глядя на море, и решительно направился к двери.

Дверь открыли сразу же, словно хозяин от нее и не отходил, будучи предупрежден о визите, сгорал от нетерпения.

— Здорово, — сказал Снерг.

— Привет, — сказал Вельяминов. — Проходи. Как долетел?

— Нормально, — пожал плечами Снерг. — Как еще можно долететь в наше-то время?

— Парадокс какой-то, — сказал Вельяминов. — ДП-корабль затрачивает на прыжок в несколько парсеков несколько минут, а ты из-под Красноярска до Черного моря добирался час с лишним.

— Парадокс, — поддакнул Снерг из вежливости, дипломатические преамбулы казались ему сейчас излишней тратой времени, и, чтобы побыстрее перейти к делу, он сказал. — Со мной тоже происходят сплошные парадоксы.

— Скорее, странности, — сказал Вельяминов. — Знакомьтесь, Станислав Снерг.

— Свирский, Кирилл, — сказал молодой блондин с участливыми глазами опытного врача.

— Здравствуйте, Станислав, рад вас видеть, — сказал сухонький живой старик, похожий немного на Суворова. — И с вами это случилось?

— Здравствуйте, Егор Петрович, — сказал Снерг. — И со мной, как видите...

«Значит, все-таки память предков, — подумал он, — иначе зачем здесь присутствует академик Голубцов, один из ведущих историков планеты?»

— Кирилл — мой коллега, — сказал Вельяминов. — Егор Петрович любезно согласился быть нашим консультантом.

— Хотел бы я видеть историка, который отказался бы быть вашим консультантом, — заявил Голубцов. — Такого только и укорить... С чего начнем?

Судя по всему, на происходящее он реагировал весьма эмоционально, в отличие от психологов — те были профессионально сдержанны.

— Итак, — сказал Вельяминов. — Станислав, что с тобой происходит, мы в общих чертах знаем.

— Я не первый?

— Не первый.

— А какой по счету?

— Семнадцатый.

— Уже легче, — сказал Снерг. — Коли уж я семнадцатый, объясните мне, ради бога, одно. Я знаю, что медицина достигла грандиозных вершин, но не думал, что она может отыскать и засечь пациента, которого мучают по ночам кошмары, до того, как он сказал о них кому-либо?

Вельяминов и Свирский переглянулись, улыбнулись сначала друг другу, потом Снергу.

— Хорошо держится, — сказал одобрительно Свирский.

— Я привык работать с тайнами... — сказал Снерг.

— Ну так вот, — сказал Вельяминов. — Мы тебя просто вычислили, а вычислять мы начали после шестого пациента. Когда нашли разъединственный признак, объединяющий всех шестерых. Ты летал в июне на Эвридику, верно?

— Летал, — сказал Снерг. — Нужно было встретиться с одним историком, а он улетел на Эвридику в отпуск.

— Сны начались на третью ночь после возвращения?

— Сейчас... — Снерг задумался. — Ну да, все верно, на третью.

— Все правильно, — сказал Вельяминов. — Всех, кто прилетел на Землю с Эвридики шестого июня сто четвертого года на лайнере «Картахена», на третью ночь стали мучить, как ты выражаешься, кошмары. После седьмого пациента мы запросили список пассажиров «Картахены» и стали методично вызывать одного за другим. Кроме тебя, осталось еще семеро, к врачам они, как и ты, как и предыдущие, не обращались — объясняли это тем, что якобы мешает что-то... Надеялись, видишь ли, что все перемелется. Что скажешь?

Снерг молчал. Беспокойства и страха не было — с ним произошло нечто из ряда вон выходящее, но в таком положении оказались еще двадцать три человека, и медицина уже сыграла боевую тревогу. К тому же поведение психологов внушало определенные надежды — они вели себя так, словно столкнулись с любопытным, но, в общем, не представляющим особой опасности явлением. Вряд ли за этим стояли только профессиональная выдержка и желание ободрить пациента.

«Вот и тема», — почти весело подумал Снерг, но вспомнил, что ждут его ответа.

— Я полагаюсь на нашу медицину, — сказал он. — Ничего другого мне попросту не остается. Гадать, почему так случилось и почему это случилось именно с пассажирами «Картахены», я не берусь — не могу себе представить механизм феномена, почему он включил именно память предков...

— Почему вы решили, что это — память предков? — быстро спросил Свирский.

— Потому что вы пригласили в качестве консультанта одного из лучших историков планеты. И еще — сны как-то... чересчур реалистичны для кошмаров, даже натуралистичны, скажем так.

Пожалуй, Вельяминов не был так уж невозмутим — Снерг отметил, что у психолога несколько изменились и походка, и жесты, появились новые: раньше у него определенно не было привычки время от времени поскребывать бороду — всегда под правым ухом и всегда мизинцем.

— Да, а экипаж «Картахены»? — спросил Снерг. — Вы их тоже посчитали?

— Посчитали, — сказал Вельяминов. — Теперь понимаешь, почему этим занимается медслужба Флота? Новая опасность на межзвездных трассах.

— Но это единичный случай.

— Но он связан с космосом.

— А собственно, почему вы так решили? — спросил Снерг. — Может быть, мы все съели на Эвриди-ке что-нибудь не то. Бывали прецеденты, хотя и редко, космос подкидывал сюрпризы — вернее, на сам космос, а именно другие планеты. Вы это лучше меня знаете.

— Мы запрашивали информаторий Медицинского Центра. Ничего аналогичного.

«А ведь он что-то недоговаривает, — подумал Снерг. — Нет, на первый взгляд он предельно откровенен, но смутное ощущение какой-то недоговоренности остается, наработанное чутье человека, привыкшего работать с информацией, хватка интервьюера подвести не могут... В чем же несообразность, за что зацепиться?»

— Прежде чем мы продолжим, хочу внести деловое предложение, — сказал он.

— Догадываюсь, — сказал Вельяминов. — Угадать нетрудно — тебе нужна тема для следующего фильма?

— Вот именно, — сказал Снерг. — Егор Петрович абсолютно прав в оценке ситуации — не только историка, но и репортера, не сделавшего бы стойку немедленно, остается только утопить.

— Врачебная тайна, — веско и почти равнодушно сказал Вельяминов.

— Запрет автоматически отпадает в отношении любого «пострадавшего», который пожелает сотрудничать со мной, — сказал Снерг. — А для наложения запрета Советом Этики нужны особо веские причины, которых я, в данном случае, признать не вижу.

— Ну, хват...

— Не первый год работаю, — скромно сказал Снерг.

— Оно и видно, ни капельки вы за последние триста лет не изменились... но ведь всегда можно договориться полюбовно, верно?

— Это другое дело.

— Снимай хоть двадцать фильмов, — сказал Вельяминов. — Только подожди хотя бы неделю.

— Пожалуйста, — сказал Снерг.

Нет, не узнавал он Вельяминова — зачем этот, в сущности, нелепый торг? Или на работе он становится совершенно другим?

— Уговорили, — сказал Снерг. — Жду неделю, потом начинаю бешеную работу. А теперь подступайте ко мне с ланцетами.

— Как вам семнадцатый пострадавший, Егор Петрович? — спросил Свирский.

— Очень энергичный молодой человек, — сказал Голубцов. — И хорошо держится.

— Приступаем с ланцетами? — спросил Свирского Вельяминов.

— Приступаем, — кивнул тот. — Начнем, Стах?

— Режьте его! — азартно поддакнул Голубцов.

Чувствовалось, что академику все это доставляет неподдельное удовольствие — и головоломная загадка, и его роль в попытках загадку разгадать. Должно быть, он немного устал от своей работы и сейчас с удовольствием вместо отдыха помогал другим, а явные успехи настроили его на веселый лад.

— А что вы, собственно, собираетесь делать? — спросил Снерг.

— Резать не будем, не бойся, — сказал Вельяминов. — Ты как можно более подробно опишешь все свои сны, а чтобы лучше вспомнил, рассказывать будешь под гипнозом, ничего не имеешь против гипноза?

— Ровным счетом ничего, — сказал Снерг.

— Устраивайся поудобнее, — Вельяминов наклонился над ним, — откинься на спинку, положи руки на подлокотники. Расслабься, не думай ни о чем постороннем, вообще ни о чем не думай. Ты уже не чувствуешь тела, не можешь им управлять, ты начнешь засыпать спокойным сном...

И все исчезло.

Снерг открыл глаза, пошевелил руками, огляделся. Голубцов сидел спиной к нему за пультом Глобального информатория, его сухие пальцы метались по клавишам. Коды информационных ячеек вспыхивали сразу на двух экранах, из прорези сплошным потоком выскакивали карточки. Вельяминов подхватывал их, складывал на столик. Свирский укладывал в стопу кипу больших листов с цветными рисунками. Снерг подошел посмотреть — персонажи его снов, наброски костюмов, корабли, оружие, пушки, здания, какие-то схемы — сражений? Он посмотрел на часы — его «допрос» длился почти четыре часа, уже вечер...

Он смотрел на врачей, а они смотрели на академика. Голубцов развернул к ним вращающееся кресло. На лице историка читались удовлетворение и чуточку нарочитая скромность — лицо хорошего специалиста, довольного проведенной работой.

— Итоги таковы, — сказал историк. — Мне были предъявлены для экспертизы описания двухсот тридцати шести снов. Сто семьдесят шесть — описания сражений, сорок восемь — религиозные церемонии, двенадцать я бы охарактеризовал как бытовые: четыре занятия ремеслами, пять эпизодов торговли, два любовных свидания, одно мореплавание, один сбор урожая. Потолок — максимум третья четверть семнадцатого века, нижнюю границу определить не могу.

— Почему? — чисто машинально спросил Снерг и тут же спохватился. — Значит, вы считаете, что мы видим во сне прошлое? «Настоящее», существовавшее когда-то?

— Прошлое, настоящее и неподдельное, — сказал академик. — Кроме особо оговоренных, сюжеты лишены каких-либо несоответствий. Я имею в виду несоответствие с имеющимися в распоряжении науки данными. Я поясняю это, разумеется, для вас, Станислав, — врачи все это уже слышали. А чисто медицинские аспекты проблемы объясните, понятно, вы? — обернулся он к Вельяминову.

— Да, конечно. Видишь ли, Стах, сон, даже самый ясный и четкий, лишен, если можно так выразиться, скрупулезности. В любом случае сон создает лишь общую картину, намечает общие контуры. Предположим, ты увидел во сне эпизод из времен «Трех мушкетеров» — одна из стычек героев с гвардейцами кардинала. Ты можешь вспомнить, как проходил бой, кто с кем дрался, кто был убит, цвет плащей. Но даже под гипнозом ты не вспомнишь, какими были пуговицы на камзолах или эфесы шпаг, не опишешь кольцо на пальце Атоса — таких подробностей во сне твое сознание не создавало. И наоборот — будь ты очевидцем реального поединка, то все эти детали можешь вспомнить под гипнозом — внимания на них ты вроде бы и не обратил, но подсознание зафиксировало все. Понял?

— Понял, — сказал Снерг. — А наши сны, выходит...

— Да. И ты, и другие словно бы рассказываете о неких событиях, очевидцами и участниками которых вы были. При необходимости описываете до мелочей одежду, интерьеры, вооружение, рангоут корабля — подробности, которым просто неоткуда взяться в вашем сознании.

— Но мы же смотрим исторические фильмы, — сказал Снерг, — вот и отложилось.

— Во-первых, ты, как человек, тоже имеющий отношение к производству фильмов, должен знать, что постановщики не всегда добиваются стопроцентной точности. Во-вторых, о ряде описанных вами событий никогда не снимали фильмов — примерно о половине. В-третьих... Вот тебе пример, касающийся лично тебя, последний фильм о временах падишаха Акбара был снят за одиннадцать лет до твоего рождения, и ты сам признался под гипнозом, что не видел его. Меж тем ты описал до мелочей внешний вид и вооружение падишахских конников. Аналогичные случаи были и с другими — разумеется, применительно к другим эпохам. Сомнений нет — это прошлое, продолжайте, пожалуйста, Егор Петрович.

— Вы быстро ухватили одну из сложностей, Станислав, — сказал академик.

— То, что вы не беретесь определить нижнюю границу времени действия снов?

— Да. Дело в том, что четыре сражения, два религиозных обряда, одно любовное свидание и две сцены торговли идентификации не поддаются. Вы отложили эти рисунки, Кирилл? Спасибо. Посмотрите, Станислав. Посуду, которой торгует этот бородач, Глобинф не в состоянии привязать к какой-либо культуре — как и одежду торговца, кстати, как и доспехи участвующих в этом сражении. Как и корабль, который напал на «ваш» в вашем последнем сне. Истории неизвестны наряды, в которые облачилась, идя на свидание, эта милая юная пара и статуи божеств, которым поклоняются на этом рисунке. Можно лишь примерно определить климатический пояс места действия, но и это ничего не решает — за тысячелетия климат мог измениться, так что привязку к месту дать невозможно. Вполне вероятно, что речь идет о культурах, до сих пор остающихся неизвестными науке.

— Помните наш прошлогодний спор? — спросил Снерг. — Что если я плыл как раз на корабле атлантов или антарктов? Обратите внимание на странное сочетание — доспехи и корабли «гомеровского», условно скажем так, периода — и странный огненный луч, мало чем напоминающий греческий огонь...

— Дело за малым, — Голубцов улыбнулся той самой, прошлогодней улыбкой. — Дайте материальные доказательства, я включился в эксперимент и верю его результатам потому, что возможно идентифицировать большую часть снов. Я могу поверить, логически продолжая мысль, что вы плыли на корабле атлантов, но ваш сон не предъявить Академии наук. Более того — и для «идентифицированных» случаев есть большая вероятность того, что их станут оспаривать. Но если бы вы увидели во сне неизвестный археологии город, а я раскопал бы его... постараетесь, а?

— Хорошо, оставим спор об атлантах до лучших времен, — не принял шутку Снерг. — Станный подбор сюжетов — превалируют бои и моления.

— Разве вы забыли, сколько времени предки уделяли воинам и молитвам?

— Виноват, — сказал Снерг. — Львиную долю уделяли... но вот что еще, Сергей, — обернулся он к Вельяминову. — Ты говорил о «скрупулезности» подсознания. Могла ли ее сохранить генетическая память?

— Ты чересчур торопишься, — сказал Вельяминов. — Мы пока вообще ничего не знаем о генетической памяти, кроме того, что ее существование возможно.

— Более того, мы не знаем, можно ли назвать случившееся проявлением генетической памяти, — добавил Свирский.

— То есть как? — тоном, которым он, по воспоминаниям Снерга, говорил с нерадивыми студентами, громко начал Голубцов. — А как же еще назвать случившееся, если не проявлением генетической памяти?

— Действительно, — сказал Снерг. — Уж не хочешь ли ты сказать, что мозг каким-то образом обрел возможность выхватывать из прошлого картины?

— Так далеко мы не заходим, — сказал Вельяминов. — Но вокруг каждого качественно нового явления имеет смысл выставить частокोल безумных гипотез.

— В нашей области науки все обстоит несколько иначе, — сказал Голубцов.

— Безусловно, — вежливо согласился Вельяминов. — Что ж, на сегодня, я думаю, закончим. Стах, ты не смог бы остаться здесь на ночь? Мы тебя исследуем, пока будешь спать.

— Валяйте, — сказал Снерг. — Только вот что... Конечно, все это прекрасно, имеет огромное значение для науки, но с чисто человеческой точки зрения — как мне теперь жить? Что ни ночь орать во сне и просыпаться мокрым как мышь?

— Я тебя понимаю. Но... Как по-твоему, есть разница — мучиться кошмарами и видеть во сне прошлое?

Он лукаво улыбался.

— Во-от оно что... — сказал Снерг. — Я и не подумал...

— Вот именно, — сказал Вельяминов. — Современная медицина может обеспечить тебе сон без сновидений. Но четырнадцать из шестнадцати твоих предшественников предпочли наблюдать прошлое, пусть даже такое... Да и кто может сказать, что ты увидишь в следующий раз?

— Пятнадцать из семнадцати, — сказал Снерг. — Егор Петрович, я заверяю, что давний наш спор рано или поздно закончится в мою пользу. Постараюсь увидеть город, который вы сможете откопать...

— С делами покончено, — встал Вельяминов. — Егор Петрович, вы остаетесь?

— Что за вопрос? Не улечу, пока вы не осмотрите остальных.

— Прекрасно. В таком случае до ужина распускаю всех на каникулы.

— Видеофон вы еще не поставили? — спросил Снерг. — А, ну тогда совсем хорошо. Покажите, где он.

Набирая первые цифры, он вспомнил, что в Сибири уже полночь, но не остановился — вряд ли Алена спала.

Она и не спала — экран вспыхнул после второго сигнала вызова.

— Ты не плакала? — спросил Снерг. — А то мне так кажется.

— Буду я из-за тебя плакать, — счастливым голосом сказала Алена. — Ну, говори! Что?

Снерг вкратце рассказал.

— Снерг, — растерянно-радостно сказала Алена. — Это же грандиозно! Ты понимаешь, насколько это грандиозно?

— А если окажется, что твой прапрапрадед купцов по дорогам грабил?

— Да ну тебя! Я за тебя рада — угодить в эпицентр такой истории...

— Жаль только, что эти сны нельзя заснять, — сказал Снерг. — А ты, может быть, сумеешь увидеть, как играли Дузе и Ермолова... Представляешь? Сюрпризы нам гарантированы.

— Ты вернешься сегодня?

— Завтра. Сегодня мне еще выступать в роли подопытного кролика. Ложись спать и ни о чем грустном не думай.

Экран погас. Снерг, насвистывая что-то бодрое, спустился на первый этаж, постоял в раздумье и вышел из дома. Сел на белую скамейку и стал смотреть на море, вечное, неизменное, существовавшее вне времени. Вспоминал корабль, на котором «плыл», корабль, сожженный таинственным белым лучом. Неужели в самом деле атланты? Арктаны? Сколько народов и стран числятся до сих пор без вести пропавшими или вовсе не значатся ни в каких списках? Да, сюрпризы нам гарантированы, но — самые разнообразные, вот ведь что...

Зашуршал песок. Голубцов присел рядом.

— Думаете об... этом? — он кивнул в сторону дома. — Что ж, это только начало...

— Вы здесь давно?

— Вторую неделю. Успел многое обдумать. Почему неизведанное всегда выглядит так обыденно? Никаких небесных знамений, откровение в грозе и буре. Незаметно и скромно мы с вами стали свидетелями эпохальнейшего события — и что же? Полагается что-то чувствовать, какой-то щемящий трепет — но нет, ничего. Может быть, все дело в масштабах, а они настолько грандиозны, что сознание не в состоянии соответственно отреагировать — так, как оно отзывалось на новенький диплом, первые успехи, взгляд любимой женщины?

— Возможно, — сказал Снерг.

— Знаете, Станислав, я почему-то ощущаю себя сейчас адвокатом дьявола. Знакомо вам такое понятие?

— Признаться, не помню.

— Когда церковники решали вопрос о канонизации будущего нового святого, один из них скрупулезно рассматривал недостатки кандидата, порочащие моменты, препятствующие обстоятельства. Адвокат Дьявола. Вот и я... Случившееся, естественно, не поставит историю с ног на голову и не опровер-

гнет фундаментальные законы, но уточнение частных, расширение знаний, прояснение темных мест будет иметь и теневые стороны. Рухнут чьи-то концепции, теории, потеряют значение или вовсе окажутся ошибочными чьи-то работы. Я уже сейчас могу назвать как минимум десяток моих коллег, чье будущее... Чем дальше в глубь веков, тем больше неудобств, потому что, чем дальше назад, тем фрагментарнее наши знания...

— Но зато, если эффектом научатся управлять, история станет даже более точной наукой, чем математика. Александрийская библиотека, библиотека Ивана Грозного, неизвестные трагедии Эврипида — содержание всех не дошедших до нас книг, рукописей, документов откладывалось в чьей-то памяти, кто-то их читал. И встречи, разговоры, собрания, после которых не оставалось записей.

— Все правильно, — сказал Голубцов. — Плюсы многократно превосходят минусы. И все же, чисто по-человечески рассуждая, — найдутся и обиженные, недовольные.

— Я об этом уже подумал, — сказал Снерг. — Допустим, что человеку предоставляется возможность ознакомиться с жизнью огромного количества своих предков. Каково-то узнать — не теоретически допуская, а увидеть своими глазами — что среди них были и мерзавцы, палачи? Увидеть их за работой? В длинном ряду наших предков масса не-ангелов. Чисто психологическая проблема. Нет, с ума никто не сойдет и веру в человечество не потеряет, но настроение надолго испортится... Пусть у немногих — все равно.

— Мне кажется, вы преувеличиваете, — сказал Голубцов. — Мы и так знаем, что не все наши предки были праведниками с белоснежными крыльями. Но предков у нас так много, и так удалены во времени многие грешники, что сон останется сном...

— Вы правы, — сказал Снерг. — Я просто перебираю нюансы. Мне ведь, как и вам, впервые предстоит обсуждать проблему, непосредственно затрагивающую интересы всего человечества. Вдобавок сам к ней вплотную причастен...

ГОСТИ И РАССТАВАНИЯ

Ровно в девять видеофон залился протяжной трелью. Панарин вскочил, с закрытыми глазами проделал несколько гимнастических упражнений, больно ударился коленом об угол стола и проснулся окончательно, оказавшись посреди солнечного утра. Короткий сон великолепно освежил, словно он спал не три часа, а тринадцать. «Каратыгин!» — вспомнил он с маху и сразу поскущел.

— Доброго ранку, — сказал Гуго (он две недели назад женился на молодой специалистке из Киева). — Ну, проснулся, командор?

— Проснулся, — сказал Панарин. — Запрос о Снерге послал?

— Ага. Станислав Снерг. Последние три недели находился в Мехико. То есть код для сообщений он заявил в Мехико, а вообще-то странствовал по джунглям. Снимал там. Вчера вечером вылетел из Мехико в Красноярск, но сигнала «дома» на красноярской квартире не оставил.

— Ничего, — сказал Панарин. — Знаю я, где его в таком случае искать. Спасибо.

Он отключил видеофон и отправился в кухню. Рассеянно соорудил трехэтажный бутерброд, откусил огромный кусок и попытался вычислить, где могла поселиться Ирена. Узнать это через справочную было бы полуминутным делом, но элемент неизвестности — так гораздо интереснее.

Тоненько запел сигнал у входной двери. Панарин поспешил туда.

На площадке стояла очаровательная блондинка в легком белом комбинезоне и смотрела с такой светской невозмутимостью, будто и не видела, что хозя-

ин босой и растрепанный, а рот у него набит. Начни он суетиться, получилось бы и вовсе смешно, а он не любил выглядеть смешным, перед женщинами особенно. Сообразив это, Панарин медленно прожевал, убедился, что не поперхнется и сказал:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — сказала девушка. — Разрешите войти?

— Конечно, — сказал Панарин, отступил, схватил с полочки гребешок и причесался за спиной гостьи, закрывая дверь, — проходите, садитесь, минуту, я сейчас.

Когда он вернулся, незнакомка уютно и непринужденно устроилась в его любимом кресле, словно бывала в этой комнате не раз. Плоскую сумочку, которую Панарин впопыхах не заметил, она положила на столик рядом с собой.

— Я вас оторвала от завтрака? — спросила она. — Продолжайте, я подожду.

— Ничего, я успею, — сказал Панарин, усаживаясь напротив. Мимоходом зацепив взглядом сумочку, он увидел на обращенной к нему стороне синий глазок, пульсирующий и словно бы бездонный. — Вы из Глобовидения?

— Знакомы с нашей аппаратурой? — подняла она брови отрепетированным жестом легкого изумления.

— У меня есть знакомые в Глобовидении, и я немного разбираюсь в вашей аппаратуре.

— И кто же?

— Станислав Снерг.

— Ах, Стах, патрон тайн... понятно. Как вас зовут, я знаю. Я — Марина Банишевская.

— Прекрасно, — сказал Панарин. — Я только вчера жаловался, что нас совершенно забыли асы Глобовидения.

— Это комплимент?

— Нет, просто я серьезно отношусь к стерео и знаю, что вы известны не менее чем Снерг или Грандоци.

— Господи... — она рассмеялась. — Разве можно так обращаться с женщиной? Вы должны были под-

твердить, что это — полновесный комплимент, что я могу быть только асом, сразу, мол, видно.

— Но ведь вы пришли ко мне не как женщина?

— А вам бы этого больше хотелось?

— Ну... — сказал Панарин.

— Вот я вас, наконец, и смутила. А то вы упорно не смущались, у меня даже спортивный азарт появился. Смутила? Или дело в другом — вы привыкли, что женщина должна соблюдать определенные правила игры? Ну-ка, признайтесь.

Панарин взглянул в ее темные глаза. И не нашелся, что ответить.

— Так признаетесь?

— Да, — сказал Панарин, — наверное, это подсознательное. Мы отчетливо сознаем, что женщины равноправны, но в нас сотни лет культивировались стандарты относительно правил игры.

— Ну вот. А нам надоело сотни лет робко опускать глаза, понимаете ли. Вы очень мило смущаетесь.

— Это понятно, — сказал Панарин, — мы ведь все тут анахореты в какой-то мере.

— Теперь вы пытаетесь смутить меня откровенностью?

— Может быть. Открытость — тоже вид нападения.

— И не боитесь чересчур открыться?

— Нет, — сказал Панарин. — На мой провинциальный взгляд, мужчинам это не вредит, только женщине тайна придает очарование.

— Намекаете, что потупленные глаза мне все же больше пойдут?

— Всего лишь делюсь мыслями, — он взглянул на часы. — Простите, Марина...

— Да-да, — она чутко уловила момент и перестроилась. — Торопитесь? Ждете Каратыгина, надо полагать? А он уже здесь, прилетел на «Малабаре». Я с ним вместе прилетела час назад.

— Вот оно что...

— Ну да, «Малабар» шел вне расписания, и места на нем были. Но кто отказал бы мне, даже не будь мест?

— Будете здесь снимать?

— Буду, — сказала Марина. — И должна сразу предупредить — фильм я буду снимать, глядя с той же точки зрения, что и Каратыгин.

— А я-то, дурак, обрадовался... — сказал Панарин.

— И я сразу потеряла половину очарования? Вот видите, мы достигли идеального состояния равновесия — вы видите во мне не женщину, а противника ваших начинаний. Наступили идеальные условия для работы, мы видим друг в друге лишь деловых партнеров.

— С Каратыгиным у вас тоже чисто деловое партнерство?

Она стала еще красивее, побледнев от гнева. Потом встала. Панарин тоже поднялся, нарочито лениво, и они стояли, меряя друг друга взглядами, — Марина кипела, Панарин философски ожидал пощечины. Особенно он себя не корил за вырвавшуюся шпильку — он никогда не был хамом, но последние неудачи порой провоцировали такие вот срывы, в общем-то, происходившие от злости и бессилия.

— Следовало бы вклеить вам по физиономии за такое мальчишество. (Она была явно моложе Панарина). Хотя какое это мальчишество — сознательное оскорбление, верно? Разозлишься поневоле, когда придут сразу два крупных недруга Проекта... Вот видите, я права. — Она подняла руку, взяла Панарина за лацкан форменной куртки и продолжала суше. — Если вас так уж это волнует, с Каратыгиным у меня чисто деловое партнерство. Но даже если бы все обстояло иначе, разве вы выглядели бы лучше? Снерг — ваш горячий сторонник, и ваш ответный ход может предвидеть человек без семи пядей во лбу — вы его попросите о контрфильме. Если уже не попросили.

— Не успел, — сказал Панарин. — Но попрошу обязательно.

— Вот видите. Вы можете сказать, что Снерг — ваш сторонник, и это-де все извиняет. Никакой меркантильности, видите ли. Ну, а я, следовательно, не могу иметь собственного мнения, могу быть только

подругой Каратыгина, которую он попросил о содействии? — в ее голосе звучало искреннее недоумение. — Тим, ну почему вы решили, что все население Земли состоит из ваших горячих сторонников? Ведь противников не так уж мало, вы это знаете, но предпочитаете лелеять иллюзии...

— Но...

— Ну да, вы сейчас начнете говорить о прогрессе, не знаящем тупиков. Не надо, Тим, правда. Друг друга мы все равно не переубедим. Но найдите смелость признать меня убежденным противником, а не сумасбродной красоткой, захотевшей помочь приятелю, и я вам прощу оскорбление. Ведь оскорбили?

— Да, — сказал Панарин. — Прошу прощения, я...

— Фанатик вы, вот вы кто. Ладно, прощаю. — Она отпустила лацкан и улыбнулась вполне дружелюбно. — Отомщу я вам по-другому, уже как женщина, возьму вот и заставлю влюбиться в меня. А сама буду холодна как мрамор. Или вакуум. Я улыбаюсь чарующе?

— Вообще-то да, — сказал Панарин. — Лучше бы, конечно, на вашем месте был мужчина. Скажите, а то, что вы женщина, всегда помогает в работе или иногда мешает?

— Иногда и мешает, — безмятежно призналась Марина. — Например, мне заведомо труднее будет попасть на борт корабля, когда вы снова начнете ломиться в закрытую дверь.

— Без сомнения.

— Но ведь половина инженеров-испытателей у вас — девушки?

— Это — их работа.

— А я, следовательно, валяю дурака? Нет, правы вы с вашим подсознанием — глубоко въелось...

— Но ведь экспериментальные полеты уже снимали.

— Господи, разве только у вас есть своя этика? Кто это при подготовке крайне ответственного материала пользуется чужими кадрами? Неужели Снерг вам никогда не объяснял азов?

— Он мало говорит о работе, — сказал Панарин. — Как и мы вне обычного круга. Да и все остальные, я думаю. Хорошо, летаете, снимаете где угодно, уж если Снерг мне что-то и объяснил насчет азов, так это то, что любого из вас не остановишь, если вам приспичит...

— И правильно объяснил. Святая истина. Вы мне нравитесь, заместитель по летным вопросам. Сказать, за что? В вас наличествует именно та смесь мужественности и незащитности, что нравится женщинам. В нужной пропорции. Но это не означает, что, узнав о своем привлекательном качестве, вы получите преимущества. Потому что преимущества вы не сумеете воспользоваться.

— Уверены?

— Уверена. В своей работе вы, безусловно, умеете руководить, подчинять других, вы бесспорный лидер. Но весь заряд лидерства вы отдаете работе, а в личной жизни неосознанно стремитесь оставить главенствующую роль за женщиной. Этим и руководствуетесь, сами того не понимая.

— А вы?

— А я — женщина, — сказала Марина. — Откуда я знаю, чем завтра буду руководствоваться? Понятно, речь идет не о работе.

— Н-да...

— Знаю, что вы думаете. «Ну и особа... Взбалмошна, но умна». Что ж, в какой-то мере это полностью соответствует истине, так что я и не думаю обижаться. — Марина взяла Панарина под руку. — Пойдемте? В виде компенсации за все связанные с моим появлением здесь неудобства подниму ваш авторитет в глазах подчиненных. Больше станут уважать, увидев под руку с такой красавицей.

— Лучше бы прилетел Дилов, он тоже противник Проекта, но он лысый бородач... — искренне вздохнул Панарин.

— Ну и было бы похоже на шахматную партию между компьютерами. А так будет просто жизнь — очень сложная вещь, как вы, может быть, слышали. — Она подтолкнула Панарина к двери. — Идем-

те, совещание скоро начнется. По дороге рассказывайте что-нибудь веселое, а я буду смотреть на вас снизу вверх очарованными глазами.

— Знаете, какая самая любимая моя книга? — спросил Панарин. — «Одиночество в Магеллановом Облаке».

— Никогда не слышала.

— «Космическая опера» столетней давности. Очаровательную героиню высадили на астероид, да так там и оставили.

— Я вас тоже ужасно люблю, — нежно улыбнулась ему Марина, глядя на него снизу вверх очарованными глазами. — Но до Магелланова Облака ужасно далеко, когда-то вы еще туда доберетесь...

«Снерг наверняка в Саянске, — думал Панарин, механически кивая встречным. Вот и закрутилось метелицей, началось. Нельзя сказать, что мы не ждали — мы ждали, но думали, что все обойдется. Так уж устроен человек, отталкивает тревожные мысли до последнего часа. Значит, все. Значит, драка. Конечно, кое-кто разочарован, пораженческие настроения, что греха таить, появились и среди нас самих, но разве человечество предаст свою мечту о дальних звездах? Разве оно разучилось надеяться? Но в том наша слабость и состоит, что апеллируем мы исключительно к эмоциям, и оперируем одними эмоциями, а противостоят нам жесткая логика и суровые факты...»

— Утро прекрасное, в такую погоду только и думать — о новых надеждах, — сказала Марина. — Не хмурьтесь, командор, в конце концов у вас ничего не отберут. Немного урежут лимиты — и только.

— А к чему такая урезка приведет в психологическом плане?

— Стоит ли беспокоиться? — она улыбочиво шурилась. — Отсеются нестойкие, не более того.

«Чертова кукла, — с усталым раздражением подумал Панарин. — Даже самые стойкие могут растеряться, когда станут урезать энергетические лимиты и свертывать программы. Важна не только собственная убежденность, но и моральная атмосфера вокруг

Проекта... как может армия хорошо драться, зная, что те, кто послал ее на бой, охладели к ней?»

— Что из себя представляет Каратыгин? — спросил Панарин. — Я с ним встречался один раз, и то случайно. Общаться вовсе не общались.

— Очень киногоничен.

— С этим его качеством я как раз знаком благодаря стерео.

— Ну, а с его деловыми качествами скоро познакомитесь...

Панарин, как оказалось, пришел последним. В Малом зале уже сидели Кедрин, двое руководителей технических служб Проекта и двое из тех, кто был его мозгом — спортивного типа человек Муромцев и Ярош, красивый старик, похожий на патриархов Рембрандта, не то чтобы здесь царила напряженность, но некоторая скованность была. Собравшиеся походили на членов семьи, уже слышавших о смерти горячо любимого родственника, однако ожидавших подтверждения очевидца. Они сидели в тягостном молчании, не смотрели друг на друга и на приветствие Панарина ответили одними кивками.

Панарин устроился в уголке, через два кресла от Яроша. Марина оглядела зал, установила камеру на столике и тихонько села рядом с Панариным.

— Ну вот, сейчас он вам и всыплет... — прошептала она.

Панарин не успел ответить резкостью — вошел Каратыгин. Он действительно выглядел эффектно — крупный мужик лет пятидесяти, абсолютно седой, загорелый. Панарин вынужден был признать, что начальник Управления энергетики Системы способен произвести на зрителей нужное впечатление — впечатление, что человек с такой внешностью не может защищать неправильные идеи и придерживаться ошибочных взглядов. Так уж повелось истории — оказывают влияние не только аргументы, но и облик того, кто их приводит...

— Прошу внимания, — сказал Кедрин, хотя все и так молчали. — На сегодняшнем заседании присутствует член Совета Системы, начальник Управления

энергетики Системы Иван Евгеньевич Каратыгин. Думаю, первое слово мы предоставим гостю. Возражений нет?

Возражений, разумеется, не было — в первую очередь потому, что заседание, собственно, и собрали в связи с визитом Каратыгина.

— Пожалуй, я все же попрошу начать хозяев, — сказал Каратыгин. — Я плохо знаком с физикой гиперпространства, и был бы благодарен, если бы кто-нибудь из присутствующих в популярной форме изложил мне суть затруднений.

«Вряд ли у него не было возможности и времени получить в популярной форме сведения о сути затруднений, — подумал Панарин. — И говорит он это для камеры, пари можно держать».

Так и есть — Каратыгин закончил явной шпилькой:

— Думаю, сделать это вам будет легко — затруднения остаются неизменными в течение нескольких лет, и вы успели выработать популярные объяснения...

— Суть такова, — начал Ярош. — После успешных испытаний первых ДП-кораблей было установлено, что максимальное расстояние, на которое они могут перемещаться, не превышает десяти парсеков. В то время никто над этим как следует не задумывался — сам факт овладения искусством полетов в гиперпространстве заслонял все остальное. В течение следующих двадцати трех лет велось создание Звездного флота, изучение звезд и освоение пригодных для жизни планетных систем Сферы Доступности, или Ойкумены, как ее полуофициально именуют. К две тысячи девяносто первому году Ойкумена была в основном исследована, были выявлены все звездные системы, созданы транспортные сети, и так далее.

Ярош прошел к стене и включил проектор. Стена исчезла, вместо нее возникла объемная карта Ойкумены, пересеченная синими пунктирами основных трасс, усеянная зелеными огоньками — поселки, синими — полигоны Проекта, алыми — колонизируемые планеты.

Все, что говорил Ярош, можно было найти в любом школьном учебнике, и Панарин сообразил, что ехидный старик Ярош на свой лад отвечал на колкость Каратыгина, чересчур расширяя понятие «популярная форма». Прерывать Каратыгин его, безусловно, не стал бы из элементарной вежливости, даже и догадавшись, что к чему, и ему, как и остальным, пришлось выслушивать сведения, которые он, несомненно, мог узнать от сына-школьника. Вскоре, однако, Ярошу стало ясно, что и у ответных шпилек есть свои пределы, к тому же речь зашла, наконец, об истории проекта, а уж здесь к этому относились с полной серьезностью.

— Настало время идти дальше. Собственно, работы, объединенные впоследствии в Проект «Икар», велись и раньше, но крупномасштабными они не были — повторяю, освоение Ойкумены заслоняло все остальное. Сначала трудности показались минутными. Предстояло идти по проторенному пути, который подсказывала история техники: израсходовав горючее, исчерпав резерв дальности, транспортное средство пополняет запасы топлива и следует дальше, но оказалось, что в данном случае аналогия с автомобилями, кораблями и самолетами неуместна. ДП-звездолет, даже увеличив мощность конвертера и энергоемкостей вчетверо, не мог вырваться за пределы Ойкумены. Тогда в две тысячи девяносто седьмом году были организованы девять полигонов, расположенных в различных точках на границе Ойкумены. Был создан Проект. К сожалению, длящиеся семь лет эксперименты успеха не принесли. Мы заперты в Ойкумене.

— Другими словами, самолет, даже самый мощный, не в состоянии совершить полет с Земли на Луну? Уместна такая аналогия?

— Пожалуй. В нашем распоряжении, как оказалось, имеются только самолеты, а для полета с Земли на Луну нужна ракета.

— Следовательно, можно сделать вывод, что во Вселенной существуют области пространства и гиперпространства с различными свойствами, и Ойку-

мена вполне может быть окружена некими «поясами непреодолимости»? — спросил Каратыгин спокойно.

Не было никаких сомнений, что он хорошо знаком с предметом, и просьба объяснить «в популярной форме» предназначена исключительно для того, чтобы будущие зрители Марининого фильма лишний раз прослушали рассказ о многолетних неудачах, похожих даже на борьбу с ветряными мельницами...

— Можно сделать и такой вывод, — ответил Ярош.

— А что можете сказать по этому поводу лично вы, как теоретик Проекта?

— Единства во взглядах нет. На сегодняшний день существуют девять различных крупномасштабных теорий, исключаящих одна другую. Практически каждая отрицает остальные восемь, ни одну из них мы не в состоянии проверить на практике. Четыре полигона экспериментировали, комбинируя положения различных теорий. Это не принесло удачи, равно как и следование какой-либо одной.

— Вы можете конкретнее?

— Предположим, существуют ситуации А, В и С, каждая со своим набором только ей присущих качеств, свойств. Однако корабль, выполняющий эксперимент согласно ситуации А, может столкнуться с эффектами, присущими ситуациям В и С. А может и не столкнуться... Иными словами, соединяя две доли водорода с долей кислорода, мы получаем то воду, то гелий, то стрекозу. Порой все вместе. Порой одну воду. Систему проследить невозможно, недавно мы перешли к экспериментам нового вида — запас энергии, безрезультатно расходуемый при попытке совершить гиперпрыжок за пределы Ойкумены, непрерывно пополняется с помощью энергетических волноводов. Первый эксперимент этого типа проводил вчера присутствующий здесь командор Панарин.

— Результаты? — Каратыгин, не перебирая взглядом лица, посмотрел на Панарина — видимо, вычислил его сразу, знал, как выглядят командорские знаки различия.

— Мы получили новую порцию стрекоз, которые дышат гелием, — сказал Панарин не вставая. — И это уже не А-В-С — нужен целый алфавит...

— Благодарю, — сказал Каратыгин. — К чему же мы пришли? Мы столкнулись с новыми свойствами пространства и гиперпространства. Теоретической модели, которую можно было бы признать единственно верной, нет. Средств для передвижения в пространстве с новыми свойствами нет. Семилетние усилия результатов не дали. Существуют опасения, что старая методика несостоятельна, что — будем называть вещи своими именами — поиски семь лет велись не по той методике, то есть впустую. Кто-нибудь желает возразить?

— Я бы внес одно-единственное уточнение, — сказал Муромцев. — Средствами передвижения в пространстве с новыми, неизвестными нам свойствами могут быть только звездолеты. Это одна из аксиом.

— Звездолеты? Те, что оказались бессильны?

— Другие средства передвижения в пространстве нам неизвестны.

— Однако разве это означает, что их нет?

— Это бездоказательный спор.

— Верно, — согласился Каратыгин. — Теперь позвольте выступить с длинной речью мне. По роду занятий я не могу оперировать эмоциями — да и вы, такие же технари, не должны им следовать. Я понимаю — все мы мечтаем о Магеллановом Облаке и Туманности Андромеды. — Мечта украшает жизнь, Но и о дне сегодняшнем никак нельзя забывать. Ни одна планета-колония — исключая Эльдorado — ни один полигон Проекта не удовлетворяют своих энергетических потребностей за счет собственных мощностей. Энергию колониям — и особенно полигонам — дает Солнечная система. На нужды Внеземелья мы отдаем в среднем ежегодно двадцать восемь процентов годового производства энергии в Системе. Из этого количества пятьдесят девять процентов поглощают ваши полигоны, сплошь и рядом дублирующие работу друг друга, — потому дублирующих, что, согласно одной из девяти ваших теорий, за пра-

вильность которой никто поручиться не может, работы схожего профиля следует вести одновременно в нескольких точках Ойкумены. Цифры говорят сами за себя. А ведь система отдает вам то, в чем нуждается сама. Мы еще не овладели полностью энергией Солнца. Мы живем в мире, где энергию нельзя пока тратить бездумно абсолютно всем на абсолютно все. Отдавая вам энергию, мы неминуемо ущемляем другие проекты, не столь романтические, но более животрепещущие, более насущные.

— Но ведь нельзя строить все на сиюминутности, — сказал Панарин.

— Мы и не строим, — сказал Каратыгин. — Мы финансируем даже более шаткие, чем ваш, проекты. Большое количество энергии выделяется ежегодно даже полигону «Телемак-Гамма» — весьма и весьма проблематичному проекту, ставящему целью создать установку, с помощью которой можно будет наблюдать прошлое.

— «Телемак-Гамма» не добился ровным счетом никаких успехов, — сказал Панарин. — А наши машины времени летают, пусть не далее десяти парсеков.

— А нужно ли пока больше? Я снова вернусь к цифрам. В системе обитают одиннадцать миллиардов человек, жизненного пространства и ресурсов хватит еще на столько же — не зря единственный опыт массовой колонизации, Эльдорадо, так и остался единственным опытом. Вне Системы живут около трехсот девяноста тысяч человек, из них триста пятьдесят тысяч — опять-таки на Эльдорадо, обеспечивающем себя всем необходимым. Остается около сорока тысяч. Одиннадцать миллиардов и сорок тысяч — как вам сопоставление? Строго говоря, Большой космос, куда вы пытаетесь прорваться, нам пока не нужен. Ойкумены, того, что мы в ней имеем, человечеству хватит на сотни лет. Такое уже случалось в истории человечества. Америку открыли за сотни лет до Колумба, но особенно она никому тогда не была нужна. Конечно, я не провожу аналогий, но ситуации чем-то схожи. Человече-

ство не испытывает пока потребности стать галактической расой. Не зря, повторяю, опыт Эльдорадо остался экспериментом — волна массового интереса к переселению на другие планеты схлынула, Большой космос нужен на данной стадии развития лишь определенному проценту ученых да туристам. Над нашим обществом давно не властны исчезнувшие деньги, но их функции в какой-то мере выполняет энергия. Если сравнить человечество с семьей прошлого, вынужденной скрупулезно рассчитывать свой бюджет, то вы, простите, напоминаете мальчишек, то и дело клянчащих деньги на сласти и развлечения. А человечество пока вынуждено строго планировать энергетический бюджет...

— И что же вы намереваетесь предпринять? — спросил Муромцев.

— Вынести на Совет Системы вопрос о всеобщем референдуме относительно Проекта «Икар». Я защищаю не узковедомственные интересы — я представляю не такую уж малую часть человечества, которая считает, что Проект следует значительно сократить.

— И вы прилетели благородно предупредить нас — «иду на вы»? — бросил Панарин.

— Как это принято в наше время. И еще — не настолько же вы «икароцентричны», чтобы забыть о том, что работаете не для удовлетворения собственных мечтаний, а от имени и по поручению человечества? Я хочу, чтобы вы помнили — вашими работами распоряжается человечество, и сделаете вы то, что оно вам прикажет.

— Собираетесь значительно урезать лимиты?

— Значительно. Оставить один полигон из девяти. И ждать, что со временем возникнут новые факторы, которые и выведут вас из тупика.

— Ждать...

— Да, ждать. Вы, конечно, скажете, что закрытие полигона Икс лишит возможности проверить теорию Альфа, а свертывание работ на Игреке повредит теории Бета. Что-то в этом роде (судя по лицу Муромцева, что-то в этом роде он и хотел сказать). Простите за резкость, но здесь собрались взрослые люди,

специалисты. Сколько можно манить зыбкими надеждами и уповать на завтрашний день, на волшебника, который появится и выручит? Не слишком ли по-детски? Семь лет вы топчетесь на месте, почему же мы должны верить, что с завтрашнего утра все изменится? Возможно, вы ищите не там. И не так. Мы технари, вы и я, будем реалистами. До тех пор, пока не удастся удовлетворить всех без исключения, человечество вынуждено идти на определенные жертвы. Я выражаю интересы части экономистов, энергетиков, тех, кто занимается социальным планированием, части руководства Звездного флота — если говорить о специалистах. Если говорить просто о землянах, то количество тех, от чьего имени я выступаю, настолько велико, что дает нам право от имени тех, кто избирал нас в Совет Системы, ставить вопрос о референдуме. Но теперь у меня действительно все. Я готов на любую полемику, но с условием — опирайтесь на логику и факты, без эмоций и абстрактных высоких слов.

«Я ничего не скажу Снергу насчет фильма, — подумал Панарин. — Потому что ничего хорошего из этого не выйдет, действительно, в глазах многих и многих мы стали не более чем фанатичными пожирателями энергии, питающей очередной перпетуум-мобиле... а может, мы не кажемся оными, а являемся ими на деле? Нет! Гнать эту мысль, потому что за ней неминуемо придут другие, которые завершатся...»

— Я должен добавить, — сказал Каратыгин. — Академик Лобов вернулся к преподавательской работе. За четыре часа до старта моего корабля доктор Бакстер заявил репортерам Глобовидения, что покидает Проект «Икар».

Панарин почувствовал, что Марина коснулась пальцем его запястья — и еще раз, и еще. Он хотел обернуться к ней, но узнал в этих нажатиях азбуку Морзе, РО — знак вызова. Не глядя, нашел ее ладонь и большим пальцем просигналил ПР — «прием».

— С-л-е-д-у-ю-щ-и-м б-у-д-е-т Я-р-о-ш.

— Б-ы-т-ь т-а-к-о-г-о н-е м-о-ж-е-т, — ответил Панарин.

него не было никакой возможности, а рисковать жизнью юнца никому не хотелось. В конце концов его, ни о чем таком не предупредив, отправили с очередным экипажем стажеров в «полет» на имитаторе. Имитатор никаких подозрений постороннему не внушал — снаружи он ничем не отличался от обыкновенного звездолета, смиренно стоящего себе на летном поле. Стажеры, понятно, все знали; но сохранили полнейшую серьезность — которая, кстати, от них и требовалась согласно уставу. Семичасовой «полет» был сложным, едва не закончился гравифлаттером. Репортер отбыл, вполне довольный отснятым материалом. По причудливой иронии судьбы командор, руководивший центром подготовки, носил фамилию Потемкин.

Фильм вышел на экраны, а месяц спустя по чистой случайности вскрылась вся история. Чувством юмора, как оказалось, репортер обладал не в достаточной степени, поднял шум, и у Потемкина были легкие неприятности в форме прочитанной ему в управлении Звездного Флота полчасовой лекции о роли и значении средств массовой информации в современном обществе.

— И коли уж вы женщина информированная, — сказал Кедрин, — то, несомненно, знаете, что никакого центра подготовки испытателей у нас нет. А заводить его даже ради вас, — он галантно поклонился, прижав к груди ладонь в старых шрамах, — было бы чересчур накладно. Честь имею.

Он поклонился и вышел, чуточку шаркая ногами — профессиональная походка релятивистов, годами вынужденных ходить в тяжеленных ботинках с магнитными подошвами. За двадцать с лишним лет Кедрин от нее, разумеется, отвык, но она снова возникла в моменты его тягостной задумчивости.

— Пойдемте? — сказала Марина.

— Куда? — не сразу сообразил Панарин.

— В ваш кабинет, помогу вам освоиться — все-таки женская рука. Ну, не нужно таких взглядов — сквозь землю я все равно не провалюсь, придется вам меня потерпеть. Кстати, давай перейдем на «ты».

Меньше официальности, да и тебе будет приятнее. Идет?

— Идет, — сказал Панарин.

Неожиданно доставшийся ему кабинет не был ни особенно большим, ни особенно шикарным — условия Эвридики этого не требовали, летучки и совещания проводились в зале, расположенном тут же, за стеной. Да и проводить здесь Панарину предстояло не более трех часов в сутки, исключая дежурства по поселку и экспериментальные полеты, во время которых ему теперь предстояло безотлучно быть здесь. Заместитель по летной части полигона Проекта — совсем не то, что его коллеги на больших космодромах и в управлениях. Работы раз в двадцать меньше, но в силу какого-то из пунктов устава должность эта введена и на полигонах.

Комната примерно пять на пять с одним окном, Т-образный стол, несколько стульев, селекторы и прочие административные причиндалы. Стеллаж с необходимыми документами. Портреты Гагарина и других знаменитых космонавтов прошлого — тех, кто впервые вышел за пределы Системы, впервые совершил гиперполет. Из предметов роскоши имелись ваза с невянущими здешними бессмертниками, красивыми бело-сиреневыми цветами и почти метровой длины модель фрегата в стеклянном ящике — медные пушечки выглядывали из портов, поблескивали шкивы величиною с ноготь. Модель осталась от самого первого хозяина кабинета, Винаблза, погибшего на испытаниях четыре года назад. Он ее сделал сам — такое у него было хобби, и готовые модели он обычно раздаривал без сожаления, а эту попросту не успел.

«Глупо как, — подумал Панарин. — Погибших испытателей, в общем, быстро забывают, и только хозяева полутора десятков моделей чаще других вспоминают, что да, был такой парень, летал где-то далеко и делал замечательные кораблики...»

Он постоял на пороге дольще необходимого — это был его первый кабинет. Он слышал от Кедрина, что во времена молодости адмирала попасть

из пилотского кресла в кабинетное считалось несчастьем, но времена сейчас были другие — три четверти «кабинетников» совлекали кресла обоих видов.

Это был первый кабинет в жизни Панарина, впервые ему предстояло руководить не только экипажем корабля. Он порывлся в своих мыслях и ощущениях — и ничего особенного не обнаружил.

Проверил ящики стола — там не осталось ничего от Каретникова, только деловые бумаги, кабинет на короткое время стал безликим, ничьим, но теперь это кончилось.

Панарин поднял голову — синий глазок камеры был направлен на него.

— Снимала?

— С твоего первого шага. Неплохой сюжет — пилот, только что шагнувший на первую ступеньку административной лестницы. Когда-нибудь ты станешь почтенным седым адмиралом, будешь руководить какой-нибудь галактикой, и тебе будет что вспомнить, посмотрев эти кадры.

— Но то, что я буду заведовать какой-нибудь галактикой, означает, что мы все же выйдем к дальним звездам, и тот фильм, что ты собралась снимать...

— Я не доказываю, что галактики недостижимы, — сказала Марина. — Я доказываю, что Проект «Икар» — грандиозная зряшная трата времени и сил. Уловил разницу? — Она подошла, встала рядом и критически оглядела кабинет. — Мрачновато и пустовато. Нужно обживать. Я думала, что ваши кабинеты выглядят гораздо экзотичнее — как на Жемчужине, например.

— Ну, там собрались все наши пижоны...

— Просто тебе лень поработать над дизайном. Вон в тот угол можно поставить кусок корабельной обшивки. Повесить картины, сейчас в моде Наокити, Пчелкин и Бонер. Сюда лучше всего поставить фотографию девушки. Мою, например. Подарить?

— А если у меня уже есть чья-то?

— Дома у тебя я что-то не заметила женских фотографий.

— Это может означать и то, что я не сентиментален.

— Рассказывай... Даже если ты не сентиментален, ты — из романтиков. Юный Вертер. Слышал про такого?

— Это плохо?

— Как знать, — сказала Марина. — Вам, «икарийцам», как раз, по-моему, идет. Забавно, до чего вы, мужчины, не меняетесь. Тысячу лет назад у вас была чаша Святого Грааля, потом — всевозможные Терры Инкогниты, теперь — Проект. Надеетесь найти заколдованный замок, надеетесь встретить сказочную принцессу. Лишь бы не заниматься делом — это труднее, чем болтаться в поисках царства амазонок и города Эльдorado.

— Что касается нас, мы работаем. И Терра Инкогнита все-таки была открыта.

— Но чашу Святого Грааля так и не нашли, — отпарировала Марина. — А сколько сил и времени угробили... И со сказочными принцессами то же самое — ждал ты ее, ждал, а явилась ведьма. Я, если ты еще не догадался. И песенка твоя спета.

— Ну, мы еще посмотрим, — сказал Панарин.

Рядом с Мариной ему было беспокойно — тревожила не столько ее красота, сколько ощущение, что он стал для нее прозрачным насквозь, и оба об этом знают. До сих пор с женщинами он ничего подобного не испытывал.

— Посмотрим, — сказала Марина. — Ладно, не буду полностью повергать тебя в смятение — тебе надо утвердиться в новой должности. Сделай первый шаг — подбери мне подходящий рейс. Ты сам летишь не скоро?

— Я летал вчера. Теперь только через три дня.

— Жаль. У тебя был бы случай покрасоваться передо мной, да еще какой... А ваш адмирал всегда такой хмурый?

«Одним хорошо ее присутствие, — подумал Панарин, — позволяет забыть на минуту о только что закончившемся совещании, которое, собственно, и совещанием нельзя назвать — хладнокровное избиение». И сказал:

— Что, не поддался чарам? — Он слишком многое видел, чтобы...

— Чтобы поддаться на примитивные уловки смазливой девчонки?

— Ну, я бы не стал формулировать так резко. Но в принципе верно.

— А ведь он наверняка имел когда-то успех у женщин, — сказала Марина. — Как же, возвратившийся релятивист — мы, бабы, дуры, влечет нас к ярким личностям... Но все равно бирюк бирюком. Ты — другое дело, ты так забавно пытаешься обмануть Рок в моем лице... напрасный труд, Тим. Вот только имя твое меня удивляет, остается пусть малюсенькой, но загадкой, а это мне не нравится.

— Вот и пусть остается загадкой, — сказал Панарин.

— Ты хочешь сказать, что признаешь — я тебя насквозь просветила рентгеном, и остается прятаться за мелкие тайны? Как я тебя подловила? По-моему, тебя назвали Тимофеем в честь какого-нибудь дедушки, а тебе не понравилось, и ты со временем сократился. Так?

— Не совсем, — сказал Панарин. — Но действительно в честь. Понимаешь, отец у меня был космонавтом, еще до ДП-кораблей, естественно, он летал за пояс астероидов, на внешние планеты, как это тогда называлось, и у Юпитера... Короче, они попали в переделку, и если бы не штурман, отец бы наверняка... Штурмана звали Тихон Игоревич Меншов. Отец почему-то назвал меня не Тихон, а Тим — наверное, ему казалось, что так лучше.

— Потрясающе, — сказала Марина. — Разве я могу устоять перед человеком со столь романтическим ореолом? Пропала я, молодая и неопытная... А потом ты будешь сатанински хохотать над моей юной доверчивостью и разбитым простодушным сердцем...

Засвиристел сигнал, и Панарин, обрадовавшись передышке в этом чертовом поединке, включил видеофон.

— Здорово, Тим! — жизнерадостно рявкнул Перышкин, заместитель начальника космодрома. —

Обживаешь вотчину? Хочешь узнать пикантную новость? Через час приземлится «Апостол Павел». На борту два десятка пассажиров, все заявлены как совершающие служебную командировку по заданию своего ведомства, не иначе прибыли изгонять Сатану, строящего козни против проекта. Будет вам духовное напутствие. Ну, пока!

— Чертте что... — сказал Панарин погасшему экрану.

«Апостолом Павлом» назывался ДП-корабль, выделенный несколько лет назад православной церкви по ее просьбе. Без дела, по слухам, он не стоял, постоянно метался по делам — все недоумевали, что это могут быть за дела. На Марсе и Венере руководящие органы различных церквей выстроили в свое время храмы божьи, но за двадцать лет, прошедших с той поры, успели понять, что распространять этот опыт на Ойкумену было бы бессмысленной тратой времени и сил. Да и храмы божьи на Марсе и Венере пришлось закрыть ввиду отсутствия клиентуры. Церковь нынче выглядела престарелым хозяином поместья, доживающим век без наследников, график притока молодой смены мало чем отличался от траектории полета метеорита. Правда, некоторое количество относительно меновых «сотрудников» у них было. И они пытались что-то делать, вели какие-то исследовательские работы, даже с применением современной техники. Правда, никто этими работами не интересовался и не стремился узнать о них подробнее.

— Интересно, — сказала Марина. — На Жемчужине они тоже были, интересовались планетологическими исследованиями.

— Вот и выход, — сказал Панарин. — Попрошу у них святой воды, или как там она называется, и буду защищаться от одной симпатичной ведьмы.

— Не поможет.

— А что помогает? Серебряные пули?

— Серебряные пули — против колдунов и оборотней, — авторитетно объяснила Марина. — Что касается ведьм — так я тебе и сказала...

В дверь негромко постучали. Панарин нажал клавишу, зажигавшую снаружи зеленую лампочку.

Вошли Станчев, Барабаш и Холл. Они неправильно вошли. Им следовало ввалиться гурьбой, толкаясь и мешая друг другу в дверях, они должны были трясти ему руку, хлопать по спине, громогласно поздравлять, просить быть милостивым к холопам своим верным и намекать, что это дело нужно отпраздновать соответственно — не каждый день свой брат выбивается в начальство, к тому же еще и командорский знак не отмечен как полагается. Непременно так и вели бы себя весельчаки, отличные парни Дракон, Барабан и Астроном, он же Звездочет — кличка эта досталась Холлу как однофамильцу известного астронома прошлого. Так они и вели бы себя, если бы... если бы все было нормально.

А они вошли гуськом, молча, с официальными лицами, сдержанно поздоровались, остановились в отдалении от стола, насколько позволяли размеры кабинета, и каждый держал в руке вчетверо сложенный лист бумаги...

Панарин медленно поднялся, чувствуя противный зуд в сердце.

— Здорово, ребята, — сказал он, еще не веря. — Садитесь, что вы...

Как по команде, они развернули свои листки и почти синхронно положили на стол перед Панариным. Он взглянул на ближайший, станчевский, в глаза бросилось: «...прошу освободить... ..по собственному желанию...» и размашистый росчерк Кедрина «Утверждаю». Так плохо ему еще никогда не было.

— Согласно уставу, требуется и твоя подпись, — сказал Станчев. Глаза у него смотрели строго в одну точку, куда-то над головой Панарина, словно любой взгляд куда-нибудь в сторону причинил бы физическую боль.

Марина встала. Краем глаза Панарин видел, что она выдвинула из камеры синий шарик на блестящем стержне, фасеточный, как глаз пчелы, панорамный объектив. Хотелось выбросить камеру в окно и

выставить за дверь ее хозяйку — она не имела права это видеть и слышать, не то что снимать, потому что по строгим законам профессиональной этики это было чисто внутреннее дело. Но только по законам профессиональной этики — по всем остальным она имела право снимать, и тем не менее... Хотелось выругаться и заплакать — ведь это были Дракон, Барабан и Звездочет, столько лет вместе, а со Станчевым и три года на одном курсе, в одной группе. Хотелось трахнуть кулаком по столу и заорать: «Вы что, белены объелись?»

И все это было бы бессмыслицей, мальчишеской глупостью, не имеющей, правда, ничего общего со слабостью, но ничего бы не решившей — они ведь тысячу раз все обдумали. Выходит, Станчев шел на «Лебеде», заранее зная, что уйдет, — он не из тех, кто принимает рывком меняющие всю оставшуюся жизнь решения, наверное, он загадал на этот полет, оставил его как последнюю соломинку... Но что это меняет?

Панарин сел, расписался под росчерком Кедрина и отпихнул ладонью все три заявления. Поднял голову — Станчев смотрел на него.

«Сейчас он обязательно что-нибудь скажет, — подумал Панарин, — я его знаю...»

— Надоело быть шпагоглотателем в балагане, Тим... — сказал Станчев. — Делом надо заняться...

И все же это был еще не конец — случалось, все же возвращались с лестничной площадки, гораздо реже — с космодрома, и никто — с Земли, даже если все понял и осознал, что поступил неправильно. У них были свои неписанные законы. Можно было даже крикнуть «Стойте!», пока не закрылся внешний люк уходящего на Землю корабля, — по тем же неписанным законам капитан обязан, не выказывая неудовольствия, задержать старт на время, необходимое человеку, чтобы покинуть корабль. Захлопнувшийся люк означал — «обжалованию не подлежит».

— Стойте! — Панарин вновь поднялся.

Барабан быстро вышел, остальные двое остановились вполоборота к Панарину. С такими лицами ожидают своей очереди в приемной зубного врача —

надоедливая боль и нетерпеливое желание поскорее все кончить.

— Я вас никак не обзову, — сказал Панарин, — но вы вот о чем подумайте: — придет время, и мы обязательно выиграем, и будет Галактический Флот. И очень может быть, что тогда вы не вытерпите и придете, и вам ничего не напомнят, вас примут, но вы-то постоянно будете помнить, что вашей заслуги тут нет, а могла бы и быть... И вы ведь друг с другом встречаться не станете, сойдя с трапа на Земле, тут же в разные стороны разбежитесь...

Они ничего не ответили. Повернулись и вышли. Мягко стукнула дверь. Панарин заглянул в расписание — через двадцать восемь минут на землю уходил «Альмагест». Как они провели эту ночь? Великий Космос, сделай так, чтобы на мою долю никогда не выпало такой ночи и такого ухода...

Марина смотрела на него с изучающим интересом. Панарин подошел и задвинул в гнездо объектив — он знал, где нажимать кнопку, сам немного снимал на досуге.

— Ты был великолепен — Леонид у Фермопил...

— Замолчи!

— Ого, вот ты какой, — сказала Марина так, словно он оправдал какие-то ее ожидания. — Пожалуй, и ударить можешь. Тебе не кажется, что ты не имеешь права их упрекать? Они взрослые люди, как и ты, и вправе выбирать свою дорогу, отличающуюся от твоей.

— Я их не упрекаю. Я их даже могу понять. Мне просто больно — я только что навсегда потерял трех друзей.

— И еще тебе страшно, — сказала Марина, подойдя вплотную и глядя ему в глаза. — Тебе страшно оттого, что однажды и ты можешь подумать: а не пора ли покинуть мастерскую по изготовлению вечных двигателей? Ведь правда? И оттого ты их сейчас ненавидишь. А меня тоже — за то, что я читаю твои мысли. Ну, я пошла, тут сейчас явно не до меня. — Она приподнялась на цыпочки и поцеловала Панарина в щеку. — До сегодня... ежик!

Панарин сел работать. Для начала он вызвал дежурного Проекта и приказал на основании соответствующего разрешения включить в экипаж «Сокола» корреспондента Глобовидения Марину Банишевскую. «Сокол» должен был стартовать через час, эксперимент предстоял спокойный и рутинный — отработка взаимодействия корабля с излучателями энергетических волноводов.

Покончив с этим, написал Кедрину установленного образца заявку на трех пилотов-испытателей. Попутно прикинул, не удастся ли переманить сюда кого-нибудь подходящего из тех, кого он знал и на кого мог рассчитывать. Получалось, что надеяться особенно не на кого, но с Норвудом и Липатниковым связаться стоит.

Было еще четыре заявления от выпускников, свежее испеченных пилотов, посланные, как порой случалось, вопреки всем правилам субординации, в обход распределительной комиссии. Три были выдержаны в стандартных возвышенных, нестерпимо мажорных тонах, авторы скромно и тонко намекали, что без их активного участия Проект неминуемо захиреет, а при их участии выйдет очень даже наоборот, сияющие вершины будут наконец-то достигнуты. Панарин с маху написал три стандартных же вежливо-огорчительных отказа, как раз на такие случаи и рассчитанных, приколот их к конвертам и сбросил все в ящик срочной почты, над четвертым заявлением он задумался, выпускник просто перечислил виды и количество выполненных им полетов, налет часов, полученные знаки классности, а ниже написал: «Когда я могу получить направление в Центр подготовки испытателей?»

Панарин хмыкнул, покрутил головой, пробормотал:

— Ну, салажонок...

Подумал и отложил конверт в папку «Текущие дела», никто, разумеется, не направил бы в Центр подготовки испытателей выпускника, но можно было найти средства помочь ему, подыскать место, где парень быстрее обычного заработал бы необхо-

димый налет часов и соответствующую квалификацию.

Оставалось еще самое неприятное и потому оставленное напоследок — внести соответствующие записи в личные дела трех пилотов и запечатать в конверты для отправки на Землю. Можно было заняться и этим — «Альмагест» уже стартовал, и никто из трех не вернулся в кабинет...

Панарин запечатал конверты с личными делами, отправил в ящик следом за отказами, и заниматься стало абсолютно нечем.

Он подошел к окну, нажатием кнопки убрал стекло в стену, сел на широкий подоконник. Снаружи наплывали горячие запахи здешнего лета, улица была пуста. Вынужденное безделье в промежутках между полетами тяготило Панарина и раньше, но сейчас он бездельничал и как начальник. Мы знали, что наша работа будет состоять из нескольких часов предельного напряжения нервов дважды в неделю и битья баклуш в остальное время — заслуженного, запланированного. — Мы давно растеряли курсантские иллюзии — многие еще до вручения пилотских дипломов — и понимали, что никакие дела не решаются с налета. Мы знали, что будет долгое ожидание. Но кто мог предвидеть, что оно будет таким долгим?

Он откинулся назад, уперся затылком в прохладную стену и тихонько запел:

— Мы по собственной охоте
были в каторжной работе
в северной тайге.
Там пески мы промывали,
людям золото искали —
себе не нашли...

Песня не получалась, и он замолчал, хотя никто не мог его слышать. По улице медленно, словно боясь оцарапать стены выпуклыми боками, прополз похожий на обрубок толстенной трубы фургон технического контроля космодромной службы. Решетчатый гребень блинк-антенны пришелся вровень с

лицом Панарина — он невольно отодвинулся — пахнуло жаром, мощно мяукнул сигнал. Фургон свернул направо — водителям, как обычно, лень было давать километровый крюк, и они срезали дорогу.

В дверь постучали, и она сразу же распахнулась настежь.

— Сидишь? — Муромцев с порога окинул взглядом кабинет. — Красного сигнала ты не зажег, вот я и лезу без приглашения, бурбон этакий... Жара, черт... — он открыл холодильник, извлек подернутую нежной пленочкой инея бутылочку «Нектара». — На тебя доставать?

— Валяй, — сказал Панарин.

С Муромцевым ему всегда было легко — они были почти сверстниками, Панарин чувствовал к нему нечто вроде изумленного уважения — как-никак Муромцев был из тех, кто понимал и мог более-менее зримо представить себе гиперпространство и пути кораблей в нем. Правда, в робость это не переходило — Панарин никогда не робел перед чужим мастерством, он и сам был мастером своего дела. К тому же сейчас даже Муромцев не понимал, что происходит с гиперпространством....

— Как тебе визитер?

— С ним трудно спорить, — сказал Панарин.

— Если придерживаться холодной логики, попросту невозможно. А нужно, Тимка, нужно... Если прислушиваться к нему внимательнее, станет ясно: это тот старый-престарый голос — дайте победу сейчас, немедленно, дайте то, что сию минуту можно попробовать на зуб, лизнуть, повесить на стену, поставить на стол. О, конечно, он предельно благожелателен — прошли те времена, когда враждующие стороны применяли друг против друга нечистоплотные методы... он даже сожалеет, что приходится ущемлять чьи-то интересы — проклятые обстоятельства... И самое плохое то, что ему многие поверят, то есть — проголосуют за него. Возможно, сумей мы распахнуть двери в Большой Космос немедленно, все было бы иначе. Даже наверняка. Но Проект в тупике, и никто не может понять, что случилось с гиперпростран-

ством. Человечество, действительно, вправе сказать нам: вам многое дали, вам позволили работать, как вам угодно. Но доверия вы не оправдали, поэтому не посетуйте...

— Может, нам в самом деле рано становиться галактической расой?

— А тебе не приходило в голову, что мы уже стали галактической расой? Как только начались регулярные рейсы ДП-кораблей за пределы Системы, как только была создана Дальняя Разведка? Философ из меня никакой, но мне кажется — повторяется, пусть в иной форме, один старый недуг, когда-то общественное устройство в некоторых странах отставало от развития науки и техники. Теперь от развития науки и техники отстает общественное сознание — мы пока не поняли, что стали галактической расой, что неудачи Проекта — не неполадки в системе путей сообщения, а трудности на пути Хомо Галактос. Возможно, кому-то такие мысли покажутся еретическими, возможно, я с ходу придумал это, пытаюсь найти контраргументы против Каратыгина, и все же... На земном шаре мы просидели сиднями чертте сколько тысяч лет — как Илья Муромец у себя в Карачарове. Мы чертовски привыкли к этой печке, но пора нас с нее стаскивать. Дело принимает не технический, а социальный аспект, и вот этого-то не в состоянии понять ни Каратыгин, ни его очаровательная оруженосица. После совещания я просмотрел ее последний фильм — ничего не скажешь, девочка не без способностей, умно и иронично шельмует пожирателей энергии, жалеет бедный Лабрадор, на котором из-за нас до сих пор не растут апельсины... Ты не видел?

— Нет, — сказал Панарин. — Надо посмотреть.

— Обязательно посмотри — противника нужно знать. Она делает все умело и умно, но, по-моему, сама не понимает, что защищает, по сути, идеал сытого брюха. Да, так. Оттого, что все обстоятельства носят иные имена, суть не меняется. Идеал Каратыгина — Земля, на которой человек не будет нуждаться ну ровным счетом ни в чем. И лишь когда этот

Эдем будет построен, быть может, и стоит поднять голову к звездам — быть может, надо подумать, да не рано ли, ведь у нас еще нет роботов для почесывания нам спины и розыска шлепанцев... Черт, выговориться хочется... — он брякнул на стол пустую бутылку и нервно прошелся по кабинету. — Янович ушел, обидно до чего, я же у него начинал, молился на него, было время...

— А как расценили у вас его уход? — жадно спросил Панарин.

— Как и следовало оценить, уходит старшее поколение, чьи научные школы, теории, методы не смогли решить проблему. Это где-то даже естественно — как обновление клеток тела. Хуже, что молодая смена, сиречь мы, признаться, не чувствует себя способной перенять у них штурвал... Вот это гораздо хуже.

— У меня была идея, — сказал Панарин. — Вызвать Стаха Снерга — помнишь его?

— Контрпропаганда? Дело хорошее, если повернуть в нужном направлении. Не доказывать с пеной у рта, что все экспериментальные проекты забирают все же меньше энергии, чем все заводы по производству предметов десятой необходимости, без которых вполне можно обойтись. Не апеллировать к эмоциям, тревожа тени Колумба и Синдбада-морехода. Нужно доказывать человечеству, что оно, хотело оно того или нет, стало галактическим социумом, перешло на новый виток спирали — и обязано это принять и понять. Вот что нужно делать, а не торговаться из-за мегаватт...

— У тех, кто начинал тридцать лет назад осваивать Ойкумену, был могучий стимул, — сказал Панарин. — Контакт. Никакие энергетические трудности не принимались во внимание — люди ждали, что вот-вот встретят обитаемую планету или инопланетный звездолет. Потом поняли, что Ойкумена стерильна, как автоклав, что за пределы ее нам не вырваться, да и к нам никто не прилетает. И снова потащили из архивов пыльные теории об уникальности земного разума...

— Ну, а если они ждут, пока мы начнем проявлять себя как галактическая раса?

— А как проявлять? — спросил Панарин. — Мы, между прочим, тридцать лет проявляем себя, пусть пока в сфере радиусом в десять парсеков. Что им еще нужно — ждут, когда мы заставим Толимак мигать в ритме «Галактического вальса»? Не надо нам с тобой напоминать друг другу дискуссии десятилетней давности. Нам обоим хочется выговориться, но от разговоров легче не станет.

— Тогда пойдем купаться. И нашего прелестного врага пригласим.

— Она ушла на «Соколе», — сказал Панарин.

— Ну, пусть ее, позабавится девочка, значок зарабатывает... Знаешь, а у меня сегодня были попы с «Апостола».

— Слушай, что им тут делать?

— Ведут научную работу, — сказал Муромцев. — Да нет, я не шучу, настоящая научная работа, что-то связанное с планетологией, не иначе хотят доказать, болезные, что Эвридика создана из божественного ребра, но, между прочим, за главного у них прелюбопытнейший тип. Архиепископ он там или кто, не знаю, в титулах не разбираюсь, но математик он крепкий. Встречались уже — год назад он был наблюдателем на нашем конгрессе в Ставрополе, только я тогда не знал, кто он, он был в штатском. Наведаемся в гости?

— Да ну их, — сказал Панарин. — Не понимаю я, признаться, как эти динозавры вообще дотянули до нашего времени.

— Потому что громадный опыт борьбы за существование. Пускай себе возятся, с ними интереснее жить...

— Знаешь, — сказал Панарин. — Я вчера в «Приюте» познакомился с забавной девочкой. Астроархеолог. Уверяет, что в Синегорье нашли могильник или что-то в этом роде.

— Разыграла тебя забавная девочка, как младенца. Никакой она не астроархеолог. Могильник... Здесь... Скорее, на Луне изловят бегемота в кратере Арзахель.

— А вдруг?

— Ну, вдруг... — сказал Муромцев. — А ты что-то ударными темпами начал знакомиться с милыми девочками — вчера астроархеолог, сегодня очаровательная Марина...

— Стечение обстоятельств. Сама заявила поутру.

— Она очень даже ничего, — сказал Муромцев. — Только, на мой взгляд, чересчур уж торопится покорять и властвовать. Я от таких бегаю. — Он внимательно посмотрел на Панарина. — И тебе советую. Коли она, такая вот Цирцея, глуповата — тому, кто наблюдает со стороны, как ты теряешь голову, досадно за тебя, а если она умна — обидно вдвойне...

— Да ладно тебе.

— Ну, как знаешь, я тебя предупредил. Пока, пойду поваляюсь на пляже, может, что и придет в голову под шелест струй...

У двери он оглянулся, хмыкнул, подмигнул, достал световой карандаш, и в воздухе повисли зеленые буквы «Тим + Марина = ...». Панарин прицелился в него толстенной папкой. Муромцев погасил буквы, ухмыльнулся и захлопнул за собой дверь.

ВОДОПАД-ВОДОВорот

В «Приюте гиперборейцев» Панарин появился около десяти вечера. Там, как обычно к этому времени, было не протолкнуться. В игровых залах мерзко ревели электронные чудовища, которых нужно было уничтожать из бластера, лязгали доспехи автомата «Рыцарский турнир». Острых ощущений хватало — можно было попытаться проскочить с бешеной скоростью на элкаре по узенькому мостику через пропасть, посадить на планету поврежденный, плохо слушающийся пилота корабль, увернуться на эсминце от торпед, промчаться на мобиле по лабиринту каньонов, и так далее, и тому подобное. Степень достоверности происходящего была весьма высокой. Большинство аттракционов, рассчитанных на реакцию обычного нетренированного человека, были для пилотов практически беспроегрышной и оттого скучной забавой, и для них был оборудован особый зал, где приходилось и попотеть.

Играла музыка, под потолком плавали затейливые разноцветные туманы, в зале танцевали. Панарин любил здесь бывать — в этом радужном веселом вихре он намертво отрешался от забот и тревог, не существовало ни будущего, ни прошлого.

Рамирес играл миксерами, как черт грешными душами, в тысячный раз повествуя какому-то новичку историю своего расставания с заполнившими порт и прилегающие улицы гаванцами. Панарин пробился к стойке, взял бокал с чем-то мерцающим, искрящимся, стал разглядывать зал.

Марина танцевала с Малышевым, ко-пилотом «Сокола» — метался над загорелыми коленями подол легкого зеленого платья, метались легкие волосы,

она улыбалась Малышеву так, словно кроме них никого здесь больше не было, Малышев улыбался в ответ смущенно и гордо. Панарин пожал плечами, повернулся к стойке и взял новый бокал.

— А о тебе тут справлялись, командор, — сказал Рамирес.

— Кто?

— Вон та блондинка в зеленом. Не грусти, кабальеро, все образуется. Одолжить тебе наваху?

— Откуда она у тебя, хомбре...

— Метеорная опасность со штирборта, командор, — сказал Рамирес, и тут же Панарина тронули за локоть.

— Молодец, что пришел, — сказала Марина. — Что же ты меня не поздравляешь? Вот. — Она коснулась круглого значка с цифрой «один», полагавшегося ей за участие в рабочем полете.

— Поздравляю, — сказал Панарин.

— Ты нарочно отправил меня в такой скучный полет?

— Зато настоящий.

— Интриган. Пойдем танцевать? Нет-нет, туда, где что-нибудь медленное, надоели эти ужимки и прыжки. Да и ты сможешь меня обнять. Коробит?

— Да нет, — сказал Панарин. — Привыкаю помаленьку.

— Нахал. Ко мне невозможно привыкнуть.

— Я постараюсь.

— Глупости какие. Я меняюсь, как море, я легка, как беда, в вековечнейшем споре озорства и стыда... Шеронин. Между прочим, посвящено мне.

— Надо же...

— Не иронизируй, наверняка сам не умеешь писать стихи и потому завидуешь. И тебе никто стихов не посвящал, тебе этого не понять. Все, пришли. Мне здесь нравится.

В полумраке ритмично вспыхивали красные, синие и желтые ажурные фонарики, по стенам проплывали тени каравелл, конных рыцарей и старинных замков, голос певца был грустным, как письма, которые остаются неотправленными:

— Звезды в желтых листьях умирали,
их сгребали кучами и жгли.
Шла Любовь в накидке из Печали,
шла печаль в накидке из Любви...

— Понял? — прошептала ему на ухо Марина, прижалась теснее. — Все перемешано до абсолютной неразделимости...

Панарин опустил лицо в пушистые волосы.

«Вот и все», — обреченно подумал он, радуясь этой обреченности.

— Марина, — сказал он, цепenea от нежности.

— Что? Сама знаю. У тебя никогда не было такой, как я? Верю, потому что я уникальна.

— Я...

— И это знаю, поцелуй меня.

Они были не одни в зале, но это не имело значения — не существовало ни зала, ни Эвридики, только музыка и они.

Марина мягко отстранялась:

— Пойдем. У меня опять приступ сумасбродства. Хочу попасть куда-нибудь далеко отсюда. Есть здесь таинственные места, заколдованные замки?

— Есть, — сказал Панарин. — А кто недавно подсмеивался над поисками заколдованных замков, чаши Грааля?

— То было днем, а теперь ночь...

...Панарин посадил мобиль у огромной скалы, похожей на безголового верблюда, в густой тени. Опустил верх.

— Это и есть прославленное в туристских проспектах место? — спросила Марина, с сомнением озираясь. — Ты с дороги не сбился?

Мобиль стоял на каменистой равнине, кое-где вздыбленной скучными выветрившимися скалами. Красоты здесь было не больше чем в ящике с песком. Издали доносился глухой размеренный шум воды. В небе желтел серпик Орфея, лежавший рогами вверх, как пектораль на груди невидимого великана.

— А где же хваленый Мост Фата-Моргана?

— Пошли, — сказал Панарин.

— Ну хотя бы драконы здесь водятся?

— Мы их заклинаниями отпугиваем, — сказал Панарин и включил фонарик. — Ну, пошли.

Они спустились по отлогому склону, обходя высокие пучки жесткой колючки. Несколько минут шли, петляя, меж каменных стен. Белый луч фонарика метался по ноздреватому камню, дергающиеся тени, казалось, отпрыгивали в темноту, и скоро начало мерещиться, что кто-то и в самом деле крадется следом — такое тут было эхо.

— Ну и лабиринт, — сказала Марина. — Ты куда заманил беззащитную девушку?

— Прямо к Минотавру. Я у него на процентах работаю, — сказал Панарин не оборачиваясь. — Вот, а теперь начинается самое интересное... Сворачивай за скалу, иди первая.

Он пропустил ее вперед и двинулся следом, заранее улыбаясь — ночью водопады производили особое впечатление. Испуганное ойканье — Марина отпрянула назад, и Панарин придержал ее за плечи.

— Ну-ну, не упадешь, — сказал он. — Пришли.

Стоило шагнуть за скалу — и человек оказывался на узеньком, не шире трех метров, карнизе, над пропастью. Отсюда открывался вид на десятки километров вперед, а слева, далеко внизу, широкая спокойная река обрывалась высоким водопадом, струйчатым занавесом, серебристая лунная дорожка дробилась облаком сияющей пены, и река косо уходила вправо, под скалу, на которой они стояли.

— Да... Но все же?

— Тихо, — прошептал Панарин, не выпуская ее. — Сейчас...

Багровый диск Энцелада, второго спутника, показался из-за горизонта, оторвался от него, поплыл по небу со скоростью воздушного шара. Скалы отбрасывали две тени, полосу пены и брызг на гребне водопада пронизали радужные сполохи, перекинувшие фериический сверкающий мост между двумя берегами.

Это продолжалось примерно полминуты, потом вспышки чистых спектральных цветов стали тускнеть, и мост незаметно растаял.

— Вот так, — сказал Панарин. — Два разноцветных спутника, минеральные примеси в воде, а впрочем, планетологи еще не до конца выяснили насчет этой ночной радуги...

— Перестань, — Марина высвободилась и встала лицом к нему. — Ну и тип — он в таком месте, с ним такая девушка, и он ей рассказывает о минеральных примесях... Или собрался меня здесь утопить?

— Вот именно, — сказал Панарин. — Чтобы никакого фильма. Таинственное исчезновение известной журналистки. Скалы хранят тайну. В традициях ваших штампов.

— Ну-ну, не нужно насчет штампов, иначе вправду спихну в водопад. Что ты молчишь? Расскажи что-нибудь о минеральных примесях.

— Они примешиваются.

— К чему?

— К воде.

— Как интересно... Тим, ты меня боишься?

— С чего бы вдруг?

— С того. Ты же боишься подпасть под мое очарование, и признаться в этом боишься.

— Ну и боюсь, — сказал Панарин. — Мы же не роботы, в конце-то концов. — Он взял ее за плечи и заглянул в глаза. — Зачем я тебе?

— По правилам игры мне это полагается спрашивать.

— Знаю я твои правила игры.

— Ой ли? Ничего ты не знаешь, кроме того, что я... — Марина притянула его голову, крепко поцеловала в губы, налетевший ветерок взметнул ее волосы и забросил на шею Панарину, словно петлю накидывал. Торопясь прогнать эту мысль, Панарин обнял Марину и перестал слышать рокот водопада.

— Нет, — Марина решительно отстранила его. — Вернемся в поселок, ладно? Здесь все время кажется, что за тобой шпионят. — Она запрокинула голову, всматриваясь в звездное небо. — Вот эта монетка. — Она коснулась прикрепленного к лацкану куртки Панарина диска, действительно напоминавшего старинную монетку.

На ее платье поблескивал такой же. Каждый управлявшийся за пределы поселка обязан был надевать датчик — тот передавал спутникам «Динго» данные о работе сердца и местонахождении человека. Шпионством это никак нельзя было назвать, но любой оператор «Динго» без труда мог определить, что эти двое стоят сейчас вплотную друг к другу, и ритмы работы сердец несколько отличаются от нормальных, правда, в таких случаях по неписаному закону оператор убирал изображение с экрана, полагаясь лишь на звуковой индикатор ритма сердца, но Панарин не стал ей этого объяснять, не надеялся переспорить.

— Давай выбросим их в воду? Переполох поднимется, спасатели налетят...

— Нельзя, — сказал Панарин.

— Дама требует, командор.

— Все равно нельзя.

— Ну да, ты же личность ужасно ответственная и насквозь серьезная...

— Обиделась?

— Да за что? Просто не хочу, чтобы эти шпионы подслушивали, — она щелкнула по безвинному датчику. Взяла Панарина за локоть, заговорила тише. — Знаешь что? Тебе никогда не приходило в голову... Когда мы стоим на Земле, мы стоим на миллионах мертвецов, верно? На миллионах бывших жизней. А здесь сама планета — сплошной мертвец, потому что людей никогда не было, и оттого еще страшнее почему-то...

— Ты стихи не пишешь?

— Пойдем, — сказала она резковато, словно стыдясь откровенности.

Обратный путь до места посадки проделали в полном молчании. Панарин поднял мобиль и хотел включить автопилот, но Марина отодвинулась:

— Нет-нет. После того фильма с Солом Сондерсом целоваться в мобиле — пошлость. Веди машину и не отвлекайся, а я буду тебя привораживать. — Она положила голову ему на плечо и тихонько зашептала в ухо таинственным голосом. —

Как на море на океане, на острове на Буяне есть бел-горюч камень-алатырь, на том камне устроена огнепалимая баня, в той бане лежит разжигаемая доска, на той доске тридцать три тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски и бросаются тоски через все пути и перепутья воздухом и аером. Лечитесь, тоски, киньтесь, тоски, и бросьтесь, тоски, в Тима Панарина, в его буйную голову, в тыл, в лик, в ясные очи, в сахарные уста, в ретивое сердце, в его ум и разум, в волю и хотение, во все его тело белое, чтобы была я ему милее свету белого, милее солнца пресветлого, милее луны прекрасной... — она коснулась копчиками пальцев его щеки. — Понял? Никуда ты теперь от меня не денешься, от ведьмы...

— Я в наговоры не верю, — сказал Панарин. — Рационалист, работа такая.

— А наговоры действуют и на тех, кто в них не верит, и на рационалистов тоже. И не пытайся освободиться, ничего у тебя не получится...

Огни поселка неслись навстречу. Панарин уже не старался разбраться в своих чувствах и помыслах — его несло по течению, нельзя было остановиться, и пути назад не было, и другого берега не было, были только теплые пальцы на щеке. В холодном и лишенном эмоций, как царство Снежной королевы, мире приборов и агрегатов он был королем, но то знание и умение ничем сейчас помочь не могло.

«Все, — подумал он. — Не знаю, как сопротивляться, потому что не хочу...»

...Обоз подошел на выгодное для конной атаки расстояние, там ни о чем не подозревали, спокойные голоса разносились по полю, достигая леса.

— Сабли во-о-о-н! Марш-марш!

Панарин ударил Баязета шпорами и, сшибая кивером едва державшиеся на ветках багряно-золотые листья, вымахнул на опушку. Застоявшийся конь охотно сорвался в карьер. Сзади слитно грохотали копыта — разворачивался эскадрон. Подпоручик Осмоловский, бретер и забубенная головушка, обо-

гнал Панарина на полкорпуса, он бешено крутил саблей, рассекая ею острые лучики закатного солнца, и орал:

— Когда Бирнамский лес пойдет на Дунсиан! Господа французы, антр ну, вашу мать!

Обоз дрогнул и смешался в клубок, словно упавшее на пол ожерелье. Нестройно засверкали выстрелы, пыхнули густые дымки, и подпоручик Гектор рухнул на всем скаку, покатился по земле Осмоловский, успевший выдернуть ноги из стремян, но Баязет уже промчал мимо Панарина, навстречу испуганно-яростным лицам конных егерей маршала Даву. Раздался скрежет стали о сталь, перестук копыт. Запах крови и внезапная обжигающая боль в левом плече были так реальны, что Панарин вздрогнул и проснулся.

В комнате стояла покойная тишина, Марины не было. Панарин быстро оделся, собираясь побыстрее выскользнуть на улицу, но из кухни выглянула Марина в желтом махровом халатике:

— С пробуждением, командор. Иди завтракать.

Панарин потрогал плечо — казалось, оно еще болело, странный сон... Сел на белый табурет, взял чашку. Марина села напротив, подперла щеки узкими ладонями и внимательно его разглядывала, рассеянно улыбаясь чему-то своему. Потом сказала:

— Идиллия. А через полчаса разойдемся — ты пойдешь запускать корабли, а я — доказывать, что незачем их запускать. Потом — снова встреча на нейтральной почве. Смешно, верно?

— Пора мне, — поставил он на стол чашку.

— И никуда тебе не пора. Я тебя еще не отпустила. Ты не забыл, что заколдован?

— Забыл.

— Намекаешь, что настали деловые будни и любые шутки неуместны? «Наш рыцарь, бранный взяв доспех, помчался в поле...» Подождут твои драконы и плененные красавицы, рыцарь. Да и не дам я тебе заглядываться на посторонних красавиц. И вообще на работу тебе в девять, так что пойдем посидим.

Панарин сел рядом с ней на диван, отодвинув большого лохматого медведя с невыносимо ухарской физиономией. Марина взяла медведя и посадила к себе на колени.

— Я не Цирцея, — сказала она, теребя медвежьи уши, — и не страдаю патологической страстью окружать себя покорным зверьем. Но я — кошка, которая гуляет сама по себе, Тим, и намерена оставаться ею и впредь.

— И как я должен это понимать?

— Ты у меня не первый и не последний. Не игрушка, не думай, но и не Тристан. Ты для меня — просто ты. Пока есть ты, никого другого не будет, но ты — не навсегда.

— Мне, наверное, пора встать и уйти?

— Не глупи. Ты зря считаешь, будто в чем-то ущемлено твое мужское самолюбие. Это — жизнь. Тебе не нравится, что выбираю я?

— Может быть.

— А почему, Тим? Потому, что за твоей спиной — тысячелетние правила игры? Так они и тысячу лет назад не были однозначными, а уж в наше время — тем более. А то, что в мире нет нечего вечного, ты знаешь сам. В общем, я не роковая соблазнительница, а ты не бездумный манекен, верно?

— Кошка, которая гуляет сама по себе?

— Да, — сказала Марина. — Хочешь выразить неодобрение?

— А вдруг хочу тебя пожалеть?

— Не надо меня жалеть. Не за что. Я живу так, как мне нравится, и по-другому не хочу.

«Я мог бы и поверить, — подумал Панарин, — если бы ты была моей первой женщиной, если бы я не знал, что ничего нового ты не придумала, создавая образ, и философия твоя не нова, что маской кошки, гуляющей самой по себе, прикрывают порой обиду на прошлые неудачи и разочарования, что есть разница между свободой воли независимых людей и стремлением сделать независимость своего рода мезью. Что человек, решительно заверяющий: «Не надо меня жалеть!» В глубине

души порой понимает — можно его жалеть и нужно. Что ты просто-напросто боишься подчинить себя искренним чувствам, способным растворить маску, и заставить признать, что во многом ошибалась все же...

Он многое мог бы сказать, но промолчал — сложившиеся убеждения не разрушить лихой кавалерийской атакой вроде той, что привиделась в странном утреннем сне. Высказав сейчас все подробно и безжалостно, Панарин, он чувствовал, потерял бы Марину, еще, в сущности, и не найдя, а терять ее он никак не хотел.

— Вот так, — сказала Марина.

Будь в ее тоне хоть чуточку поменьше наработанной невозмутимости — тут бы и считать ее искренней. Мало хорошо заучить, нужно еще и верить в заученное...

— Они быстро на мне поставили крест — в первый день, первой пулей в лоб.

Дети любят в театре вскакивать с мест.

Я забыл, что это — окоп...

— И вовсе ни к чему припутывать Киплинга, — сказала Марина.

— Не буду, — сказал Панарин. — Ну, я пошел. Мне и в самом деле пора.

«Что же делать, — думал он, механически отвечая на приветствия встречающих. — Я не умею, не знаю, как спасать женщину, еще не нашедшую себя как женщина и человек. Мне никогда не приходилось заниматься таким. Что я вообще умею? Великолепно пилотировать звездолет, а одного этого, кажется, уже мало. Спасать я не научился, а нужно учиться, пора — нет ничего важнее твоей работы, но если ты заиклен только на ней, чем ты лучше робота? Может быть, потому и Кедрин...»

Несколько дней спустя смутно мелькнувшая догадка перешла в уверенность. Наверняка Кедрин заметил что-то в нем, «искорку божью под ребром»,

как выражались астронавты старшего поколения, потому и перевел на работу, где, кроме бездумных агрегатов, придется иметь дело еще и с людьми. Хотел подтолкнуть ненавязчиво и не высказываясь напрямую, заставить обратить внимание на то, что, кроме мира кораблей, существует еще мир людей, гораздо более сложный.

Но это было несколько дней спустя, а сейчас он забыл о мелькнувшей догадке, отвлеченный совсем другими мыслями.

Глава 7

ВО ТАЙГЕ, НА ОСТРОВЕ БУЯНЕ...

Снерг свернул на широкую — можно разминуться двум элкарам — тропу, увидел сквозь темное переплетение пихтовых веток освещенные окна, услышал музыку.

Дачу эту шеронинцы построили собственными силами и по собственному проекту год назад и нарекли островом Буяном — здесь имелся и выполненный из марсианского торiana в натуральную величину бык печеный, при котором, естественно, находился и нож точеный. Была здесь и вторая неременная принадлежность сказочного острова Буяна — бел-горюч камень алатырь (отшлифованный до зеркального блеска метровый кристалл, доставленный с Мустанга). Совсем недавно, месяц назад, скульптор Танаков, вспомнив, что остров Буян был еще, по другим версиям, царством славного Салтана, воздвиг на пригорке сказочный дворец площадью в десять квадратных метров и высотой в человеческий рост. Днем дворец был просто красив, а по ночам радужно светился.

Компании здесь собирались шумные и веселые, встретить тут можно было кого угодно — археологов из Антарктиды, композитора с Мадагаскара, садовода со Шпицбергена, авторов новых проектов машины времени, поэтесс, альпинистов-внеземельщиков, звездолетчиков и просто увлеченных чем-то, интересных людей. Вход сюда был открыт всем — за исключением людей скучных. Снерг любил здесь бывать еще и потому, что с Аленой он познакомился полгода назад именно на острове Буяне, а встретились они впервые у камня алатыря (который по ночам светился каким-то особенно загадочным сиянием).

Дом был большой и походил на старинный замок, начавший внезапно превращаться в строение неизвестной инопланетной цивилизации, но застывший на половине. Некоторым этот причудливый, ни на одно земное строение не похожий дом не нравился, но Снерга в нем как раз и привлекал этот застывший, неуловимый, но все же уловленный переход от привычного и чуть поднадоевшего к необычайному, от земной обыденности к неизвестному чуду, еще не отлившемуся в четкие контуры, но уже заявившему о себе.

Снерг распахнул калитку. Здесь все было, как обычно — одни комнаты ярко освещены, свет в других едва касался оконных стекол — влюбленные. Слева, у калитки, рдел квадрат раскаленных углей под вкусно дымившимися шашлыками — за ними бдительно надзирал киберповар величиной с кошку. Углядев Снерга, он мигнул голубыми фасеточными глазками и развязно-предупредительным тоном тестовского полового заявил:

— Кушать подано-с, ваше вашество!

— Потом, — сказал Снерг.

У крыльца театральный режиссер Барсуков и маленький бородатый человек с глазами обиженного спаниеля, держал за борт куртки кого-то незнакомо-го и вдохновенно излагал проект спектакля, превосходящего по размаху и дерзости замысла все когда-либо ставившееся на театре со времен его возникновения — следовало заново отстроить Трою, поставить у берега на якоря армаду ахейских кораблей, задействовать пару сот тысяч исполнителей и ассигновать на всевозможные эффекты и небесные знамения примерно десятую часть годового расхода энергии Земли. Тогда, по его словам, можно было ожидать чего-то, сногшибательно воздействующего на зрителя и таящего в себе глубокую сермяжную правду. План выглядел заманчиво, нельзя было понять одного — где должны были разместиться зрители, впрочем, вполне возможно, что Барсуков, склонный к нетрадиционным решениям, считал зрителей еще одной театральной условностью, без которой впол-

не можно обойтись. Зная о крайне мизерном количестве зрителей, посещавших его спектакли, нельзя было исключать, что Барсуков обратится к этому варианту и явит миру новое слово в искусстве — театр без зрителя...

Его собеседник поддакивал, временами робко и безуспешно пытаясь освободиться. Снерг улыбнулся и прошел мимо — Барсукова в театральных кругах, в общем, не принимали всерьез.

Обход острова Буяна Снерг начал с широкой застекленной веранды, игравшей здесь роль картинной галереи, где и завсегдатаи, и новички могли выставлять новые работы. Он остановился перед большой стереокартиной, прочитал на табличке: «Анатолий Пчелкин. Смерть разведчика».

Унылая буро-желтая равнина неизвестной планеты и разбитый гравилет посередине — сила удара была такова, что металл расплавился, потек и застыл гроздьями голубых шариков. Прозрачный колпак разлетелся. Среди зубчатых осколков, рассеченных ветвистыми трещинами, среди зыбких лент дыма сидел, откинувшись на спинку кресла, мертвый пилот в темно-фиолетовом скафандре Дальней разведки. Руки на рычагах — он до последнего мига пытался что-то сделать, сумел не рухнуть камнем из-за облаков, но спастись все же не смог. Жесткий скафандр не дал телу обмякнуть, расслабиться, и звездолетчик, несмотря на окровавленное лицо, мог показаться лишь потерявшим сознание, если бы не следы вспоровшего равнину удара — ясно, что уцелеть человеку после такого удара невозможно. И застывшие глаза в рамке острых полосок разбитого стекла гермошлема. И все же, несмотря на всю печаль картины, было ясно — пилот погиб, но не был побежден.

Но ассоциации мысли перескочили на катастрофу «Асмодея», корабля Проекта — он тогда снимал фильм о полигоне Эвридики. Панарину тогда рассадил лицо, Снерг потерял два зуба, всех здорово помяло, но Панарин спас «черный ящик», а он — свои камеры, и физики получили интересные дан-

ные, а уникальные кадры уцелели. С Панарина мысли перепрыгнули на череду неудач и потерь Проекта «Икар», и Снерг помрачнел — все, о чем он снимал фильмы, становилось как бы и его делом, он радовался удачам, его огорчали провалы. К тому же проект обещал многое как Снергу-землянину, воспитанному на мечте о дальних звездах, так и Снергу-журналисту — границы мира, в котором он работал для зрителей Глобовидения, должны были расширяться в миллионы раз. И то, что Проект топчется на месте, он воспринимал болезненнее многих других — он бывал на Эвридике, получил значок за участие в трех рабочих полетах, не понаслышке знал, как выглядит очередная неудача, какие лица бывают потом у пилотов и тех, кто ждет на земле, как они избегают смотреть друг другу в глаза — пилотам кажется, что они не сумели сделать всего, а ученые знают, что ничего не могут понять в происходящем...

— Здравствуйте, Станислав Сергеевич.

Снерг обернулся. В двери, почти заполняя собою узенький проем, стоял Каратыгин, огромный, сам, казалось, излучавший энергию. Знакомы они были, но не тесно — у каждого известного журналиста и каждого крупного администратора таких знакомых масса.

— Здравствуйте, — сказал Снерг. — И вы посещаете сей уединенный уголок? Хотя, я догадываюсь, почему. Вы, кажется, интересуетесь живописью?

— И даже сам пробую. Так, малярство. Комплекс неполноценности технаря, — признался Каратыгин с чуточку наигранным самоуничижением. — А кроме того, это — идеальная нейтральная территория, где мы с вами можем встретиться как частные лица.

— Вот уж не думал о таком назначении Буяна... — проворчал Снерг. — Но понятие «нейтральная территория» в классическом значении означает место, разделяющее позиции врагов. А разве мы с вами враги? — спросил он с хорошо отыгранной долей наивности.

— Если не враги, тем лучше, — Каратыгин точно скопировал деланное простодушие Снерга. — Пой-

демте, съедим по шашлычку? У меня, кстати, имеется к нему добавление. — (Он, подмигнув, показал стеклянную фляжку, усыпанную накладными медальонами.) «Гасконь», пятнадцать лет выдержки. Правда, коньяк — не в традициях шашлыка, но мы с вами не историки кулинарии.

— Пойдемте, — сказал Снерг.

Они сели у кострища. Снерг взял у киберповара две палочки и покачивал ими в воздухе, остужая. Каратыгин отвинтил стеклянный колпачок, оказавшийся двумя стаканчиками — один в другом, — наполнил их и поднес к углям. Коньяк заискрился дрожащими отблесками, крупное лицо Каратыгина, лицо пирата елизаветинских времен, чей корабль не умел давать задний ход, было покойным и отражало лишь удовлетворение предстоящими нехитрыми житейскими радостями, не изменившимися со времен фараонов.

«И это наверняка маска», — подумал Снерг, — слишком велики ставки, большая игра впереди. Вполне возможно, что он прилетел сюда всего лишь посмотреть картины, но забыть о делах не может, весь он в них...»

— Я летал на Эвридику, — сказал Каратыгин.

— Вот как? — вежливо спросил Снерг.

— Да.

— Значит, решили все же поднять вопрос в Совете Системы?

— Да. А вы о моем вояже слышали?

— Откуда?

— В самом деле?

— Я никогда никому не давал поводов обвинить меня во лжи, — резко и холодно сказал Снерг.

— Извините, пожалуйста. С языка сорвалось. Так... Но я уверен, они вам обязательно позвонят. У вас ведь друзья на Эвридике, вы там снимали когда-то, верно? Да, со мной туда летала Марина Банишевская...

— Понятно, — сказал Снерг. — И вы меня вычислили, как контрфигуру в предстоящей битве? Логично... Мне никто пока не звонил с Эвридики. Но если

позвонят... Я догадываюсь, зачем туда вылетела Банишевская, и скрывать не стану — за контрфильмом дело не станет. Дело, как вы понимаете, не в моих друзьях на Эвридике. Я полностью на стороне Проекта.

— Даже зная положение дел?

— Да, — сказал Снерг. — Есть и другой аспект — я был с ними, когда обстановку еще не именовали полным провалом, как же мне бросить их теперь?

— Вам не кажется, что вы чересчур поддаетесь эмоциям, Станислав?

— Нет, — сказал Снерг. — У меня хватило времени, чтобы трезво все обдумать. А ваши аргументы я знаю заранее — приходилось беседовать с вашими единомышленниками.

Каратыгин задумчиво смотрел на багровые угли, покрытые нежными чешуйками пепла.

— Не думайте, пожалуйста, что я оцениваю ситуацию исключительно с бесстрастностью робота, — сказал он. — Противника всегда нужно уметь понимать. И стараться, чтобы не были бранными словами ни «технар», ни «эмпирик». И я искренне хочу понять вас — таких, как вы. Пока я не понял. Я не стесняюсь признаться, что почти не умею при решении деловых вопросов оперировать... чувствами, если можно так выразиться. Я оперирую логикой и рационализмом — это тоже ни в коем случае не бранные слова. Вы же — эмпирик. Но нам просто необходимо понять друг друга... Мне нужны звезды. Вам тоже. Я верю в будущую галактическую экспансию и в то, что в будущем людям моей профессии придется решать гораздо более сложные и интересные задачи — овладение энергией звезд, астроинженерия. Круг ваших интересов тоже неизмеримо расширится. Но что, если мы с вами не доживем? Грубо говоря, мне хватит дела до конца жизни и при сохранении статус-кво. Вам тоже.

Он замолчал. Снерг зубами снял с шампура кусочек мяса, стал медленно жевать — чтобы иметь возможность обдумать ответ. Очень трудно рассуждать о глобальных проблемах вот так, без подготовки, без

настрою — даже если ты не единожды думал и спорил о том, что принято называть глобальными проблемами, нужно еще суметь облечь все в подходящие слова — без демагогии, без фальши и ложной красоты.

Мы тоже оперируем логикой и рационализмом, — подумал он, только логика у нас другая, и рационализм на ином основан...

— Технарь и эмпирик... — сказал Снерг. — Конечно, я мог бы демагогически сослаться на хрестоматийные факты. Напомнить, что ракетный двигатель, сверхпроводимость и лазер были «открыты» вовсе не технарями — писателями, то есть эмпириками, согласно вашей классификации. Вы нашли бы на моем месте достаточно аргументов, чтобы продолжать в подобном духе... Но речь о другом. Хотя бы о том, что лазер, радар и многое другое были созданы людьми вашей профессии со значительным запозданием. Они могли бы появиться значительно раньше — по мнению ваших же коллег. Почему же запоздали? Почему ученые порой допускали поразительные ошибки в оценке сроков практического применения открытия, а писатели порой предсказывали даты с точностью до года? По-моему, у вас, у таких, как вы, есть все для того, чтобы быть мастерами своего дела — ум, знания, дерзость. Но это не та дерзость.

— Теперь вы заставляете меня повторять хрестоматийные истины, — сказал Каратыгин. — Напоминать, какое важное место в нашей работе занимает фантазия и раскованность воображения.

— Я это знаю, — сказал Снерг. — Но, повторяю, есть фантазия и фантазия. Дерзость и дерзость. Я не могу подобрать термина, может быть, его и не существует — еще никто не сумел вразумительно объяснить, что же такое любовь, вдохновение, интуиция. Но это не дает вам перевеса — попробуйте-ка объяснить мне, что такое электрический ток или гиперпространство, — не прибегать к строчкам из учебников, а описать зримо, как раду, снег, прибой, дождь... Я знаю одно — нельзя останавливаться.

Нельзя переводить все на логику компьютеров. Вы можете облечь свои законы в строгие формулы. Мы — далеко не всегда. Но мир не может руководствоваться только вашими законами — без наших ему тоже не обойтись.

Они молчали долго. Играла музыка. К костру подходили за шашлыками, здоровались, кое-кто пытался увлечь их к музыке и веселью. Они вежливо отшучивались и обещали присоединиться попозже.

— Ну что же, — сказал Каратыгин. — Попытаемся понять и не понять друг друга... Признаться, почти все, что вы говорили, я уже слышал. Любопытно получается, вы не находите? Я не могу дать зримое описание электротока, вы — интуиции, выходит, мы оперируем схожими категориями?

— Да, — сказал Снерг. — Что ж, в конечном итоге все решат не мои или Банишевской труды и не ваша логика вкупе с рационализмом... Но не верится мне, что человечество отвернется от звезд...

— Господи, звезды... Не считайте меня узколобым консерватором, но тогда я не понимаю, зачем нам звезды? Вернее, не рано ли? К чему были бы современникам Уатта дискуссии о проблемах овладения энергией атома? Всему свое время. — Он наполнил стаканчики. — Не исключено: такое настроение оттого, что Ойкумена оказалась бедноватой по части сюрпризов, никаких мыслящих океанов и разумных кристаллов мы не нашли. Вообще ничего сногсшибательного не встретили. Сколько-то видов экзотических инопланетных животных — это не очень поражает воображение, вы согласны? Фантастика приучила нас и не к тому... И не так уж нам интересно, что в полуобжитой Ойкумене происходит. И не так уж мы туда рвемся. Возьмем хотя бы Эльдорадо — отличная землеподобная планета, первый опыт устройства крупной колонии. Вы молоды, а я-то помню, как рвалась туда молодежь, и не только молодежь. И что же? Три города, триста пятьдесят тысяч человек, но что-то туда больше не рвутся, и ваше Глобовидение уделяет Эльдорадо пять минут в неделю...

— Может быть, так и надо? — спросил Снерг. — Вам не приходило в голову, что это — порог? Что мы стоим перед очередной ступенькой? Нет, мы не выработали всех ресурсов этой ступеньки, нынешней, но не означают ли наши... да, некоторые разочарования, терзания, недоуменные вопросы, споры, что близится новый виток спирали? Что мы интуитивно чувствуем его приближение? Я в это верю.

— Ну, а я не вижу признаков приближения вашего очередного витка. Энергетическими ресурсами Солнца мы не овладели полностью. Новых кораблей нет. Потребности отправиться на колонизацию Ойкумены большая часть человечества не испытывает.

— Вы снова о чисто технических проблемах, — сказал Снерг.

— Но чего же вы ждете?

— Не знаю, — признался Снерг. — Впечатление такое, будто что-то назревает, угадать бы, что... Знаете, как это бывает перед грозой?

«Все-таки препоганая ситуация, — подумал он. — Два человека, не сказать, чтобы глупые или ограниченные, не могут понять друг друга, не говоря уже о том, чтобы кто-то кого-то переубедил, — мыслят в разных плоскостях, верят в разное, оперируют разными понятиями и критериями, и каждый на свой лад желает добра человечеству — что, в свою очередь, заставляет еще решительнее расходиться во мнениях, взглядах на будущее. Как же мы в таком случае с андромеянами-то договоримся, если друг друга понять не можем? Или не хотим?»

— Кстати, об Эльдorado, — сказал Каратыгин тоном, показывающим, что время спора отошло (если вообще был спор). — Сюда привезли картины с какого-то их местного вернисажа, и идет вокруг них спор.

— Они здесь?

— Да. Странные какие-то картины.

— Ну, странного на острове Буяне хватает, — сказал Снерг. — И как скоро вы собираетесь внести предложение о Референдуме?

— Недели через три, как только уйду в отпуск. Вы вполне успеете за это время подготовить убедитель-

ный фильм, — сказал Каратыгин без тени иронии, просто как человек, уверенный в своих силах.

— А если за это время «икарийцы» добьются успеха?

— Вы же это просто из желания подпустить детскую, простите, шпильку, говорите.

— Быть может, — сказал Снерг. — В давние времена, рассказывают, детский пальчик, заткнувший дыру в плотине, спас едва ли не целую страну...

— О давних временах многое рассказывают, — Каратыгин пружинисто встал. — Простите, дела, дела и дела. Через час у меня совещание. До свиданья.

— До свиданья, — сказал Снерг.

Он задумчиво проводил взглядом массивную фигуру Каратыгина. Интересно, как бы Каратыгин повел себя при «громе с ясного неба» — сиречь успехе «икарийцев»? Человек действует, руководствуясь определенной системой ценностей, опираясь на определенный комплекс знаний, его действия и поведение, в общем, нетрудно предсказать. Но, предположим, в жизнь внезапно вторгается нечто, нечто, изменяющее комплекс знаний, систему ценностей, представлений и критериев — как поведет себя тогда объект наблюдения? Скорее всего, именно тогда начнут с пулеметной частотой вспыхивать табло «Непредсказуемо», «Не прогнозируется». Наверняка...

«Ну, а ты-то, ты сам, — спросил себя Снерг. — Ты вырос в определенную эпоху, при тебе человечество еще не перешагнуло на следующую ступеньку, так можно ли прогнозировать собственное поведение в момент, когда грянет гром с ясного неба?»

Но вряд ли стоит над этим задумываться — ведь не будет огненных небесных значений, откровений в грозе и буре, звезды не сдвинутся с мест, и земля не встанет дыбом, не зря повелось исстари — те, кто своими глазами наблюдают исторические события, весьма часто не могут оценить их во всем величии. Это — привилегия потомков... и участников событий.

А можно ли считать тебя участником событий? Безусловно. В подготовке Референдума тебе отведена роль не главного героя, но и не статиста «без речей»,

а уж Референдум, определяющий на ближайшие годы планы космической экспансии человечества, никак не отнеси к малозначительным событиям.

Откуда же тогда это ощущение недовольства собой? Тебе нет еще тридцати, у тебя есть работа и ты ее любишь, добился уже многого, у тебя есть Алена, ты ее любишь, и она тебя любит, у тебя есть друзья, интересные встречи, и ты бесполезен для людей. Что же тогда? Создалось впечатление, что с Тимкой Панариным — что-то схожее, и не с одним Тимкой — что же с вами в таком случае происходит, молодые люди благополучного сто четвертого года? Что остается недосказанным?

— Станислав Сергеевич?

— Он самый, — сказал Снерг.

Молодой человек спортивного склада присел рядом с ним на траву несколько скованно и неуверенно, словно вообще не привык иметь дела с природой даже в такой ее полуцивилизованной ипостаси, как дача в тайге не так уж далеко от города. Это сказало Снергу многое, он хорошо знал таких — мышечный тонус поддерживают спортзалы, отпускные дороги пролегают по городам, славящимся памятниками архитектуры и изощренной туристской индустрией, не позволявшей клиенту и пальцем шевельнуть. Они не отходят и ста метров от станции монорельса, городской видеофонной сети и телестен. Обыкновенная тайга для них — все равно что другая планета. Урбанизированные на молекулярном уровне братцы-земляне. Снерг не испытывал к ним ни жалости, ни превосходства — просто сам он жил иначе.

— Простите, что побеспокоил, Станислав Сергеевич, но у меня к вам дело. Я знаю, что здесь не принято говорить о делах...

— Вообще-то да, — сказал Снерг. — От дел здесь отдыхают.

— Меня извиняют два обстоятельства. Во-первых, я в течение недели безуспешно пытался разыскать вас по месту работы или жительства — вы находились за пределами континента, прибыв же в Сибирь,

исчезли. Во-вторых, льщу себя надеждой, что мое предложение окажется для вас небезынтересным и послужит к вящей пользе сторон.

Что-то в его интонации и обкатанных, как галька, текучих фразах заставило приглядеться к нему повнимательнее. Что Снерг и сделал. Длинные волосы и борода были свойственны модам многих эпох, и нынешний век не составлял исключения, но во все века существовали свои отличия. Так и здесь — прическа незнакомца веку не соответствовала, то ли выглядела театральным париком, то ли принадлежала человеку, вынужденному считаться с зависящими не от него правилами, а ими могли быть только...

— Простите, с кем имею честь?

— Дмитрий Никитич Драгомиров, священник.

— Так, — сказал Снерг. — Значит, вас можно называть отцом Дмитрием?

— Естественно, если это не вызывает у вас неловкости — мы практически ровесники.

Снергу как раз было немного неловко. Церковниками он, как большинство людей, не интересовался, просто-напросто не вспоминал о них, а если и вспоминал, они вызывали те же чувства, что и гвардейцы в старинных мундирах у королевских дворцов — любопытное удивление, как и короли, немногие короли, сохранившиеся на планете, церковь существовала только потому, что не было особой необходимости ее упразднить — никому она не мешала, влияние за последние сто лет потеряла окончательно. Словом, пользы от нее не было никакой, но и вреда тоже. Ходили разговоры, правда, что церковь давно уже пытается, используя последние достижения науки, научно доказать существование господ бога, но, во-первых, этим она безуспешно занималась третью сотню лет, а во-вторых, жаль было тратить время на то, чтобы заниматься ею из чистой любознательности. Репортажи о королевских домах, Ватикане и храмах Востока, проникнутые откровенным юношеским любопытством, делали и до сих пор начинающие журналисты, еще не переболевшие удив-

лением перед анахронизмами, но те, кто имел уже кое-какой стаж и опыт, считали такое для себя не-солидным. Так что церковники мирно существовали себе где-то, едва ли не в параллельном пространстве, никого они не заботили и сами, судя по всему, не считали нужным менять систему сложившихся отношений. И Снерг не представлял себе, что говорить и как держаться, однако надеялся на наработанную журналистскую хватку и умение общаться с самыми разными людьми.

— Кое-кого, надо сказать, откровенно забавляет возможность обращаться к нам согласно нашим традициям, — сказал Драгомиров. — Но если даже в основе лежат такие чувства, нас это никоим образом не оскорбляет.

— Итак, отец Дмитрий, — сказал Снерг. Поискал в памяти подходящие архаизмы и взял с земли оставленную Каратыгиным бутылочку коньяка — там еще оставалась половина. — Не угодно ли? Его, как говорится, и монахи приемлют.

— Благодарствуйте, — отец Дмитрий принял стаканчик. — Станислав Сергеевич, я — не священник при храме. Диссертацию я защитил по вопросам, касающимся возможных точек соприкосновения современной церкви и современной науки.

— Это, мне кажется, не новая тема?

— Отчасти, поскольку в науке происходят регулярные качественные изменения. В настоящее время мне оказали честь, назначив руководителем Минусинского центра, где мы в меру своих скромных усилий пытаемся доказать существование господ, пользуясь данными, имеющимися у современной науки. Вы, должно быть, слышали о нас?

— Немножко, поскольку это мой родной город.

Драгомиров улыбнулся:

— В какой-то мере мы берем реванш. Вы достаточно долго и упорно использовали наши священные книги, пытаясь интерпретировать отдельные тексты как упоминания о инопланетных звездолетах, працивилизациях. Писатели-фантасты и астроархеологи особенно в сем многогрешны... И вы, я думаю,

не станете испытывать неудовольствия оттого, что роли некоторым образом переменялись?

— Ради бога, сколько угодно, — сказал Снерг.

— Вот именно — ради бога...

— Это даже интересно, — сказал Снерг.

— Нам тоже весьма интересно наблюдать за астроархеологами, — заверил отец Дмитрий. — Но ваш интерес к нашей работе, спорадический интерес; согласитесь, выхода на массовую аудиторию не получает. Меж тем мы именно хотели познакомить с нашей работой возможно большее количество людей. Им, несомненно, будет интересно.

— Вполне вероятно, — сказал Снерг.

— Потому мы и решили обратиться к вам — вы не только известный журналист, но, что гораздо важнее, редактор программы — «Т — значит тайна». Весьма популярной среди зрителей Глобовидения программы.

— Вы абсолютно правы, — сказал Снерг. — Вы хотите, чтобы я посетил ваш центр?

— Мы весьма желали бы этого, дальнейшее зависит от того, какое впечатление на вас произведет то, что вы у нас узнаете — либо займетесь этим сами, либо поручите кому-то другому.

— Простите, но может оказаться так, что...

— Я надеюсь, мы вас заинтересуем, — сказал Драгомиров. — Право, у нас есть чем заинтересовать даже такого искушенного человека, как вы. И не в последнюю очередь потому, что это — необычно...

Снерг никогда не возводил чопорность в идеал.

— Вот именно — необычно, — сказал он. — Оттого до сих пор находятся люди, которые идут к вам венчаться. Это так необычно...

— Не буду с вами спорить. И все же стоит избегать однозначных толкований. Мы с моей невестой шли к венцу отнюдь не из любви к экзотике.

— Да, конечно, — сказал Снерг. — Я понимаю.

— Временами меня удручает позиция иных деятелей искусства. Взять хотя бы... помните эту кинокомедию? Ту, где современный священник шарахался на пляже от девушек в купальниках, крестился на

видеофон и считал гиперпространство преддверием ада. Это несерьезно, глупо и убого и в конечном счете компрометирует вас самих.

— Не спорю, — сказал Снерг. — Однако вам не кажется, что многое и многое из важней истории дает все же повод? Или может создать определенное устойчивое впечатление.

— Но разве у науки не было флогистона, плоской Земли, самозарождения мух из грязи — своего «многого и многого»? Позвольте уж и мне быть откровенным? Мне кажется, что в основе вашего добродушия лежит благодушное сознание того, что мы перестали быть для вас серьезным противником? Так, чудачки...

— Вас это обижает? — спросил Снерг.

— Скорее, огорчает. Мы не капитулировали, Станислав Сергеевич. Мы далеко ушли от времен «испанского сапога» и костров и не жалеем об этом, инквизиция забыла наш главный постулат — убеждение — и принесла нам самим немало вреда. Мы хотим убедить. Для этого нам приходится быть учеными, экспериментаторами. Верить не потому, что это нелепо, а потому, что это логично и подтверждено фактами. Таким девизом мы давно уже руководствуемся. И я хочу верить, что к нашей работе вы подойдете без предубеждения.

— Я постараюсь, — пообещал Снерг.

— Какие сроки были бы для вас наиболее приемлемыми?

— Да хотя бы завтра, — сказал Снерг. — Я отдыхаю.

— Значит, можно ожидать вас завтра?

— Да.

— Благодарю вас. До встречи.

«Гора вприпрыжку рысит к Магомету, — подумал Снерг, оставшись в одиночестве. Зашевелились. Оживились. С чего бы вдруг? Сей отец Дмитрий нанес визит и сделал приглашение с санкции вышестоящего руководства, или нет? Плохо мы их знаем все же... Ну и бог с ними, завершил свои размышления Снерг, поднимаясь, — а я пойду посмотрю

картины с Эльдорадо, и не верую я, Васенька, ни в сон, ни в чох... Правда, в сны-то как раз и приходится верить после всего случившегося... Стоп!»

Снерг даже остановился. С одной стороны, случай с пассажирами «Картахены» как раз и мог стать отправной точкой будущего фильма в противовес тому, что готовит сейчас на Эвридике кошка, которая гуляет сама по себе — Марина Банишевская. С другой стороны, для Каратыгина и компании «картахенский инцидент» мог послужить козырем в их игре, поводом поднять шум вокруг новых, неизвестных доселе опасностях, козырь, служивший бы прежней цели — посадить на голодный паек Проект «Икар». Цель у них остается прежней, а аргументов, которые неминуемо произведут впечатление, прибавится. Это уже не отвлеченные разговоры о том, пора или нет человечеству превращаться в галактическую расу, — это конкретная опасность, подстерегающая пассажиров межпланетных рейсов, и то, что историки окажутся на нашей стороне (не все, ох, не все...), ничего не изменит. «Сегодня преодолевающие гиперпространство люди видят во сне прошлое, а завтра, глядишь, они и вовсе начнут проваливаться в прошлое», — так может сказать любой наш противник, и возразить ему нечего. Так что о случае с «Картахеной» следует пока помалкивать...

Снерг вошел в дом, тактично проигнорировав целовавшуюся в нише парочку, пересек комнату, в которой спорили о чем-то, имеющем отношение к визуалистической музыке, и страсти накалились так, что незамеченными остались бы и десять андромедян с плакатом «Привет Земле!» Миновал, лавируя среди танцующих, бальный зал, обошел еще несколько комнат — везде веселились, спорили до беспорядочного галдежа, танцевали, демонстрировали какого-то инопланетного зверя, похожего на коалу с радужным петушиным хвостом — зверь смиренно стоял на диване и с вежливой опаской косился на повизгивающих девушек, пытавшихся его потрогать. Варили глинтвейн, играли в настольные игры, и ниг-

де не было никаких картин. Подумав, Снерг решил подняться в мансарду.

У лестницы, прямо на дороге, лежал белый человеческий череп — что-то новенькое. Снерг осторожно тронул его носком ботинка. Глазницы озарились зловеще-красным, череп лязгнул челюстью, легонько от этого подпрыгнув, и замогильным голосом изрек:

— Гой еси ты, Василий Буслаевич! Где лежит пуста голова, лежать будет и Васильевой голове!

Голос, хотя и искаженный, был явно шеронинским.

— А не верую я, Васенька, ни в сон, ни в чох... — пробормотал Снерг, поднял череп и пошел вверх по витой лестнице. Череп под мышкой посверкивал глазами и беспрестанно сыпал черными пророчествами.

С порога Снерг увидел картины — три распахнутых в солнечный день окна посреди погруженной в размытый чернильный полумрак комнаты. Сиреневый ночничок, поставленный на пол, едва освещал свой угол. Шеронин и Пчелкин возились с маленьким слайд-проектором, а в дальнем углу сидел в глубоком кресле кто-то третий, превращенный темнотой в черный неузнаваемый силуэт.

Череп снова забубнил что-то насчет того, что все, дескать, там будем, и никому этого не миновать. Шеронин с Пчелкиным вскинули головы. Третий тоже взгляделся в Снерга из темноты.

— Здорово, — сказал Снерг. — Что это за мастику вы по дому разбрасываете, некроманты?

— Здорово, Стах, — рассеянно отозвался Шеронин. — Девочкам нравится, пусть себе брюзжит... — Он взял у Снерга череп, что-то с ним сделал, и череп заткнулся на полуслове. — Развлекаемся, понимаешь, стоя у врат головоломной загадки...

— Ты о чем?

— Об этом, — он кивнул в сторону картин.

— Обронил Каратыгин что-то о странных картинах с Эльдорадо. Они?

— Они и есть.

— А что в них странного?

— Сейчас увидишь, — сказал Шеронин и придвинул табурет. — Садись и смотри внимательно, потом расскажешь о своих впечатлениях.

Снерг сел и стал смотреть на картины. Ничего в них особого не было.

Дерево посреди зеленого луга, небо синее, чистое, только перистое облако протянулось длинным мазком, краем уходя за раму.

Женщина со светлыми распущенными волосами и огромными карими глазами, в синем невесомом платье, держит на руках ребенка, за ее плечом встает теплое солнце и виден угол стеклянного здания.

Что-то непонятное — бледно-зеленая поверхность, вспученная в нескольких местах плавными выгибами, пронизанная блекло-золотистыми струйками света. Немного похоже на просвеченное солнцем мелководье.

Снерг сидел и смотрел. Постепенно он почувствовал легкое недоумение, волнение, переходившее то ли в тревогу, то ли в растерянность. Чем это чувство было вызвано, он не мог понять, но оно не проходило, усиливалось, странные облучения возникали то ли в теле, то ли в мозгу. С чем это можно сравнить? Сквозь сон чувствуешь, как ноют натруженные руки? Запах, настолько слабый, чтобы осознать, чему или кому он принадлежит? Попытка после долгой разлуки вспомнить вкус губ любимой женщины? Впечатление, будто ты забыл что-то сделать? Сон, забытый, едва голова поднялась от подушки? Чужой взгляд в затылок на темной таежной дороге? Что?

Ассоциации наплывали одна за другой, но ни одна не годилась. Он словно плыл навстречу картинам бесконечно долго и никак не мог их достичь, слиться с ними, вобрать их в себя и стать их частью. Мысли и ощущения не переливались в слова, Снерг мог лишь констатировать, что с ним что-то происходит, но дальше была стена, непознаваемое. Чем же это вызвано? Лицо женщины самое обычное — и все-таки иное, пейзаж — не такой пейзаж, а третья картина и вовсе... Звучит музыка или только кажется? И можно ли сравнивать это с музыкой?

Его встряхнули за плечо, и он очнулся.

— Ну? — сказал Шеронин. — Впечатления изложишь?

— Нет, — сказал Снерг. — Не могу, не умею... Да что же это такое?

— Тайна, уважаемый редактор ведающей тайнами программы... Толя, ты бы взялся дать толкование?

— Я попробую, — сказал Пчелкин. — Это то, что человечество искало сотни лет — искусство, воздействующее на подсознание на каком-то качественно ином уровне, непостижимым образом. Вызывающее эмоции и мысли, которые нельзя описать, — в его мягком глуховатом голосе прорезалась недоуменная боль. — Как они этого добились? Я не знаю...

— Любопытный штрих, — сказал Шеронин. — Слайд-копии, которые мы сделали, ровным счетом ничего не вызывают.

— Почему же никто до сих пор... — сказал Снерг.

— Потому, что до сих пор с живописью Эльдорадо мы были знакомы лишь по слайд-копиям, которые, как оказалось, не передают самого главного. А ездить туда никто до сих пор не считал нужным — всего-навсего один из внезапных поселков, пусть и самый крупный, от силы пять-шесть художников, и то не профессиональных — к чему тратить время? Вот и прохлопали. Вряд ли это первые такие картины... И непонятно, почему молчат сами ребята с Эльдорадо — невозможно открыть новый вид искусства и не заметить этого. Если бы Келлеру не подарили эти картины... Что молчишь, Стах? Тебе и карты в руки.

— Думаешь? — спросил Снерг. — Но как, по-твоему, я вытащу это на большой экран, если картины оказывают воздействие на человека только при непосредственном рассмотрении?

— Да, действительно... Но ведь нужно же что-то делать? Ты свободен?

— Можно хоть завтра... — Но тут он вспомнил о снах и загадочных недомолвках отца Дмитрия. — Нет, боюсь, что я занят. — Может, вам кого другого ангажировать, братцы?

— Черт, ему предлагают сенсацию века...

— А если у меня в кармане уже есть одна?

— Ты о чем?

— Так, пустяки, — сказал Снерг. — Но завтра я действительно занят, и кто знает, что за этим последует...

— Тогда предлагаю следующее, — сказал Шеронин. — Мы с Толей завтра отправляемся на Эльдorado, посмотрим, как себя чувствуют и чем дышат тамошние творческие люди, и ограничиваются ли их чудеса одними только картинами. А ты вылетишь следом, как только расправишься с делами. Лады?

— Лады, — сказал Снерг. — И Аленку прихватите, она там давно хотела побывать.

— Как вам наш план? — обернулся Шеронин к тому, третьему, укрывшемуся в тени.

— Одобряю, — отозвался знакомый Снергу голос, и Снерг удивился, но не особенно. — Только перед отлетом загляните ко мне, хорошо?

— Заглянем.

— Вот и прекрасно. Я хотел бы побеседовать и с вами, Стах, если вы никуда особенно не спешите.

— Не спешу, — сказал Снерг. — Похоже, сегодня придется забыть о безмятежном отдыхе, сплошные деловые встречи. Здравствуйте, Денис. Что это вы прячетесь?

— Вспомнил старые романы, знаете ли... — Он встал и включил свет — Денис Сергачев, начальник отдела «Динго», пожилой, но порывистый и легкий в движениях, похожий на д'Артаньяна из последнего тома, лишившегося юношеской горячности, но сохранившего мушкетерскую пластику тела. — Пойдемте вниз, Стах? К шашлыкам?

— Если их еще не слопали, — сказал Снерг. — Прекрасный получается отдых, не узнаю беспечного острова Буяна...

Он шел следом за Сергачевым сквозь гомон и веселье и думал о том, что время помчалось вдруг, как отошедший от станции монор дальнего следования. Он всегда жил в ускоренном ритме, этого требовали его работа и его натура, но сюрпризы двух

последних дней могут удивить даже редактора специализирующейся на тайнах передачи, и нет уверенности, что сюрпризы кончились, все за то, что они только начинаются. Тут бы и воскликнуть: «Вот и чудненько!», тут бы и порадоваться, что темы и сюжеты не рождаются в муках, а приходят сами, но это-то как раз и настораживает — незванные сложности всегда обещают больше неприятностей, чем те, которые в принципе можно было предсказать...

— Итак, вы объявились самолично, — сказал Снерг. — Неужели из-за картин?

— Ничего удивительного. У меня не так уж много работы — если начальнику нечем заняться, это как раз и означает, что он сумел хорошо поставить дело. Да и начальство у нас тревожат только в случае ЧП...

— Вы считаете, что эти картины — ЧП?

— В каком-то смысле, — сказал Сергачев. — Журналисты, да и не только они, любят подтрунивать над тем, что мы разработали и просчитали массу кризисных ситуаций и вариантов возникновения разного рода опасностей...

— А вы не думаете, что реальное ЧП как раз и окажется непохожим на все прогнозы?

— Вполне возможно. Как бы там ни было, случай с картинами числится среди давних прогнозов. Понятно, это не следует понимать буквально — якобы еще двадцать лет назад предсказали появление живописца, чьи картины оказывают на зрителя непонятное воздействие... Речь идет о... Я постараюсь объяснить популярно, наряду с возможными опасностями, угрожающими здоровью человека — перерождение земных вирусов, действие инопланетных микроорганизмов, внеземных комплексов излучений и прочее, — высказывалась мысль, что Внеземелье может непредсказуемыми способами повлиять на психику человека, на все, относящееся к сфере умственной деятельности, эмоциям, чувственным восприятиям, словом, на все, относящееся к деятельности мозга. Не могу отделаться от мысли, что прогнозы сбываются...

— Что же, вас можно поздравить?

— Не думаю. Мало предсказать беду, нужно еще и отыскать защиту от нее.

— А зачем, собственно? — спросил Снерг. — Появился новый вид искусства — что в том плохого?

— Во-первых, мы практически ничего о нем не знаем. А во-вторых... Ох уж это «во-вторых»... Как ваши сны, все по-прежнему?

— Ах, вот оно что... да, по-прежнему, — сказал Снерг, ничуть не удивившись тому, что Сергачев знает — ему и полагалось знать.

— Как вы провели эти два дня после возвращения из лаборатории? Что делали?

— Как обычно. Привел в порядок кое-какие материалы, летал в нашу штаб-квартиру, был на спектакле Шеронина. Достаточно?

— Вполне. Вельяминов или Свирский не искали вас?

— Нет, — сказал Снерг.

— А на Эльдорадо они вас приглашали?

— Да.

— Теперь вот что, — сказал Сергачев. — В Вельяминове не было ничего такого, что могло показаться вам странным? Я очень прошу вас — вспомните как можно тщательнее, не торопитесь отвечать.

— Как вам сказать... Смешно, но и я об этом подумал мельком еще в лаборатории, потом забыл. У него словно бы изменились походка, жесты, я не так уж хорошо его знаю, но такие вещи всегда бросаются в глаза...

— Минуту!

Сергачев выхватил из кармана браслет, нажал кнопку и, едва вспыхнула лампочка приема, выпалил, не дожидаясь ответа:

— Слава, насчет пластики снова полностью подтвердилось. Включайте во все беседы. Буду через час.

Выключил браслет, спрятал и сидел, не глядя на Снерга, раздумчиво постукивая пальцами по колену. Снерг почему-то не сразу решился прервать молчание:

— Как это все понимать?

Сергачев уперся в него тяжелым взглядом, говорил тихо, но все равно казалось, что он кричит:

— Психолог Звездного Флота Вельяминов последние девять дней безвыездно провел на Жемчужине, что подтверждают многочисленные свидетели и документы отдела пассажирских перевозок. Какими бы то ни было снами не занимался, со Станиславом Снергом не встречался. Кирилл Свирский вторую неделю бродит с туристической группой по лесам Северной Канады, он в отпуске, на Черном море не был уже год и со Станиславом Снергом знаком только по фильмам последнего. Между собой Вельяминов и Свирский также незнакомы, подождите, не перебивайте. Вчера Вельяминов и Свирский улетели на лайнере «Антарес» рейсом Земля — Эльдорадо. Ничего странного — оказывается, у Вельяминова и Свирского есть двойники, только и всего...

Снерг медленно протянул руку, коснулся веточки молодого шиповника, торчавшей меж ажурных решеток беседки, сжал ее в кулаке. Боль обожгла ладонь, он отдернул руку. Он не спал (в этом можно было быть уверенным еще и потому, что, когда он спал, ему снилось прошлое и только прошлое), и боль ему потребовалась, кажется, исключительно для того, чтобы покрепче привязать себя к миру, каким мир был до позавчерашнего утра. Или до полета на «Картахене»...

— Среди живущих на Эльдорадо Вельяминов и Свирский не зарегистрированы, — сказал Сергачев. — Но даже совпадение имен ничего не объяснило бы...

— И что же вы намерены предпринять?

— А что бы вы предложили? Искать среди трехсот пятидесяти тысяч эльдорадцев тех, кто сыграл с вами шутку? Но как? Если уж привлекать средства из арсеналов старых детективов, у нас нет ни отпечатков пальцев, ни спектров голосов...

— А лаборатория?

— Никаких следов. Просто пустой дом.

— Подождите, — сказал Снерг. — Ничего не понимаю. — А Голубцов?

— Голубцов к нам и обратился. Вельяминов-бис оставил ему номер, оказавшийся номером настоящего Вельяминова, понятия не имеющего, какие штучки откалывает его двойник...

— Значит, астромедики пассажирами «Картахены» не занимались?

— Никоим образом.

— А... — Снерг не сразу решился. — Вы хотите сказать, что никакого «картахенского феномена» не было?

— Отчего же, — сказал Сергачев. — Ваши таинственные медики ни в чем вам не лгали. Я не сплю третьи сутки — мотаюсь по планете, беседовал с пассажирами злополучного рейса, к некоторым пришлось летать на Марс и на Глен. Ситуация такова. Пассажиры этого рейса действительно получили возможность видеть во сне прошлое — будем пока считать, что это действительно прошлое, — но к врачу успел обратиться лишь один — пассажиров начали перехватывать и приглашать в свою лабораторию два весьма энергичных молодых человека — в лабораторию, неизвестно кем построенную и оборудованную и нелегально подключенную к земной видеофонной сети. В качестве консультанта они пригласили профессора Голубцова, работали две недели и отбыли на Эльдorado, демонтировав аппаратуру, но оставив материалы исследований — вернее, копии. Где они пребывают в настоящий момент, и кто они на самом деле, неизвестно. Кстати, они не производили впечатления заgrimированных?

— Нет, — сказал Снерг. — Я знаю театр, разбираюсь в гриме... Нет.

— Впрочем, это обстоятельство ненамного запутывает дело — третьестепенная зацепочка... У вас есть какие-нибудь соображения?

— Будь я лет на десять моложе, непременно завопил бы: «Андромедяне!», — сказал Снерг. — Но сейчас я просто не знаю, что и думать.

— Мы могли бы выразиться примерно так же... — сказал Сергачев. — А какие странности всего происшедшего вы бы отметили?

— Дайте подумать... — сказал Снерг. — Собственно, что тут думать? Странность одна — почему они словно бы специально старались привлечь внимание? Да не «словно бы», а наверняка. Да будь они в самом деле андромедянами, которых почему-то заинтересовал случай с «Картахеной», — им достаточно было назваться любыми вымышленными именами, прошло бы много времени, прежде чем все вскрылось. А они...

— Вот именно, — сказал Сергачев. — Наша служба получила головоломку, а медики — материалы о «феномене Картахены». Кто знает, когда им заинтересовались бы всерьез, когда кто-нибудь додумался бы обобщить и проанализировать... Создается впечатление, что нам помогли. Правда, я не вижу оснований приходить в восторг — услуга, оказанная таким способом и при таких обстоятельствах, способна, скорее, насторожить и обеспокоить...

— Но что-то же вы намерены делать?

— Что вы нам посоветуете делать? — беспомощность в его голосе, казалось, может в любую минуту перейти в боль. — Вы правы — неожиданность потому и неожиданность, что опрокидывает все прогнозы. В данную минуту существует одно-единственное направление поиска — найти эту парочку. Каким образом? Разумеется, мы можем кое-что сделать. Те самые планы, разработанные нашими предшественниками. Теоретически возможно перевести Землю на осадное положение. Восстановить существовавшую еще тридцать лет назад глобальную сеть радаров, контролировавших космическое пространство с целью обнаружения чужих звездолетов. Строгий контроль на космодромах. Введение всеобщей паспортизации — с учетом достижений науки и техники. Что-нибудь еще в том же духе. Как вам?

— Не исключено, что к тому времени, когда все это будет введено, андромедяне, сидя у себя дома, будут посмеиваться в кулак, — сказал Снерг.

— Да. Мы не можем со всей определенностью сказать, кто же они — пришельцы или по неизвестной причине хулиганствующие психологи с Эль-

дorado. Может случиться, что в то время, как мы будем искать вашу парочку — хотя я не представляю, как ее искать, — другие двойники, а то и не двойники, будут проводить другие операции. А те меры, о которых я упоминал... Представляете, сколько труда и времени они потребуют? И я не уверен, что Мировой Свет даст добро на их введение. Людей, которые там сидят, никак нельзя упрекнуть в беспечности и недалекости, но нам вполне резонно могут заявить, что объявлять осадное положение глупо, нерационально и даже смешно. И они будут правы, потому что существует «Динго» и его четвертый отдел, который полсотни лет дармоедствовал, а когда, наконец, потребовалась реальная отдача и настоящая работа, заявил, что он бессилен и беспомощен... Распутать все — наш долг и наша честь, иначе нас сожрет совесть.

— Вы старательно обходите самое, пожалуй, главное, — сказал Снерг. — Эльдorado. Прежде чем превращать Землю в осажденную крепость, можно все-таки попытаться поискать следы на Эльдorado. Это гораздо проще.

— Вы так думаете? — резко и насмешливо спросил Сергачев.

Снерг удивленно воззрился на него. Невидимая стена замкнулась вокруг беседки, она пропускала внутрь веселый гомон из благополучного века, но напрочь отсекала его беспечность и уверенный в себе покой...

— Что вы имеете в виду? — спросил Снерг.

— Пожалуй, выбора и нет... — сказал Сергачев. — Вы уже по уши в этом деле. И нам рано или поздно понадобится идти на контакт со средствами массовой информации. Я буду откровенен, Стах. Журналист вы прекрасный, спору нет, но подвергаться испытанию будут не ваше профессиональное мастерство, а ваши человеческие качества, если вы включитесь в игру, на вас свалится огромная ответственность. Вы к ней готовы?

— Не знаю, — сказал Снерг. — Постараюсь.

— Молодец. В случае твердого утвердительного ответа я немедленно откланялся бы — человек, который считает, что готов к испытаниям, о характере которых не имеет ни малейшего представления, либо непроходимо самонадеян, либо глуп... Нужно, чтобы вы по-новому взглянули на будущую работу. Вы не о фильме печетесь, вы помогаете человечеству — если уж не обойтись без высоких слов. Вы что-то хотите сказать?

— Я боюсь не справиться, — сказал Снерг.

— У вас есть время отказаться. Патентов на успех выдать невозможно.

— Я согласен, — сказал Снерг. — Когда-то нужно бросаться в воду...

— В таком случае помните — то, что вы сейчас услышите, пока не предназначено для всеобщего сведения. — Он дотронулся до кармана, и в беседке возник парень, которого Снерг уже видел сегодня танцующим в одной из комнат. — Пригласите Сайприста.

Парень кивнул и исчез, как дух. Вскоре зашуршали шаги, и Снергу показалось сначала, что в беседку входит человек-невидимка, которого выдают только белый костюм и белая шапочка. Но белая шапочка была сединой, а в белом костюме был Мозес Сайприст, дядюшка Мозес, пожилой грузный негр, директор Института нерешенных проблем, историк, медик, экстрасенс, занимавшийся делом, которое одни втихомолку именовали шарлатанством, а другие — разведкой будущего. Они были давно знакомы.

— Ах, молодой масса Стах! — дядюшка Мозес ухватил широченной ладонью его руку, и зубы блеснули на черном лице. — Старый негр спешил быстро-быстро, сэр, погонял стратоплан, и вот он здесь, в Сибири, а еще его дедушка был уверен, что здесь никогда не тают вечные снега и из-под них никогда не показывается земля... — Он шумно устроился рядом со Снергом, похлопал его по колену и продолжал уже серьезно. — И вот жизнь старого дядюшки Мозеса, которого очень многие не принимают все-

пръез, и молодого мастера Стаха, которого всегда принимали всерьез, одинаково взъерошена... Денис, вы уже посвятили нашего молодого друга во все детали?

— Я ждал вас.

— А я плясал у костра старинный танец мбенбе и бил в барабан. Хотите совет психолога? Заниматься серьезными делами, мысленно приплясывая. Сжав зубы и став серьезнейшими Големами, вы рискуете сузить свой ум в луч лазера, а этого никак нельзя. Не зря древние шли в бой под звуки флейт... Начинайте, я знаю, когда мне вступить.

— На Эльдорадо что-то происходит, — сказал Сергачев. — Мы заметили это поздно. Могли бы и вообще не заметить, не появившись двойники психологов. И что самое парадоксальное — нас подвели именно нынешние условия, исключаящие существование засекреченной информации.

— Еще во времена мира, разделенного на противостоящие блоки, высказывалась мысль, что лучший способ засекретить информацию — это опубликовать ее в каком-нибудь специальном издании, ибо ни у кого не хватит времени читать все подряд, — сказал дядюшка Мозес.

— Да, вот именно. Наши компьютеры содержат в себе данные обо всем, что происходит в Ойкумене, но, если не искать что-то специально, обдуманно, можно не узнать о нем до скончания веков. Едва мы стали запрашивать у Глобального Информатория все, что касается Эльдорадо, странности хлынули, как зерно из распоротого мешка. Оказалось, что они расходуют на свои нужды в два с половиной раза больше энергии, чем могут дать их энергокомплексы. Что их научный центр, если проанализировать его деятельность, кроме работ по плану Академии наук Системы, ведет собственные работы, крупномасштабные и остающиеся для нас загадкой. Для плановых работ им не нужно такое количество энергии и такое количество научных работников — мы обнаружили, что многие, кого мы считали работающими на Земле, находятся на Эльдорадо.

— Мне все же плохо верится, что такое в наше время возможно, — сказал Снерг. — Как им удалось держать все в секрете?

— А они и не держали, просто никто их не спрашивал. Никто не анализировал... Мы долгое время рассматривали Эльдорадо не как замкнутую систему, а как обыкновенный крупный город. Вы можете сказать, где в настоящий момент находится каждый, кто учился с вами на одном факультете?

— Конечно, нет, — сказал Снерг. — Нас было шестьдесят, контакты я поддерживаю с девятью.

— Вот видите. С какой стати бить тревогу и подозревать неизвестно что, если некий биолог переехал из Киева в Иркутск? Эльдорадо было для нас городом... Кстати о городах. Есть все основания полагать, что, кроме Беляевска, Ауриги и Урании существует четвертый город, о котором ничего неизвестно. Далее. По современным установлениям, достигшего школьного возраста ребенка из внеземного поселения можно отправить для учебы на Землю, а можно и оставить на месте, если там имеется школа. Опыт колоний показывает, что первые относятся ко вторым как восемьдесят к двадцати. Так вот, за последние десять лет ни один ребенок с Эльдорадо не был отдан в земную школу. За последние восемь лет обитатели Эльдорадо прилетали на Землю исключительно в служебные командировки. Маршруты для прибывающих на Эльдорадо туристов составлены таким образом, что определенные районы, несомненно, представляющие для туристов интерес, неизменно остаются в стороне. Маршруты разработаны местным отделением «Галакса», а рекомендации земной штаб-квартиры вежливо игнорируются. Три года назад на Эльдорадо вернулись все их специалисты, стажировавшиеся на Земле или работавшие по каким-либо программам в Ойкумене. Вывод таков: примерно через пять-шесть лет после завершения плана колонизации Эльдорадо зародились некие изменения, стали нарастать, приняли лавинообразный характер, и в итоге... В итоге мы просто не знаем, что там творится.

— И обрати внимание, — сказал дядюшка Мо-
зес. — За все эти годы никто, ни один человек с
Эльдорадо не сообщил на Землю о чем-либо тревож-
ном или настораживающем.

— А ваша служба? — повернулся Снерг к Серга-
чеву.

— Наша служба давно должна была сообщить обо
всем, что мы узнали сутки назад, обобщая и анали-
зируя. Я вызвал с Эльдорадо трех человек, от кото-
рых мог и имел право потребовать объяснений. Лю-
дей, которым я безусловно верил...

— И что же?

— Первый буквально позавчера сломал ногу где-
то в альплагере и пребывает в горизонтальном не-
транспортабельном положении, вторая рождает, тре-
тий, ссылаясь на болезнь ребенка, попросил разре-
шения отсрочить поездку на неделю. Вот так...
Никому из них я уже не верю. После этого я отпра-
вил на Эльдорадо под видом праздного туриста сво-
его человека, но дальше космодрома он не попал.
У бедняги, как выяснилось, аллергия на пыльцу од-
ного очень распространенного там цветка, медики
отправили его назад с первым же звездолетом... Все
остальные туристы благополучно миновали меди-
цинский контроль. Не вижу в этом ничего сверхъе-
стественного — ничто не препятствовало местному
отделению «Динго» сделать запрос и получить эл-
статы всех наших сотрудников...

— Что получить?

— Вот видите, есть секреты, которых не знают и
репортеры Глобовидения... Вы не задумывались, на
каком принципе основана работа автоматов контро-
ля, не пропускающих посторонних в служебные по-
мещения космодромов и лаборатории работ повы-
шенной опасности?

— Над этим многие ломают голову, — сказал
Снерг.

— Элстат... В общем, это связано с электрическим
потенциалом кожи и биоэнергетическими спектрами.
Уникален, как отпечатки пальцев и спектр голоса, и
так же, как они, практически ни к чему неприме-

ним, а потому прочно забыт большинством человечества.

— Так... — сказал Снерг. — Вы считаете, что они запросили соответствующие данные и установили на своих космодромах этикие «автоматы контроля»?

— Совершенно верно. И этот инцидент они могут воспринять как первый звонок к началу спектакля.

— А моего, к примеру, элстата у них нет и быть не может... — сказал Снерг. — Но если они слышали первый звонок, могут выдумать что-то новое? Ведь ваш следующий за поражением вашего сотрудника ход предугадать нетрудно.

— Но, Стах, — сказал Мозес. — Это же не андромедяне и не Сатана. Это земляне, с которыми происходит что-то непонятное и странное.

— Вы к тому, что меня там не съедят?

— Если хочешь, так. Они же сами тебя приглашали. Что если они не без умысла раскрылись именно перед журналистом?

— Почему же тогда они выставляют с планеты человека «Динго»? Не вяжется одно с другим.

— Не вяжется, — согласился Мозес. — Но это, повторяю, земляне. Свои. Наши. Не понимаю, что у них там творится, но это — кусочек Земли. Или оставался таковым до последнего времени. Что касается моих личных впечатлений... чувств парапсихолога...

— Стах видел картины, — торопливо вставил Сергачев. — Тот же эффект.

— Прекрасно, тогда он поймет. Не то. Не такое. Подобных ощущений я не испытывал ни на одной обитаемой планете. Я не могу проникнуть в суть.

— Блокада? — спросил Снерг. — Как в том эксперименте в Найроби?

— Нет. Что-то другое, не могу взять суть, но это не блокада. И временами... временами казалось, что я то ли лишился своих способностей, то ли не умею их применять — это дядюшка Мозес-то, давно изучивший свои возможности...

— Вы должны лететь туда, Стах, — сказал Сергачев. — И Шеронин с Пчелкиным пусть летят. И во-

обще кто угодно. Мы пока расписываемся в своем бессилии. Попробуйте вы, эмпирики.

— Ага, наконец и эмпирики на что-то пригодились, — сказал Снерг. — Эй, Томми, так тебя и сяк, уйди и не маячь, но — «мистер Аткинс, просим вас!» — когда зовет трубач. Каратыгин другого мнения об эмпириках.

— У него чисто технические задачи и сложности. Мне пора. Куда вы едете завтра?

— К попам, по их настоящему приглашению.

— Это несерьезно, Стах. К чему вам эти богоискатели с компьютерами?

— Я обедал.

— Хорошо, день не в счет. Послезавтра я вас найду. До встречи.

— Припекло их крепко, — посмотрел ему вслед дядюшка Мозес. — Мой дядя Вилли как-то работал над поэмой вдаль от цивилизации: Две недели он блаженствовал в хижине, витая в эмпириях, но однажды к нему под кровать приползла вздремнуть очень молчаливая змеища. Стенка была хлипкая, и дядя Вилли смог проскочить насквозь. Ты думаешь: к чему шутить в такую минуту? Я уверен, то же самое подумала и змеища, когда дядя Вилли принялся пулять в нее сучьями. Ей-богу, до чего сейчас «Динго» похоже на дядю Вилли — дрыхло-дрыхло, и вдруг — змеища под кроватью...

— Мутно что-то на душе, — сказал Снерг.

— Брось. Эта тайна, я уверен, относится к разряду быстро познаваемых. Хотя бы потому, что в нее посвящено триста пятьдесят тысяч человек.

— Которые молчат, — сказал Снерг.

— А их спрашивали? Кто-нибудь сказал им: «Братцы, мы же из одной деревни, расскажите-ка, что у вас делается, почему воды в рот набрали?» Человек устроен так, не может не поделиться с другим и радостью, и печалью, нужно только уметь его разговорить. Может быть, и твои психологи-двойники появились, потому что им хотелось с кем-нибудь поговорить... А тебе нечем поделиться со старым толстым негром? Учти, я ведь тебя чую. Смурно тебе?

— Смурно, — сказал Снерг. — Стоишь на обочине, а что-то проносится мимо, как монор, что-то большое и ватное...

— Сумей найти свою станцию и сесть. Да ты ее уже нашел.

— Эльдорадо?

— Ну, не только. Как компонент, братец. Точнее не может выразиться старый колдун.

— Я так и не добился ответа в прошлый раз, в Найроби, — сказал Снерг. — Почему до сих пор не создана «Единая теория парапсихологии»?

— Видимо, по тем же причинам, по которым физиками до сих пор не создана единая теория поля. Не доросли пока. Не умеем... Ты знаешь, я тебе завидую немножко — видеть во сне прошлое... Это решит многие загадки. Все, что мы забыли, утратили...

— Лично я пока не видел ничего из ряда вон выходящего, — сказал Снерг.

— Ну, все еще впереди, так что не унывай. А ты знаешь, что мы сегодня вечером делаем? Твоя Алена пригласила старого толстого дядю Мозеса на пельмени.

— К сожалению, не могу должным образом ответить на тот обед...

Они расхохотались. Тогда в Найроби Снерг только на другой день узнал, что для фирменного блюда, которым их накануне угощали в деревне, повара лишили жизни трех змей. Правда, до того ему случалось отведать и анаконду, и «битву тигра с драконом», так что особого потрясения он не пережил.

— Об Алене, — сказал дядя Мозес. — Чую я, Стах, чую ее грустные и беспокойные мысли, связанные с тобой. Ты подумай.

— Волнуется из-за снов.

— Как знать, как знать... Вот дам я ей приворотное зелье, и женишься, как миленький.

— Дядя Мозес, я попросил бы вас...

— Ну не буду, не буду. А иногда, между прочим, полезно совать нос в личные дела. Что я могу поделаться, если мысли из-за тебя у нее грустные, и оттого дяде Мозесу хочется петь грустные песни. — И он

в самом деле запел, выстукивая ладонями по столу печальную ритмичную мелодию:

— В милом знойном Сенегале
в плен враги меня забрали
и отправили сюда, за море синее.
И тоскую я вдали
от родной моей земли
на плантациях Вирджинии, Джинии...

Он был странным человеком — дурашливый и мудрый старый толстяк, и странности выражались разными способами — и в том, что он всю жизнь пытался создать единую теорию парапсихологии, и в том, что он свято верил в реальное существование Шамбалы, как базы пришельцев, настолько, что устраивал три экспедиции в Гималаи (в первой Снерг участвовал); и в том, что он не держал дома телестены и видеофона, так что искали его через соседей, и стерео он ходил смотреть к соседям; и в том, что он серьезно считал, будто люди умели когда-то летать без всяких приспособлений; и во многом другом. Несмотря на все это, Снерг, как и многие, любил и уважал его — и за то, что дядюшка Мозес был умным и добрым, и за то, что жизнь, отданная бесплодным поискам, отнюдь не означает бесцельно прожитую жизнь...

Глава 8

...НУЖНО ПРОВЕСТИ РАЗВЕДКУ БОЕМ

Дядюшка Мозес любил покушать и умел покушать. Он уминал пельмени с маслом, уксусом, сметаной, горчицей, перцем и какой-то таинственной приправой, составлявшей кулинарный секрет его родной деревни (он привез в подарок большую банку), опрокидывал рюмочки ледяной водки и успевал при этом нахваливать хозяйку и рассказывать бесчисленные случаи из жизни своего дяди Вилли. Судя по ним, дядя Вилли двадцать четыре часа в сутки только тем и занимался, что без передышки попадал во всевозможные истории и влипал в уморительные неприятности. По слухам, он действительно существовал, был поэтом и зрителем национального заповедника, но давно уже стараниями племянника превратился в фольклорный персонаж, сродни Ходже Насреддину и Хитрому Петру.

Телестену они включили и смотрели вполглаза какой-то приключенческий фильм — британские драгуны и кавалеристы Дана-Саиба гонялись друг за другом по горным тропам, гремели, рассыпаясь шелестящим эхом, выстрелы, звенели нелюдские вопли, нужно было спрятать клад, нужно было захватить клад, нужно было спасти принцессу, нужно было украсть принцессу, и над всем этим костюмированным переполохом отрешенно сверкали изначальные гималайские снега.

Дядюшка Мозес осторожно взял хрупкую, как снежинка, чашечку, отхлебнул кофе, подмигнул Снергу:

— Не забыл Канченджангу?

«Разве такое забывается?» — взглядом ответил Снерг.

Они сидели на камнях у разбитого мобиля, отхлебывали кофе из саморазогревающихся банок, за спинами среди обломков упрямо свиристел аварийный маяк, а со всех сторон нависали горы, горы, горы — слишком громадные, чтобы быть побежденными, слишком величественные, чтобы стать участливыми. И дядюшка Мозес угрюмо бормотал: «Слишком много снега даже для старого толстого негра...», а Снерг, которому тогда едва исполнилось двадцать два, испытывал лишь откровенный щенячий восторг. Это было восемь лет назад, это была первая экспедиция Мозеса в Гималаи, им еще предстояло понять, что бешеного энтузиазма и фанатичного упорства может не хватить для разгадки тайны...

А Панарин все не звонил. Сигнал дальней связи раздался, когда близилось к полуночи. Снерг включил видеофон, вспыхнуло голубое сияние, потом угол комнаты превратился в кусочек солнечного дня, и в нем сидел Панарин. Снерг перевел видео на панорамный обзор, чтобы Панарин видел их всех.

— Здорово, командор, — сказал Снерг.

— Привет, — сказал Панарин. — Здравствуй, Алешенька. Дядюшка Мозес, и вы здесь? Что там новенького отколол дядя Вилли?

Он смеялся, расспрашивал о новостях, а глаза оставались серьезными и усталыми.

— Не тяни-ка ты kota за хвост, Тимка, — сказал Снерг. — Каратыгин у вас был, я знаю, и все, что он намеревается делать, я тоже знаю. Как дела? Не темни, здесь все свои.

— Плохо, — сказал Панарин. — Ярош ушел. Уходят наши пилоты. Ты сам понимаешь, я никогда бы не стал плакаться в жилетку, но впечатление такое, что нас может спасти только чудо. У вас не найдется в кармане хотя бы подержанного чуда, дядюшка Мозес?

— Давно последнее отдал, Тим... — сказал дядя Мозес. — Но ты не отчаивайся. Чуда у нас нет, зато имеется парочка бесполезных идей. Я тебя заверяю, что Каратыгину вскоре станет не до нападок на вас, а вам — не до меланхолии. Поверь старому кол-

дуну, и будешь спать спокойно. Вот Стах может подтвердить.

— Подтверждаю, — сказал Снерг. — Не могу я тебе всего объяснить — сами не все понимаем, но чрезвычайно похоже, что заваривается большое и многообещающее дело...

Он говорил и сам верил, что все обстоит именно так, что завтрашний день расставит все точки и принесет новые победы, что все будут счастливы и не станет проигравших.

— Да, а как там наша Марина, Тимка? — спросил он. — Очаровала кого-нибудь, кошка киплинговская?

Взгляд Панарина соскользнул с лица Снерга, как салазки с ледяной горы. Снерг понял, но верить ему не хотелось — судьба порой откалывает жестокие номера, если ко всем Тимкиным невзгодам прибавится еще и это...

— Ну ладно, — сказал Панарин. — Меня тут поторапливают, время расписано. Счастливо, ребята. Ждите как-нибудь в гости.

Голубое сияние заволокло его и растаяло вместе с ним. «Черт...» — прошипел Снерг, прошелся взад-вперед вдоль холодного тусклого стекла погашенной телестены и обернулся к дядюшке Мозесу:

— Дядя Мозес, у вас не найдется снадобья против глупой любви?

— Что это ты такое говоришь, братец? — огорченно всплеснул ручищами дядя Мозес. — Любовь бывает какой угодно, счастливой и несчастной, вялой и горячей, но глупой она быть не может.

— Не знаю, не уверен.

— Марина? — спросила Алена. — А может, рано...

— Ты же его видела, — Снерг ногой отодвинул с дороги стул. — Я ее знаю, чертову куклу, то, что она еще не нашла себя и когда-нибудь ударится о стену, меня не разжалобит. Сердца в золотых ящичках она пока не перестала коллекционировать. Иметь бы, в самом деле, что-нибудь отворотное, чтобы стегнуть наотмашь...

Он осекся под взглядом Алены, по-бабьи жалостливым и сердитым.

— Стах, ну как ты можешь быть таким?

— А что делать? — спросил Снерг, остывая. — Тимке сейчас тяжелее, чем когда-либо, и ко всем прелестям его цейтнота добавилась еще эта кукла, которая считает, что можно утвердить себя в жизни, вешая на пояс покоренные сердца...

— Он же не ребенок, разберется.

— Все мы не ребята, — сказал Снерг. — Он крепкий парень, но он попал в ситуацию, когда все вокруг зыбко, нет уверенности в будущем, и слаб не ты сам, а дело, которому ты служишь. В такой момент мимолетная иллюзия успеха неважно в чем способна... — он безнадежно махнул рукой. — Я прав, дядя Мозес?

— К сожалению, — сказал дядя Мозес. — Будем надеяться, что он вскоре выйдет из этого штопора, и не только он... Пора мне, ребята. Старому толстому негру нужно торопиться в свою лабораторию, у вас тут уже ночь, а там еще день, эксперимент ждать не может. За угощение спасибо. Стах, ты меня немножко проводишь до станции? Нет, пусть уж один Стах, ты, Аленушка, сегодня на кухне исхлопоталась, и посуду тебе еще убирать...

Он стоял спиной к Алене, и Снерг поймал его многозначительный взгляд.

Когда они вышли из подъезда, Снерг автоматически повернул направо, к ближайшей станции монора, но широченная ладонь задержала его за локоть.

— Да не стоит нам туда, — сказал дядя Мозес. — Я оставил мобиль в квартале отсюда, и лететь мне не к себе в институт, а на Таймыр. У меня там тоже есть лаборатория.

— Впервые слышу, — сказал Снерг.

— И ничего удивительного. Знаешь, кто такой твой старый дядюшка Мозес? Беспардонный он враль, вот он кто, Стах. Завираться стал на старости лет. Пойдем-ка вон туда, очень это приятное дело — ночью на воду смотреть. Да и днем приятно, ой как успокаивает...

Они подошли к гранитному парапету набережной. Тихо скользила широкая спокойная вода, на

ней подрагивали длинные желтые отражения фонарей. На противоположном берегу светилось пустое здание речного вокзала и за ним скудными созвездиями горели редкие окна темной стены домов. Город спал.

— Ты не особенно слушай Сергачева. И не торопись на Эльдorado.

— Почему?

— Сергачева заменят в ближайшие дни, — сказал дядюшка Мозес. — Вернее, он уйдет сам — он все понимает. Ему нельзя больше оставаться на своем посту. И многое нужно менять. «Динго» оказалась несостоятельной, вот горькая истина, которую предсказывали лет тридцать назад. Нельзя сказать, что они накопили опыт — нет у них никакого опыта. Гипотезы и прогнозы, разрабатываемые на протяжении тридцати с лишним лет — не опыт. Игра началась по непредвиденным правилам, а это означает, что нужно выдвигать молодых, тех, для кого «Банк гипотез» будет лишь вспомогательным фондом, доставшимся от предшественников. Гипотезы они должны будут выдвигать сами, а не перелицовывать применительно к обстановке старые. Ты заметил, что Сергачев, в сущности, неумело играет в индейцев? Контроль на космодромах, засылка на Эльдorado агентов... Новое издание давным-давно забытых романов. На нас движется Неизвестное, и правила нужно выдумывать на ходу, а не заимствовать у древних авторов... Ответный ход Эльдorado мы не в состоянии предугадать. Есть у меня одна мысль, но не уверен, что угадал.

— Что? — жадно спросил Снерг.

— Не хочу создавать у тебя раньше времени страстного впечатления. Ты должен будешь прийти ко всему сам — ты, тот, кто придет на смену Сергачеву, кто-то еще... Главное, не бойтесь всего, исходящего от Эльдorado. Не руководствуйтесь логикой Сергачева: «Сегодня они доброжелательны, но кто знает, что будет завтра...» Нельзя так думать о людях, которые, что бы там с ними странное ни происходило, рождены и воспитаны Землей. Меньше бой-

тес, больше думайте. Не отрицайте опыт стариков, но и не руководствуйтесь только им.

— Как-то это вы... — сказал Снерг. — Будто прощаетесь, ей-богу...

— Возможно, и прощаюсь... Ты ничего не понял, Стах? Превосходно, дядюшка Мозес еще не разучился владеть собой. Прощаюсь на всякий случай. Лечу ставить эксперимент; самый, думаю, опасный в моей жизни. Не спрашивай, ничего я тебе сейчас не скажу. Из суеверия и из обычного человеческого желания не выглядеть смешным — вдруг да выставлю себя на посмеище в случае неудачи? И так кое-кто, глядя мне в спину, думает, что старый толстый Мозес всю жизнь валял дурака, именуя это занятие «случайным поиском».

— Все же вы...

— Не нужно, — мягко сказал дядюшка Мозес. — Не притворяйся. Ничего у меня не вышло. Шамбалу я не нашел. Пытался вскрыть корни и истоки парапсихологических способностей — свою «единую теорию» так и не создал. Свел кое-что в систему — так, по мелочам, нашел кое-какие закономерности... Вот и все. Пытался конкурировать с крупными научными центрами, создавая свой любительский институт. Нет, я до сих пор считаю, что поступил правильно, что крупные научные центры раздробили проблему и узкой специализацией лишь навредили. Но то ли нет у нас человека, способного создать единую теорию, то ли не настало время. Вот и приходится идти на эксперимент. В худшем случае будет что-нибудь вроде мгновенной остановки сердца... Знаешь, мне приходит в голову, что Эльдорадо замкнулось по той же причине — мало у них пока данных, рано выбегать на улицу с архимедовским воплем. Возможно, имеет смысл сравнить всю их планету с ма-аленькой лабораторией, с одним добросовестным исследователем, осмотрительным и неторопливым?

— Но они все-таки не «ма-аленькая лаборатория», — сказал Снерг.

— Да, — согласился дядюшка Мозес. — Это одна из тех загадок, которые нужно обязательно раз-

грызть... Рискну я, знаешь ли, Стах. Пойду в разведку боем. Я, конечно, из всех сил постараюсь уцелеть. Но если что — никого в случившемся не винить и изучать то, что после меня останется, народу у меня мало, но ребята головастые, отчаянные, сам знаешь, по всей Ойкумене подбирал... И на тебя надеюсь. И знаешь, в случае чего... Пусть Шеронин споет что-нибудь вроде «Сотворения человека» — нравится мне... И на похороны, если уж совсем не повезет, пусть никто из вас не является — я так хочу.

— Если бы вы хоть что-то... — тоскливо сказал Снерг, наперед зная ответ. — Не буду я над вами смеяться, вы же понимаете...

— И не проси. Сумасшедшие гипотезы требуют схватки один на один. Ну, пора расставаться. Времени у меня... — он глянул в какую-то бумагу. — Времени у меня меньше трех часов. В три тридцать начнется, а мне еще добираться до Таймыра. И Алена беспокоиться будет — тебе давно пора вернуться.

Он тут же спрятал бумагу, но Снерг успел рассмотреть гриф Проекта «Икар» и узнать стандартное расписание испытательных полетов.

— Ну что же... — сказал дядюшка Мозес. — Давай руку. Хотел бы я поговорить и о вас с Аленой, глупые вы ребята, но из суеверия воздержусь — получится, что я заранее настраиваюсь на худшее. А я и не собираюсь. Риск — это не означает неизбежность. Не говорю ни «до свиданья», ни «прощай». Всего хорошего, Стах.

Он крепко сжал руку Снерга, тряхнул несколько раз, посмотрел в глаза, улыбнулся:

— А все-таки смерти нет...

Повернулся и, по-медвежьи переваливаясь, пошел вдоль парапета, потом свернул и скрылся за углом. Снерг не шевелился, глядя в ту сторону. Минутой спустя над домами взвился мобиль, и голубые бортовые огни растаяли в темноте. Снерг смотрел вслед, сердце щемило, тоска и злое бессилие смешались с прямо-таки детской растерянностью перед нахлынувшими странностями. Неужели все-таки следующая ступенька, — молодые люди сто четвертого года?

Почему же в голову лезут всякие глупости, почему упорно думаешь: «Я никогда больше его не увижу»? Глупости упрямы, но нужно быть еще упрямее, эксперименты в наши дни не должны заканчиваться смертью ученых...

Алена сидела на тахте, поджав ноги, с выражением безграничной скуки на лице уставилась в телестену — музыка была едва слышна, проплывали горные пейзажи. «Четвертый канал, программа для Внеземелья», — машинально отметил Снерг.

— Проводил? — Она не обернулась к двери.

— Ага, — Снерг взял пенальчик дистанционного управления, щелкнул клавишей. Стена погасла.

— Ох, как ты любишь иногда проявлять мужское начало.

— Я же вижу, что тебе скучно и совсем неинтересно.

— Ну тогда — спасибо, самой не пришлось вставать.

— Давай не будем? — примирительно предложил Снерг, чувствуя, что барометр за время его отсутствия снова упал.

— Давай не будем. А что мы будем?

— В смысле?

— А без всякого смысла, — сказала Алена. — Не вижу я никакого смысла.

— В чем, Алешенька?

— То-то и беда, что ни в чем. Ни за что я на тебя не злюсь, не думай. Может быть, я на себя злюсь. Или нет. Сама не пойму, Стах, что со мной? Или что с тобой? Или с миром?

— Ты же чуткая, как нерв, суеверная актриса, — Снерг сел рядом, усталость давала о себе знать, и он растянулся во весь рост, положив голову Алене на колени. — Тебе положено понимать.

— Вот я и понимаю, что ничего не понимаю, — Алена запустила пальцы в его шевелюру, перстень царапнул висок. — Взбалмошная, сама знаю. То ли тянет тебе сцену устроить, то ли хочется, чтобы ты мне сцену устроил.

— С чего бы вдруг?

— Ну, приревновал бы, что ли. Знаешь, сколько народу вокруг меня вьется?

— Передушу, — сказал Снерг.

— Хочется тебе изменить, так я тебя люблю.

— Ты это брось, — сказал Снерг. — Тоже мне, нашла доказательство...

— Хорошо, не буду... Стах, тебе не кажется — что-то должно произойти? Что-то метельное, вихревое?

— Мне многое кажется, — сказал Снерг. — И не только мне.

— Впечатление, будто нас разносит в разные стороны, разбегаемся, как галактики, перестаем понимать друг друга. Я о нас с тобой говорю. Если бы мне попалась в тексте пьесы подобная тирада, я обозвала бы это жуткой банальщиной и наотрез отказалась играть, но когда твои собственные мысли облекаются в такие выражения...

— Ты просто устала, Алешенька, — сказал Снерг. — Влад напрочь замотал и себя, и вас.

— Дай-то бог, если так. Будь это война, я бы тревожилась и ждала, я была бы, как все, тебя отнимали бы у меня суровая необходимость и долг, но можно было бы надеяться и верить...

— Верь и сейчас, что ничего плохого не происходит и не предвидится.

— Постараюсь...

Хорошо, что она была обеспокоена собственными тревогами, — то есть это было плохо, но и состояния, в каком находился Снерг, она не замечала, как непременно заметила бы в другое время, будь она в лучшем настроении...

— Ты устала, — сказал Снерг. — Хочешь, привезу мини-тигра? Забавная животина — тигр размером с кошку, совсем ручной.

— А кто за ним будет присматривать? Лучше полетим на Эльдорато с ребятами.

— Отличная идея, — сказал Снерг, притворяясь ужасно обрадованным новизной и неожиданностью этой идеи. — Вот только мне придется на пару дней задержаться — дела.

— Ты не хочешь лететь?

— Честное слово, хочу. Но у дяди Мозеса важный эксперимент, и я не могу улететь, не узнав результатов...

— Снова я, я и я... а я?

Что ей на это ответить? Рассказать о лице дядюшки Мозеса, о его тихом решительном голосе, проникнутом сознанием неминуемой опасности и надеждой на то, что опасность покорится человеку, как это в большинстве случаев и происходило — но часто получалось и наоборот... К чему ей это рассказывать?

— Черте чем мы занимаемся, — сказала Алена. — Я пытаюсь шокировать дух Иоганна-Вольфганга, ты ищешь в третичных отложениях следы пришельцев, дядюшка Мозес пытается усилием воли находить под землей клады и связаться с андромедами... Нет, я знаю, что мы делаем нужное кому-то дело, но временами кажется, будто жизнь буксует, как элкар на таежной дороге... У тебя так не бывало последнее время?

— Иногда, — сказал Снерг. — Хочешь шальную еретическую гипотезу? На нас воздействует ноосфера. Нам давно пора становиться галактической расой, а мы, сидни, никак не раскачаемся, так что ноосфера подталкивает наше сознание, навевает неудовлетворенность, вынуждая заниматься глобальными вопросами мироздания и бытия, толкает к звездам.

— Какой ты у меня умный... Сам придумал?

— Чутьочку развил идеи дяди Мозеса. Недавно он ухватился за статистику рождаемости. Понимаешь, еще лет сто назад отметили загадочный феномен — во время войн и после них начинает рождаться больше мальчиков. Почему так происходило, наука не объяснила до сих пор. Дядя Мозес утверждает, что в наше время наблюдается та же диспропорция — и это действительно так, мы проверяли. Он полагает, что Природа готовит кадры для освоения землянами Вселенной. Как тебе?

— Лихо закручено, — сказала Алена без особого интереса. — может быть, все и правда — насчет ноосферы?

— Кто знает, — сказал Снерг. — Но, во-первых, нужно сначала доказать все же, что ноосфера существует, и понять, что она такое. Во-вторых, коли уж ей невтерпёж отправить нас во Вселенную, могла бы и помочь Проекту... Как ты думаешь?

— А на Эльдорадо я все равно полечу, — сказала Алена, следуя типично женской логике. — Ты задерживайся на сколько тебе угодно, а я лечу завтра с ребятами, немножко отдохну от тебя, от себя и от всего сразу.

— Я прилечу самое позднее послезавтра, — сказал Снерг рассеянно. Он думал о расписании испытательных полетов в кармане дяди Мозеса.

Вероятно, его эксперимент каким-то образом был связан с полетом, который начнется... возможно, и не в три тридцать, прикинем приблизительно — между тремя и четырьмя часами ночи по времени этого пояса. Это очевидно, но имеются две загвоздки. Во-первых, ни один из полетов Проекта не связан с какими бы то ни было экспериментами на Земле. Во-вторых, что касается поведения самого дяди Мозеса: кто это, готовя какой-то важный и рискованный эксперимент, забывает срок его начала — всего за несколько часов до начала, — так что вынужден заглядывать в бумажку? На дядюшку Мозеса с его необъятной и точной, как морской хронометр, памятью это решительно непохоже. Он не хотел ничего рассказывать, но оставил зацепку, след, тонкую ниточку? Похоже на то... Запросить расписание полетов?

Снерг хотел встать, даже сделал движение, но остался лежать. Почему-то показалось, что, узнав подробнее об этом полете, он заранее похоронит и эксперимент, и дядю Мозеса. Лучше потерпеть немного, скоро появится сам дядюшка Мозес, живой и веселый, расскажет все, и в жизни станет одной загадкой меньше...

— Что с тобой? — спросила Алена. — Как-то ты напрягся...

— Вспомнил об одном деле, но оно подождет, — сказал Снерг чистейшую правду.

ХРОНИКА СТАНДАРТНОГО УТРА

Неотложных дел у него не было, полетов сегодня не было — Панарин солгал Марине. Хотелось остаться наедине со сложностями — правда, это не значило, что он собирался затвориться в четырех стенах, душевное уединение достигается разными методами. В том числе и растворением в чужих делах, окружающей беззаботной суете.

Он взял мобиль и вскоре приземлился в лагере астроархеологов, «шлиманов», как их окрестили давным-давно. На прозвище они ничуть не обижались, наоборот — неоднократно заявляли, что считают его почетным титулом, который постараются оправдать, в подтверждение чего каждый год торжественно отмечали день рождения Шлимана, а также держали на видном месте его портреты.

Белые, желтые, красные палатки стояли в три ряда — до поселка было десять минут лету, но астроархеологи любили играть в Робинзонов. На высоком шесте развевался их официальный штандарт — голубое полотнище с изображенным белыми лилиями Великим Богом Марсиан. Впервые этот флаг был поднят на Луне, в пору вспышки острого интереса ко всем связанным с Луной загадкам: Очень долго пробыл на Марсе, пока не стало ясно, что отыскать сброшенного Аэлитой перстня не удастся. Развевался во многих уголках Ойкумены, но вспышки победного салюта его не озаряли ни разу, и ни разу мимо него не дефилировали колонны триумфаторов. Отсутствие ярко выраженных следов инопланетян заставляло многих и многих относиться с недоверием к косвенным доказательствам палеоконтактов, собранным «шлиманами». Таинственные закономерности

«лунных обелисков», например, до сих пор объявляли игрой случая. Панарин хорошо разбирался в делах астроархеологии — результат просветительской деятельности Снерга.

Места были красивые, на горизонте акварельно синел Хребет Стадухина, и Панарин подумал, что на месте аборигенов обязательно устроил бы стойбище здесь — опасных зверей поблизости нет, спокойная и чистая река под боком.

Особого оживления в лагере Панарин не заметил, — только двое парней в легких зеленых куртках с неизменным Великим Богом Марсиан на спинах лениво складывали в грузовой мобиль какие-то ящики, и лица у парней были скучные — очевидно, очередная сенсация оказалась-таки пустышкой. Да еще доносились гитарные переборы, и это были единственные признаки того, что лагерь обитаем.

Панарин прошел лагерь из конца в конец, прежде чем наткнулся на еще одного занятого делом человека. Кузьменко, рослый симпатичный парень с роскошными запорожскими усищами, установил полукругом пять треножников с приборами самого причудливого облика и хлопотал над ними, что-то отлаживая. У него были чрезвычайно экономные движения, ни одно не пропадало зря, каждое чему-то служило.

Кузьменко представлял здесь Институт нерешенных проблем — заведение, вызывавшее непрестанный поток анекдотов и иронических эпиграмм, многократно превосходивший по накалу насмешки над «шлиманами». Астроархеологи, по крайней мере, были не более чем хроническими неудачниками, которым рано или поздно обязательно повезет — с этим не могли не согласиться насмешники, даже более того — им самим в глубине души отчаянно хотелось, чтобы астроархеологи однажды удивили мир. С ИНП обстояло не в пример сложнее.

Прежде всего его сотрудники, если разобраться беспристрастно, сами не всегда понимали, что ищут, и там ли ищут, где следует. Впрочем, справедливости ради следовало добавить, что вина лежала не

столько на них, сколько на истории несостоявшегося становления парапсихологии как науки.

Лет пятьдесят назад казалось, что триумф не за горами. Исследования велись во всех концах Земли, множились теории, гипотезы и научно-исследовательские институты, серьезные ученые пытались раскрыть механизм телекинеза и телепатии, расцвела биоэнергетика, грозила удивить мир биофизика. Средства массовой информации перешли от неумеренных восторгов к стойкой приязни, любованию чем-то в принципе решенным, чей успех — дело даже не завтрашнего утра, а сегодняшнего вечера. Спектр исследований и тем был необозримо широк — от установления телепатического контакта с животными до новой трактовки многих мифов, сказок и легенд.

Сейчас, не исследуя скрупулезно историю предмета, трудно вспомнить (тем более человеку, родившемуся, когда отшумел уже краткий период процветания), как произошло, что сулившее столь ослепительные перспективы дело незаметно увяло, и гремевший когда-то вулкан превратился в заросшую лесом безобидную ложбину. Именно незаметно и тихо — не было серии звонких ошеломляющих неудач, бесшумно и неприметно, словно забытая свеча, в каких-нибудь два-три года все угасло. В другое время, не исключено, это привлекло бы большее внимание, но кризис парапсихологии заслонили другие события — первые разведывательные рейсы кораблей Дальнего прыжка, создание Звездного Флота, освоение Ойкумены. Человечество было надолго увлечено другими делами, а впоследствии неудачи парапсихологии за давностью стали выглядеть чем-то обыденным, положение дел — устоявшимся...

А двадцать лет назад стараниями энтузиастов был создан Институт нерешенных проблем, по сути, представлявший собой, скорее, любительский кружок, чем научную организацию. Девять десятых его сотрудников работали где-то по своей прямой специальности, а ИНП отдавали «личное время». Административно он никому не подчинялся — и потому, что практиче-

ки невозможно было определить, кому он, собственно, должен подчиняться, и потому, что уважающие репутацию своих учреждений и свою лично ученые обеими руками открепивались от «адской кухни». В результате ИНП так и остался «вольным городом», что имело как свои отрицательные черты, так и свои плюсы. К минусам можно было отнести то, что ИНП не имел в научном мире и тени авторитета, не мог рассчитывать на поддержку крупных ученых. К плюсам — то, что ИНП был сам себе голова, над ним не довели планы и сроки. Академия наук Земли придерживалась того мнения, что запрещать исследования, не сулящие пользы, но и не приносящие вреда, было бы безответственным пережитком старины, и ограничилась тем, что поручила инспектору техники безопасности соответствующего региона надзор за ИНП и предоставила ему кое-какие официальные каналы для получения необходимой аппаратуры — надо сказать, ИНП чаще всего отказывался от стандартных приборов и установок, предпочитая доводить до белого каления мастерские заказами на самые фантастасмагорические устройства, вокруг которых долго бродили с учительным недоумением во взоре ко всему привыкшие инспектора «Динго».

Чем занимался ИНП, понять было трудно, и посторонние обычно удовлетворялись коротким объяснением — всем сразу. Так оно и было — искали якобы затерянный в глубине Гималаев таинственный город Шамбалу, то ли форпост пришельцев, то ли хранилище древних знаний, экспериментировали с геомагнитным, биофизическим и гравитационным полями, пытались отыскать неоткрытые пока поля и излучения, разбирали на молекулярном уровне мифы и саги, бились над секретами навигационных способностей птиц и электрических органов некоторых видов рыб, гипнотическими свойствами анаконд с Эвридики и загадками народной медицины. Один и тот же отдел занимался сегодня архивами Ватикана, а завтра мог переключиться на изучение лунных масконов. Институт постоянно вторгался едва ли не во все области науки, то и дело шокировал ученый мир

безумными гипотезами, одним чрезвычайно импони-
ровал (в основном молодежи), другим надоел хуже
горькой редьки, третьи (преимущественно те, чью
жизнь безумные гипотезы не усложняли) сохраняли
выжидательный нейтралитет. Как сказал однажды
Снерг, ИНП одержал первую победу — к нему отно-
сились как угодно, только не равнодушно. К сожа-
лению, первая победа прочно оставалась и един-
ственной...

В какой-то мере ИНП был родственником Про-
екта, собратом по горестям, и Панарин относился к
«адской кухне» с дружеским пониманием — увечный
поймет увечного, и вместе им легче переносить не-
милость судьбы...

— Здорово, — сказал Панарин.

— Привет, — обернулся Кузьменко. — Обновля-
ешь эполеты?

— Ага. Чем это ты тут занимаешься?

Незнакомые приборы всегда выглядят загадочно,
но эти были вообще ни на что не похожи, создава-
лось даже впечатление, что друг с другом они не
вяжутся, не сводятся в единый комплекс. Зачем-то
мигали лампочки, что-то показывали индикаторные
полосы, медленно вращалась решетчатая антенна,
выползала испещренная таинственными зигзагами
лента, и ничего нельзя было понять.

— Воду в ступе толку, — сказал Кузьменко. — Но,
похоже, водички мне свежей подлили...

— Это как?

— Новые результаты. Любопытные. То ли погорит
гипотеза одного нашего парня, то ли наводки от ра-
ботающего поблизости видеофона.

— А это что? — Панарин кивнул на антеннку.

— Новое излучение. И не спрашивай, какое — мы
сами ни кванта не понимаем, даже в том, что оно
есть, не уверены. Я доходчиво излагаю?

— Прямо-таки на лету схватываю, — сказал Па-
нарин с дружеским участием. — Жизнь у нас, как я
смотрю, веселая — собрались adeпты трех видов се-
рой магии — мы, вы и «шлиманы» — и соревнуем-
ся в невезении.

— Четырех.

— Ах да, еще и преподобные, — вспомнил Панарин. — Четыре мушкетера, у которых нет даже своего кардинала Ришелье, на котором можно сорвать злобушку... Я слышал, у «шлиманов» какие-то новости?

— Вряд ли, ходят грустные. — Он склонился к одному из приборов и с полминуты был само напряжение. Нажал кнопку, антеннка перестала вращаться, но рядом с ней выдвинулись две подрагивающие спирали. — Тим, ты мне нужен как раз в качестве новоиспеченного начальства. Я хочу устроить на корабль один безобидный прибор. И провести кое-какие исследования во время эксперимента. Есть же сравнительно рутинные полеты. И положение о побочных исследованиях.

— Пожалуйста, — сказал Панарин. — Предъяви разрешение и валяй.

— А кто нам его выдаст? Адской-то кухне?

— М-да, ситуация...

— Понимаешь, мне очень нужно. Очень.

— Понимаю, — сказал Панарин. — И поделаться ничего не могу. Параграфы.

Кузьменко отчаянно вздохнул.

— Ладно, хиромант, — сказал Панарин. — Брезжит комбинация. Твой прибор нужно будет подключить к системам корабля?

— Ни боже мой! — воскликнул Кузьменко с надеждой. — Вот он, совсем маленький, я его в руках держать буду...

— Уже лучше, — сказал Панарин. — Видишь ли, в разрешении, выдаваемом репортерам Глобовидения, пишется просто: «Разрешается участие в полете для производства съемок», но количество «принимающих участие» не указывается, подразумевается, что это и так ясно. Соображаешь? Ничего я не нарушаю, всего лишь использую имеющие место прорехи в параграфах. Камеру за репортером носить сможешь?

— Еще как!

— Вот и отлично.

— Ну, спасибо, милостивец... Однако ее еще и уговорить надо?

— Она человек свой, — сказал Панарин. — Я постараюсь.

— Ты ведь с ней вчера ушел из «Приюта»?

— Да так... — сказал Панарин как можно безразличнее, но Кузьменко все равно на него не смотрел, уткнулся в свой прибор, тот, что с антеннами.

— Тим, выполнишь еще одну просьбу?

— Смотря какую.

— Отойди метров на десять, постой там и вернись, хорошо?

Тон был серьезным. Кто их знает, его «черные ящики». Панарин прилежно отсчитал двадцать развалистых шагов, остановился, оглянулся — Кузьменко лихорадочно соединял два соседних прибора блестящим кольчатым кабелем.

— Можно? — негромко крикнул Панарин.

— Можно! — откликнулся Кузьменко, он не обернулся и оторвался от прибора, лишь когда Панарин подошел. — Ну да, так и есть. Не от видеофона наводки, а от тебя.

— Это как?

— Так, — Кузьменко с жесткой откровенностью глянул ему в глаза. — У тебя с этой феей какие-нибудь сложности? Заботит тебя что-нибудь?

— С чего ты взял? — сказал Панарин.

— А это он взял, а не я. Вот этот, — он кивнул на прибор с антеннами. — Шумишь ты, как спасательная капсула...

— Иди ты.

— Тим, это очень важно, я не из любопытства. Грызет тебя что-нибудь касаясь ее?

— Да, — неохотно сказал Панарин. — Грызет. Доволен?

— Доволен.

— Ты хочешь сказать, что этот скворечник читает мои мысли? — Панарину захотелось отодвинуться, и он чертыхнулся про себя.

— Ну, до этого мы еще не дошли, и неизвестно, когда дойдем, просто... Ты ведь отличишь инфра-

красное излучение от радиоволн, если будешь располагать соответствующей аппаратурой? Эта машинка всего-навсего порядка на два сложнее кибермедика. Раздумья о производственных проблемах и размышления о сложностях личных дел имеют различную длину волны, что ли. Понятно, назвать объект прибор не в состоянии — это я сам делаю выводы, собирая сплетни нашей маленькой деревни.

— Интересно, — сказал Панарин, ощущая острое желание немедленно испытать прибор на прочность посредством чего-нибудь тяжелого. — А что говорят биофизики?

Кузьменко грустно усмехнулся:

— Если ты пойдешь с этим к кому-нибудь из биофизиков, он тебя, не дослушав, спустит с лестницы и запустит вдогонку томом кого-нибудь из их классиков...

— Но если ему продемонстрировать?

— Как ты ему продемонстрируешь? Этот чертов граммофон на Земле работать отказывался, а здесь работает как часы. И это не единственная сложность... Наша с вами судьба, Тим, схожа не только внешней стороной. Мы постоянно наталкиваемся на сенсационные результаты, но подвести под них теорию, свести в систему не можем. А без теории и системы все остается мозаикой впечатляющих фокусов. Толкаемся вслепую, ищем новые пути...

Он замолчал. Молчал и Панарин. Из-за ближайшей палатки вышел и направился к ним человек — женщина в старомодном платье, как показалось сначала, но походка была мужская, и Панарин сообразил, что это священник.

«Этим то что здесь нужно?» — подумал он растерянно и попытался вспомнить книги и фильмы, способные подсказать, как с экзотическим гостем обращаться. В голове крутилась бесполезная чепуха, окрошка из протопопы Аввакума, князь-папы Зотова и вовсе уж ни к селу ни к городу пришедшего на ум капуцина из какого-то приключенческого фильма.

Священник остановился перед ними, вежливо поклонился — благообразный, седой, с умным ли-

цом. Шевельнулось прямо-таки детское желание потрогать его за бороду — настоящая ли? — настолько нереальным он выглядел, не соответствовал веку и месту.

— Я имею честь обращаться к командору Панарину?

— Да, — сказал Панарин. — Чем могу служить?

— Арсений Николаевич Жезлов, руководитель группы. Мне хотелось бы согласовать с вами сроки нашего эксперимента.

Он протянул бумаги. Разрешение Технического управления на эксперименты в зоне полигона Прокта. Спецификация экспериментов — ничем не примечательный по характеристикам полет с довольно расплывчато указанной целью: исследование аномальных областей пространства конфигурации К-3. Панарин проставил в бланке числа, по которым полигон был свободен, и «Апостол Павел» мог выделять там все, что заблагорассудится. Расписался в положенном месте и вернул бумаги.

— Когда вы назначите день полета, придется оформить еще один документ, — предупредил он.

— Благодарю, мне это известно.

— Если не секрет, чем вы намерены там заниматься? — не удержался от вопроса Панарин.

— Тем же, что и вы — постижением истины. Только у вас истина именуется природой, а у нас — богом.

— И вы думаете, что здесь вам к нему ближе? — не подумав ляпнул Панарин. — Простите, если я...

— В вашем вопросе нет ничего от колкости, — ничуть не обидевшись, сказал Жезлов. — В свое время церковные круги вели широкую дискуссию о том, в какой же точке Вселенной господь, говоря мирским языком, имеет место постоянного жительства.

— И где же? — с любопытством спросил Панарин.

— После долгих дебатов пришли к выводу, что угадывать намерения господина и его пристрастие к определенным областям пространства человеку не дано.

— А когда-то указывали точный адрес, — сказал Панарин. — Между Тигром и Евфратом.

— Когда-то и ученые предлагали использовать для воздухоплавания упряжки дрессированных орлов, — ответил шпилькой на шпильку священник. — Господь всюду. Как гласит псалом Давида: «Куда пойду от духа твоего, и от лица твоего куда убегу? Взойду на небо — ты там. Снизойду в ад — ты там. (Кузьменко с отсутствующим выражением лица словно бы невзначай подкручивал верньер, косясь на шкалу.) Возьму крылья мои поутру и гряду к последним морям, но и там рука твоя удержит меня и наставит меня десница твоя...» — он замолчал. — Вам это вряд ли интересно, молодые люди...

Воцарилось неловкое молчание. От палатки доносились гитарные переборы и ленивый басок:

— Тишина — недолга,
грусть шумит, как пурга
в сухостое прошедших столетий.
Коль отчаялись мыслью пронзить пустоту,
что ж вы намертво бога прибили к кресту,
распечертовываю дети?

Великое множество гитаристов работало под Шеронина, но их творчество оставляло желать лучшего.

— «Чтоб блудниц не любил,
чтоб о правде не ныл,
и о тихом добре не долдонил...»
Ваш единственный тест —
неоструганный крест
да по паре гвоздей на ладони...

— Как вам песня? — невинно спросил Панарин.

— Возможно, я вас огорчу, но могу ее только приветствовать. Конечно, к образу Христа этот молодой человек обратился исключительно в поисках поэтических красот, но то, что вы привлекаете наши образы для осмысления бушевавших вас проблем, не может нас не радовать... Позвольте откланяться. Крайне приятно было познакомиться.

Он с достоинством благословил обоих отработанным до автоматизма жестом и не спеша зашагал к лагерю.

— М-да, — сказал Панарин. — С орлами он нас неплохо подсек... Что твои ящики?

— Фон от него идет сильный, — сказал Кузьменко. — Не слабее, чем от твоих личных сложностей.

— А верит он в то, что декларировал?

— Ох, а я тебе объяснял, распинался... — поморщился Кузьменко. — Откуда я знаю? Обидно — мы не можем выбить разрешения на эксперимент, а у этих имеется собственный звездолет...

— Традиции — живучая штука, — сказал Панарин. — Пусть себе потешатся напоследок, прежде чем вымереть...

— А тебе не кажется, что мы их недооцениваем?

— Мы? — удивился Панарин. — Брось, какое там. Полечу я, пожалуй. Возьму крылья мои поутру и гряду к поселку...

Грузового мобиля уже не было, гитарист затих. Заглядывать в палатки показалось неудобным, и Панарин направился к своему мобилю.

— Командор! — остановил его незнакомый девичий голос.

Панарин обернулся и узнал блондинку, которая была позавчера в «Приюте» с Иреной.

— Здравствуйте. А где Ирена?

— Где-то в поселке. Так даже лучше.

— Почему?

— Она девушка самолюбивая. Обещала похвастать перед вами успехом, а хвастать, оказывается, и нечем.

— Неудача?

— Увы, — грустно сказала девушка. — Откопали подающую надежды плиту, но быстро выяснилось, что ничьи руки к ней не прикасались — курьезы тектонической деятельности. И о письменах не может идти речи — курьезы природы... Хорошо хоть, не успели поднять шум на всю Ойкумену, как предлагали некоторые горячие головы... И у вас без изменений?

— Без малейших.

И они улыбнулись друг другу печальной улыбкой людей, связанных общей бедой.

Вернувшись к себе, Панарин позвонил Муромцеву и спросил, есть ли какой-нибудь смысл в исследованиях аномальных областей пространства конфигурации К-3 — он специально запомнил и за точность ручается. Муромцев, задумавшись не более чем на десять секунд, сообщил, что данные области, равно как и отличающие их аномалии, давно и скрупулезно изучены современной наукой и возиться с ними далее означало бы примерно то же самое, что вычислять значение числа «пи» до миллиардного знака после запятой — теоретически это возможно, а практически никому не нужно. Мысль о том, что гости с «Апостола Павла» могли усмотреть в них что-то, ускользнувшее от взора современной науки, Муромцев с негодованием отмел как дилетантскую. Разве что именно в этих областях пребывает господь бог, но уж верить в это или нет — личное дело Панарина.

После этой отповеди, прибавившей толику недоумения, Панарин позвонил Марине, но здесь его ожидал афронт номер два — узнав, о чем он собирается ее просить, Марина крайне резко заявила, что не видит нужды второй раз отправляться в полет и в оруженосцах не нуждается. Правда, она преисполнилась холодности лишь после того, как Панарин рассказал о сути затруднений, и у него сложилось впечатление, что она просто-напросто недолюбливает ИНП и его эксперименты...

БИТВЫ С ДРАКОНАМИ И ЧАША ГРААЛЯ

Он услышал слабое жужжание и двумя пальцами выудил из нагрудного кармана радиобраслет, нажал кнопку.

— Тим? — раздался голос Крылова.

— Нет, андромедянин, — лениво сказал Панарин. — А Тима мы похитили, и о сумме выкупа...

— Немедленно ко мне! В Главную! — громохнул бас Кедрина. — Ноги в руки, понял?

И сразу же забубнили что-то несколько возбужденных голосов — Кедрин с Крыловым почему-то не отключились.

— Есть... — недоуменно бросил в пространство Панарин, пожал плечами, сдернул с вешалки куртку. Сбежал по лестнице, прыгнул на скоростную дорожку. Обогнав его, на неразрешенной и ненужной в поселке скорости пронесся синий элкар с эмблемой «Динго», свернул в сторону центра. Следом в том же направлении промчались еще один элкар, серый, и двухместный роллер, который, цепляясь друг за друга, облепили пять человек — один едва не вылетел на мостовую при крутом повороте, но его удержали.

В кармане невнятно бормотал на разные голоса браслет, иногда сквозь гомон прорывались обрывки энергичных команд, но кто приказывает, кому и что, понять было невозможно. Над самими крышами просвистели три мобиля, из-за здания Главной диспетчерской взмывали вертолеты и разлетались в разные стороны. Все это ничуть не выглядело паникой, но весьма походило на общую тревогу номер один — готовность к чему угодно. Разумеется, Панарин, как и все остальные, знал о «ситуации осадного положе-

ния», как она именовалась в уставах — курсанты об этом узнают на первом году обучения, вернее, узнают подробности и детали, потому что с тревогой номер один любой успевает познакомиться в детстве по приключенческим фильмам — там ее объявляют трижды за серию. В жизни, как и полагается, сирены режут значительно реже — за два с лишним десятилетия существования поселений в Ойкумене «ситуацию осадного положения» объявляли трижды, а на Эвридике — ни разу...

«Что ж, с почином», — подумал Панарин, услышав заполошный, пульсирующий вой сирен — он шел словно бы ниоткуда и был везде, лился сверху и снизу, звучал из каждого окна, словно сам воздух кричал от непонятной боли. Следом загремел голос, столь же мощный и всепроникающий:

— Внимание, общая тревога номер один! Внимание, общая тревога номер один! Выход за пределы поселка воспрещен!

И никакого упоминания о характере опасности, сообразил Панарин, никаких распоряжений тем, кто числится в тех или иных аварийных командах. Следовательно, самому поселку ничто не угрожает, что-то случилось за его пределами... -

Панарин спрыгнул на тротуар. Перед Главной диспетчерской стоял, завалившись на правый бок — правого колеса не было и смятые на концах лопасти уткнулись в траву — вертолет с эмблемой метеорологов. Панарин задержался и не сразу понял, что привлекло его внимание. Ага, прозрачная кабина разбита, но осколков не видно. Значит, это произошло там, откуда он прилетел...

Прыгая через три ступеньки, он взбежал по лестнице, толкнул дверь кулаком.

Кедрин, сцепив руки за спиной, ходил, почти бежал от окна к стене. Четыре пульта «Динго», бездействовавшие, кроме одного, со дня постройки здания, работали с полной нагрузкой. Оператор, обычно контролировавший передвижения за пределами поселка его обитателей и туристов (дежурства, как правило, были занудным четырехчасовым бдением пе-

ред покойно молчащим пультом), сейчас трудился так, словно у него выросло десять рук, но и тех не хватает — мокрая рубашка прилипла к телу. Вторым по его команде отдавал распоряжения спасательным группам, а Крылов склонился над его плечом и сосредоточенно слушал. Остальные двое помогали первому, их приборы перебирали позывные личных опознавателей. Присмотревшись, Панарин отметил, что внимание операторов приковано к югу, юго-востоку и юго-западу.

— Явился, — рывкнул Кедрин. — Место по расписанию?

— В распоряжение «Динго».

— Марш!

— Пойдемте, — Крылов тронул его за локоть, и Панарин без раздумий двинулся следом.

— Что случилось? — спросил он на лестнице.

— Смотрите, — Крылов распахнул дверь лазарета так резко, что она ударилась о стену. — Только быстро.

Доктор Беррик, сидевший к ним спиной за пультом кибердиагноста, не оглянулся на стук двери. В белом кресле, опутанный проводами с присосками и прозрачными шлангами, по которым струилась разноцветная жидкость, распростерся обнаженный по пояс человек. Станный человек — седые волосы и совсем молодое, только страшно бледное лицо. Кажется, он был в сознании и смотрел прямо на Панарина с Крыловым, но его пустые глаза не выражали и тени эмоций. Панарин вроде бы узнал его, но никак не мог вспомнить имя — должно быть, седые волосы мешали.

— Как? — громко спросил Крылов.

— Диагноз — прежний, — не оборачиваясь, ответил доктор Беррик. — Сильнейший шок.

Крылов захлопнул дверь:

— Вот так, Тим. Парень прилетел в таком состоянии с метеостанции «Зебра-2». Остальные трое, судя по сигналам, погибли... Бластером пользоваться умеете?

— Учили когда-то.

— Пошли.

Он сбежал на пролет ниже, достал из кармана какой-то блестящий предмет и прикоснулся им к стене. Монолитная стена, мимо которой Панарин проходил ежедневно, бесшумно раздвинулась. В маленькой квадратной комнате без окон в пять рядов стояли решетчатые стеллажи с оружием: бластеры — легкие в кобурах и «Дельты», пулевые карабины и пистолеты, еще какое-то неизвестное даже Панарину оружие, ящики с желтыми и черными шарами величиной с яблоко.

«Гранаты, — вспомнил он, — осколочные и зажигательные». Им в свое время читали лекции и об аварийном запасе на внеземных поселениях, но прошли годы, это забылось, стало отдаленной абстракцией...

— Черные — осколочные, желтые...

— Зажигательные, я помню.

— Возьмите «Дельту». И зажигательных в карманы. Давно не видели?

— С училища.

— То-то. Инструкции и списки оборудования составляют не въедливые педанты, как многие до сих пор думают, а люди, пытающиеся предусмотреть абсолютно все...

Он говорил еще что-то, в общем, ненужное — естественная реакция человека, который годами ждал этого, реакция на внезапно возникшие неизвестность и тревогу. Панарин знал это состояние, случалось, что и на пилотов при определенных обстоятельствах нападал внезапно словесный зуд. Ничего в этом не было удивительного или стыдного, и проходит быстро...

Панарин перекинул через плечо ремень «Дельты», напихал в карманы гранат.

— Оснастились? Пойдемте. — Крылов стал другим, таким его Панарин никогда не видел — грузный рыжий увалень двигался сейчас с грацией вышедшего на охоту леопарда, движения стали экономно-четкими, как у робота. — Что так смотрите?

— Не узнаю.

— А... Работа такая — ждем у моря погоды, пока гром не грянет... — он цепко глянул на Панарина. — Что вы мнетесь? Узнать, где ваша прелестная журналистка? Только не делайте равнодушного лица, в таких ситуациях всегда находится кто-то, о ком хочется узнать незамедлительно, а минута задержки для нас роли не играет... Идите в мобиль, я мигом.

В мобиле сидел Руди, один из сотрудников Крылова, тоже с «Дельтой». Панарин устроился с ним рядом, воцарилось неловкое молчание — оба чувствовали, что молчать вроде бы не следует, но и о чем заговорить в такую минуту, неизвестно...

— Двинулись, — Крылов сел сзади, и мобиль тут же пущенным из пращи камнем метнулся в небо. — Руди, на «Зебру-2». Все в порядке, Тим, она в поселке. Вообще всех уже вывезли или везут. Хорошо, туристов было мало...

— К чему тогда столько шума? — Панарину показалось, что Руди хотел задать тот же вопрос. — В чем дело — звери?

— Звери, парень только это и в состоянии выговорить.

— Но насколько я знаю, опасных зверей в том районе не было?

— Пока не было, — сказал Крылов глухо и зло. — И оттого, что их давно не было, на станции не считали нужным заботиться о таких мелочах, как защитная сигнализация и силовое поле... И получается, что предсказать опасность и принять меры — разные вещи... И получается, что виноваты растяпы из «Динго», проморгавшие и допустившие...

Он говорил что-то еще, злясь на себя и на то, что произошло. Мобиль мчался на максимальной скорости, все внизу сливалось в пеструю полосу.

— Прибыли, — доложил Руди. — Зависаю на ста метрах.

Мобиль повис в воздухе, ушел в корпус прозрачный верх.

— Ну? — почему-то шепотом спросил Панарин.

— Ну и смотрим во все глаза...

Лес протянулся во все стороны, до горизонта. Бледно-зеленые, с перистыми листьями деревья походили больше на вымахавшую до пятиметровой высоты траву — стволы гибче, чем у земных деревьев и менее прочные. Кое-кто сравнивал их с сахалинскими зарослями гигантских трав или «папоротниками» Глена. Посреди прогаины примерно с километр — ее расчистили сами метеорологи, их почему-то устраивало именно это место — белые домики, решетчатые башенки, круглые антенны связи со спутниками — большое, почти полностью автоматизированное хозяйство, требовавшее все-таки человеческого присмотра. И никаких признаков беды.

— Руди, шумни-ка сигнальными, — сказал Крылов. — А я пошарю локатором.

Руди достал ракетницу, и тишину трижды вспорол басовитый вой.

— Ничего, — сказал Крылов. — Никакого движения. Руди, остороженько вниз. В случае чего стреляйте — без команды.

Мобиль вертикально опускался. Панарин сдвинул вниз рубчатый язычок предохранителя и положил ствол на борт.

Стояла гробовая тишина, пахло лесом и новеньким синтетиком кресел мобиля, мир был солнечным и зеленым.

— Руди, остаешься, — сказал Крылов. — Тим, пошли. Я посмотрю в аппаратной, а ты давай туда.

Панарин поднялся на веранду жилого коттеджа, увитую сиреневыми граммофончиками плюща, толкнул дверь ногой, отпрыгнул в сторону. Ни звука, ни движения. Он осторожно вошел, выставив перед собой бластер, заглянул в одну комнату, в другую.

Пластиковой стены, обращенной к лесу, не было — только обломки густо устилали пол, длинными и лохматыми, загнутыми внутрь клочьями обрамляли пролом. Что-то со страшной силой ударило в стену снаружи. Панарин увидел на полу странные бурые пятна.

Наклониться к ним он не успел. Чужая, темная воля подавила сознание, отняла способность дви-

гаться и рассуждать, Панарин застыл, глядя на лес. Руки стали мягкими, бескостными, ставший неимоверно тяжелым бластер выскользнул из вялых пальцев и звонко стукнулся об пол. Панарин сделал шаг к пролому, второй...

Деревья шевельнулись, затрещали, ломаясь, из зарослей высунулась зеленая змеиная голова размером с мобиль, качнулась вправо-влево и двинулась к Панарину. За ней заструилось толстое тело. Их разделяли метров тридцать — анаконду и коттедж.

Панарин попробовал крикнуть — язык словно распух моментально и едва ворохнулся во рту. Он стиснул зубы, страшным усилием воли попытался стряхнуть наваждение, поднять бластер. Колени сгибались медленно-медленно, казалось, растопыренные пальцы отделял от бластера миллион километров. Змея успеет раньше, отметили замурованные где-то в глубине неподчинившиеся гипнозу остатки сознания. Захлестнула ни с чем не сравнимая тоска, весь мир состоял из тоски, пропасти, куда рушилась личность. Пальцы тянулись к стволу, тянулись, тянулись, но их опережали шум мощного тела и волна смрадного дыхания.

Прозрачное сиреневое пламя ширкнуло наперерез, отсекло голову анаконды, и она черным дымящийся комом покатилась в траву. Тоска исчезла, Панарин рывком присел по инерции, пребольно ушиб пальцы о приклад, подхватил оружие и вскочил. Уперся спиной в стену, мокрый, как мышь, — одежда облепила тело, бил озноб — прицелился, стискивая вихляющийся в руках бластер, но стрелять не стал — все было кончено, гигантское обезглавленное тело замирающе перекатывалось, руша деревья.

«Вот и пресловутые битвы с драконами, — подумал он, — совсем как по стерео, только не вышло из главного героя супермена — дрожит, как банный лист, едва дуриком не слопали...»

— Живой? — в пролом заглянул бледный Крылов. — Выходи, не стоит тут засиживаться, все ясно. Приползли из джунглей, твари. Там еще одна валяется, Руди вовремя заметил...

— Но ведь они никогда так далеко от джунглей не забирались?

— А теперь, выходит, забрались... — сказал Крылов.

— Э-эй! — донесся крик Руди.

Они побежали к мобиле, но опасности там не было никакой, только анаконда, которую убил Руди, протянулась поперек улицы нелепым поваленным деревом — голова скрылась за коттеджем, хвост в конвульсиях разрушил другой и лежал под рухнувшей крышей.

— Поселок выходил на связь, — сказал Руди. — Они послали в этот район беспилотник-наблюдатель. Километрах в двухстах южнее отсюда — неисчислимая масса зверья. Великий исход какой-то...

...Это действительно был великий исход. Мобиль повис метрах в сорока от земли, они смотрели вниз затаив дыхание — такого еще ни один из них никогда не видел. Сотни анаконд ползли по равнине, целеустремленно, быстро, все в одном направлении, в спешке наползали друг на друга, и тогда та, которую задела, зло била головой соседку, но тут же обе, наперекор своим обычным привычкам не вступая в схватку, словно забывали друг о друге и ползли дальше. Увертываясь от змей, между ними подпрыгивали, катались разноцветные комочки разной величины — звери бежали в ту же сторону, тучи птиц неслись, с пронзительными криками огибая мобиль, проносясь над ним и под ним. В некоторых местах земля казалась сплошь покрытой шевелящимся ковром — стаи самых маленьких зверьков. Панарин знал, что так было при лесных пожарах. Все живое, обитавшее в примыкающих к океану джунглях на юге континента, давя и топча друг друга, слившись в единое целое, где хищники перемешались с вегетарианцами, потому что каждый думал только о спасении — ползло, бежало, летело, мчалось на север, не останавливаясь и не сбавляя темпа...

— Вот так, — Кедрин провел указкой по карте. — Зверье идет на Поселок. То есть, разумеется, не специально на поселок, но направляется в северные районы Синегорья, что нас никоим образом не может радовать. Темпы они несколько сбавили от усталости, но, если не изменят направления, через несколько часов будут здесь. В этом случае они надолго засорят окрестности и, во-первых, уничтожат местную фауну региона, во-вторых, мы попадаем в длительную осаду. Конечно, в конце концов они пережрут друг друга, передохнут, но долгое затворничество нам гарантировано. Придется связать поселок и космодром «туннелями» из силового поля. Работу по Проекту мы сможем, в общем, продолжать, но все другие исследования, ведущиеся за пределами поселка, а также работу «Галакса» придется заморозить на неопределенный срок. Оборудование одиннадцати научных станций либо погибнет, либо его придется демонтировать, что для некоторых экспериментов равносильно гибели. Перед нами стоит альтернатива — либо закатать поселок и космодром силовым полем...

— Мы можем не успеть, — сказал кто-то из энергетиков.

— Да, — сказал Кедрин. — Можем и не успеть. Поэтому имеется второй вариант — используя доставленную с Земли технику, истребить покинувшую джунгли живность, которая, собственно говоря, и так обречена. Кто за это предложение?

Сразу же поднялись четыре руки, после нескольких секунд промедления — остальные четыре.

— Единогласно, — сказал Кедрин. — Что ж, все свободны.

Панарин остался, сам не зная, зачем. Он сидел и смотрел на Кедрина, а Кедрин, заложив руки за спину, смотрел на карту. Почувствовав взгляд, обернулся:

— Ты не ушел?

— А куда торопиться? — сказал Панарин. — Группы вылетят через полчаса. Можно вопрос?

— Пожалуйста.

— Почему вы поставили вопрос на голосование? Можно было руководствоваться параграфом третьим, пункт два. Чрезвычайные обстоятельства налицо, вы имеете право на единоличное решение.

— Мог, — сказал Кедрин, сел рядом с Панариным, помолчал. — Тим, когда-нибудь ты поймешь — чем старше человек, тем реже он старается принимать единоличные решения там, где можно этого избежать. Понятно, это не относится ко многим и многим ситуациям, но все же... Есть вопросы, которые невозможно решать коллективно. А есть и другие. Признаюсь, мне хотелось посмотреть, как будут вести себя люди.

— И они оправдали ваши ожидания?

— В том-то и дело, что нет, — сказал Кедрин. — Я ожидал, что они призадумаются на какое-то время, но ничего подобного не произошло. Одно движение руки — и многие тысячи животных истреблены. Биосфере со всего размаха заедут кулаком в лицо.

— Но ведь нельзя иначе. Вы сами говорили, что, во-первых, они все равно обречены, а во-вторых, они в состоянии нарушить биосферу региона.

— Все так, — сказал Кедрин. — Но либо ты меня не понял, либо я неточно выразился. Мы приняли единственно верное решение — спасая фауну региона, спасая наши эксперименты, мы должны уничтожить все живое, идущее на поселок. Но, принимая такие решения, следует хотя бы на минутку задуматься... Знаешь, чем отличается психология звездолетчиков моего поколения от вашего? У нас было очень мало планет — всего лишь Солнечная система. А у вас их, на мой взгляд, слишком мало, но на ваш — слишком много. И вы обращаетесь с ними что-то чересчур уж равнодушно. Конечно, хорошо, что вы упорно верите: все они — не более чем ступеньки на пути во Вселенную. Полустанки. Гостиничные номера. Придорожные лавочки. С одной стороны, это расширяет масштабы мышления, но вот с другой-то... Чересчур вы к ним равнодушны,

торопясь к звездам. И я иногда опасаюсь, что такое отношение повлияет на ваше поведение, когда мы, наконец, вырвемся туда, — он показал на потолок.

— Масштабы, вот именно, — сказал Панарин. — Мы же не горюем, когда приходится мимоходом растоптать или сорвать несколько цветов. И вырвавшись во Вселенную, мы ведь не перестанем срывать букеты и шагать по полю без дороги. Я не хочу сказать, что мы вправе плевать на все живое и творить с другими планетами что только душа пожелает. Я лишь подчеркиваю, что масштабы со временем меняются. Вы считаете, что я неправ?

— Отчего же. Прав. Другой разговор — как свести все правды в одну и ничего при этом не утратить... Ты предупредил пилотов?

— Разумеется, — сказал Панарин. — Все готовы. Ох, и мясорубка предстоит...

— Да, конечно, по стерео это выглядит гораздо эффектнее — одинокий дракон, с которым храбро сражается вооруженный скромненьким излучателем антипротонов герой. И на него, разумеется, взирает с восторгом красавица в изящном скафандре... — Он посмотрел на Панарина. — К вопросу о красавицах. Извини, но мне кажется, ты хочешь, чтобы кто-то что-то тебе посоветовал.

— Может быть. Не знаю.

— Вообще-то в данной ситуации лучший совет — не слушать чужих советов.

— Объяснять и прояснять мне ничего не нужно, — сказал Панарин. — Я сам все знаю и все понимаю, я не знаю только, что мне делать...

— Ничего себе «только»... — сказал Кедрин. — Цирцеями не рождаются, ими становятся. И если ты уверен, что еще не поздно что-то изменить, чем-то помочь — не отступайся. А не уверен — рви безжалостно, так будет лучше для всех.

— И для того, кто через какое-то время будет мучиться, как сейчас я?

— Вот ты сам себе и ответил, — сказал Кедрин. — Делай все, что можешь, если стоит и не поздно что-то делать. Так-то. Вставай, поехали на аэродром. Пора.

...То, что началось через двадцать минут, ни с какого конца даже отдаленно не напоминало стереофильмы для школьников. Это была бойня. Две сотни мобильных, разбившись на группы, вылетели из поселка, и началась облава. Участки в несколько квадратных километров огораживали срочно доставленными с земли джей-генераторами, и животные, приведенные излучением в еще больший ужас, чем тот, что привел их сюда, погнал неведомо куда, трудились, устремляясь к центру «зафлаженного» пространства. Тогда в ход шли дезинтеграторы живой материи и зажигательные бомбы. Это продолжалось весь день, до заката, пока не убедились, что главная работа кончена, но десятка четыре мобильных остались гоняться за стайками, табунками и отдельными крупными животными, ускользнувшими от массивированной атаки. Остальные вернулись в поселок, и Панарин в том числе. Поселок выиграл бой с многократно превосходящими силами Природы — отнюдь не впервые в истории человечества...

Панарин не сразу вылез из приземлившегося мобиля, посидел немного. Отчего-то хотелось пойти и вымыться под душем. Остальные тоже не чувствовали себя героями-триумфаторами из очередной серии стереобоевика. Возникали кое-где шумные разговоры-воспоминания о ходе короткой кампании, но особого охотничьего азарта в них не наличествовало, и они быстро затухали, как только говорящим приходило на ум, что ничего хорошего в этом не было, и ничего славного они не совершили — пике, боевой разворот, рукоять рычага, и — огонь или бесшумная смерть, непостижимая для умишек сгрудившейся внизу живности... На душе было чуточку паскудно, сравнение с военными летчиками прошлого, предложенное кем-то впопыхах, поддержки не нашло и было отвергнуто — там, в свое время, был враг, не имевший права побеждать и вообще жить, а здесь пришлось кроваво исправлять непонятные фокусы природы...

В душ Панарин, однако, не пошел — ограничился тем, что заскочил в туалет диспетчерской и вы-

ном городе, бродили по окраинным малолюдным улочкам, целовались в подъездах опустевших на ночь лабораторий, были для Марины отчаянной попыткой удержать юность, девичью легкость, беззаботную студенческую неприкаянность. Соображения эти он благоразумно держал при себе — кошки, которые гуляют сами по себе, прощают многое, но выходят из себя, когда понимают, что разгаданы...

Он не знал, что ему делать с собой и жизнью, и никто не мог помочь, был бесполезен любой совет, даже если достало слабости его попросить...

— Мы еще до полюса не долетели? — спросила Марина, не открывая глаз.

— Долетели, — сказал Панарин. — Снегу вокруг, медведи белые...

Ему хотелось повернуть к мосту Фата-Моргана, но на пути к нему лежало место сегодняшней бойни, и мобиль по-прежнему мчался вперед, на север, к полюсу, на котором, как и полагается полюсам, земным ли, инопланетным ли, не имелось ровным счетом ничего интересного — снега, заструги, ропак и тишина, вязкая, вечная. И никому он не нужен, здешний полюс — в жизни землян были только два полюса, к которым шли пахнущие нестерпимым любопытством, честолюбием, азартом и смертью тропы. Другие, инопланетные, были уже вторичностью и мало кого интересовали...

Алое пульсирующее мерцание проникло в кабину, высветило их лица нелюдским сиянием. Панарин реагировал мгновенно — отпустил Марину и бросил руки на пульт, мобиль тряхнуло, словно он на полной скорости врезался в стену. Машина провалилась вправо и вниз, «бочка», мгновенно наполнившиеся газом подушки безопасности выскочили с трех сторон, прижимая людей к сиденьям. Недоуменно мяукнул зуммер, замигала синяя лампочка — мобиль был мирной пассажирской машиной, предназначенной для эксплуатации в относительно тепличных условиях, и автоматика безопасности на секунду пришла в замешательство, не зная, как расценить проделанный Панариным классический маневр —

уход от неожиданно возникшей прямо по курсу опасности.

Теперь можно было и разобраться, есть ли опасность и если да, то что она собой представляет. Панарин развернул мобиль носом в ту сторону, остановил в воздухе, чертыхнулся — рука автоматически скользнула вправо, туда, где на машинах Дальней разведки размещался пульт комплекса радаров и датчиков — и ничего, понятно, не обнаружила.

— Что это? — шевельнулась, освобождаясь от обмякающих подушек, Марина. — Я даже испугаться не успела...

— Обычно никто и не успевает... — сказал Панарин, сдвинул верх и встал, опершись на лобовое стекло.

Впереди были горы, и над их угловатыми громадами тусклое алое сияние, никло, съезживалось, словно уходя в дыру в земле, зеленовато-лимонные блики взмыли колышущимися струями, опали, и сияние стало затухать еще быстрее, но все равно простиралось на полнеба, а в небе звезды просвечивали сквозь косую ленту того же алого цвета — ее размытый конец терялся среди звезд, другой тянулся к горам и тонул в сиянии.

— Болид, — сказал Панарин.

— Вперед! — Марина азартно толкнула его в спину. — Вперед, мы его первые найдем! Господи, а я без камеры...

Мобиль задрал нос — Панарин послал его к горам по параболе, чтобы, пока не затухло свечение, увидеть сверху его центр, то есть место падения болида — наблюдатель на равнине сплошь и рядом ошибается в определении расстояния, ему может показаться, что метеорит упал в двух шагах, тогда как до него, быть может, шагать полдня. Панарин достал из кармана браслет.

— Я — Сарыч, — машинально он назвал свой летный позывной. — Я — Сарыч. Наблюдали падение болида, идем к месту падения. Слушай, Карл, пусть заглянут к Банишевской, там камера на столе...

— Я — Главная диспетчерская, вас понял. Планетологи вылетают немедленно. Насчет камеры скажу.

Мобиль пикировал. Панарин покосился на Марину — ее азартное лицо в свете гаснущих сполохов стало юным и чистым, волосы разметал тугой ветер — лицо юной ведьмы, уже узнавшей грех, но не сделавшей его самоцелью. Наверное, такой она была лет десять назад, когда еще не успела за что-то крупно обидеться на жизнь и надеть маску киплингской кошки...

Внизу были горы. Свечение погасло, только кое-где на скалах мерцали лоскутья, словно клочья светящейся пленки, но вот погасли и они. Мобиль повис над ущельем — ничего больше не оставалось делать, не было ни осветительных бомб, ни инфракрасных детекторов, абсолютно ничего. Панарин давно не вспоминал о работе в Дальней разведке, но случившееся поневоле заставило вспомнить о ней с грустью — пусть там редко можно было надеяться на сенсационные открытия, работа нудноватая и размеренная — скрупулезно изучать планеты, составлять различные карты; пусть их с долей насмешки и именовали архивариусами новейшей формации, но все же была отдача, практические результаты, и никто не косился, не называл за глаза бездельником и кочегаром при перпетуум-мобиле...

— Почему висим? — спросила Марина.

— Потому что ничего сделать не можем. Кратер мы не увидим, слишком мало шансов — пока будем кружить, прилетят планетологи.

— Ну тогда поцелуй меня. И я буду первой женщиной, которую целовали над свежевывавшим болидом.

Несильный ветерок трепал им волосы.

«Еще один полустанок, — подумал Панарин, — еще один золотой ящичек Маргариты Наваррской, еще один скаल्प, и не из заурядных — командор Проекта с экзотической планеты на краю Ойкумены. Должен ли сам скаल्प гордиться тем, что он превосходит в чем-то своих соседей?»

Спустя короткое время с юга надвинулись десятки красных и зеленых бортовых огней, прибыла добрая четверть обитателей поселка — планетологов здесь

насчитывалось не более полусотни, но очень многим, не имеющим отношения к планетологии, пришлось по душе идея лететь на поиски болида — это было новое и интересное развлечение. За все существование поселка это был первый случай падения на Эвридику крупного метеорита. Да и планетологов орда добровольных помощников могла только обрадовать — Панарин все же лишь приблизительно мог определить место падения болида, предстояли поиски в обширном районе.

«И наконец, — подумал Панарин, — охота за болидом была более приятным занятием, нежели бойня этого дня, и предоставляла возможность поскорее забыть, заслонить эту бойню новыми впечатлениями...»

С мобилем Панарин виртуозно сблизился, повис борт в борт мобиль Кузьменко, тоже с откинутым верхом, и Кузьменко протянул Марине камеру. Марина сдержанно поблагодарила. Панарин заглянул в кабину к соседу — кабина была заполнена теми же непонятными приборами, и они работали, горели зеленые и оранжевые лампочки, мерцали цифры сочного цвета молодой травы, пульсировали в окошечках синие кривые, внезапно превращавшиеся в переплетение линий, напоминающие то ли дельту Волги, то ли схему кровеносной системы осьминога. Когда-то в третьем классе Панарин со Снергом забавлялись с осциллографом, измывались над прибором и сожгли-таки его. Синие линии Кузьменко немногим отличались от школьных забав двадцатилетней давности.

— И ты сюда? — спросил Панарин. — Принял телепатему андромедян?

— Ага, — сказал Кузьменко. — Ее самую. А это вы, значит, были первыми и единственными свидетелями?

— Мы, — сказала Марина сухо. — А вы что-нибудь имеете против?

Почему-то она невзлюбила Кузьменко — не у нее одной Панарин наблюдал глухое недоброжелательство, тщательно скрываемую, а то и явную непри-

язнь к сотрудникам Института нерешенных проблем, к парапсихологам. Как правило, этим страдали люди, опасавшиеся, что станет понятно — они представляют собой несколько не то, чем кажутся. Опасения были безосновательными — чтение мыслей было пока столь же достижимо, как и Туманность Андромеды, — но как раз безосновательные опасения и рождают самые стойкие страхи...

— Ничего я не имею против, — сказал Кузьменко. — С чего вы взяли, Марочка?

— Марочки когда-то клеили на конверты, — отрезала Марина.

— Да? А по-моему, прекрасное имя — Мара, Марочка...

Он не отвечал на колкость колкостью — просто шутил, как шутят с капризным ребенком, стоял и с улыбкой смотрел на них, сильный, уверенный в себе. Никак ему не полагалось быть таким — он служил делу, по сравнению с которым невзгоды Проекта «Икар» казались каплей в море. Панарин думал сначала, что веселость и уверенность в себе показные, Кузьменко просто недалекий человек, или, наконец, слепо и фанатично верит в счастливый случай, но постепенно подобные гипотезы таяли одна за другой, и оставалось считать, что Кузьменко, как и Панарин, просто-напросто убежден, что мир должен быть познан и все препятствия должны быть преодолены...

Марина протянула руку к пульта, и мобиль резко отплыл в сторону.

— Ну почему ты с ним так? — спросил Панарин. — Ведь как кошка с собакой, право...

— Не люблю их, — сказала Марина. — Всегда такое впечатление, словно зашли в твое отсутствие в твою комнату и роются в сокровенных бумагах...

— А что в наше время стоит скрывать? — невинно спросил Панарин. — Открыты наши души...

— Хочешь поссориться?

— Не хочу.

— Шарлатаны, — сказала Марина. — Алхимики-астрологи двадцать второго века. Пользуются, что мы стали добренькие и позволяем бездельникам валять

дурака. Выдумали бог знает что и вытворяют черт знает что...

— Нелогично, Мариночка. Не вяжется одно с другим.

— Почему?

— Если они шарлатаны, нет смысла бояться, что они прочитают твои сокровенные бумаги. А если смогут прочитать — какие же они бездельники, алхимики и астрологи? Хотел бы я уметь читать мысли...

— Ну, и что бы ты обо мне узнал? О тех, кто был до тебя? И что бы это тебе дало?

— Я не о тебе. Так, обобщаю.

Стало светло, как в ясный полдень, они зажмурились от неожиданности, из глаз выступили слезы, и привыкнуть к свету удалось не сразу. Высоко над скалами повисли три «Гелиоса», памятные Панарину по Дальней разведке — мощные светящиеся бомбы, рассчитанные на три часа горения, и на сотне квадратных километров наступил рукотворный день, разве что свет был белее и резче солнечного и четче обрисовывал тени, но так было даже лучше — будет более заметен свежий кратер.

Видимо, перед отлетом кто-то из планетологов успел провести детальный инструктаж — мобили, повисшие пестрым колышущимся ковром, вдруг разбились на стайки и целеустремленно разлетелись в стороны, ныряя в пропасти и ущелья, методично осматривая склоны гор. Это был хорошо организованный за короткое время поиск, не уступающий, признал Панарин, иным операциям Дальней разведки.

Его работа свелась к роли извозчика, выполняющего приказы Марины. Она снимала суетившиеся мобили, горы, заставила подняться чуть ли не к самым «Гелиосам» и засняла оттуда всю панораму поисков. Наконец решила, что сделала все.

— Сделай волевое лицо, — сказала она. — И с надеждой ищи глазами кратер. Запечатлею и тебя для истории как участника поиска.

— Поиск... — сказал Панарин. — Смотри, первый азарт прошел...

Возбуждение действительно схлынуло — мобили замедлили скорость, не так суетливо рыскали из стороны в сторону. Совсем близко прошла «семерка» — машина Крылова. Их мобиль повис в тени скалы — все-таки ночь на дворе, заявила Марина, да и стоит ли так уж суетиться?

— Собственно говоря, из-за чего такой переполох? — сказала она. — Грохнулась еще одна здоровенная глыба...

— Конечно, андромедянский корабль был бы предпочтительнее, — сказал Панарин устало.

— А что? Отличный получился бы фильм. Жаль, что здешние астроархеологи не оправдали надежд своего племени... Хотелось бы наткнуться на что-нибудь таинственное в пику твоему Снергу. Выдать тебе маленький секрет полишинеля Глобовидения?

— Ну, выдай.

— Мы с твоим Снергом в свое время долго сражались за бразды правления над «Т — значит тайна». Выиграл он — у него было больше фильмов соответствующего профиля, больше стажа, больше опыта, и он меня обошел. А жаль. Вы, мужчины, меньше подходите для того, чтобы разгадывать тайны. У нас это получается лучше, потому что каждая женщина сама — тайна.

— Ого, аксиомы у тебя...

— Да, — сказала Марина. — Я такая. Как говорили наши предки — крученая девка. Хочешь что-нибудь опровергнуть? Я же чувствую, тебя так и тянет что-нибудь во мне опровергнуть...

Панарин промолчал — невозможно лечить, не имея рецептов... Он примерно знал и мог объяснить себе уязвимые точки Мариной философии, и то наносное, что присутствовало в ее характере, то, от чего лучше бы решительно отказаться. Но как ей это сделать, он не взялся бы подсказывать, и что предложить взамен, тоже не знал. Так что пока разумнее было молчать, не размениваясь на бесцельные пустопорожние обличения. Что он и делал в критические моменты возникавших споров.

— Даже странно иногда, что ты звездолетчик. Тебе бы поэтом быть. Романтиком. Века этак восемнадцатого.

— Почему? — спросил Панарин.

— Потому что ты, как и они, обожествляешь любовь. То ли ждешь от нее, как от Дельфийского оракула, ответа на все без исключения вопросы бытия, то ли она для тебя — средство достижения высшей степени самосовершенствования, к которому стремились буддисты. А ее нет, любви. Вернее, она есть, но настолько непохожа на все, что ты о ней мысленно нагородил... И какая же глупость именовать тебя командором — ничего в тебе нет от той статуи, погубившей Дон Жуана.

— Это плохо?

— Да нет, с чего ты взял? Тебе просто не идет. Я понимаю: командор — официальное наименование твоей должности... И все равно не идет. Скорее уж, молодой Вертер. Генрих фон Клейст — был такой поэт, он застрелился, убив перед этим последнюю подругу, по ее согласию, — случайную, правда, какую-то... Тим, а ты мог бы так — сначала меня, а потом себя? — спросила она с любопытством.

— Тебя бы высечь... — сказал Панарин.

— Интересное предложение. Только ничего бы это не дало.

— Что и печально, — сказал Панарин.

— Смотри, неужели нашли?

Мобили, как уносимые ветром листья, сбивались в табунки и улетали в одном направлении. Панарин коснулся клавиш, Марина торопливо вставила в камеру новый видеодиск.

Летели недолго, по узкому ущелью, над мелкой бурливой речушкой, и попали в неширокую каменистую долину, со всех сторон замкнутую гранеными скалами. Мобили, и опустившиеся на каменистую землю, и парящие в воздухе, сгрудились, словно не в состоянии преодолеть невидимую преграду. Подлетали новые, садились, люди выскакивали, медленно подходили к той же невидимой черте, толпились, возбужденно жестикулируя.

А впереди, там, куда они смотрели, стоял самый настоящий рыцарский замок со старинной гравюры или из туристского путеводителя. Очертания и пропорции стен и башен несколько отличалась от земных, но в том, что это был именно созданный руками человека замок, а не игра природы, причудливо выветрившей скалы, сомневаться не приходилось.

И стало очень тихо.

ЧЕЛОВЕК ПОД ИКОНОЙ

Недавно прошел дождь, асфальт был тускло-зеркальным, река была темнее, чем обычно, и в воздухе стоял неповторимый свежий запах влажного минусинского песка. Они медленно шли по старинному мосту, справа клонились к воде серые морщинистые тополя, и на левом берегу были тополя, а у овальных бетонных быков было мелко, и на дне виднелись россыпи светлых камешков, а впереди зеленела над крышами колокольня Успенского собора — строго говоря, обыкновенной церкви, возведенной в 1812 году в честь победы над Бонапартием, о которой здесь узнали только через полгода. Потом показала и сама церковь, она неожиданно возникала перед глазами, стоило обогнуть белый дом, тоже старинной постройки — Старый город оставался нетронутым.

Перед церковью беззаботно расхаживали пухлые голуби — пугать их было некому, — машины здесь не ездили вторую сотню лет, — вспархивали, садились, расхаживали, гуркоча, и были похожи на участников научного симпозиума в перерыве между заседаниями. «Или на попов, озабоченных поисками материального господ», — подумал Снерг.

— «Но вот настал двенадцатый, победа горяча, и пулею погашена венчальная свеча...» — продекламировала Алена, глядя на распахнутые двери церкви, зеленые, железные, украшенные выпуклыми крестами. — Раньше все было не в пример уютнее — где-то существовала сила, которая избавляла от всех сложностей, подсказывала образ мыслей и действий... Зайдем?

— Ты же Мефистофель, тебе нельзя.

— Да, действительно... Поцелуй меня.

— Здесь?

— А я хочу, чтобы здесь.

Снерг притянул ее к себе, тонкий эластик ее плаща скользнул под пальцами. У их ног бормотали что-то одобрительное голуби, из распахнутого окна доносились гитарные переборы и голос Шеронина:

— Остановись и оглянись в уютном зале, мои надежды раствори холодными глазами. Вначале было слово, и после было слово, на серых ветках тополей — клочки былого. Кто улыбался: «Как смешно!», кто хмурился: «Печально...» Тебя я в прошлое мое привез случайно...

Запись была старая, а песня совсем не подходила к случаю, и Снерга пронзило жгучее предчувствие чего-то неизвестного, словно зыбкий отголосок крика, раздавшегося так далеко, что не понять, был он или нет. Он взял Алену за плечи, легонько отстранил, заглянул в глаза — широко раскрытые, тревожные. Хорошо это или нет, что она чувствует меня насквозь? — спросил он себя в который раз, и, как всегда, не нашел ответа.

— Что, Стах? — почти шепотом спросила Алена.

— Бог его знает...

— Я за тебя бояться начинаю, — сказала Алена. — Вечно с тобой что-то происходит. То его разыскивают в Гималаях...

— Это же было черт знает когда, и нас друг у друга не было.

— Тем более, так еще хуже. То он, понимаете ли, начинает видеть во сне прошлое. Что с тобой завтра случится?

— А завтра меня похитят андромеды, — сказал Снерг. — Потому что окажется — программа «Т — значит тайна» ненароком встала поперек дороги их планам захвата Юпитера. В лучших традициях стерео.

— Дошутишься... — Алена взяла его за руку, и они пошли к площади.

— Ты пойдешь со мной туда?

— Не хочу я к твоим попам, — сказала Алена. — Полечу в Красноярск. Надеюсь, придешь на космодром проводить? Смотри, заморочат тебя попы, окрестят и в монахи постригут.

— Ну, для монаха я недостаточно грешен.

— И то верно... До космодрома, Стах.

Она шла через площадь, мимо Мартьяновского музея, чуточку похожего на рыцарский замок. Снерг смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом. Иглистая льдинка в сердце не таяла.

Нужное ему здание он отыскал сразу — оказывается, он тысячу раз проходил мимо него, но никогда не задумывался, что это за старинный дом отступил от соседей в сад, заслонился деревьями. Едва он открыл ажурную железную калитку, с крыльца спустился и двинулся ему навстречу по выложенной кирпичом дорожке человек в рясе и белом клобуке, с золотым наперсным крестом. Снерг мельком подумал, что только в двадцать первом, прошлом веке золотой крест смог позволить себе каждый, даже самый заштатный попик.

Снерг узнал Драгомирова. Они встретились на середине дорожки и пожали друг другу руки.

— Душевно рад, — сказал Драгомиров. — Алена Викторовна не смогла приехать, как я вижу?

— Увы, ей наши игры неинтересны, — сказал Снерг. — Простите, что я употребляю такой термин...

— Охотно. Я от всей души надеюсь, уважаемый Станислав Сергеевич, что после окончания вашего визита вы перестанете употреблять этот термин даже шутки ради...

— Многообещающее начало, признаться... — сказал Снерг.

— Прошу в дом.

Внутри он не увидел ничего интригующего и необычного, что бросилось бы в глаза и сразу заявило бы о своей принадлежности к другому миру. Холл, куда его провел Драгомиров, был самым обычным — современная мебель, приятные для глаза обои «хамелеон» и ни одной иконы.

— Прошу, — показал Драгомиров на кресло, вежливо подождет, пока сядет Снерг, и уселся сам, похвалив рясу, как женщина из фильма о викторианской эпохе платье, посмотрел ласково внимательным, несомненно «профессиональным» взглядом:

— Вам кажется, Станислав Сергеевич, что в этой комнате я выгляжу инородным телом?

— Признаться, да, — сказал Снерг.

Пожилой человек в рясе внес серебряный поднос, расставил кофейник, чашки, тарелочки, поклонился и бесшумно исчез.

— Это один из парадоксов церкви, если хотите, — сказал Драгомиров. — Облачения и интерьеры храмов остаются изначальными, но обстановка помещений подсобного, если можно так выразиться, характера не может не меняться. В свое время раздавались, не скрою, голоса, требовавшие ввести и более соответствующие веку облачения, но на Вселенском соборе сия идея одобрения не получила. И у церкви во все времена были свои «радикальные элементы»... Но вы вряд ли должным образом осведомлены о наших внутренних проблемах?

— Увы, — сказал Снерг. — Вовсе не осведомлен. Я в трудном положении, уважаемый Дмитрий Никитич...

— Вы же знаете, какие ваши вопросы могут показаться нескромными или нетактичными?

— Да, — сказал Снерг.

— Что ж, это говорит о вашей деликатности. Я не думаю, что какие-либо вопросы могут заслужить наименование нескромных или нетактичных. В условиях, когда встречаются представители двух практически не пересекающихся миров, не избежать столкновения двух разных мироощущений. Смело задавайте любые вопросы. Мне думается, что наш разговор имеет что-то общее с контактом между двумя цивилизациями, о котором вы столько говорите и пишете. Вам не кажется?

— Пожалуй, — сказал Снерг. — Итак... По сути, мы построили то общество, за которое ратовал Христос — не веря в Христа. Вы пытались создать такое

общество, веря в бога, мы его создали не веря. Тысячу раз простите, но зачем теперь вы в таком случае? Не превратились ли вы просто в ученых, проводящих обычный эксперимент? Я искренне хочу понять.

— В этом-то все и дело, — сказал Драгомиров. — Наша задача — заставить вас поверить в то, что вы, не веря, тем не менее строили ваше общество по предначертанному господом плану. А для этого нужно доказать существование господ.

— Ловко... — сказал Снерг.

— Скорее, логично. Цель нашего эксперимента как раз и позволяет не считать нас обыкновенными учеными и не ставить нас на одну доску с вашими — понятно, я не хочу таким высказыванием принизить значение ваших исследований.

— А по-моему, хотите.

— К сожалению, Станислав Сергеевич, нетактичными скорее покажутся мои ответы, нежели ваши вопросы... Хорошо, я буду называть вещи своими именами и буду откровенен. Да, наши исследования кажутся мне более значимыми. Ибо вы пытаетесь расширить и углубить свои знания о той области Вселенной, о тех истинах, которые вам позволил познать господь. Мы же пытаемся пойти дальше — встав над вашим комплексом знаний, над вашими доктринами, доказать вам существование всеблаготворца познаваемого вами мира. Доказать, как я уже говорил, не с помощью «испанского сапога» и Библии, которую вы все равно считаете созданной без малой толики участия высших сил, — с помощью вашей же строгой логики, разработанного вами же математического аппарата, созданных вами же аппаратов и устройств, открытых вами же законов природы. Не думайте, что большее значение наших работ внушает нам чувство превосходства — мы стараемся для вашего же блага.

— И как с этой точки зрения вы трактуете понятие бога?

— Во-первых, как силы, чья деятельность нарушает законы природы, — сказал отец Дмитрий. — Вы,

естественно, поспешите заявить, что этому требованию может отвечать и гипотетическая «сверхцивилизация» — понятие, которым вы — нельзя сказать, чтобы очень удачно, — попытались заменить бога для объяснения непонятных вам космических явлений — да и не только космических. Но... Ваши деды утверждали когда-то, что отсутствие инопланетных визитеров вызвано несовершенством социального устройства, существованием на планете дисгармонизирующих социальных систем, военного противостояния. С тех пор прошли десятки лет, на планете установилось долгожданное царство справедливости и добра, армий больше нет. Но нет и визитеров... Ваши отцы утверждали, что Контакт последует вслед за выходом человечества к иным звездным системам. Вы вышли к ним. Но Kontakта не произошло. В этой связи: чем же вы объясните отсутствие не просто «сверхцивилизаций», не просто их сигналов, но отсутствие каких бы то ни было, пусть находящихся на низшем уровне развития разумных существ в изученной вами Ойкумене? Вы можете ответить?

Снерг молчал, упершись взглядом в изящную чашечку. Отец Дмитрий не использовал запрещенных приемов, но он ударил в самое больное место, затронув вопрос, на который до сих пор не нашел ответа ни один из землян...

— Вы молчите, — сказал Драгомиров. — Вы не можете ответить. Рухнула не одна ваша фундаментальная гипотеза, не один научный авторитет потерпел посмертное, а то и прижизненное поражение. Вы столкнулись с чем-то, чего не в состоянии осознать. Итак, первое определение господина — сила, нарушающая законы природы. Второе — сила, тормозящая деятельность человека. Согласитесь, что это свойство вряд ли присуще «сверхцивилизации». Согласны?

— Да, — с усилием сказал Снерг. — По отношению к нашему современному обществу от чужой сверхцивилизации можно ожидать чего угодно, только не торможения прогресса. А в агрессивных инопланетян я не верю.

— Меж тем, если мы сведем воедино все неудачи и провалы Проекта «Икар», мы убедимся, что вам противостоит некая сила, сознательно и целеустремленно препятствующая вашему выходу в Большой Космос.

— Что-о?! — сказал Снерг.

— Это именно так. Вы не гиперфизик, но вы знакомы с деятельностью Проекта достаточно, чтобы знать — ученых приводит в растерянность как раз неспособность уловить неудачи в единую систему. Одной сложностью познанного не до конца гиперпространства это объяснить нельзя — я процитировал слова одного из бывших руководителей Проекта. Вы, может быть, помните, откуда это взято? — он прищурился.

— Интервью Латышева, — сказал Снерг. — Которое я взял у него в мае сто первого, через день после его ухода.

— У вас прекрасная память. Как видите, вы сделали первый шаг, но у вас не хватает мужества довести все до логического конца, и эту ношу нам пришлось взвалить на свои плечи. Вам сознательно препятствуют, Станислав Сергеевич. Ойкумена окружена непроницаемой стеной, и «сверз цивилизация» здесь ни при чем. Есть только одна «сверхцивилизация» — господь. Никаких других нет. А теперь, с вашего позволения, я приглашу вас в демонстрационный зал. Прошу вас.

Снерг шел за ним, плохо различая дорогу. Этого не могло быть, это не лезло ни в какие ворота, но противопоставить всему, что говорит Драгомиров, нечего. Но как же так? Разве эти, из-под увенчанных крестами золотых куполов, могут оказаться правы?

Драгомиров включил проектор. В центре зала возникла объемная звездная карта Ойкумены метров пяти в диаметре, в нее можно было войти и разглядывать окружившие тебя звезды, касаться их рукой, как во сне или в сказке и не обжечься при этом. Не обжечься?

— Обратите внимание, — сказал Драгомиров. — Характер действий противостоящей вам силы изменяется. Во-первых, с повышением сложности экспе-

риментальных полетов возрастает сложность сопутствующих им эффектов — факт, официально признанный учеными, чему свидетельством — появление нескольких работ, проникнутых все тем же духом бессилия, неспособностью что-либо понять. Во-вторых, господь — я со всей уверенностью и определенностью произношу это слово, — не ограничивается тем, что воздвигает непознаваемые вами преграды на вашем пути в никуда. Некоторое время назад заработал некий механизм, который можно охарактеризовать известным постулатом «угол падения равен углу отражения». Проще говоря, каждый экспериментальный полет становится причиной тех или иных явлений в других точках пространства, явлений, которые можно охарактеризовать как «ответный ход». — Он коснулся клавишей, и Ойкумену пронизали светящиеся нити, вспыхнуло несколько колючих синих огоньков. — К примеру, через определенное время после полета «Гайаваты» (полигон Мустанга) на восточное полушарие Мустанга обрушились циклоны, причину зарождения которых планетологи так и не нашли. Полет «Лебедя» вызвал на Эвридике массовую миграцию животных (это самое свежее сообщение). Полет «Инея» — вспышку солнечной активности, на сутки нарушившую работу внеземных энергетических комплексов Третьего Ожерелья. Полет «Уленшпигеля» — активизацию вулканической деятельности на Клию. Можно привести еще десяток примеров.

— Совпадения... — сказал Снерг.

— Исключено. «Отражения», как мы их именуем в рабочем порядке, подчиняются выведенной Игорем Григорьевичем Латышевым формуле. — Кажется, он с удовольствием воспринял изумление Снерга. — Да, Станислав Сергеевич, магистр Латышев здесь, у нас. Вот формула. Она не так уж сложна, связывает воедино оказанное на гиперпространство воздействие, вектор воздействия согласно системе галактических координат, количество израсходованной энергии, вектор «отражения» и сопутствующее ему выделение энергии. К сожалению, предсказывать характер и

местонахождение «отражения» мы пока не в состоянии, а жаль — это усилило бы серьезность наших аргументов. Видимо, причиной тому — недостаточное количество имеющегося в нашем распоряжении материала. Но Латышев упорно работает...

— Минуту, — сказал Снерг. — Можно взглянуть на список отражений?

— Извольте.

— Разрешите воспользоваться терминалом? — спросил Снерг через минуту.

— Вся аппаратура в вашем распоряжении.

Снерг сел к пульту. Он не знал высшей математики, но в программу обучения на факультете журналистики входило и изучение машинного языка. И Глобальным информаторием он умел пользоваться значительно лучше большинства землян. Он сделал необходимые запросы, касающиеся Проекта, задал компьютеру соответствующую программу. Все отняло примерно пятнадцать минут, искомое отыскалось на девятом варианте.

Если верить формуле, то, что пассажиры «Картахены» стали видеть во сне прошлое, явилось следствием полета приписанного к полигону Жемчужины «Гейзера»...

— Мне позволено будет узнать, что вы искали? — спросил деликатно державшийся в отдалении Драгомиров. — Вы искали что-то конкретное, Станислав Сергеевич...

Комкая в кулаке перфоленты, отведя взгляд, Снерг кратко изложил суть дела — не было причин что-либо скрывать.

— Это как раз то, о чем я говорил, — сказал Драгомиров. — Вы видите сами, что «отражение» укладывается в формулу. Может быть, не случайно господь избрал вас, известного и авторитетного журналиста... Итак, «отражение» можно отыскать, связав тот или иной феномен с тем или иным полетом, но мы можем пока двигаться лишь от следствия к причине. Как можно предсказать, что случится на планете, на которую указывает вектор — землетрясение? Пожар? Эпидемия снов о прошлом?

— Нелогично... — сказал Снерг.

— Отчего же? Представьте мишени, расставленные по окружности на разном расстоянии от стрелка, который стреляет с завязанными глазами, каждый раз из разного оружия, причем предварительно его еще и заставляют повернуться — как в жмурках, играли в детстве? Исследуя угодившую в мишень пулю, нетрудно, зная баллистику и характеристики разных видов оружия, определить, из которого именно ружья она выпущена, найти ее траекторию, но сам стрелок не в состоянии сказать вам, в какую мишень и из какого ружья он выстрелил. Понимаете?

— Понимаю. И что же дальше?

— Мы проконсультировались по поводу «отражений» у нескольких ученых, занимающихся физикой гиперпространства, — сказал Драгомиров. — Ответы корректны и стереотипны — несмотря на то, что свойства гиперпространства изучены не до конца, наука не допускает мысли, что экспериментальные полеты Проекта могут вызвать явления, о которых мы упоминаем. Старинные научные ругательства «мистика» и «поповщина» не произносились вслух, но, безусловно, подразумевались. Вы можете последовать нашему примеру — покажите формулу с привязкой к «Картахене». Вам ответят то же самое — что в природе можно отыскать сколько угодно мнимых «закономерностей» и вывести не одну «формулу». Право, Станислав Сергеевич, мы ничего не имели против того, чтобы ваши ученые приняли формулу Латышева и объяснили ее с точки зрения вашей науки, — мы не хотим заниматься натяжками и подтасовками. Но ваши ученые...

Он улыбался, как победитель, он был великодушен и добр, как иные победители, но легче от этого не стало — совсем наоборот. Тупому фанатизму инквизитора, яростно защищающего систему Птолемея или семь дней творения, можно было противопоставить логику и факты (пусть он и не захотел бы слушать оппонента), мечам крестоносцев — мечи, но что делать, когда на стороне противника, выступающего под старыми-престарыми знаменами — отто-

ченная логика, оперирующая понятиями и информацией твоего века, та же техника, что верно служит тебе, а тебе просто нечего ответить? Что делать?

— Выходит, вам понадобился журналист... — сказал Снерг тихо. — И крупный...

— Да. Может быть, и госпуду тоже, — сказал Драгомиров. — Проблема, по нашему разумению, достигла стадии, когда широкая огласка необходима. Отказ означал бы, простите, что вы просто-напросто боитесь... Кстати, независимо от нас те же результаты получили ученые Ватикана. По нашим данным, схожие исследования ведет научный центр канцелярии Верховного имама.

— Как же вы теперь разберетесь с Ватиканом, вообще друг с другом? — поинтересовался Снерг — сработал чисто профессиональный рефлекс. — Ведь ситуация создавалась шекотливейшая...

— Шекотливая, не скрою, — сказал Драгомиров. — И не буду скрывать, что определенные круги различных церквей всерьез этим озабочены. Но, смею думать, все связанные с создавшейся ситуацией сложности и возможные неудобства заслоняет значение самого факта — мы наконец-то сможем доказать людям — да и своей совести, — что вовсе не морочили голову человечеству тысячи лет, что были правы с самого начала. А вот вы... Не обязательно вы персонально. Хватит ли у вас смелости взглянуть в лицо Истине? Отнестись с полной серьезностью? Как вы считаете, Станислав Сергеевич?

— Хватит смелости, я думаю... — сказал Снерг.

— Вы говорите так уверенно оттого, что до конца все же не поверили.

— Возможно.

— В таком случае мне жаль вас, простите, — сказал Драгомиров. — Дольше сопротивляясь Истине, вы понесете больше утрат. Вы будете вынуждены поверить. Вы ведь можете убедиться сами — господь перестал ограничиваться лишь постановкой преград на вашем пути. С некоторых пор ваши действия вызывают активные ответные меры. И кто знает, что ждет вас завтра? Какие новые испытания вам угото-

ваны. Не лучше ли вовремя избавиться от глупого упрямства с наименьшими потерями для самолюбия?

— По-моему, рано, — сказал Снерг.

— Станислав Сергеевич, вам не кажется, что впервые за времена противоборства церкви и атеизма мы поменялись ролями? На нашей стороне — факты и логика, на вашей — бездоказательные эмоции...

— Но вы ведь начали не сегодня, — сказал Снерг. — Вы наступаете, тщательно разработав тактику и стратегию, а мы не успели даже организовать оборону...

— А вам не кажется, что вы усиленно ищете утешительные аргументы?

— Может статься, и ищу... — сказал Снерг. Беседа начинала его тяготить, ничего нового он уже не узнает, это ясно. — Я могу встретиться с Латышевым?

— В любую минуту. Проводить вас к нему?

— Если вам не трудно, — вежливо сказал Снерг.

Как и демонстрационный зал, кабинет Латышева ничем не отличался от кабинета обыкновенного научного работника. Разве что икона на стене — «Параскева Пятница» и сам Латышев... Снерг помнил его резко-порывистым в движениях, шумным в дискуссиях, любителем остроумно-уничтожающих «парфянских стрел». Сейчас навстречу ему встал человек с плавными медлительными жестами, тихо поздоровался, не поднимая взгляда выше рта собеседника.

Драгомиров тактично сослался на какие-то неотложные дела и вышел. Ненадолго воцарилось неловкое молчание, и Снерг поверх головы Латышева внимательнее взгляделся в икону, которую вначале лишь удостоил беглого взгляда.

«Вот оно что, — удивленно подумал он, — еще и это примешалось, что ж, случалось и так...»

Женское лицо было выписано по всем старинным канонам, отнимавшим живое и превращавшим лицо, скорее, в абстрактный символ, но все равно Снерг тут же ее узнал — Лена Латышева смотрела на него печальными византийскими глазами, совсем такими, как в жизни. Она была инженером-энергетиком и

летала на «Сивке-Бурке», корабле Проекта с полигона Жемчужины. «Сивка-Бурка» погиб со всем экипажем в сто втором.

Сивка-Бурка, мудрый конь,
оглянись на всем скаку.
Что ж, ты не дал, конь-огонь,
счастья седоку? —

вспомнил Снерг появившуюся месяцем позже песню Шеронина. Журналисты, всезнающий народ, поговаривали, что Шеронин был влюблен в Лену Латышеву, что именно ей была посвящена написанная для одной из премьер сто первого «Царьградская мадонна». О Шеронине рассказывали много и не всегда правду, но это было похоже на правду, если вспомнить, как вел себя Шеронин после гибели «Сивки-Бурки» — смерть просто хороших знакомых переживают не так надрывно... Как же оно все переплелось, — горько подумал Снерг.

Латышев молчал.

«Он же не знает, как со мной держаться, — сообразил Снерг, — может быть, ожидает, что я стану иронизировать, нападать, а ничего такого у меня и в мыслях нет, — поздно переубеждать, бессмысленно высмеивать, даже жестоко, он уже давно не с нами. Единственное что можно сделать — доказать ему, что все иначе...»

— Меня ознакомили с вашей «формулой отражений», — сказал Снерг. — Неужели никто из тех, у кого вы консультировались, не нашел в ней рационального зерна?

— А вы-то уверены в его существовании?

— Трудно сказать... — сказал Снерг. — Кажется, что-то в этом есть... Я ведь не специалист.

— В этом есть мистика, Станислав Сергеевич, — грустно усмехнулся Латышев. — Обскурантизм, поповщина с поправками на век. Одно время мне казалось, что нашей работой заинтересовался Слава Муромцев, но вскоре и он охладел. Что делать, он — фанатик Проекта и галактической миссии человечества, он и на секунду не может допустить мысли,

будто некая высшая сила способна выставить флаги и запрещающие знаки...

— А вы? — жадно спросил Снерг. — Как же вы-то...

— Станислав Сергеевич, признаться, мне горько сознавать, что правы оказались не мы. Но что прикажете делать? Мне пришлось признать, что совокупность фактов укладывается в некую систему, а затем сделать и следующий шаг, логически верный — признать эту систему, за неимением доказательств противного. Бритва Оккама применима и в данном случае. Введя в уравнение сверхцивилизацию, мы не в состоянии ответить на вопрос, почему она ставит преграды на своем пути к звездам. Или инопланетные агрессоры для вас все же при любых обстоятельствах предпочтительнее бога?

— Вряд ли, — сказал Снерг. — Для меня одинаково неприемлемо и то, и другое.

— Настолько, что вы не в состоянии воспринимать неумолимую логику наших аргументов? Да, наших — я не могу, да и не хочу оглядываться назад и покидать мир, в который пришел по убеждению.

— Логiku я в состоянии воспринимать, — сказал Снерг, — но я и вправе давать свою трактовку происходящему.

— Какую же? Молчите? Между прочим, ваша передача порой оперирует и более шаткими аргументами, нежели мы сейчас. Драгомиров познакомил вас только с «формулой отражений»?

— Разве есть что-то еще? — настороженно спросил Снерг.

— Есть, — сказал Латышев тихо и веско. — Есть еще и «феномен землеподобных планет». Удивляюсь, как прошла мимо него ваша передача... Впрочем, один из аспектов загадки вы затронули — я имею в виду освещавшуюся вами проблему, вернее, дискуссию о «стерильности». Наука не нашла удовлетворительного объяснения, почему вся десятка землеподобных планет, открытых нами в Ойкумене, «стерильна», почему мы не нашли и следа Разума. Каждая из планет как минимум не меньше, не моложе Земли, обладает развитой фауной, всеми усло-

виями для зарождения разумного существа, но зарождения не произошло. И не произойдет, потому что планеты «десятки» — не планеты.

— То есть?

— Это не планеты, Станислав Сергеевич. Глен, Мустанг, Эльдорадо, Эвридика, Жемчужина... Фактически это планеты, но по сути они — демонстрация Творцом своего могущества. Во-первых, каждая из планет «десятки» — единственная в своей системе, чья орбита лежит в плоскости эклиптики. Во-вторых, в тканях представителей фауны и флоры «десятки» присутствует антиген С, что не имеет места на Земле. В третьих, энергетические каркасы планет «десятки» делают каждую чужой в своей системе, не вписываясь в закономерности энергетических каркасов данных звездных систем. Чужаки в своих системах, чужаки в Ойкумене... Подкидыши. Творец специально предоставил нам планеты для полигонов и поселений, чтобы убедить нас в тщетности наших усилий обойтись без него. Вы ведь знаете, как я помню, что такое правило Кардье?

— Знаю, — сказал Снерг. — Правило, пришедшее на смену правилу Тициуса—Боде. Так сказать, улучшенная его редакция, принятая современной астрономией.

— Совершенно верно. А о «загадке четырех» вы что-нибудь слышали?

— Нет, — сказал Снерг.

— Согласно правилу Кардье, в системе Толимака между орбитами Прозерпины и Лейлы должна находиться еще одна планета, на которой, согласно расчетам, было бы возможно возникновение условий, приводящих к появлению разумной жизни. Такой планеты нет. Аналогичное положение в системах ВД-409, НБ+ЗООК и 67С. Причем в отношении Толимака можно предположить, что такая планета... все же была. Еще более ста лет назад научились, измеряя угловое смещение звезды, определять наличие и массу сопутствующих ей невидимых тел, то есть планет. Однако после того, как корабли Дальней разведки достигли Толимака и исследовали

его планетную систему, выявилось расхождение между старыми и новыми данными — как раз на массу планеты, что была бы примерно равна по массе Земле... Она была там, пока мы не в состоянии были до нее добраться, и исчезла, как только мы получили такую возможность. То же — в трех других названных мною системах. Эти данные вы можете получить у Глобинфа, не выходя из этой комнаты, — тридцать лет назад и ученые, и журналисты, уделив загадке должное количество времени, объявили ее результатом несовершенства приборов, имевшихся в распоряжении наших дедов, погрешностями при измерениях — и забыли. Меж тем эти «погрешности» касаются только четырех вышеуказанных систем, в семнадцати других случаях астрономы ничуть не ошиблись, а если и ошиблись, то никак не на массу целой планеты... Вы не находите, Станислав Сергеевич, что происходит нечто странное? Планет, которые по всем законам природы должны существовать, не существует, причем исчезли они едва ли не на памяти нашего с вами поколения. Зато появились

- другие, которые, по тем же законам природы, не должны существовать в этих системах... Как видите, факты были буквально у вас под носом, но свести их воедино наука не смогла, ибо это было выше ее возможностей. Лишь нам это оказалось по силам. Что вы можете ответить, что сказать? Снова ничтоже сумняшеся толковать о совпадениях?

Он откинулся в кресле и впервые взглянул Снергу в глаза — почти весело, с торжеством.

— Меня уже не нужно убеждать, — сказал он, отвечая на невысказанный вопрос Снерга. — Я хочу убедить вас.

— И вы... — счастливым сдавленным голосом спросил Снерг.

— Если хотите, да, — сказал Латышев. — Я слишком долго терял, Станислав Сергеевич — друзей, уверенность в своих способностях, любимую женщину, надежды. И вот это кончилось. Оказывается, я не бездарность — просто мы решали задачу, не имеющую решения. Бог существует — с этим придется

смириться. И я надеюсь, что он все же добр настолько, чтобы простить нам наши невольные прегрешения. И кто знает, — Латышев сделал движение, словно хотел оглянуться на икону-портрет, — кто знает, не дойдет ли он в своей доброте до того, чтобы возместить наши потери...

«Он же ненормальный, — подумал Снерг. — С точки зрения медицины он вполне здоров, но с точки зрения двадцать второго века... Что я тут делаю? Бежать нужно отсюда сломя голову, пока не запутали в свою паутину, еще немного, и я начну искать компромисс — сначала уступлю в малости, что-то допущу, в чем-то уступлю, соглашусь с чем-то второстепенным, пытаюсь отстоять главное, потом придется сделать еще один шаг назад, и еще, а там и упрешься лопатками в стену... Наверное, с ним начиналось точно так же. Но что ему противопоставить? Нас не учили с ними бороться, слишком многое принималось априорно, слишком долго мы считали их неопасными чужаками, забавным анахронизмом, а они все это время выжидали своего часа, не расслабляясь ни на секунду, и дождались времени, когда смогли нанести удар ниже пояса...

— Хотите добрый совет, Станислав Сергеевич? — спросил Латышев. — Способность драться до последнего — не всегда положительное качество, иногда — наоборот. Тех, кто слишком поздно становится на сторону победителя, меньше уважают...

Пожалуй, он был искренен в своем желании сделать Снергу добро, он во всем был искренен, но одной искренности в такой ситуации мало, и одна она еще не означает, что твой противник прав...

— Запомните мои слова, Станислав Сергеевич.

— Я запомню, — сказал Снерг. — Могу я ознакомиться с вашими материалами?

— Они приготовлены для вас неделю назад. — Латышев положил на стол толстую синюю папку. — Здесь коды наших программ, расчетов, информационных ячеек Глобинфа, которыми мы пользовались. Абсолютно все. Я уверен, это будет ваш лучший фильм...

граммы и сделай прогон на своем вычислителе, скрупулезнейше проверь на молекулярном уровне.

— И все? Или это только начало?

— Увы, начало, — сказал Снерг. — После того, как проверишь программы, попытайся отыскать столь же странные закономерности. Любые. Ты поймешь из материалов, что нужно искать. Самые шальные закономерности, какой бы галиматьей и ересью они не казались. Работай ночь. Работай до утра. Работай, пока стоишь на ногах и пока жив твой вычислитель.

— Интригуешь?

— Ты пока не знаешь, о чем идет речь, — сказал Снерг. — Объяснять долго. Я тебе одно скажу, Витя, — такого у нас еще не было. Ни у кого не было. Я тебя прошу, ты уж отнесись со всей ответственностью...

— А ведь ты это серьезно, старик...

— Я невыносимо серьезен, — сказал Снерг. — Такая уж началась игра.

— Удалось поймать Жар-птицу? Рад за тебя.

— Посмотрим, что ты запоешь через несколько часов о радости и всем таком прочем, — сказал Снерг. — Я прилечу ближе к вечеру. Моих ребят там не видно?

— Слоняются неприкаянно. Катеринка недавно забегала. Ты бы развеселил их, что ли, скучают они без дела-то.

— Вот сегодня вечером и развеселю, — пообещал Снерг. — Ох, сколько народу я развеселю... Ну, счастливо.

На душе стало чуточку легче — он не казался себе больше одиноким борцом с мельницами, таких просто не могло существовать на Земле двадцать второго века. Где все же может находиться дядюшка Мозес? Не ухватил ли он Жар-птицу за другое крыло?

Он наугад послал несколько запросов, но и умение обращаться с Глобинфом ничем в данном случае помочь не могло. Ни один институт, имевший на Таймыре отделения и лаборатории, не был связан с Институтом нерешенных проблем ни прямо, ни кос-

венно, ни в одном из потревоженных им институтов дядюшка Мозес сегодня не появлялся. Отдел техники безопасности «Динго» на Таймыре ничего не знал о какой-либо лаборатории Института нерешенных проблем. Меж тем Снерг не допускал и мысли, что честнейший дядя Мозес мог не сообщить соответствующему отделу «Динго» сведений о своей лаборатории. Тогда... Ничего непонятно, ровным счетом нечего...

Он все же сделал еще несколько запросов. Двое из тех, кому он на этот раз звонил, откровенно иронически сообщили, что их учреждения не имеют ничего общего ни с ИНП, ни с мастерскими по изготовлению вечных двигателей и ремонту машин времени и посему никаких связей с вышеозначенными конторами не поддерживают и налаживать не намерены. Другие, наоборот, относились к ИНП с благожелательным добродушием обитателей самой крайней хаты, чьи интересы никак не затрагиваются и репутация не страдает, но и они ничем помочь не могли.

Снерг задумчиво барабанил пальцами по хромированному окаемку пульта. Запрашивать сам ИНП не хотелось — Снерг продолжал надеяться на лучшее, хотел увидеть дядю Мозеса живым и невредимым на пороге Алениной квартиры. Но от запроса по тому расписанию полетов он не удержался.

И ничего это не прояснило. Примерно в то время, когда дядя Мозес собирался начать свой таинственный эксперимент, с полигона Мустанга ушел в довольно рутинный полет и благополучно завершил его (то есть ничего нового не открыл и ничего не достиг) «Пересвет». Это снижало толику тревоги — во-первых, зафиксированные «отражения» затрагивали главным образом Внеземелье, и человеческих жертв не было ни в одном из случаев. В-третьих, на Таймыре в эту ночь ровным счетом ничего не произошло, и Снерг стал успокаиваться.

Теперь следовало подумать о ребятах из набранной им для программы «Т — значит тайна» группы? Ребят следовало задействовать. Они были неплохие,

разве что довольно неопытные, вчерашние выпускники, но Снерг тревожился не из-за отсутствия у них профессиональных навыков — в конце концов правила предстоящей игры еще не успели оформиться и установиться, их приходилось открывать и изобретать на ходу. Беспокоило другое. Они были гораздо моложе его, и в эти семь-восемь лет разницы укладывалось очень многое. Они только что пришли в самостоятельную жизнь, взрослую, ответственную. Того порой трудно определимого, что несколько расплывчато именуется жизненным опытом, у них быть не могло. Снерг опасался, что им не хватит серьезности и опыта осознать тяжелую сложность надвинувшейся проблемы. Малейшая нотка легкомыслия могла многое испортить...

Поколебавшись, он набрал, наконец, номер. На экране возник Рамон — улыбка до ушей, смотрит в сторону, и слышен еще чей-то смех. Снерг почувствовал легкое раздражение, но тут же его отогнал — ребята ни в чем не виноваты.

— Приказ по гарнизону, — сказал он. — Все отпуска отменены, коней держать под седлом. Начинаем работать.

— Есть, мой генерал, — сказал Рамон. — Осмелюсь доложить — мы и так давно готовы.

— Тем лучше. Идите к Ипатову и знакомьтесь со всем, что он для меня делает.

— Когда вас ждать, шеф?

— Если я не прилечу к десяти вечера, можете отправляться по домам, но завтра в восемь утра всем быть готовыми к неожиданностям, до скорого.

Снерг встал. Оставалось возвращаться в Саянск и дожидаться там дядюшку Мозеса, несомненного союзника в предстоящей схватке.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Снерг шел по набережной, заполненной в этот вечерний час гуляющими, играла музыка, от речного вокзала отваливал длинный белый корабль на подводных крыльях — «Мангазея» везла куда-то экскурсантов, мир был беспечен и весел — пожалуй, это и к лучшему...

Прежние критерии не годились, вся его предыдущая работа оказалась детской беготней с сачком за бабочками. Пока он возился с заброшенными в джунглях крепостями, найденными в Австралии римскими монетами и наблюдавшими в незапамятные времена над Торонто светящимися дисками, росла, зрела и, наконец, придвинулась вплотную, заслоняя от Ойкумены звезды, тайна, не идущая ни в какое сравнение с прежними загадками...

Нелепо было бы объяснять все сплетением случайных совпадений — за годы работы, связанной с распутыванием загадок, он научился отличать стечение обстоятельств, приведшее к созданию вполне логичной, но ложной гипотезы от комплекса фактов, создающих непознанную пока систему. Он не мог объяснить, что такое интуиция, но интуиция подсказывала ему — здесь есть система, но объяснение, которое ей пытаются дать попы, никак не может устроить. Он не верил в бога в любых его ипостасях — от сакраментального белобородого старца, патриархально восседающего на облачке до модернизированного повелителя гиперпространства. Он не верил в Воланда и Мефистофеля. Бог и дьявол — он понимал их как олицетворение сил и способностей, которыми человек никогда не будет обладать — то есть объект, которого, по его убеждению, существо-

вать не могло. Всего лишь очередной непознанный компонент мироздания — но как это доказать?

Снерг шел сквозь музыкальную радугу — фоноры и видеофоны стояли рядом с сидящими на парапете, висели на плечах у гуляющих. Музыка грустная и веселая, пальба, грохот копыт, песни, свист космопланов планетопроездцев, стук кастаньет, рокот прибора, арии из опер и оперетт, рык драконов. Снерг слушал это вполуха, и вдруг диссонансом ворвались траурные аккорды, и мужской голос отчеканил: «... стный исследователь Мозес Сайприст, директор Института нерешенных проблем».

Снерг замер, дернул головой, пытаясь определить, откуда это доносится. Понял. Резко шагнул, отстранил чью-то руку, повернул к себе видеофон и вывел громкость на максимум. Извинился он вслух или пробормотал что-то про себя, он не смог бы вспомнить. «Магистр истории, магистр медицины, член-корреспондент Общества естествоиспытателей, — перечислял диктор ненужные уже никому, в том числе и их обладателю тоже, научные и почетные звания, а с экрана, из черной рамки, смотрел на Снерга улыбающийся дядюшка Мозес, от реки наплывала покойная свежесть, за темно-зеленые сосны на том берегу садилось жемчужно-розовое солнце, диктор произнес все полагающееся, и портрет исчез с экрана. Вокруг молчали, глядя на Снерга, кто-то положил ему руку на плечо, кто-то участливо сказал: — Станислав Сергеевич...

В Саянске его знали многие. Он пододвинул видеофон владельцу, буркнул что-то, шагнул, разрывая кольцо взглядов и двинулся прочь, к станции монора, до которой они так и не дошли в ту ночь, шагал медленно, тяжело, автоматически переставляя ноги, а в голове почему-то крутилась одна из историй дядюшки Мозеса — о том, как дядя Вилли на пари однажды так ловко инсценировал падение железного метеорита, испещренного загадочными письменами, что на две недели ввел в заблуждение едва ли не весь ученый мир...

Дядюшка Мозес не вернулся из своей разведки боем.

— Вот и все, — сказал Шеронин. — Был хороший человек, и нет еще одного хорошего человека. Ничего выдающегося он не создал, по правде говоря, но все его любили, а это не так уж и мало...

Они стояли на галерее Красноярского космодрома, поодаль от толчеи улетающих, прибывающих, встречающих и провожающих, шумевшей обычными разговорами. Внизу сустились посадочные элкары и машины технических служб, у горизонта снежными вершинами белели конусы лайнеров, безукоризненно работал громадный, исполненный стерильной безличности механизм, люди соприкасались с ним на какой-нибудь час, и забывали о нем, возвращаясь к делам дня. То, что он работал без сбоев и чрезвычайных происшествий, делало его скучным, неинтересным, не способным вдохновить на поэму или симфонию — попробуйте написать сонет о своем видеофоне...

Шеронин оперся обеими руками на гриф гитары, как рыцарь на рукоять меча. Грустно хмурил брови Пчёлкин, Алена переплела пальцы на локте Снерга, прижалась к его плечу. Всем было тяжело и неловко.

— Может, нам остаться на похороны?

— Он не хотел, — сказал Снерг. — Он же так и сказал — не нужно...

— Предчувствовал?

— Видимо, — сказал Снерг, не желая говорить больше.

— Глупо. Сердце...

Расследование обстоятельств смерти дяди Мозеса длилось не более получаса. Он сам вел мобиль, в воздухе на подлете к Красноярску начался сердечный приступ, и потерявший управление мобиль отреагировал, как ему было положено — подал сигнал бедствия, включил автопилот и пошел на радиомаяк ближайшего аэродрома. Врачам было поздно что-либо предпринимать.

Снерг ничего не понимал и ни о чем не мог говорить определенно. В памяти мобиль не сохрани-

лось маршрута на Таймыр — автопилотом дядя Мозес не пользовался. В ИНП ничего не знали и ничем не могли помочь. Даже если предположить, что дядя Мозес был не один, что ему помогал кто-нибудь из разбросанных по всей планете его друзей-единомышленников, застенчивых энтузиастов, — почему помощник молчал?

— Только подумать, Стах, — сказала Алена. Глаза у нее были влажные. — Ты его проводил тогда, пришел, и мы глупо болтали, я зачем-то меланхолию развела, а нам никогда уже было его не увидеть...

— Да, — сказал Снерг. Они ни о чем не подозревали, даже чуткая Алена, и это помогало ему держаться.

Шеронин рывком вздернул гитару на плечо, ударил по струнам:

— Шло зверье, как на парад,
вился дикий маскарад.
Божья глина — высший сорт, и нет в ней пыли.
В круг уселись мастера...
Это нас с тобой творят!
Это нас работали, это нас лепили...

На них с любопытством оглядывались, узнавали Шеронина, а они ни на кого не обращали внимания, ничего не видели вокруг.

— Нас лепили ангелы, ангелы...
Снежнокрылые, как водится, не злы.
Белыми ладошками
глину — наше прошлое —
мяли и разглаживали острые углы.

Он пел, как будто убивал кого-то или безуспешно пытался спасти. Снерг не мог на него смотреть.

— Как к поделкам манит!
К нам, забытым на ночь,
новые прокрались мастера.
И кипит работа,
но тревожно что-то
серой потянуло от костра...

Снерг кончиками пальцев прикоснулся к щеке Алены, осторожно утер слезы.

— Нас лепили дьяволы, дьяволы...

Чертушки беспутны, но не злы.

Черными ладошками

глину — наше прошлое —
превращали в острые углы...

Странно, но Снерга, издерганного в последние дни смутными тревогами, неизвестно к чему относящимися, ничуть не беспокоил их отлет на Эльдorado — планету, безусловно, имевшую какое-то отношение к комплексу загадок. Он вспоминал дядю Мозеса и верил ему, он чертовски хотел верить, что во всех тайнах нет одного — злонамеренности. Да и как не поверить предсказаниям человека, в деталях предсказавшего собственную смерть...

— Пассажиров, вылетающих рейсом семьсот тридцать третьим Земля — Эльдorado, просим пройти к эскалатору номер два, — затараторили в карманах посадочные жетоны.

— До скорого, — Шеронин пожал ему руку. — Как только что-нибудь прояснится, мы тебе брякнем.

— Да уж, будьте любезны, — сказал Снерг. — Вы уж там поосторожнее, мало ли что...

— Постараемся.

Данное Сергачеву слово связывало, но дело не исчерпывалось одним честным словом — Снерг верил дяде Мозесу, отчаянно, до самозабвения...

Алена поцеловала Снерга, шепнула на ухо:

— Что-то нужно менять, Стах...

И пошла к эскалатору следом за Шерониным, не оглядываясь, — спокойная разлука людей, знающих, что через несколько дней они встретятся вновь. А Снерг остался. Эскалатор тронулся, чужие спины заслонили белую куртку Алены, знаменитую шляпу Пчелкина в стиле «ретро» и шикарную гитару Шеронина. Снерг хотел подумать над прощальными словами Алены, но не было времени. Ни на что постороннее сейчас не было времени, все личное отодвигалось

куда-то вдаль, исчезли в проеме последние пассажиры, и эскалатор остановился. Снерг стоял и смотрел на летное поле размером с крохотное государство — в ту пору, когда на Земле еще водились государства, журналисты любили сравнивать с их площадью то космодромы, то отбитые у Сахары и тундры территории. Потом государств не стало, и еще один штамп ушел в прошлое.

Один из далеких конусов взмыл вверх вертикально и бесшумно, как воздушный шар, все быстрее и быстрее уходил в чистое голубое небо, превратился в пятнышко, пятнышко в точку, потом и точка растаяла, стала неразличимой, зеленое сияние, почти незаметное для непривычного глаза, вспыхнуло в том месте и погасло. Снерг пошел к лестнице.

* * *

Цилиндрическое здание Глобовидения мягкого цвета молодых пихтовых игл помещалось на окраине Дивногорска, почти на том самом месте, где, если верить легенде, чуть ли не пятьсот лет назад отчаянные казаки, шагавшие встречь солнцу, воскликнули однажды, пораженные открывшейся красотой: «Дивные горы!» То есть так оно в действительности и обстояло, с того восклицания и пошло название острога, ставшего потом городом, но скептики утверждали, что неизвестно все же, где именно всплеснули руками мужики, не боявшиеся ни бога, ни черта, ни — по причине крайней отдаленности Приказа тайных дел, — и государя Алексея Михалыча, из безосновательного кокетства именовавшего себя Тишайшим. Скептики, если прикинуть и разобраться, возможно, были правы, но все равно хотелось думать, что ты стоишь на том самом месте, где красота поросших соснами гор проняла до души не склонных к сентиментам людей со степенными бородами и тяжелыми бердышами. Один из них так и стоял до сих пор, в левой руке держа на отлете фузею, правой устало и удовлетворенно — дошли все ж до дивных мест, господи, твоя воля, —

сдвинув на затылок шапку. Бронзовый, понятно, на низком, не выше каблучков его старинных сапог пьедестале.

Его прозвали Семен Ивановичем, и он был такой же достопримечательностью Дивногорска, как здание Глобовидения, воздвигнутый лет семьдесят назад к столетию со дня рождения бюст местного уроженца писателя Федотова, древний ботанический сад Старый Скит и ГЭС-музей. Возле Семен Иваныча запечатлевали друг друга туристы и назначали свидания влюбленные, была и своя негласная примета — приходить сюда перед дальней дорогой.

Время подходило к одиннадцати, но горели очень многие окна — те, кто здесь работал, мотались по всем часовым поясам Земли и Ойкумены, так что сплошь и рядом жили не по расписанию пояса своей штаб-квартиры. Снерг любил это здание. Сюда стекалась информация со всей Ойкумены, здесь знали все обо всем и даже немножко больше, умели отделять важное от третьесортного, интересное от скучного, могли работать сутки напролет и жалели, что сутки, по их подсчетам, состоят всего из двадцати пяти часов «И здесь же, — подумал Снерг, — прохлопали загадку эпохи...»

Снерг напрасно опасался, что не застанет Ипатова на месте — тот упоенно работал, разрываясь между пультами Глобинфа, большого вычислителя и тремя карманными компьютерами разной степени сложности. Снерга он и не заметил — дверь открывалась бесшумно.

Вместо приветствия Снерг громко стукнул стулом. Ипатов раздраженно поднял на него азартный взгляд:

— А, Стах... Надо же, запряг...

— Ну что там? — спросил Снерг. — Да оторвись ты от своего симбионта!

— Значит, так, — сказал Ипатов. — Те программы, что ты дал, я проверил все. И нигде не нашел изъянов или натяжек. У них там отличный математик, скажу я тебе...

— Ну, а твое впечатление?

— Математически все безупречно, — сказал Ипатов, — а вот насколько это отражает действительное положение дел, судить трудно. Формулы, даже самые безупречные, еще ничего не решают. В свое время серьезные ученые математически доказали, что аэроплан никогда не взлетит. Позже то же самое вполне научно предсказывали ракетам и ДП-кораблям...

Он готов был углубиться в дебри математических курьезов и анекдотов, но Снерг бесцеремонно его остановил:

— Потом, потом, это для новогодней стенгазеты... Ну, а то, о чем я тебя просил — поиск теоретических закономерностей?

— Это дело сложное, скажу я тебе. Придется посидеть до утра. Интереснейшая проблема. К примеру, ты знаешь, почему мы сейчас собирательно именуем гипотетических инопланетян «андромедянами», как когда-то чохом обзывали марсианами?

— Ну-ну?

— Астрономия, — сказал Платов. — Земля — заурядная планета, Солнце — заурядная звезда, но наша Галактика — выдающаяся, сверхгигантская, каких во Вселенной не больше одной на тысячу. И такой же сверхгигантской галактикой является Туманность Андромеды...

— Это, конечно, интересно, — сказал Снерг. — Но мне не это нужно. Впрочем, я сам не знаю, что именно мне нужно.

— Еретические закономерности... Не так это просто, Стах. Мало играть в жмурки с Глобинфом, нужно составить как минимум пять программ, крепких таких орешков... Так что до утра я гарантированно просижу. Тебе не особенно срочно, Вселенная до завтрашнего утра не погаснет?

— Не погаснет, — сказал Снерг и добавил из чистой вежливости, — но если я тебя затрудняю...

— О чем разговор, старик! — энергично отмахнулся Ипатов. — За такие задачки можно только благодарить. Инке я позвонил, чтобы не ждала, и пошел я в глубокий поиск...

Вычислитель выпустил длинную ленту формул и графиков, Ипатов схватил ее, и Снерг понял, что пора уходить — его тут уже не существует. И бесполезно было спрашивать, как сам Ипатов относится к выдвинутой церковниками гипотезе — для него имели значение лишь формулы и цифры, а не цель, ради которой они были собраны. Не исключено, что на самую гипотезу он и не обратил внимания. Математика была для Ипатова царством тайн, загадок и головоломных задач, которые следовало раскрыть, разгадать и решить — в этом был смысл жизни, а все, что творилось за пределами царства-государства, и куда вели проложенные им в непроходимых чащобах тропки, кто по ним шагал, куда и зачем — это Ипатова уже не заинтересовало.

Снерг поднялся к себе на четвертый этаж. Дверь комнаты стажеров рядом с его кабинетом была приотворена, там горел свет, звенела гитара, и бархатный баритон Рамона был исполнен вселенской печали:

— Говорите, я молчу!
Все припомните обиды,
и нахмуритесь для вида,
мою руку не допустите к плечу,
говорите, говорите, я молчу...

Стажерам скучно было ждать, и они дурачились. Катеринка сидела на стуле посреди комнаты с видом гордой неприступности и изо всех сил старалась оставаться серьезной, Рамон стоял на одном колене и терзал гитару, извлекая душешипательнейшие рулады:

— Говорите, я молчу!
Как уверенно вы лжете...
Что же, вы себя спасете.
Я один по векселям плачу,
говорите, говорите, я молчу...

Хотя все обстояло как раз наоборот — Катеринка молчала, а он пел. Красавчик Рамон, ужасно гордившийся тем, что его прапрадед был знаком с Хемингуэем и плавал с ним сначала в поисках подвод-

ных лодок нацистов, а после на рыбную ловлю. Медлительный в движениях, но вовсе не тугодум, обстоятельный Денис и смуглянка Катерина, до сих пор удивлявшаяся впечатлению, которое производит на окружающих. Это были славные дельные ребята с гарантированным будущим, пусть и не доросшие пока до самостоятельных программ. Но смогут ли они осознать, — подумал Снерг, — смогут ли они?»

— Говорите, я молчу...

Денис бродил вокруг них в облике обуреваемого ревностью кабальеро, трогал воображаемый эфес и рассыпал колючие взгляды. Троица веселилась.

Снерг открыл дверь и сказал с порога:

— Продолжайте, я молчу...

Блямкнули струны, троица смущенно заулыбалась. Они нисколько не робели перед Снергом, но с забавным эгоизмом юности, не менявшимся с течением веков, считали, что человек, который не сегодня-завтра разменяет четвертый десяток, все же не может быть равноправным участником их дурачеств. Он, конечно, не старик, но все же — другой. Снерга это нисколько не задевало — у каждого возраста свои открытия, заблуждения и истины.

Снерг придвинул стул, сел на него верхом так, чтобы видеть всех троих, и сказал:

— Ну, приступим? С исходными данными ознакомились?

— Ознакомились, — ответил за всех Денис.

— Мнения?

— Ой, ну это же несерьезно... — мило сморщила носик Катерина.

— Делать им нечего, — солидно пробасил Денис.

— Идут в ногу с веком, — сказал Рамон. — Зря компьютеры мучают, бездельники...

Этого Снерг и боялся — ребята пока что просто принимали истины, которые им преподнесли учителя. Отстаивать эти истины в споре с хитрым и умным противником они еще не научились, а ведь правда становится твоей не тогда, когда ты взял ее бездумно из чьих-то добрых рук, — ее обязательно нужно выстрадать, защитить...

— Превосходно, — сказал Снерг. — В таком случае, мы можем закончить все в три дня. Сделаем искрящийся иронией, сарказмом и юмором фильм, обличим, пригвоздим и высмеем мракобесов, одержимых манией навязать человечеству бога. В конце концов, что они могут сделать? В лучшем случае привлекут на свою сторону одного из ста тысяч. Но — во-первых, этот один будет землянином нашего времени, которого отнимут у нас призраки прошлого. Нам следует драться, оболвань они одного-единственного на всю Ойкумену человека — что, кстати, уже и произошло, — но драться не с помощью искрящихся иронией фильмов. А во-вторых... Это серьезнее, чем вы думаете, ребята. Ситуация содалась где-то даже трагическая, если хотите. Впервые за сотни лет религия не защищается, отступая, — отступаем мы. Отступаем, я уверен, точно так же, как Кутузов когда-то отступил из Москвы, но в отличие от него у нас нет плана генерального сражения... Они ухитрились перейти в наступление, понимаете вы это? Вы можете сказать, что наука их пока высмеивает. Правильно. Но с течением времени они накопят новые факты, они бешено работают, и неминуемо настанет момент, когда их работу перестанут считать курьезом, но к тому времени они будут еще увереннее стоять на ногах. Так что пока в бой идем мы, дилетанты...

Он замолчал и с радостью видел, что их лица обретают необходимую серьезность.

— Но ведь не может быть и речи о боге... — сказал Рамон.

— Не может, — сказал Снерг. — Бога нет. Есть «что-то», и это «что-то» мы должны расшифровать. Наши эмоции — не оружие и не аргумент. Кстати, в инопланетян я тоже не верю. Мироздание оказалось сложнее, чем мы о нем думали — что ж, на то оно и Мироздание, так было всегда. Но мы должны доказать. Попам — чтобы навсегда отбить у них охоту подставлять нам ножку. Самим себе — чтобы навсегда избавиться от мыслей типа «а вдруг все же?» — Мы не ученые, но и не просто регистраторы

новостей, мы — катализатор, черт побери, детонатор, связующее звено. Резюмирую: я начинаю работать. Я допускаю возможность, что все случившееся может оказаться все же цепочкой глупых совпадений, и в этом случае мы станем посмешищем не одного лишь Глобовидения... Тот, кто останется со мной, должен забыть, что на свете существуют такие вещи, как свободное время и личная жизнь. Денис?

— Она поймет, — сказал Денис.

— Рамон?

— Знаете, шеф, я уверен, что мой прапрапрадед плавал с Папой без таких вот вопросов...

— Катя?

— А я человек одинокий, — заявила Катерина. В ее двадцать лет такое заявление еще не казалось высказавшему его чем-то страшным...

«Ребята, — подумал Снерг почти растроганно. — Ребята... А ты дурак, вот что. Как будто право на серьезность и умение осмысливать опасность во всей полноте является привилегией лишь твоего поколения...»

Он коротко рассказал о дяде Мозесе. На лицах ребят вместе с любопытством читалось лишь вежливое сочувствие, не больше — смерть дяди Мозеса была для них абстрактной чужой смертью, не стучала в сердце пеплом Клааса...

— Диспозиция следующая, — сказал Снерг. — Денис, ты утром вылетаешь на Таймыр. Если понадобится, ты поговоришь с каждым жителем полуострова, побываешь на каждом квадратном километре. Делай что угодно, но выясни, где дядя Мозес был в ту ночь. Теперь Рамон...

Он рассказал о «Картахене» и исчезнувших психологах-двойниках, о картинах с Эльдорато и разговоре с Сергачевым. Этим он не нарушал взятых на себя обязательств — с него не брали слова навеки замкнуть уста подобно бладобрею царя Мидаса, он всего лишь должен был постараться, чтобы тайна не вышла пока за пределы узкого круга доверенных лиц. А в этом отношении в своих ребятах он был уверен.

— Ты займешься Эльдорадо, Рамон, — сказал он. — Лететь туда пока нет необходимости. Пусть Ипатов подступится к Эльдорадо с программами того же типа, что разрабатывает для материалов Латышева. Кстати, посиди и ты над этими материалами, прокачай ключевые вопросы и главные направления.

— А я? — спросила Катеринка. — Вдруг понадобится кого-нибудь очаровать?

— Не старайся стать второй Банишевской, хватит с нас и одной... — проворчал Снерг. — Тебя я тоже не обижу. Займешься «Картахеной». Свяжешься с медиками Звездного Флота и поищешь аналогичные случаи — не происходило ли с пассажирами других лайнеров чего-нибудь... этакое. Обаяние разрешаю пускать в ход в разумных дозах. Вопросов нет? Все свободны. — Он вдруг улыбнулся. — Ребята, мы ведь в лучшем по сравнению с прапрапрадедами положении — инквизиция нам не грозит, ни в чем не смогут помешать, право... Ну, до завтра. Завтра в полдень — общая связь, доложим друг другу, кто что успел.

Потом он спустился в буфет-автомат, перебросился там парой слов о пустяках со знакомыми из отдела искусств, только что прилетевшими с Кольского полуострова, на вопрос о дальнейших творческих планах ответил неопределенным пожатием плеч, попрощался с научным обозревателем, через час улетавшим на другой конец Ойкумены, взял термос с кофе и поднялся к себе в кабинет.

Кабинет, как это обычно бывает после долгого отсутствия, казался чуточку незнакомым, слегка чужим. Снерг сел, откинулся на спинку и некоторое время ни о чем не думал. Встал, проверил свой личный информаторий, куда за время его отсутствия стекались новости, способные заинтересовать его программу, потом «копилку» — аналогичное устройство, собиравшее известия о наиболее примечательных событиях, происшедших в Ойкумене, — в зависимости от важности и значимости они были помечены одной, двумя и тремя звездочками.

В «копилке» не обнаружилось ничего интересного — отклики специалистов на три его последних

фильма, сообщения об археологических находках и научных работах, подтверждавших или опровергавших те или иные его микрооткрытия.

Снерг взял стопку непросмотренных еще невесомых карточек, провел большим пальцем по краю. Мелькали по одной, гораздо реже по две звездочки, и вдруг взгляд зацепил три — четких, восьмилучевых, в левом верхнем углу.

— По три звезды, как на лучшем коньяке... — промурлыкал Снерг строчку из старинной песенки, разворошил стопку и извлек нужную карточку.

«Сегодня Мировой Совет освободил от занимаемой должности начальника службы „Динго“ Д. Н. Сергачева. Основание — личная просьба. Начальником службы „Динго“ назначен В. П. Кадомцев».

Предсказания дядюшки Моисея продолжали сбываться. Снерг горстью смел карточки в ящик стола и развернул кресло к пульта Глобинфа. Владимир Петрович Кадомцев, родился в 2070 году в Челябинске. УрГУ, факультет энциклистики, стажировался в Москве и Праге, магистерская диссертация, последних четыре года руководил лабораторией при НИИ эвристики.

— Логично... — пробормотал вслух Снерг, подумав, набрал номер, по которому еще неделю назад звонил Сергачеву. Было за полночь, но «Динго» тоже принадлежала к организациям, плохо обращающим внимание на часовые пояса — особенно сейчас, после новостей с Эльдорадо...

Экран вспыхнул после второго сигнала вызова. Снерга испытующе разглядывал человек со спокойным и надежным лицом молодого капитана каравеллы.

«Серьезный мужик», — подумал Снерг.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я — Станислав Снерг.

— Ну, как же, — сказал Кадомцев. — Разумеется, я вас знаю. Кроме того, Сергачев рассказывал мне о беседе с вами.

— В это время он уже знал, что уйдет?

Кадомцев стегнул его цепким взглядом, опустил ресницы, без нужды передвинул что-то у себя на столе:

— Станислав, не будем чересчур суровы к старику. Знал, не знал... Решил, но не хотел признаться в этом самому себе, я думаю. Упрекнуть его не в чем — разве что в том, что он не умел предсказывать будущее с той точностью, какой, по слухам, славились Бероэс, Мерлин и Нострадамус... Вы согласны?

— Пожалуй, — сказал Снерг.

— И не их в этом вина, стариков. Если задуматься, участь им выпала незавидная — всю жизнь ожидать неизвестно чего... И еще. Нам, только что назначенному руководству «Динго», нельзя ни в чем упрекать наших предшественников еще и потому, что сами мы ровным счетом ничего не успели сделать. — Он убрал с лица раздумье, как гасят свет. — Вы собираетесь лететь на Эльдорадо?

— Пока нет. Туда улетел Шеронин.

— И правильно, что не летите, — сказал Кадомцев. — Операции в духе «плаща и кинжала» здесь совершенно неуместны. Завтра в десять часов утра состоится экстренное заседание Мирового совета. Представитель Эльдорадо приглашен для того, чтобы он объяснил кое-какие несообразности и странности, имевшие место в последнее время. Я хотел бы видеть вас там. Это как раз по вашей части.

— Обязательно буду, — сказал Снерг.

— Я слышал, вы занимаетесь формулами Латышева?

— Занимаюсь, — сказал Снерг. — Многим я занимаюсь, но понятия не имею, как увязать одно с другим. Подскажите, вы же энциклист.

— Это еще не означает, что я знаю ответы на все вопросы.

— Я просто пошутил, — сказал Снерг. — А какого вы мнения о работе Драгомирова и Латышева? Я вижу, вы в курсе дела.

— Откровенно говоря, я не придаю этому большого значения, — сказал Кадомцев. — Всевозможные закономерности — это еще не доказательство чего бы то ни было. Они ведь не в состоянии делать прогнозов — они подставляют в формулу уже происшедшие события.

— Между прочим, случай с «Картахеной» в формулу укладывается.

— Ну и что? — спросил Кадомцев. — Любой мало-мальски дельный математик на основе теории вероятности в два счета докажет, что возможны и более невероятные цепочки совпадений. В особенности, когда речь идет о малоизученных свойствах гиперпространства и прямо-таки ничтожном количестве примеров, которыми оперируют богоискатели. Еще Марк Твен говорил: «Обладая пустяковыми запасами фактов, с помощью науки можно выдвинуть невероятное количество догадок и предположений». Эти слова смело можно поставить эпиграфом к работе Латышева. Кстати, если это вас интересует — подобным совпадениям посвящен по меньшей мере десяток солидных трудов. Ознакомьтесь как-нибудь на досуге.

— Обязательно, — сказал Снерг. — А смерть Сайприста?

— При чем здесь это?

Снерг коротко рассказал.

— Интересно... — сказал Кадомцев. — Но вы же сами говорите, что ни отдел техники безопасности «Динго», ни вы не отыскиали и следа загадочной лаборатории. Смерть Сайприста вызвана совершенно естественными причинами — сердечный приступ, такое случается даже сейчас. И еще... Я ни в коей мере не собираюсь бросать тень на покойного, но любой врач скажет вам, что предынфарктному состоянию сопутствуют порой нарушения психики. Лаборатория могла существовать лишь в его воображении. Я всегда относился к Сайпристу с уважением, но деятельность ИНП представляется мне несерьезной.

— Вам, энциклисту? — спросил Снерг.

— Я понимаю, что вы хотите этим сказать, но, Станислав, вы разделяете свойственное очень многим заблуждение. Мы пытаемся наладить более тесные взаимосвязи между различными науками, но энциклистика никоим образом не играет роль патентного бюро и постоянного двора для авторов всевозможных шальных гипотез. А вот авторы поче-

му-то так полагают и искренне обижаются, обнаружив, что к ним у нас относятся без особого восторга. Впрочем, это не только наша беда — каждая научная дисциплина, пока она еще юна и не приобрела этакой «академической серьезности», служит лампой для мотыльков... Между нашей работой и работой ИНП нет ничего общего.

— Понятно, — сказал Снерг.

— Я вас разочаровал чем-то?

— Нет, что вы.

— Мне бы этого не хотелось, — признался Кадомцев. — Мне важно сразу же установить с вами нормальные рабочие отношения — ведь ваша программа занимается и нами. Вас не коробит от такого меркантилизма?

— Ничуть, — сказал Снерг с милой улыбкой. — Все мы немножечко меркантилисты, когда речь идет о нашем деле... Не хочу больше отнимать у вас время.

— До завтра.

— До завтра.

«Значит, вот так, — сказал себе Снерг, глядя на фотографию Алены. — Значит, они уже выработали стратегию и тактику борьбы с Драгомировым и Латышевым, и стратегия эта предельно ясна — используя теорию вероятности и мощный математический аппарат, фундаментальные труды и Глобинф, доказать, что речь идет лишь о цепочке случайных совпадений, порожденных скудностью имевшихся в распоряжении Латышева фактов. Сначала может оказаться, что это единственно правильный путь — наука вполне научно отобьет атаку, напрочь разметет наступавших, чтобы впредь неповадно было, на стороне науки будет общественное мнение, и она обязательно победит...»

...Но победа эта не поможет ответить на многие коварные вопросы: почему усилия Проекта «Икар» все больше напоминают попытки построить вечный двигатель? Почему пассажиры «Картахены» стали видеть во сне прошлое? Как удалось художникам Эльдorado создать такие картины? Что вообще на Эльдorado творится? Что случилось с дядей Мозе-

сом, и почему проваливались все его начинания, создавая ему репутацию неудачника, невезучего, а невезучих могут любить и уважать, но никогда не относятся к ним серьезно...

Конечно, наука возьмется отвечать на эти вопросы — на каждый в отдельности.

«У них логика, а у меня интуиция, — подумал Снерг, — и она ни разу меня не подводила...»

Кадомцева упрекать трудно — он не считает забавным курьезом атаку чернорясных, он понимает серьезность ситуации и готов на решительные меры. Все это было бы прекрасно, пойдя он дальше, а сейчас самое время вести поиски широким фронтом... но что искать? Что? Что можно подставить в формулу Латышева на место бога? Не пришельцев же, которые злонамеренно крадут одни планеты, коварно подсовывают другие и всячески мешают землянам выйти к звездам... Мироздание — это несколько абстрактное понятие? Но почему тогда у меня такое впечатление, будто против нас действует сознательно какая-то сила? Сознательно могут действовать бог, сатана и андромеды, но я отмечаю всех. Заколдованный круг... Что же?

Кадомцев, безусловно, талантливый исследователь и умный парень, но он не стоял на ночной набережной рядом с дядей Мозесом, не видел завораживающих картин и пришедших из прошлого снов, и полных горького отчаяния лиц звездолетчиков, не понимающих, отчего все их труды ухают в Данаидовы бочки... Его эта тайна не обволакивала, не заключала в себя, не проникала до души. Ему не понять. Эту историю может разгадать лишь тот, кто сам кружится в ее темном водовороте, и багаж научных знаний никаких преимуществ не дает, а его отсутствие не обессиливает — наука оказалась бессильна что-либо понять, нужен вихрь шальных еретических гипотез, карнавал безумных идей. Разве впервые в истории познания человеком мира встречается такое? Дилетантами были Шлиман, братья Райт и Циолковский, но помним ли мы имена иных их современников, носивших академические мантии?

Алена улыбалась, склонив голову к плечу, и ничем помочь не могла. Снерг встал, прошелся по кабинету, остановился перед репродукцией Васильева — «Человек с филином», последняя картина, самая загадочная и таинственная. Сгорал папирус с именем художника, и пламя рождало молодой дубок, символ необоримого могущества жизни. Свеча в руке — символ вечного горения души человеческой, освещенное ее пламенем лицо было волевым до печали и сильным до беззащитности. И филин на его руке, распростерший угластые невесомые крылья, — его глаз мерцал на фоне наплывающего сзади сумрака, морочной хмари, как волшебный камень, филин хотел провидеть грозящую человеку опасность и отвести ее — удастся ли? Гаснет за их спинами день, все ближе перламутровый туман, но филин не сдастся, и человек не сдастся, плоть в поднятой руке не дрожит... К этой картине можно было возвращаться и возвращаться, и каждый раз находить что-то новое в суровой готовности человека и настороженной мудрости филина.

Снерг сел на широкий подоконник, поставил рядом чашку кофе. В приоткрытое окно плыл почти неосязаемый ночной холодок — подступала осень. За последние четыре года Снерг провел в этом кабинете не один десяток бессонных ночей, посвященных погоне за тайнами, однако ночь сегодняшняя ни в какое сравнение со всеми прошлыми не шла — слишком велики были ставки, впервые его усилия могли повлиять на дела и заботы всего человечества. Было чуточку страшно, и каждая клеточка тела упруго напряглась — как на охоте, когда хозяин берлоги уже донельзя разъярен жердями и вот-вот взмоет на божий свет...

Задача, не исключено, не решалась оттого, что не хватало какой-то качественно иной точки зрения, какого-то нового допущения, их-то Снерг и пытался отыскать.

Теория вероятности была святой и нерушимой, но давно уже существовал фактор, то и дело нарушавший ее постулаты и вмешивавшийся в ее существо-

вание — человек. Даже то, что он существовал такой, само по себе было нарушением правил — ведь по теории вероятности человек мог и не возникнуть на Земле...

Следовало проработать вопрос о том, что является мистикой, а что — нет. Если поразмыслить, мистикой испокон веков считалось и звалось то, что превышало на данном этапе человеческие возможности и противоречило данному уровню развития науки. Лет триста назад, во времена ироничного Вольтера, возвратом ко временам шарлатанских теорий астрологов автоматически стало бы заявление, что происходящие на Солнце процессы влияют на урожай пшеницы в Европе и смертность среди сердечных больных в Азии или Америке. Его, утверждение это, признали бы мракобесной поповщиной из самых лучших побуждений — потому что понятия не имели о происходящих на Солнце процессах. Обманом считали и «святую» воду из серебряных сосудов — пока не отыскивали механизм взаимодействия ионов серебра с водой и его последствия. И так далее. И тому подобное...

Это была мучительная ночь — теснились идеи, вспыхивали и гасли, превращались в чушь озарения, кружились загадки, всплывая из таинственного подсознания. И прошло очень много времени, прежде чем зыбкое пятнышко, облачко кружащихся искорок, превратилось в некий центр, и теперь уже вокруг него обращались, как электроны по орбитам. Факты и догадки, формировалась своя космогония, законы движения и сами орбиты, разгорелась и теперь ни за что не погасла бы крохотная стойкая звездочка, привела в порядок хоровод своих планет и заставила их признать свое старшинство...

Наступало утро, и Снерг считал, что знает все. В чем-то второстепенном он мог и ошибаться, но и мысли не допускал, что ошибся в главном. Была усталая гордость за свой мозг, был страх, что умрешь сейчас внезапно, и никто тогда ничего не узнает, было желание мчаться куда-то и кому-нибудь все выложить. И спать хотелось неимоверно.

Ничего не меняли несколько лишних часов. Снерг направился к стене, чтобы выдвинуть диван, но на полпути свернул к терминалу — «копилка» выбросила карточку. С тремя звездочками. Снерг ничуть не удивился бы, окажись она полным и безоговорочным свидетельством его правоты, но до такого было еще далеко. Совсем другое — сенсационное открытие астроархеологов на Эвридике, по Ойкумене колокольным гулом расплывается сногшибательная новость. В другое время, всего несколько дней назад, Снерг сломя голову мчался бы на космодром, но теперь это стало лишь частным случаем, отступавшим перед значением того, что открыл он, несколько часов сна были, право слово, важнее и нужнее.

Все коммуникации, связывающие его с внешним миром, Снерг отключил, повесил на ручку двери снаружи крохотную подушечку размером с портсигар — условный знак, означавший, что владельцу кабинета необходимо выспаться, и будить его не следует ни при каких обстоятельствах. Подушечки эти рисовали на картонках или прикрепляли к ручке двери голографический проектор-крохотульку. Снергу подушечку смастерила Алена в приливе тяги к рукоделью.

Снерг плотно задернул шторы, выдвинул диван, снял туфли, расслабил пояс и повалился ничком, не расстилая постели, только сунул под щеку уголок подушки.

Уснул он почти сразу же. Ему снились Алена и разгаданная им тайна, но недолго — в полном соответствии с этой же самой тайной он вскоре увидел себя в пешем строю бронников — назревал очередной бой прошлого, на восемьдесят шесть процентов состоящего из войн...

НОВОСТИ УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ И ТЯЖЕЛЫЕ

— Недурно, — сказал Панарин. — Какой гриб нашли, искали болид, а наткнулись...

— Ты почему таким обыденным тоном? — удивленно глянула на него Марина.

— Это я от изумления, — сознался Панарин.

Кричать нужно было благим матом, плясать и бить в ладоши, свершилось эпохальное событие — впервые в истории Ойкумены на другой планете землянами был обнаружен предмет искусственного происхождения, и какой предмет! Панарин пошарил взглядом по толпе — к тому времени приземлились все мобили, кроме их машины, — и рассмеялся, до слез, до колик в животе, согнулся пополам, упершись лбом в пульт. Его мотало от хохота.

— Ты что?

— Истории приятны парадоксы... — с трудом выговорил Панарин. — Астроархеологи черту душу готовы были продать за такую находку, но нашли замок не они — я никого из них тут не вижу, — намаялись за день со своим «захоронением», дрыхнут сейчас как убитые... Представляешь?

Марина тоже расхохоталась, бросилась ему на шею и стала целовать, Панарин замер, цепenea от нежности, ему показалось, что теперь только проглянула она настоящая, непосредственная и милая, без тени актерства и наигрыша. И тут же исчезла.

— Есть все-таки бог в небе или черт в аду, — сказала Марина. — Оказаться здесь в такой момент... Умрет от зависти твой Снерг, вот посмотришь. Случай, конечно, счастливая случайность, и тем не менее... Полетели?

Они опустили мобиль на землю и протолкались в первый ряд. Люди тараторили, разбившись на кучки, то и дело поглядывая на замок, словно он мог внезапно исчезнуть, если не удержать его жадным взглядом. Роились самые фантастические гипотезы, расцветали самые шальные предположения, астроархеология вдруг стала самой популярной дисциплиной, и каждый громко старался доказать, что он всегда в нее верил и предрекал ей ослепительные триумфы. Панарин мог бы напомнить многим из здесь присутствующих их насмешки над рыцарями Великого Бога Марсиан, но, будучи самокритичным, следовало молчать в тряпочку — и у него рыльце было в пушку, последним его ироничёским мыслям по адресу «шлиманов» не было и суток от роду...

— Тим, ты здесь? — налетел на него Крылов. — Порядок, кворум есть, блиц-заседание, ну?

Он имел в виду параграф номер девять Устава внеземных поселений — при возникновении непредвиденной ситуации, не представляющей угрозы для жизни или здоровья людей, но тем не менее признанной чрезвычайной, для принятия какого-либо решения было достаточно блицзаседания двух членов Совета поселения — конечно, если обстановка позволяла.

Ситуация под ситуацию чрезвычайных подходила. Два члена Совета, Панарин и Крылов, присутствовали.

— Ну не тяни ты kota за хвост!

Сияющий Крылов нетерпеливо топтался на месте, теребя локоть Панарина. Панарин и сам чувствовал себя мальчишкой.

— Комиссия по осмотру, что тут думать? — сказал он. — Ты, я, несколько ребят с хорошей реакцией — строение несомненно старое, мало ли что...

Он перехватил взгляд Марины — она была слишком гордой, чтобы просить, но вряд ли контролировала сейчас свои эмоции, не знала, что глаза ее умоляют.

— И журналист, естественно, — сказал Панарин. — Для истории.

Стах, разумеется, не обидится, не за что обижаться, а все же какой был бы для него подарок к тридцатилетию, как было бы здорово, окажись он здесь...

В мобиль с ним и Крыловым сели Руди, Малышев и ко-пилот Ромашевский. Марина сказала, что догонит их у ворот — будет сначала снимать уходящий к замку мобиль.

Держась над самой землей, мобиль не особенно быстро двинулся вперед. Крылов достал парализатор, применявшийся для защиты от зверей, сунул в карман куртки.

— Мало ли что, — смущенно буркнул он, перехватив взгляд Панарина. — Конечно, сомнительно, мы не можем сказать, что изучили каждый квадратный километр планеты, но этот район знаем, давно тут живем...

— Здорово было бы, объявись какой-нибудь дядя в ржавых латах...

— Возьмет и объявится.

— Но как же их не нашли за пятнадцать лет?

— Может, они в горах и прятались.

— От кого? От нас?

— От зверья. Хотите скороспелую гипотезу? Взрывообразные миграции, подобные вчерашней, в прошлом происходили чаще, люди отступали на север, все дальше и дальше ушли в горы. Мы же здесь практически не бывали, не шлепнись сюда болид... Вернее, не повези Тим катать свою летописицу...

— Все равно болид засекли радары, и рано или поздно мы бы сюда добрались.

— Нет, что вы думаете о моей гипотезе?

— Зыбковато, признаться. Хотя что-то мы должны были найти за полтора десятка лет. Замки подразумевают развитое государство — каменные строения, города, дороги, оросительные системы. Зверью не по силам, да и не к чему было бы стремиться сровнять все с землей.

— А если у них была своя Атлантида? Жизнь процветала лишь на одном континенте, и после его гибели уцелевшие разбежались кто куда. Мы же, от-

кровенно говоря, не знаем планеты — выявили сейсмоустойчивые зоны, заложили поселок и успокоились. Тысячу лет назад, как и в случае с Атлантидой, мог прилететь гигантский метеорит и погубить один, а то и два обитаемых континента. Мог ведь этот замок и тысячу лет тут простоять.

— Только подумать — этот тип едва вчера вышучивал «шлиманов»...

— Умнеют люди. Тут поумнеешь.

— Вы бы серьезнее, исторический момент все-таки.

— Ну да, а мы ни одного афоризма не придумали. Давайте кто-нибудь побыстрее, подъезжаем же. А, Тим?

— Ладно, — сказал Панарин. — Если выйдет принцесса, целоваться от избытка чувств не лезьте.

— Ну да, тебе вольно запрещать — в кильватере идет собственный историограф, и ревнивый, сдается мне...

— Хватит вам. Прибыли.

Стены из огромных камней, треугольные, острием вниз зубцы, бойницы таких же очертаний, квадратные башни по углам и по обе стороны ворот. Обе створки ворот, толстенные, сплошь обитые проржавевшими железными гвоздями, — только по торцам и видно, что ворота из дерева — распахнуты настежь и вошли, вросли в землю, густая трава ростом по пояс человеку заполнила проем — значит, можно с уверенностью сказать, что самое малое за три последних месяца в ворота никто не входил и никто из них не выходил.

Они стояли тесной кучкой перед воротами. Было очень тихо, два ярких мобиля, оранжевый и сиреневый, казались неуместными рядом с этими стенами.

— Ну что же вы? — сказала Марина.

Раздвигая коленями жесткую жухнущую траву, они вошли во двор, выложенный серым потрескавшимся кирпичом. В трещинах и меж рассевшихся кирпичей росла та же трава. Сомнений не оставалось — замок был давно покинут.

— Братцы... — восхищенно прошептал кто-то.

Справа стояла статуя в человеческий рост, искусно высеченная из камня цвета крепкого чая, без единой трещинки. Девушка в длинном платье, с длинными волосами, перехваченными надо лбом широким обручем, в одной руке, опущенной вниз, держала короткий меч, другой прижимала к груди большой цветок. Лицо было красивым и задумчивым.

— Амазонка... — сказал Крылов.

— Фигурка художественной гимнастки, — шепнул Панарину Малышев.

— Циники, — сказала Марина. — Пошляки, стоило вас сюда пускать... Это и есть Эвридика.

— С мечом-то?

— А это их Эвридика.

— Сдается мне, владелец замка просто спер где-нибудь эту красотку и приволок как трофей. Чересчур она хороша для разбойничьего гнезда.

— А если у него было развито чувство прекрасного?

— Тем более мог стащить где-нибудь.

— Да бросьте вы. Что мы о них знаем? Тоже мне, астроархеологи с получасовым стажем...

— Я бы предпочел, чтобы она вышла навстречу живая. У нее должна была быть очень милая улыбка.

— Смотри не влюбись, Пигмалион. Не ты ее высекал, не тебе в нее и влюбляться.

— Нет, что ни говорите, а с замком она не гармонирует, братцы.

— Уймись ты, откуда мы знаем, какие у них были критерии гармонии?

— Это вы с ней не гармонируете, если уж на то пошло, — заявила Марина.

— Ты ее сняла?

— И даже ваши дурацкие реплики записала.

— Пойдемте в замок?

— Нас шестеро, — сказал Крылов. — Разобьемся на двойки. Тим с Мариной, я с Малышевым, Руди со Збигневым.

— При встрече с привидениями орать благим матом, — добавил ему в тон Малышев.

— Призраки днем не появляются.

— Кто их знает, инопланетных...

Они вошли в замок, в холл с огромным камином, где при необходимости нетрудно было бы зажарить быка. Конные рыцари могли бы, разъехавшись к противоположным стенам, устроить самый настоящий турнир, места для разгона и сшибки хватало. Справа на возвышении — длинный стол. Панарин, любивший историю, без труда представил за ним развеселую компанию — краснолицые бароны, прекрасные дамы, способные вогнать в краску своими каламбурами пиратского шкипера, грубое и плоское зубоскальство шутов, грызня собак, мерцающий свет факелов — незамысловато и не всегда приглядно, но и наши предки были такими, и никуда нам от них не деться...

Панарин и Марина шли по комнатам, увешанным ржавым оружием, заглядывали в каморки, явно предназначенные для слуг. Комнаты большие и тесные, светлые и темные, богато и скудно обставленные, потемневшая от въевшейся пыли одежда, посуда в тусклой паутине, помутневшие витражи, от пыли першило в горле, пыль была везде. Чужими инопланетными вещи почему-то не казались: век замков, панцирей слишком далеко отстоял от века звездолетов, бессмысленно было бы сравнивать посуду и мебель, одежду. Просто-напросто другое время, вот и все, столкновение веков, а не планет...

Бродя по комнатам, они встречались с другими двойками, наскоро обменивались впечатлениями, советовали друг другу, что и где посмотреть, расходились. Они уже начали привыкать к замку, говорили громко, шутили.

О том, что случилось с обитателями замка, догадаться было невозможно. Ни одного скелета, никаких следов грабежа, переполоха, нападения. Мебель на своих местах, одежда в нишах, посуда на полках, и драгоценная в том числе — Панарин прикинул на вес один из кубков, стер платком пыль, и маслянисто блеснуло золото. Не было боя, налета, и хозяева не ушли отсюда — уходя, они непременно забрали бы все ценное. Полное впечатление, будто в один прекрасный день все обитатели замка, от владельца

до кухонного мальчишки, исчезли неведомо куда, растворились в воздухе. Рассердился злой колдун, взмахнул широким рукавом — и остались только вещи...

Они вошли в спальню — кровать под балдахином, сама напоминавшая размерами маленькую комнату, витражи с голубыми кораблями, плывшими по сказочному желтому морю. Панарин стоял посреди комнаты, осматривался. Марина была смелее — выдвинула ящик пузатого шкафчика, позвала:

— Посмотри. Баловал он супругу...

Панарин осторожно потянул из кучи драгоценностей длинное тяжелое ожерелье — граненые прозрачные камни блеснули бриллиантовым сверканием. — Вообще-то следовало бы не трогать ничего руками, но это не раскопки, можно не опасаться, что перепутаются культурные слои...

— Красиво, правда? — Марина приложила ожерелье к груди. — Жаль, зеркала нет, видимо, не изобрели еще... Умели все же раньше одаривать возлюбленных, куда до их времен нашему веку с его синтетическими алмазами размером с кулак — нужно было добыть, отбить...

— А кто смеялся над поисками святого Грааля?

— И сейчас буду смеяться. Просто грустно стало на секундочку...

Панарин смотрел на картину, занимавшую полстены.

Двое всадников плечо в плечо, серьезный мужчина в отблескивающей черной броне, и женщина, чья статуя стояла во дворе, только сейчас она в сиреновом пышном платье, на шее то самое ожерелье, она красивая и совсем молодая, прядь светлых волос выбилась из-под высокой шапочки, синие глаза веселы — я молода и красива, рядом едет муж, день солнечный, и все у нас будет как нельзя лучше, потому что ничего плохого с нами случиться не может...

— Прелестно, — сказала Марина. — Художники и скульпторы, по крайней мере, у них были талантливые. Смотришь и понимаешь, откуда взялись побасенки типа «они жили долго и умерли в один день».

Только ничего подобного. Они не умерли в один день. Ее давно уже не было, а он жил, как миленький.

— Потому что статуя? — догадался Панарин.

— Не только. Ни одна женщина не свалит свои украшения в таком беспорядке. Ее давно уже не было. Что ты хмуришься?

— Грустно, — сказал Панарин. — Покроют картину пластиком, и будут на нее глазеть туристы. А для них, для этих двоих, картина, наверное, многое значила.

— Я же говорю — родиться бы тебе поэтом, — Марина положила ладони ему на плечи. — Между прочим, в рыцарском инопланетном замке меня еще ни разу не целовали.

Панарин осторожно отвел ее руки.

— Неловко как-то, — сказал он тихо.

— Какой ты... — рассмеялась Марина чуточку уязвленно. — Нет их больше, понимаешь? Мертвые давно. Послушай, ты никогда не влюблялся в портреты Рокотова или героинь романов?

— Вот уж такого никогда за собой не замечал, — сказал Панарин. — А романы...

Творим легенды невозбранно,
и непохожи оттого
герои вашего романа
на героиню моего...

Знаешь, откуда это?

— Шеронин, «Письмо писателю», — сказала Марина. — Догадываюсь я, почему ты это вспомнил и почему начал со второго куплета. А первый ты, случайно, не помнишь?

— Афиши старого спектакля
мы в речку выбросим, смеясь.
Вина не пролили ни капли,
но жизнь до капли пролилась...

— Вот именно, — сказала Марина. — Афиши старого спектакля... И с первого куплета ты не начал потому, что я вскоре улетаю. Верно?

— Верно.

— Успокойся, я остаюсь на несколько дней, пока не закончу с замком.

— Несколько дней...

— Тим, ну что это такое? — Марина заглянула ему в глаза. — Разве так можно? Я бы еще поняла, будь нам по восемнадцать лет...

Она действительно изо всех сил старалась понять, почему вдруг подвели привычные правила и не получилось на этот раз легкой, ни к чему не обязывающей игры.

— Когда-то у колдунов было такое понятие, — сказал Панарин. — Судьбинная баба. Она может быть и третьей, и десятой, и двадцатой — особо подчеркивалось, что не первой, потому что она — не первое узнавание, она — судьбинная. Заставит потерять голову — чаще всего помимо своего желания — и никуда от нее не деться.

— Глупая мистика, — отрезала Марина. — Пойдем? Мы уже столько посмотрели, что не осталось ощущения тайны. Осталось скучно уточнять детали.

— Ты иди, я еще здесь побуду.

Она вышла. Панарин сел в массивное кресло с вычурной спинкой и смотрел на картину.

«Это-то и самое плохое, — подумал он, — что тебе не восемнадцать лет. В восемнадцать можно бы утешаться стереотипными заблуждениями юности — что все женщины достойны лишь презрения, что любовь — выдумка писателей, что жизнь кончена и пора присматривать подходящий сук. И так далее. Увы, в тридцать такие мысли в голову уже не приходят — ты просто знаешь, что не можешь без нее, и не знаешь, что с собой делать. И только. Если это можно назвать — и только...»

Панарин встал, отряхнул спину и вышел. По замку и по двору сновали сияющие астроархеологи, выгружали свои приборы, что-то записывали, брали пробы для анализов, голографировали, зарисовывали, гомонили, спорили, установили во дворе свой штандарт, и наверняка производили больше шума, чем подступавший когда-то к стенам замка неприятель.

тель. Шума добавляли и просто любопытные — в замок уже пускали всех.

Панарин задержался у статуи. Да, ее давно не было, они не умерли в один день, но продолжать жить иногда труднее и требует больше мужества, чем умереть. Может быть, она болела — мало толку было от тогдашних лекарей — и не знала об этом — не случайно так сѐрьезен изображенный на картине рыцарь в черной броне. Он сохранил драгоценности и поставил статую — видимо, там, где она обычно провожала его у ворот...

— Полетели? — тронула его за локоть Марина. — Начинается рутина...

— А ведь про болид совсем забыли, — вспомнил он, когда мобиль поднялся над замком. — Неблагодарность с нашей стороны — если бы не он...

— Тут забудешь... Я говорила с археологами — они сделали анализ навоза в конюшне.

— И что?

— Сорок лет плюс-минус год. Они исчезли за четверть века до нашей высадки.

— Загадочка, — сказал Панарин.

— Интересно, куда они могли деться.

— Сначала нужно узнать, откуда они взялись.

— Да, действительно, — сказала Марина. — Все-таки, скорее всего, местная Атлантида. Снерг будет кусать локти. Ты не обижаешься? Друзья все же.

— Ни капельки, — сказал Панарин.

«Ни капельки, — повторил он про себя, — потому что Стах уверен в себе, утвердил себя, а ты не уверена и не считаешь, что удалось утвердить себя в жизни. Потому что Стах расхохочется, узнав, что кто-то собрался жалеть его за шаткую неупорядоченность личной жизни и пожирающую львиную долю сил работу, и ни на йоту не сфальшивит, бросив: «Ну что ж, жалейте меня, если вам заняться дольше нечем». А ты кричишь: «Не нужно меня жалеть!» Потому что Стаха не беспокоят неудачи, он верит, что в жизни существует что-то вечное и умеет его находить...»

— Тебе не кажется, что ты снова нелогична?

— Ты о чем?

— Ты сделаешь хороший фильм, обскакав Снерга, — сказал Панарин. — Но этим ты зачеркнешь предыдущий фильм во славу Каратыгина. Ваш главный аргумент — отсутствие инопланетян — рухнул. Теперь мы знаем, что они существуют. Ради одного этого стоит рваться в Большой Космос.

— Вот как? Скажи, почему ты не остался в замке?

— Ну...

— Потому что тебе уже стало неинтересно. Существование подходящих для контакта партнеров замок не доказал. Проблема на прежнем уровне. Или я неправа?

— Права, — сказал Панарин.

— Вот видишь. А перспектива отыскать какую-нибудь феодальную или рабовладельческую империю никого по размышлении особенно не воодушевит. Замок интересен и загадочен, но мы-то ищем либо партнеров для контакта, либо нечто необычное...

* * *

Остаток ночи выдался беспокойным. Астроархеологи никак не могли утомиться, носились по улицам на роллерах и элкарах, пускали ракеты, горлачили песни, наспех устроили фейерверк и запалили за поселком огромный костер, вокруг которого начались дикарские пляски с соответствующими воплями. Прибыл набитый битком внерейсовый «Траян», и ожидалось «Гардарика» с «Зодиаком» — рыцари Великого Бога Марсиан мчались на Эвридику со всех концов Ойкумены, а прибыв, немедленно включались в кутерьму. Поселок лихорадило, это был какой-то шальный карнавал — «шлиманы» вели себя, как получившие свободу американские негры. Будь они обычными учеными, праздновавшими успех важного эксперимента, их давно попросили бы и меру знать, но случай был особый, и поселок смущенно притих. Панарин даже завидовал чуточку — археологи победили наконец, они брали реванш за десятки лет непризнания и насмешек. Когда-то так будем веселиться мы? — грустно подумал он.

Он не ложился, знал, что не уснет. Сидел и смотрел на спящую Марину. Марина спала беспокойно, металась, всхлипывала, но будить ее Панарин не решался, — иногда полезно выплакаться во сне.

Интересно, скоро ли прилетит Снерг? Он обязательно примчится самое позднее к обеду, он не сможет упустить такой сюжет. Сейчас он ничем не занят, спокойно бродит себе по Земле, и ничто его не тревожит, с работою ему чертовски повезло, и с Аленой ему чертовски повезло, правда, не в везении дело, но тем не менее...

Все-таки странно немного — лидером всегда был он, Панарин, а ведомым был Снерг, и в школе, и позже, когда Стах был студентом, а он курсантом. Но прошло время и лидером как-то незаметно стал Снерг, не признать этого нельзя...

Во время последнего разговора можно было заметить, что Стах чем-то удручен. Скорее всего, чувствует себя опустошенным после очередного фильма — он не раз описывал это состояние и откровенно называл его мерзким, глупой слабостью. Или с Аленкой снова что-то не поделили — они во многом похожи друг на друга, а при таком раскладе без периодических трений и ссор никак не обойтись...

Панарин вздрогнул и поднял голову. Марина села в постели и смотрела на него круглыми глазами — в них медленно таял страх.

— Что ты? — он торопливо сел рядом.

— Кошмар какой-то, — сказала Марина хрипловатым со сна голосом. — Жуткий сон, противный до невозможности. Какая-то седая старина, война, в город ворвались какие-то мерзавцы, и такое творится, разное до жути... Все этот замок, насмотрелись средневековья...

— Бывает, — сказал Панарин. — Мне тоже недавно снилось что-то похожее, реальное до жути. — Он обнял Марину и легонько покачал, как ребенка. Приятно было, что сейчас он может чувствовать себя защитником. — Спи. Тебе приснится, что ты принцесса, и никакой войны, только балы, и танцуют менуэт, король танцев и танец королей, и падают

шпалерами очарованные кавалергарды, а ты надменна и холодна, и скоро ты станешь королевой... Ложись, вот так...

— Я в каком-то полубреду, — пожаловалась Марина, не открывая глаз. На щеках поблескивали влажные дорожки. — Плывет все, непонятно, где я... Ты меня любишь?

— Да.

— Ты считаешь меня своим злым гением?

— Нет, что ты, — сказал Панарин.

— И правильно, куда мне на такие значительные роли... Я очень плохая?

— Ну что ты.

— Плохая, наверное. Тебя вот мучаю. Ведь мучаю?

— Да, — сказал Панарин.

— Хочешь, я за тебя замуж выйду?

— А ты-то сама этого хочешь?

— Вряд ли, — она действительно была в каком-то полубреду. — Не знаю я, что мне с тобой делать, скорее всего, и дальше буду мучить, ты же у меня не первый и не последний, я уже говорила... Рассказать, кто был первый?

— Не нужно, — сказал Панарин. — Тебе завтра стыдно будет.

— Ага, и могу тебя возненавидеть... А ты меня можешь?

— Нет, — сказал Панарин. — Что бы ты ни делала.

— А это не означает, что ты слабый?

— Нет. Это означает, что я тебя люблю. Нашелся и на меня капкан.

— Это я-то капкан? Очень мило...

— Ты — та самая победа, что рифмуется с бедой, — сказал Панарин.

— И на том спасибо, я...

Панарин наклонился к ней — она ровно и глубоко дышала. Спала. Он осторожно поцеловал ее в щеку и на цыпочках пошел к креслу. Тяжело сел, почти упал. Что-то непонятное с ним творилось — голова казалась пустотелым шаром, набитым позванивающим стеклянным крошечком, сознание затуманивалось, наплывали странные звуки, сотня голосов бубнила в уши на раз-

ных языках нечто превосходящее всякое понимание, он задремал на несколько секунд, спал и знал, что видит сейчас сон Марины, откуда-то появилась уверенность в этом, и не избавиться от наваждения. Он проснулся, но странности не кончились, он вдруг стал словно бы частью воздуха планеты, только более густой, имевшей форму человеческой фигуры, какие-то полотнища проносились слева направо, часть их, попадая в занятое Панариным пространство, вспыхивала в нем то ли светом, то ли звуком, а он расширился до размеров галактики, сквозь него пролетали звезды, прорастали раскинутые на неизмеримую ширь огненные сети, колеблющиеся кораллы, он был частью грандиозного целого и самым этим целым...

«Замок!» — пульсировала искорка сознания. Микробы, вирусы, неизвестные бактерии, может быть, обитатели замка как раз и бежали от какой-то болезни со своей Атлантиды, но болезнь догнала, и люди разбежались в бреду, перемерли в горах... Нужно позвать кого-нибудь!

Панарин выпрямился страшным усилием воли, побрел к изголовью кровати сквозь пронизанное золотистыми сетями зеленоватое марево, шатаясь, балансируя руками, разгребая ими воздух. Оперся левой рукой на постель, протянул правую к пульта, никак не мог нащарить нужную кнопку, в уши снова бубнил десяток чужих голосов, стеклянное крошево, заполнившее голову, вспыхнуло и испарилось, Панарина повело влево, и он рухнул на постель.

— Нет, ну это черт знает что такое!

Панарин открыл глаза. Марина сердито смотрела на него.

— Который час? — спросил он.

— Девять утра.

— Я спал?

— Представь себе, — сказала Марина. — Просыпаюсь, а ты валяешься одетый, даже туфли не снял. Что это ты?

Панарин сел. Голова, как ни странно, была свежая и ясная, он помнил почти все, но многое не смог бы описать словами.

— Ты бы еще в скафандре завалился.

— Погоди, — сказал Панарин. — Ты что, ничего не помнишь?

— Интересно, что я должна помнить?

— Вспомни, — Панарин заставил ее сесть рядом. — Все, что было вчера ночью, вспомни.

— Постой-постой... — Марина потеряла виски кончиками пальцев, призадумалась. — Что-то про замужество, то ли ты мне усиленно предлагал выйти за тебя, когда я уже засыпала, то ли мне приснилось... Кто-то кого-то мучает, сон видела дурацкий, но не помню подробностей...

— Все правильно. Ты словно бы бредила. Не помню, о чем, — торопливо добавил Панарин. — Со мной тоже творилось что-то непонятное. Кошмары наяву, слабость. Даже врача вызвать не успел — потерял сознание.

— Интересно...

— Может, в замке — какие-нибудь микробы?

— Глупости, — подумав, сказала Марина. — Прихватило бы и «шлиманов», а они куролесили до рассвета, я из-за них и проснулась. И врачи давно развили бы бурную деятельность.

— Ты кругом права, но ведь что-то же было?

— Помнишь «прагматическую санкцию» Швейка? Пусть было, как было, ведь как-нибудь да было. Никогда так не было, чтобы никак не было.

— Зависть берет от твоего спокойствия, — сказал Панарин.

— Ты забыл, что я легкомысленная? Мало ли что бывает. Я в прошлом году заработалась до обморока. Сходи к врачу, если хочешь.

— И схожу, — сказал Панарин. — О тебе же беспокоюсь.

— Как трогательно! — фыркнула Марина. — Не надейся, не умрем в один день. По крайней мере, я тебе такого удовольствия не доставлю, так и знай.

Ночное наваждение улетучилось бесследно, она вновь стала прежней — какой ее не хотелось видеть. Она улыбалась спокойно и легко, словно собралась жить тысячу лет исключительно по придуманным ею

для себя и Вселенной законам. В эту минуту Панарин ее ненавидел — мгновенно схлынувшей вспышкой.

— А к врачу я все-таки схожу, — встал он. Ему приказывал это выработанный за годы один из условных рефлексов звездолетчика — при малейших признаках нездоровья обращаться к врачу.

Рядом с мобилем, оставленным ими вчера у дома, стоял жемчужно-серый мобиль Кузьменко. Хозяин подремывал, откинувшись на спинку кресла. Услышав шаги, встрепенулся, заморгал.

— Ты не меня ждешь? — спросил Панарин.

— Ага.

— Давно?

— Давно.

Панарин открыл дверцу, переложил на заднее сиденье какой-то прибор и сел:

— Ну?

— Разговор есть. Как самочувствие?

— То есть?

— Как ты себя сегодня ночью чувствовал? А Марина?

— Знаешь что...

— Знаю. Не было ощущения, что болен? Или, может быть, с ней что-то странное происходило?

— Как тебе сказать... — осторожно начал Панарин. — Вообще-то лезла в голову всякая чертовня, бред наяву.

— Что именно?

— Ну... Бред и бред.

— А снов ты каких-нибудь особенных не видел?

— Демонстрируешь свои способности? — спросил Панарин. — Мысли читаешь? Но должна же быть у вас какая-то этика, дядя Мозес о ней говорил.

— Он умер.

— Как?

— Умер, — сказал Кузьменко. — Своя этика существует, ты прав, но мыслей мы читать не умеем. Это она тебя против меня настроила?

— Вот теперь я спокоен, — сказал Панарин. — Умел бы ты читать мысли, знал бы, что ничего подобного не было.

— Тогда почему ты такой колючий?

— Настроение, — сказал Панарин.

— Но поговорить откровенно можешь?

— Слушай, — сказал Панарин. — Я к вам всегда относился доброжелательно, каждый вправе выбирать свое дело и свою дорогу. Но что тебе от меня нужно? Да, видел странные сны, и сегодня мы провели отвратительную ночь. Ну и что?

— Расскажи подробнее.

— Зачем?

— Для науки. Впрочем, нас считают... Ну, пусть для лженауки.

Он смотрел серьезно, он был неплохой парень, свой, но на Панарина снизошел дух противоречия.

— Это займет много времени, — сказал он. — А мне некогда — сегодня стартует «Марианна», у меня дежурство. Тебе что, очень важно это знать?

— Не очень, если признаться, — сказал Кузьменко. — Ну, видишь ты сны на исторические темы, невыносимо реальные и достоверные...

— Откуда ты знаешь?

— Угадал, — сказал Кузьменко, будто отмахнулся. — Не о том речь. Мы с вами в аналогичном положении, верно? Теперь представь, что мы на пути к победе — мы не победили пока, но вышли на дорогу, о которой твердо знаем, что тупиком она не кончается...

— Поздравляю.

— Спасибо. Но нам очень трудно работать...

— Не крути, — сказал Панарин. — Что конкретно тебе нужно?

— Ты мог бы подробно рассказать обо всех своих душевных движениях, связанных с этой историей? — он перевел взгляд на коттедж Марины. — По возможности точно привязав свои мысли и чувства к определенным дням?

— Это — мое личное дело, — сухо, почти грубо сказал Панарин.

— И все же?

— Прости, ничем помочь не могу, — Панарин положил пальцы на кнопку двери.

Лицо Кузьменко стало беспомощным и растерянным — и обида ребенка, которому не дают приглянувшуюся игрушку, и что-то другое, гораздо более серьезное.

Он сказал, глядя в пол:

— Наверное, я плохой психолог, Тим. Такой разговор следовало бы заводить не солнечным утром, а хмурым вечером. Но что делать, если времени нет? Больше того — людей теряем...

— Не обижайся, — сказал Панарин. — Не могу я, понимаешь?

— Да, конечно, — Панарин словно бы перестал вдруг его интересоваться, даже неприязнь в голосе появилась. — Я все понимаю и не обижаюсь...

Панарин вылез, клацнув дверцей, и быстрым шагом двинулся прочь. Настроение портилось с угрожающей быстротой. Настоящий пилот, испытатель в особенности, должен обладать чутьем, и не только на опасность — на все новое, то, чего не было прежде. Так опытные моряки по неуловимому для дилетантского взгляда изменению оттенка воды или неба догадываются о приближающемся шторме. Нечто похожее происходило и сейчас — мир изменился, непонятное неуловимо, но оно здесь, рядом, и Кузьменко имеет к этому какое-то отношение...

— Командор!

У остановки, откуда отправлялись на пассажирский космодром вагончики монора, стояла Ирена — через плечо перекинута легкая курточка, чемодан у ног. Панарин автоматически вспомнил, что через час к Земле уходит внерейсовый «Траян».

— Улетаете?

— Улетаю.

— В такой момент?

— Хорошее нужно обрывать в подходящий момент, — засмеялась Ирена.

— Нет, серьезно улетаете?

— Как видите.

— Странно... — сказал Панарин. — Ну что ж, привет Земле.

— Я на Эльдорадо. «Траян» там делает остановку.

— Разве вы не с Земли?

— А разве я не говорила? Я ведь родилась на Эльдорадо, командор. Почему вы такой хмурый?

— Зуб болит.

— У кого это в наше время болят зубы?

— У нас болят, — сказал Панарин. — Гиперпространство влияет неизвестными излучениями.

— Бедненький... Сами додумались до этой мысли?

— До какой?

— Что гиперпространство влияет неизвестными излучениями.

— Я шучу, — сказал Панарин. — И все же странно, что вы улетаете.

— Когда вы наконец вырветесь к Андромеде, будете испытывать те же чувства. Печально сядете в экзотическую траву и спросите себя: а что же делать? Была грандиозная цель, и вот ее нет... Ну, удачи вам, командор. Интересно было познакомиться.

— Вы вернетесь?

— Как знать... Всего наилучшего!

Она подхватила чемодан, вошла в вагончик, задвинулась белая дверь, шипение статоров перешло в свист, и вагончик, наращивая скорость, помчался прочь.

«Ничего не понимаю, — подумал Панарин растерянно, — какой нормальный человек, любящий свое дело, уедет в такой момент?»

Потом он завернул к врачу. Преамбула была короткой:

— На что жалуетесь?

— На дурь... — сказал Панарин.

Доктор Беррик, светловолосый гигант, земляк Роберта Бернса (о чем он частенько вспоминал), как и большинство врачей с «благополучных» планет, страдал в острой форме хроническим недостатком пациентов и оттого встречал каждого потенциально-го кандидата в пациенты с таким хищным радушием. Панарин подозревал, что осмотр и анализы, которым он подвергся, вполне можно было сократить этак на треть, но не протестовал — и по недостатку

медицинских знаний, и потому, что хотел разобраться в ночном кошмаре. Минут через сорок доктор Беррик разрешил ему одеться и произнес короткую речь. Она сводилась к тому, что видеть в случившемся результат воздействия сохранившихся в замке неизвестных микробов — безграмотно с медицинской точки зрения. Кроме того, что этому противоречат результаты анализов, следует отметить тот факт, что ни один из обитателей поселка, побывавший в замке, к врачу не обращался, а предположить существование микроба или вируса, по неизъяснимому коварству выбравшего из примерно семисот человек Панарина и Марину, доктор Беррик предположить не решается. Стресс, заключил он и разразился заковыристой латынью. Учитывая, что Панарин провел чрезвычайно бурные сутки — гипнотическое воздействие анаконды, бойня, замок — ничего странного медицина в этом не усматривает. Скорее, наоборот — несколько человек из числа принимавших участие в этих событиях, согласно теории вероятности должны были испытать нечто вроде стресса. Доктор рекомендовал на недельку воздержаться от полетов и вручил голубые таблетки, которые следовало принимать трижды в день. Еще он заметил, что, в сущности, в пользу гипотезы стресса говорит и то, что симптомы у Панарина и Марины различны. И он снова прибег к языку Овидия и Горация, приспособленному медиками для своих надобностей. Не желая, видимо, так быстро расставаться с пациентом, он заявил, что констатирует у Панарина признаки некоего душевного беспокойства, и хитрыми маневрами стал выпытывать, не связано ли это, к примеру, с какими-либо сложностями в отношениях с Мариной. Панарин заявил, что этот след ложный, но вот хронические неудачи Проекта «Икар», если так будет продолжаться и дальше, смогут развить у него комплекс неполноценности. За что был вознагражден ласковой беседой, новыми таблетками, на сей раз зелеными, и с сожалением отпущен. В заключение доктор Беррик посоветовал слетать на недельку на Землю и захлебнуться там в блаженном ничегонеделании.

Таблетки Панарин мимоходом выбросил в урну — что-то подсказывало, что привычка повиноваться медикам на сей раз ни к чему..

У себя на столе он нашел прибывшее с Земли уведомление о том, что его заявка рассмотрена, и два пилота, прошедших полный курс подготовки на Мустанге, придут послезавтра. Панарин составил необходимые сводки — близился конец квартала, отправил космодромной службе необходимый формуляр — подтверждение по сегодняшнему старту «Марианны» и принялся сочинять письмо тому выпускнику — он твердо решил устроить парню направление на Мустанг. За этим занятием его и застал звонок от связистов. Его вызывала Земля, некий Станислав Снерг. Дежурный был новый и Снерга не помнил, и стерео, наверное, смотрел редко. Или не интересовался тайнами, счастливцев...

Некий Станислав Снерг выглядел усталым и непонятным — Панарин знал его усталым и счастливым, усталым и подавленным, но его сегодняшнего настроения Панарин не смог определить для себя.

«Что-то теряется от долгих разлук, что-то тускнеет, — подумал он, — раньше мы друг друга почти идеально чувствовали...»

— Привет, — сказал Панарин.

— Привет.

— Ты где?

— На Кипре, — сказал Снерг.

— А что там?

— Скоро начнется заседание Мирового Совета, — сказал Снерг. Опустил глаза, поднял, задумчиво прикусил нижнюю губу. — Время еще есть, решил вот тебе брякнуть, благо канал свободен...

— Спасибо, но почему ты там? Почему ты не здесь, объектив ты треснувший? Ты же должен уже знать о замке?

— А, замок... — рассеянно сказал Снерг. — Замок, Тим, признаюсь, мне сейчас нужен, как тюленю га-лоши, — и совсем задумчиво добавил: — Все равно в формулу, подлец, никак не укладывается...

— В какую формулу?

— Есть тут у нас разные... Попы от вас еще не улетели?

— Вроде нет, — сказал Панарин, и тут до него дошло. — Стах, ты что! Замок же! Ты бы видел... Слушай, это ты или не ты?

— Я, кто же еще. Понимаешь, Тимка, никуда ваш замок не денется. Успею провести.

«Да на нем же лица нет, — сообразил, наконец, Панарин. — Я гадаю, что с ним такое, а на нем лица нет...»

— С Аленой что-нибудь, Стах?

— С чего ты взял? С ней все нормально, она на Эльдорадо.

— Жаль, я не знал, — сказал Панарин. — Обязательно послал бы цветы. Ей очень нравятся наши, а тут как раз только что улетела на Эльдорадо одна знакомая загадочная женщина...

— Что за женщина? — вопрос прозвучал как хлопок пастушьего кнута.

— Астроархеолог, — сказал Панарин чуть-чуть удивленно. — Ты ее все равно не знаешь.

— Это она обнаружила замок?

— Ну, я не знаю точно, кто его первый увидел. А болид первыми увидели мы. — Он в десяти фразах рассказал о болиде и замолчал, ожидая вопросов.

А Снерг молчал. Такое лицо у него было пятнадцать лет назад, вспомнил Панарин берег Енисея. Они только что посмотрели новый фильм и заспорили из-за одного из трюков — кто-то доказывал, что это комбинированная съемка, Снерг утверждал обратное, и в конце концов тут же повторил этот трюк — разогнал роллер и ухнул на нем в реку с двадцатиметрового обрыва.

Сейчас у него было точно такое же лицо — жестко-азартное лицо человека, уверенного в своей правоте и готового доказать ее самыми рискованными способами. Но пятнадцать лет назад было, откровенно говоря, глупое лихачество, граничащее с выпендрежем, а сейчас речь могла идти только о чем-то весьма серьезном...

— Ну, так... — сказал Снерг. — Как ее фамилия, не подскажешь часом?

— Я только сейчас вспомнил, что не знаю ее фамилии, — признался Панарин. — Зовут Иреной. Вы знакомы?

— Нет. Тимыч, у тебя нет ощущения, что чудеса в последнее время нарастают в геометрической прогрессии?

— Есть такое ощущение, знаешь ли. И есть ощущение, что с тобой происходит нечто странное.

— Правильно, — сказал Снерг. — Я сейчас, как золотоискатель, который обнаружил самородок с бычьей головой, но боится подойти — вдруг померещилось? Может быть, я ухватил за хвост жар-птицу, Тим, может быть, допустил самую крупную ошибку. Не знаю, что у меня в кармане — то ли ключ к тайне, то ли ироническая эпитафия на могиле моей профессиональной репутации...

— Помощь тебе нужна?

— Нет. Не знаю я, кто кому должен помогать, и в чем эта помощь должна заключаться... Хотя сам ты мне, безусловно, понадобишься.

— Всегда готов.

— Это хорошо, совсем хорошо... — задумчиво сказал Снерг, и снова Панарин не понял его взгляда. — Ну, скоро начнется заседание, пора мне. Удачи.

— И тебе.

Что-то случилось — два дня назад, когда Панарин звонил в Саянск, он не заметил в Снерге и тени тревожных перемен. И удивительнее всего, что это неизвестное настигло Снерга дома — на Земле давно уже не случалось ничего из ряда вон выходящего, способного привести в такое состояние человека, сделавшего охоту за тайнами и загадками своей профессией...

Панарин дописал письмо выпускнику. Он мог и ошибаться в отношении парня, но знал, что иногда очень легко спутать нахальство со спокойной уверенностью в себе, особенно если осознающий свои возможности человек плохо умеет сочетать свои достоинства с искусной дипломатией и мало заботится о том, какое впечатление производит на нужных людей в нужную минуту. Так что попробовать, безусловно, стоило.

Вскоре пришла Марина. Критически обзрела внесенные Панариным в интерьер изменения — он убрал вазу с бессмертниками, которых терпеть не мог, повесил репродукции «Испытателей» Борина и «Вавилонскую башню» ван Фалькенборха.

— Вкус у тебя есть, — сказала она. — Особенно это касается «Вавилонской башни» — очень удачная аллегория...

Для Панарина картина всегда была символом адской работоспособности и дерзости замысла, но он промолчал.

— Вот так — совсем уютно, — Марина поставила ему на стол фотографию. — Ты не можешь включить эту вашу заутреню?

— Не полагается, — сказал Панарин.

Из селектора звучали привычные доклады пилотов и рапорты кораблей сопровождения — в двух миллионах километров отсюда «Марианна» начинала разгон.

— Мы им сейчас кажемся этакой вишенкой, — сказал Панарин. — Еще и за это люблю космос — понимаешь, насколько мелки иные наши требования...

— Сильно сказано. Я с нетерпением жду, когда же ты наконец начнешь писать стихи. Надеюсь, первое стихотворение будет посвящено мне?

Панарин молчал.

— Я — «Матадор». «Марианна» продолжает разгон, отклонений от нормы не фиксирую.

И селектор умолк, осталось тихое шуршание, словно где-то на пляже у теплого моря кто-то неспешно пересыпал сухой крупный песок из ладони в ладонь.

— А почему ты не командуешь, как в тот раз, когда я летала на «Соколе»?

— Меня на неделю отстранили от работы, — сказал Панарин. — Из-за ночного случая. Так что сижу вот, слушаю, формуляры заполняю, а от дежурств и полетов временно отстранен...

— Ничего себе! Это из-за глупого кошмара?

— Каждый звездолетчик знает, что его первая заповедь — не спорить с врачами...

— Интересно...

— Ага, — сказал Панарин. — Имеется и второй, не менее интересный факт — мне звонил Снерг. Замком он интересовался не больше, чем нашим позавчерашним танцевальным конкурсом в «Приюте гиперборейцев».

— Быть этого не может!

— Я тебе не вру, — сказал Панарин. — Он нашел на Земле что-то более важное.

— Но разве это возможно — найти сейчас что-то более важное, притом на уютной Земле?

— Выходит, можно, — сказал Панарин.

— Может быть, он просто притворялся? Не сбылась его мечта первым отыскать нечто эпохальное. А самое печальное зрелище на свете — мужчина, которому приходится отказаться от своей мечты... Выгнать, например, следует отсюда всех вас и поголовно заменить женщинами.

— Почему? — вяло спросил Панарин.

— Мы — свежая сила, сохранившая свою витальную энергию. Вы тысячи лет были гораздо шире и глубже, чем женщины, втянуты в коллизии и конфликты общества, так что во многом исчерпали себя.

— Интересно, — сказал Панарин. — Сама придумала?

— А какая разница?

— Большая. Это разные вещи — смеяться над тобой, или над кем-то, умершим лет сто назад. Ты не находишь?

— Между прочим, я серьезно. Мы долго были вдали от серьезных дел, ответственности, и теперь хотим действовать более энергично, принять большую ношу.

— Опять-таки разные вещи, — сказал Панарин, нести ли ответственность за конкретное серьезное дело или просто стремиться взойти на крест из-за отвлеченного принципа...

— Я — «Матадор», — сказал чуть-чуть скучный голос. — «Марианна» начинает вход. Характеристики нормальные.

— Тебе не кажется, что вы, «икарийцы», согласились бы на почетное поражение? — спросила Марина. — Знай вы только, кому следует отдать шпагу?

— Не кажется.

— Я — «Матадор»! Вспышка в точке входа! Фиксирую спектры взрыва!

Панарин вывел прием на максимальную громкость. Потянулся к микрофону, но тут же опомнился...

— Я — «Матадор». Иду к точке входа.

— Я — «Сварог». Иду к точке входа. Фиксирую эмиссионное излучение поствзрывного характера. Сигналов спасательных капсул нет.

— Я — База. Всем кораблям сопровождения — к точке входа. Спасателям резерва — старт на форсаже!

Панарин уже знал, что трем с «Марианны» эта суматоха больше не нужна — он работал достаточно, чтобы это понять. Он встал, подошел к окну, оперся ладонями на подоконник и смотрел на жаркую солнечную улицу так сосредоточенно, словно надеялся найти там ответы на саднящие вопросы бытия, в первую очередь на самый главный — почему до сих пор гибнут хорошие смелые люди? Ну почему?

За его спиной надрывался селектор — перекликались с космодромными службами взлетающие один за другим корабли резерва, «Матадор» и «Сварог» сообщали, что позывных спасательных капсул нет, что обломки корабля не обнаружены. Поиски шли полным ходом, и никто не верил в их успех — при тех же самых обстоятельствах погибли «Карлайл» и «Южный крест» — но надежда на невероятное заслоняет в такие минуты трезвость и рациональность ума — ведь каждый может припомнить не один случай, когда вопреки всем законам, назло всем смертям возвращались люди, которых перестали считать живыми...

Панарин обернулся, встретил взгляд Марины, влажный и растерянный.

— И что? — тихо спросила она.

— Взрыв, — сказал Панарин. — Ты же слышала.

— Они погибли?

Панарин кивнул, прикрыв глаза:

— Сто из ста.

— И ты так спокойно?

Ну да, разумеется... Неизвестно, что ей представлялось — скорее всего, мощно завывающие сирены, суматоха, колонны людей с печальными лицами и понуренными головами. Она, как и многие, впадала в распространенное заблуждение, не знала элементарных законов — что ничего не изменишь траурными шествиями и никого не спасешь воем сирен. Предки сформулировали это емко и лапидарно — слезами горю не поможешь...

Панарин сказал:

— А мир был благолепен и нелеп, как встарь... Им бы вряд ли понравилось, начини мы биться с рыданиями головой об стену. Как и мне в случае чего...

Видимо, только теперь она осознала в полной мере, что то же самое может и могло случиться и с ним, что возможностей для этого у него было предостаточно — и не так уж мало их впереди... Что-то она поняла. Постояла возле Панарина, не ахнула и не бросилась на шею, как в таких ситуациях порой поступают осознавшие жесткие истины героини не самых лучших романов, но что-то она поняла. Провела ладонью по его щеке и тихо вышла.

ЗАПОЗДАВШИЕ КАПИТАНЫ

...До шести часов вечера их еще ждали. Девять пилотов и шестеро энергетиков — все, кто летал на эксперименты — собрались у тех ворот космодрома, сквозь которые обычно проезжали на свой участок летного поля. День выдался исключительно солнечный, в незамутненном синем небе почти не было облаков, отовсюду наплывали запахи цветов и травы, цикады назойливо верещали в траве. Люди ждали. Малышев сосредоточенно и упорно, так, словно от этого зависело что-то очень важное, возился с карманной головоломкой, иллюстрировавшей четырехмерность пространства. Рита Снежина бездумно играла с рыжим толстым щенком Интегралом. Двое курили, кто-то включил карманный видефон и впился глазами в экран, вряд ли соображая, какую программу смотрит. Остальные лежали в траве или прохаживались вдоль ажурной ограды. Время от времени кто-нибудь начинал из-под руки всматриваться в небо, а остальные в этот момент смотрели кто на него, кто тоже в небо. Потом он опускал руку и продолжал шагать взад-вперед, как часовой, которого оставили у какого-то никому ненужного домишки и позабыли сменить, а сами ушли дальше, и часовой об этом догадывается, но не хочет пока верить.

Панарин уже жалел, что приехал, — в диспетчерской он испытывал бы те же чувства, ждать и надеяться там, ждать и надеяться здесь — никакой разницы. Но там кроме него были бы лишь три диспетчера и Кедрин, а здесь — пятнадцать человек. Они на него не смотрели, но каждый помнил, что в кармане заместителя по летным вопросам лежит настро-

енный на диспетчерскую браслет, и все новости он узнает первым. А браслет молчал. Панарин даже решил, что браслет сломался (хотя он слышал тоненькие голоса операторов), и он вытащил браслет из нагрудного кармана, положил на ладонь. Синей розинкой светилась контрольная лампочка, голоса стали чуть-чуть громче. Панарин, злясь на себя, торопливо сунул браслет обратно. Проползали минуты, длинные, как те письма, что пишутся всю ночь, но остаются неотправленными.

В шесть часов тридцать восемь минут приехал Кедрин. Поставил элкар метрах в двадцати от ворот, сдвинул дверцу и остался сидеть в машине, закулив трубку. Один нагрудный карман его мятой форменной рубашки оттопыривал браслет, другой оттягивал массивный адмиральский знак.

До семи вечера «Марианну» ждали, потому что не вышло время аварийному запасу кислорода. До семи тридцати — потому, что каждый мог припомнить случаи, когда потерпевшие бедствие, урезав потребление кислорода, ухитрялись продержаться какое-то время.

В восемь вечера при самой строгой экономии кислород на «Марианне» должен был кончиться. Бесплезным было рысканье в секторе восьми спасательных кораблей...

Оставалась последняя эфемерная надежда — что гиперпространство выкинуло головоломный фортель и «Марианну» выбросило куда-нибудь на другой конец «Ойкумены». То, что раньше ничего подобного не случалось, могло и не служить аргументом — в конце концов, о гиперпространстве знали не все. Аргументом служило другое — существовала программа действий и на такой случай, все внеземные станции и обитаемые планеты Ойкумены подключили к поиску соответствующие службы, но сообщения были однообразны и состояли лишь из четырех слов — поиски результатов не дали. Или совсем коротко — ничего.

В восемь тридцать никто уже не ждал «Марианну» и ни на что не надеялся. Здесь собрались взрос-

лые и опытные люди, знавшие, что чудес не бывает, что человек не может жить без кислорода, что характер вспышки и сопутствовавшего ей излучения может быть лишь следствием взрыва, и ничем иным. Но все же, все же — первый, кто уехал бы с космодрома, словно подписывал свидетельство о смерти, признал, что Робер Дегрель, Виктор Печников и Каролина Ланг больше не существуют, и в это должны поверить все остальные.

«Кому-то нужно было решить за всех, либо мне, либо Кедрину, — подумал Панарин. — Лучше, если это сделает Кедрин, ему уже случалось, я ведь всего третий день в начальниках...»

Он взглянул на Кедрина. Адмирал угрюмо смотрел на него, и Панарин понял — Кедрин ждет, что «приказ» должен отдать он, а если он не решится — Кедрин перестанет его уважать. Еще один экзамен на командира, еще один экзамен на зрелость — сколько их еще впереди? Кто это выдумал, будто с достижением определенного возраста или определенного поста человек освобождается от обязанности сдавать экзамены? Наоборот, их приходится сдавать еще чаще...

— Письма родным писать будешь ты, — сказал Кедрин, как отрубил. — Давай отбой.

Панарин вынул браслет и нажал клавишу.

— Дежурный? — сказал он негромко. — Говорит Панарин. Поиски прекратить, всем кораблям вернуться на космодром.

— Понял, — сказал дежурный. — Поиски прекратить, всем возвращаться.

И все пришло в движение — люди молча вставали, молча рассаживались по машинам, точка была поставлена, решающее слово произнесено, и нет смысла больше смотреть в небо.

— Поехали, — позвал его Кедрин.

Панарин сел. Несколько минут они ехали молча.

— Вот так, — сказал адмирал. — Еще одна из прописных истин, которые тебе предстоит накрепко вбить в голову. Нужно научиться терять... Понять, что заламывание рук и трагические тирады даже в

театре давным-давно устарели. Никого этим не вернешь и ничего не исправишь. Но и упаси бог за толстокожесть... Ты, наверное, это сто раз слышал?

— Да, около того, — сказал Панарин.

— Но я уверен, что только сейчас они обрели для тебя конкретный смысл. И ты у меня научишься терять, ты у меня многому научишься... Потому что, когда мы доберемся туда, — он мотнул головой снизу вверх, — командовать придется вам...

— Скажите... — Панарин не сразу решился. — В то, что мы все же доберемся туда, вы верите не меньше, чем, скажем, лет пять назад?

— Уши бы тебе оборвать по самый корень... — сказал Кедрин. — Да что взять с мальчишки, который только и умеет лихо пилотировать корабли? Верю еще больше. И вера эта не от упрямства, уловил? Вера эта от веры в то, что мы еще не видим конца нашей лестницы. Называть задержку перед очередной ступенькой поражением — ошибка. Все существующее должно быть познано.

— Но согласитесь, что такая точка зрения основана лишь на эмоциях? Все правильно, и все же... Простите, адмирал, но вы не понимаете всей глубины горечи, которую испытывает наше поколение. Мы получали дипломы в уверенности, что...

— Что завтра будете дарить девушкам андромедянские цветы, — Кедрин сухо рассмеялся. — А это забавно, Тим, — черт знает которое по счету поколение с идиотским постоянством считает, что именно оно впервые открыло определенные психологические коллизии, истины и переживания. Что до него никто над этим не задумывался. Милый мой, да ведь все поколения космачей через это прошли! Я уверен, что после полета Гагарина его друзья тоже считали — через годик-другой они будут сидеть на берегу марсианских каналов. И уверен, что вскоре поняли — нет волшебной палочки, есть долгая и упорная работа. Годы и годы. Мы тоже в свое время считали, что путь к Андромеде откроют ученые нашего поколения... Так что ничего страшного с вашим поколением не случилось — вам всего-навсего

нужно осознать, что для феерического броска необходимо предварительно годы и годы топтаться на одном месте. Вернее, годы и годы заниматься трудной и, не будем скрывать, нудной работой. Знаешь, я не раз думал — есть ли у вашего поколения отрицательные черты?

— По-вашему, есть?

— У каждого поколения они есть, — сказал Кедрин. — Мне кажется, вас чересчур уж приучили к стремительности. Сегодня найдем способ вырваться к Андромеде, завтра научимся создавать искусственные солнца в натуральную величину, а послезавтра и вовсе начнем менять рисунок созвездий, чтобы было более приятно для глаза... А вообще-то каждое предыдущее поколение испытывало что-то, чего не могло понять последующее, и каждое...

Их браслеты слаженно засвиристели тройным сигналом тревоги. Кедрин, не снимая рук с руля, покосился на Панарина. Панарин достал свой браслет:

— Панарин слушает. Кедрин здесь.

— Говорит дежурный. Со стороны внешних планет к Эвридике приближается неопознанный объект. Расстояние — миллион девятьсот пятьдесят пять тысяч километров. Ощутимо замедляет скорость, никаких сигналов не подает. (Кедрин молча увеличил скорость до предела, ветер засвистел в ушах.) Масса ни с одним известным типом кораблей не ассоциируется.

— Чем держите? — рявкнул Кедрин.

— Гравилокатором лаборатории Урмана. Шел очередной эксперимент...

— Отставить детали! Продолжайте держать на гравии, радары и лазерные не включать!

Панарин понял его — в отличие от радаров и лазерных локаторов гравилокатор не излучал, он лишь регистрировал гравитационные волны, и его работу не мог обнаружить почуянный им корабль. А это был корабль — метеориты любой массы свойством гасить скорость не обладают. И это был чужой корабль...

— Все спутники — вниз, — холодно чеканил Кедрин. — Спалить в плотных слоях, черт с ними. Тре-

вога «Ноль». Фиксируйте его излучения. Все. — Он посмотрел на Панарина. — Ну, как ощущения? Впервые все-таки.

— Лихо вы...

— Рефлекс, милый, всего лишь. Ладно, не напрягай извилины. Никакой эпохальной дрожи мы не чувствуем — не осознали еще... Цветов бы успеть нарвать.

— Шутите?

— Шучу, — сказал Кедрин. — Потому что жутко — вот они, долгожданные, скорость гасят...

* * *

— Кому еще кофе? — спросил Кедрин. — На пару чашек осталось.

— Мне, пожалуйста, — протянул чашку Крылов.

Сидели где придется — кто на подоконнике, а кто и на полу. Было тесно и неудобно — в лаборатории хватало места, чтобы с удобством разместиться двум-трем специалистам, но на многочленные собрания она рассчитана не была. Но ничего не поделаешь — следить за пришельцем, не выдавая своего присутствия на планете, можно было только отсюда, и в комнату, кроме трех физиков, втиснулись Кедрин, Панарин, Крылов и четверо руководителей научных служб. Правда, жаловаться на тесноту, когда на экранах впервые в земной истории можно было наблюдать инопланетный корабль, стал бы только сумасшедший.

Окна из-за духоты распахнули настежь, и все, что говорилось в комнате и происходило на экране, волной комментариев прокатывалось по толпе — у лаборатории и на окрестных улицах собралось все население поселка. Уговоры Кедрина разойтись до утра и не мешать попросту проигнорировали — это был первый за всю историю внеземных поселений случай массового неповиновения руководству, и ничего нельзя было поделать — через несколько часов должно было совершиться то, чего почти двести лет ждали миллионы людей...

Это был разведывательный корабль — маневры, которые он производил при подходе к планете, не так уж отличались от поведения земных разведчиков в аналогичной ситуации. Чужой вышел на стационарную орбиту (в поселке к этому времени было два часа ночи) и методично выбрасывал зонды — только что в атмосферу вошел девятнадцатый, но ни один пока не угодил в район поселка или других областей, где имелись искусственные сооружения. Руки чесались полететь к месту их приземления, руки чесались пустить в ход радары, но приходилось выполнять инструкцию.

Панарину не удалось подавить нервный смехок. — Что такое? — глянул через плечо Кедрин.

— Я подумал — что, если один из зондов передаст на корабль изображение замка? Они же решат...

Кое-кто тоже не удержался от улыбки.

Земля уже была предупреждена — сеанс состоялся, когда чужой оказался над противоположной от поселка точкой планеты, «у антиподов». Чужой пока не пускал в ход локации — может быть, в свою очередь прослушивал планету, так что инкогнито поселок пока сохранял. Хотя... Неизвестно было, какими приборами оснащен чужой. Достаточно мощного инфракрасного детектора, чтобы корабль или оказавшийся поблизости зонд засек подозрительно «теплое» пятно.

Первое напряжение уже схлынуло за несколько часов волнующего, но все же скучного ожидания — когда очень долго ждешь пусть даже огромной важности события, не получая дополнительной информации, эмоции и чувства притупляются.

«Странно, но я просто не знаю, что я должен чувствовать, — подумал Панарин. — И никто не знает. Мы первые, самые первые. Аэлита? Осьминог в академической шапочке? Нечто?»

— Ну-с, может, кто-нибудь выскажется? — спросил Кедрин, не отрываясь от экрана.

— Мы знаем только его массу и массу выпущенных им зондов, — сказал Панарин.

— Очередной зонд может угодить нам на крышу, и тогда игра в прятки потеряет смысл.

— Если они дышат кислородом, обязательно высалятся — мы в свое время быстрее и охотнее всего высаживались на землеподобные планеты...

— А если нет?

— Все равно, это разведчики.

— Принесите-ка кофе, — повернулся к окну Кедрин, и кто-то стал выбираться из толпы. — Информации у нас — всего чуть, а решаться нужно... Где он сейчас?

— Входит в ночь. Через двадцать восемь минут пройдет над нами.

— Ну, господи благослови... — Кедрин подошел к окну, оперся обеими руками на подоконник и высунулся наружу. — Внимание! Расходитесь-ка по домам! Вот именно, по домам! И устройте иллюминацию, какой тут не было и в праздники. Чтобы каждая лампочка горела. Кто тут есть из «шлиманов»? Ага, Вук. Вы еще не все свои ракеты спалили? Так запускайте. Все поняли?

Он достал браслет и стал отдавать распоряжения — зажечь все огни, какие только возможно, все уличные фонари и освещение космодрома, прожекторы — в зенит, включить лазерную подсветку фонтана, создать мощный радиогон — то есть беседовать с кем угодно и кто с кем хочет. Элкарам и прочим машинам разъезжать по улицам с включенными фарами. Подумав, он велел дежурным космодрома вывезти на поле десяток спасательных капсул и включить их лампы-вспышки, но не включать радиомаяков — те мешали бы радиосвязи мощными волнами на всех диапазонах.

— Ну, а располагать капсулы очертаниями «пифагоровых штанов» — это уже, по-моему, пошлость, — сказал он. — Сойдет и так...

Панарин попытался представить себя на месте чужих звездолетчиков. В очередной раз, проходя под ночной стороной планеты, они вдруг обнаружат ярко, прямо-таки лихорадочно освещенный городок, перехватят радиосигналы. Если они видят в том же диапазоне — увидят все своими глазами. Если нет — их приборы все равно обнаружат поселок. В любом

случае они поймут, что столкнулись с братьями по разуму.

— Все, — сказал Кедрин. — Теперь можно перейти в ЦУП и обстоятельно исследовать их радами...

«Вот и все, — подумал Панарин. — Если они появились, значит, непреодолимые расстояния все же преодолимы, и девушки дождутся андромедянских цветов...»

События последующих трех часов позволяли на многое надеяться. После пятого прохода над засиявшим на ночной стороне поселком от корабля чужих отделился аппарат, судя по массе, небольшой разведчик, способный, надо полагать, совершить посадку на планету. Судя по выполняемым им маневрам, он собирался стать суточным спутником планеты, что он и сделал через полчаса, повиснув над поселком. Разведчик был пилотируемый — с корабля им не управляли. Хотя, как заявил Кедрин, он мог и автоматически выполнять заданную программу. Но верить Кедрину не хотелось — хотелось верить, что там есть пилоты, что они, коли уж повисли над поселком, видят в том же диапазоне и вполне могут оказаться человекоподобными.

— Между прочим, и осьминог видит в том же диапазоне, — хмыкнул Кедрин, выслушав Панарина. — Так-то...

Мимо здания ЦУПа все еще проносились взад-вперед элкары с зажженными фарами, хотя наступил уже рассвет и электрический свет поблек.

— Разыгрались... — проворчал Кедрин.

— Сбросил еще двадцать зондов, — доложил оператор. — Все — в другом полушарии.

— Понятно вам? — сказал Кедрин. — Ищет другие города, хочет установить, что перед ним — планета-метрополия или космический форпост. Логика у них похожа на нашу, и инструкции весьма схожи с нашими. Великая вещь — инструкции...

Он заложил руки за спину, прошелся вдоль пультов и вдруг рявкнул:

— Курсант Панарин!

Последний раз Панарина называли курсантом семь лет назад, когда председатель выпускной комиссии, взяв очередной диплом, произнес его фамилию. Но нервы были так напряжены, что он, не задумываясь, машинально выкрикнул:

— Здесь!

— Курсант Панарин! — рыкнул Кедрин, встав перед ним. — Назовите количество энергии, потребное для гиперпрыжков класса «Пять», «Омега» и «Шесть А»!

Ничего не понимая и не пытаясь понимать, Панарин отбарабанил несколько въевшихся в память чисел. «Чтобы как роботы, чтобы как из пулемета!» — наставлял их в свое время Божий Любимчик, преподаватель, получивший это прозвище за то, что в бытность свою штурманом на корабле Дальней разведки четырежды попадал в серьезные катастрофы и выходил из них без единой царапины, хотя другим членам экипажа, случалось, доставалось крепко.

— Что это, зачем? — спросил наконец Панарин. Другие тоже смотрели недоуменно.

— Ничего, — Кедрин как-то странно улыбнулся. — Хотел проверить, не разучается ли человек автоматически выстреливать когда-то заученное...

— Вы же мне никогда не лгали.

— Ну, тогда считай, что у меня начинается старческий маразм.

— Не похоже.

— И правильно, — Кедрин говорил с ним так, словно они были здесь одни. — Сам не знаю, что со мной. То ли действительно впадаю в маразм, то ли... Слушайте, да утихомирьте этих наездников, рассвело же давно!

Кто-то торопливо вышел. Кедрин придвинул ногой стул и сел. Вид у него был встревоженный и отсутствующий, словно он пытался вспомнить что-то безусловно важное — и не мог. Или боялся, не хотел.

— «Китенок» начал маневр, — доложил оператор. — Входит в атмосферу, несомненно, идет на посадку.

«Китом» за размеры во время долгого ожидания успели окрестить чужой корабль, и, когда он выпустил разведчика, того, не напрягая воображение, автоматически нарекли «китенком».

— Ну вот и все, прекрасные господа из Буа-Доре, — Кедрин пружинисто взмыл со стула, собранный, жесткий, целеустремленный человек из легенды. — Кончились чайные церемонии, начались рабочие будни. Со мной Панарин, Крылов, Браун, Шитик. Репортера тоже прихватим. Айда!

«Марине неопишимо везет, — подумал Панарин, — два таких события за двое суток. И астроархеологам везет. Что же, и нам, наконец, повезло?»

Над входом в общежитие, где жили молодые специалисты-планетологи, не пожелавшие, как они выразились, расползаться по личным коттеджам, как кроты по норам, уже висел чуточку криво наспех изготовленный транспарант: «Добро пожаловать, Аэлита!» Видимо, в осьминогов верили плохо.

Люди толпились на улицах, провожали завистливыми взглядами элкар. Панарин все пытался настроить себя на некий возвышенно-взволнованный лад — и ничего не получалось, деловая обыденность происходящего мешала. Мечты о встрече с инопланетянами сбылись. И нужно было искать новую, не менее грандиозную мечту — удастся ли найти?

Они вылетели в большом мобиле. «Китенок» к этому времени приземлился в десяти километрах западнее поселка. Оставались минуты, грохотала в ушах тишина, история вот-вот должна была расколоться надвое — на то, как было До, и на то, что будет После. Панарин подумал, что и Колумб испытывал что-то схожее — не оказалось хрустальных дворцов, золотых колонн и зеленых единорогов, неизвестные деревья и яркие птицы не столь уж и ошеломляют, матросы, переругиваясь, вкапывают скучный крест, титул вице-короля Индии в кармане, а кузнечики стрекочут точь-в-точь как в Кастилии... И чем заниматься дальше?

— Скорость! — сказал Кедрин. — Скорость!

Панарин прибавил скорость, потом перевел мобиль в пике, прицеливаясь так, чтобы сесть метрах в пятидесяти от черного пятна на зеленой равнине. Пятно росло, Кедрин нетерпеливо поднял к глазам бинокль, и вдруг правый локоть Панарина сжали стальные тески. Он охнул от неожиданной боли, передал управление автопилоту и покосился вправо. Кедрин, вряд ли сознавая, что делает, сжимал его локоть что было сил, бинокль лежал у него на коленях, а лицо, белое, как облако, то ли одряхлело сразу, то ли стало совсем молодым.

— Адмирал! — крикнул Панарин ему в лицо, пытаясь вырвать руку. К ним встревоженно наклонились остальные четверо. Бинокль полетел на пол, и зазвенели разбитые линзы.

— Но ведь не может быть... — шептал Кедрин, опустив руку Панарина. — Не может...

Мобиль коснулся земли, и Панарин, сдвинув верх, впервые посмотрел на «китенка».

На равнине боком к ним, в черном круге выжженной земли, стоял остроносый треугольный аппарат с высоким килем, и рядом с ним — двое в тяжелых оранжевых скафандрах с прозрачными шлемами. У них были обыкновенные, человеческие, совсем молодые лица, а над их головами, на киле разведчика сияла алым и золотым старинная эмблема Звездного флота — та, первая, впоследствии, с появлением ДП-кораблей и образованием Дальней разведки замененная другой, нынешней. Разведчик этого типа был знаком Панарину — в Музее астронавтики были представлены и такие разведчики, и такие скафандры...

— Толя! — ударил по нервам крик Кедрина. — Толя! Толька!

Он выскочил из мобиля и бежал к тем двум, смотревшим на него удивленно, захлебывался криком, спотыкался, махал руками, а те, переглянувшись, медленно-медленно двинулись ему навстречу, и Кедрин, подбежав, обнял одного из них, прижал к себе, и его плечи затряслись. Панарин пошел следом, чувствуя себя невесомым, как во сне. Казалось, он ступает по

верхушкам травинок. Второй человек в оранжевом скафандре недоумевающе переводил взгляд с Панарина на Кедрина, продолжавшего обнимать и трясти его напарника. Слева, где сердце, на его скафандре блестяла та же старинная эмблема, а ниже на золотой полоске чернели четкие буквы КЕНТАВР.

«Это же Маргейт, — узнал его Панарин. — Ричард Маргейт. А второй, без всякого сомнения — Анатолий Слипченко, члены экипажа «Кентавра», единственного досветового корабля из одиннадцати, погибшего десятки лет назад».

Он не погиб. И добрался все-таки до Эвридики, необъяснимым образом исказив все расчетные сроки, выпав из своего времени. Это было загадочно — но загадками Панарин был сыт по горло. Это было грандиозно — вернулись люди, которым пятьдесят лет назад поставили памятник, — но надежда на контакт с пришельцами рухнула вновь. Таинственный гость оказался всего лишь кусочком прошлого, романтического, дерзновенного, героического, но — земного. Панарин почувствовал себя жестоко обманутым. словно он добрался наконец до Туманности Андромеды, но, высадившись на одной из планет, увидел мирно разгуливающих по лугу коров. Все рухнуло, хотелось по-детски зареветь от обиды, но плакать он не умел.

И все же эти парни ни в чем не виноваты. Им сейчас не лучше, они оказались в положении Роберта Скотта, после решающего рывка обнаружившего на полюсе водруженный опередившим соперником флаг... Панарин протянул руку и сказал:

— Ну, здравствуй, Дик...

* * *

— Это очень обидно, если подумать, — сказала Марина. — Для них обидно. Запоздавшие капитаны каравеллы. Долго плыли к Америке, а тем временем в порту, из которого они отплыли, изобрели самолеты и одним прыжком перемахнули на ту сторону океана...

— Вряд ли им так уж обидно, — сказал Панарин. — Они ведь заранее настроились на уход из своего времени и знали — может произойти что угодно.

— Возможно, — горел только ночник, она отодвинулась в темноту, и Панарин не видел ее лица. — Все равно мне за них обидно. И за вас немножко — на вас навалилась новая загадка...

Она была права — пилоты по недостатку специального образования не могли оценить всей сложности неизвестного механизма феномена, но физики после долгой беседы с экипажем «Кентавра» бродили с отсутствующими лицами, натываясь на мебель. С «Кентавром» все обстояло как нельзя загадочнее — с ним внезапно начали твориться какие-то странности. Будто шквал налетел, нарушив нормальный режим полета, нарушив нормальную работу всех приборов, закрутил в непонятном вихре и в одно мгновение швырнул «Кентавр» на несколько парсеков вперед, в окрестности самой отдаленной планеты Эвридики. Внятнее члены экипажа, равно как и их приборы, объяснить не могли — приборы не были подготовлены к таким сюрпризам и рассчитаны лишь на полеты в обычном пространстве. Разумеется, всем было ясно, что происшедшее связано все с теми же непознанными до конца свойствами гиперпространства, но, во-первых, непонятно было, как мог воздействовать на гиперпространство лишенный такой возможности «Кентавр», а во-вторых, нельзя было выдвинуть хотя бы зыбкую гипотезу, и физики сатанели от бессильной злобы...

— Сказать тебе, чего ты боишься? — спросила Марина. — Боишься, что Каратыгин и я используем феномен в своих целях.

— И ведь используете...

— А как же иначе? Ты не можешь не согласиться, что возникла новая неизученная опасность.

— Согласен, — сказал Панарин. — На полеты это не повлияет, их не отменяют — ни регулярные рейсы, ни эксперименты полигонов. Поздно уже останавливаться. Создадут еще одну лабораторию, которая и займется феноменом. Но вы-то, вы получите новый

мощный аргумент — иногда таинственная неполадка, поданная с соответствующими комментариями, действует на умы сильнее любого запрета...

— Пожалуй.

— Но остается замок, — сказал Панарин. — Хорошо, пусть он скоро наскучит. Но он окончательно добил старые бредни об уникальности разумной жизни. Вопрос можно сформулировать и так: если сегодня мы обнаружили отстающих от нас по развитию гуманоидов, то завтра можем обнаружить и равных по развитию, верно?

— О, господи, — сказала Марина. — Ну хорошо, пусть будет так, как ты говоришь. Но вот «Кентавр»... Слушай, хватит на сегодня? Ничего наши пикировки не изменят. Давай о чем-нибудь другом.

— О чем?

— Хотя бы о тебе, романтик в командорских шевронах. — Марина взъерошила ему волосы. — Может быть, ты мечешься в тоске оттого, что у тебя ничего не получается, а у меня все благополучно? Я наше ремесло имею в виду.

— Вряд ли, — сказал Панарин. — Так могло бы быть, не верь я в наш успех. А я верю, знала бы ты, как я верю... Меня другое мучает.

— Я?

— Ты, — сказал Панарин.

— Ну что мне с тобой делать? Как тебя научить не изобретать сложностей и смотреть на вещи проще? Почему ты уверен, что слова «романтик» и «любовь» должны действовать на женщину как магические слова и автоматически превращать ее в героиню рыцарского романа? Прошлым ты живешь...

— Чем бы я ни жил, другим я не живу, — сказал Панарин.

— А это плохо.

— Не думаю.

— А ты подумай.

— Ладно, хватит, — сказал Панарин, — очень уж похоже на диалог двух глухих...

Она никак не могла стать той, настоящей, скрывающейся за броней, закаленной на каких-то давних оби-

дах и разочарованиях, рассудочной холодности, забавного до печали рационализма. Все, чем она прикрывалась, придумано даже не вчера, и несостоятельным оказалось даже не позавчера — гораздо раньше...

Запищал сигнал, и Панарин взял браслет со столика.

— Если опять какое-нибудь чудо, я не вынесу, — сказала Марина. — Сколько можно?

— Тим?

— Да, — сказал Панарин. — Что случилось?

— Тебе срочная космограмма с Земли.

— Излагай.

— «Прилечу завтра Стах».

— Спасибо. Доброй ночи.

— Ну вот, — сказала Марина. — Прибывает твой верный единомышленник.

— Почему такой тон? Тебе что, неприятно с ним встречаться?

— Очень даже наоборот, — сказала Марина с безмятежной искренностью. — С удовольствием с ним встречусь, есть чем встретить.

— Думаешь, это его уязвит?

— Ничего я такого не думаю. Просто я немного злопамятна, так, самую чуточку, по-женски, и мне приятно вспомнить, что когда-то он не принимал меня всерьез. И он об этом помнит, а ему, ты сам наверняка лучше меня знаешь, досадно будет сознавать, что когда-то он крупно ошибся в оценке человека...

— Комариный укус.

— Ну и пусть. Зато мое профессиональное самолюбие торжествует. — Она перехватила брошенный на часы взгляд Панарина. — Куда-нибудь собираешься?

— Да.

— Куда это, интересно?

— Тут недалеко. Там будут... наши.

Она поняла и тихо спросила:

— А мне можно?

Панарин кивнул. Он не сомневался, что ею пока движет лишь любопытство, сопровождающееся вежливым состраданием. Но это ничего. Нужно же с чего-то начинать, пусть проникнется, если сможет...

На элкаре они доехали до маленького, с метр высотой, обелиска — простенькой пирамидки, поставленной на том месте, где пятнадцать лет назад на Эвридике приземлился первый корабль с Земли, звездолет Дальней разведки «Орел», и первый землянин ступил на Эвридику. Имени его, разумеется, на пирамидке не было, там вообще не было ничьих имен, только дата — никакого великого подвига не совершили ребята с «Орла». Можно было, собственно говоря, не ставить и саму пирамидку, но почему бы и нет? Когда-нибудь она окажется в центре большого города, и кому-нибудь, возможно, интересно будет посмотреть на то место, с которого все начиналось...

Сквозь редколесье мерцал костер. Панарин взял Марину за руку, переплел ее пальцы со своими, и они пошли в ту сторону. Маленький живой огонь горел на равнине, ввинчивались в темноту искры, и отчетливо доносилась песня:

— Нам судьба под завязку
отвалила прохладного неба,
и старинную песню
моторы протяжно поют.
Между жизнью и смертью,
между зноем и бешеным снегом
с неугасшей надеждой
мы летим на планету свою.

Вокруг костра сидели человек сорок — и те, кто имел прямое отношение к Проекту, и те, кто считал, что им тоже необходимо побыть сегодня вечером у этого костра. Никого сюда специально не приглашали, но никому не возбранялось сюда приходить. Панарин опустил на землю, Марина устроилась рядом, отсветы костра их не достигали, и лишь двое-трое оглянулись на них мельком.

— Нам фортуна отсыплет
чуда полные горсти —
за утраты и раны,

за любовь, за судьбу, за мечту.
Только где ж вы, ребята?
Что ж ушли вы, как поздние гости,
из полета и скачки?
Ведь погоня за звездами
вам по крылу и плечу...

Отзвенели аккорды, гитару у Риты взял Рамирес и запел старую кубинскую песню о голубом попугайчике, что сидел на плече у известного всей Гаване продавца лотерейных билетов, а потом продавец ушел в горы Сьерра-Маэстры, потому что такое уж настало время, а вернуться в Гавану ему не пришлось, и потерявший хозяина попугай умер от тоски, но спасибо ему за то, что он вытащил все же счастливый билет... Панарин тихонько переводил песню Марине, но после второго куплета она прижала ладонь к его губам и прошептала, что и так понятно. Гитара переходила из рук в руки, пели песни на разных языках, пели грустные и веселые.

— Значит, можно всякие? — шептала Марина.

— Ага, — тихо ответил Панарин. — В эскадрилье Сент-Экса принято было поминать погибших друзей танцами с деревенскими девушками. И не только у них, и не только так. Главное, чтобы это было от души...

Гитара оказалась у Марины, и она запела старинную английскую балладу:

— Ну что же, у нас неплохие дела,
так выпей же с нами, красотка!
И с ними была, и с ними пила
Джейн — Оловянная Глотка...

Никто не удивился, слушали серьезно.

— И с ними до страшного помоста шла,
и с ними до смертного часа была
Джейн — Оловянная Глотка...

Следующая песня не прозвучала — все смотрели вверх. Высоко в ночном небе вспыхивали строгими букетами, переливались и гасли синие, цвета земного неба, гирлянды траурного салюта. И три новых имени

на стеле красного гранита в Парке памяти — этот парк не так уж мал, и лучше бы его никогда не было...

Потом низко, метрах в ста над землей, бесшумно, как тень, промчался над костром, заслоня созвездия, один из звездолетов полигона.

— Ничего, если мы уйдем? — шепнула Марина.

— Ничего, но почему?

— Уйдем, хорошо?

Они пошли назад, между деревьями, без дороги — сюда еще не протоптали тропинку, и это хорошо — поменьше бы таких тропинок. Песня затихла за их спинами:

— Царской волею гоним,
и гоним судьбой,
отправлялся на войну
прапрапрадед мой.
В счет, не в счет,
чет-нечет,
Ментик — не броня.
Деда меч стережет,
Знать бы, что — меня?

— Что это вы выбрали такую песню? — спросил Панарин.

— А что?

— Трудно представить, как ты идешь за кем-то на эшафот, зная, что у тебя вечно кто-то не последний...

— Дурак...

Панарин не успел придумать ответ — Марина прижалась к нему, стиснула плечи до боли. Она не плакала, просто застыла, вцепившись в него так, словно через минуту должен был грянуть конец света, и Панарин боялся шевельнуться. Еще ни одну женщину ему так не хотелось понять и защитить от чего-то неясного ему самому — то ли от нее самой, то ли от глупых масок неизвестного театра, — но как это сделать, он не знал.

— Так никогда еще не было, — сказала она, не поднимая головы. — Я привыкла, что с людьми, которых я знаю, ничего плохого случиться не может...

«Поздравляю, — сказал Панарин, — ты становишься взрослой». Разумеется, сказал он про себя. Она ни от чего не отрекалась, ни о чем не жалела, никаких идеалов не пересматривала — всего-навсего смутная тревога, как крик далекой птицы в ночи, задела душу.

— Ошибаются все, — сказала Марина. — Ошибаюсь и я. И боюсь когда-нибудь ошибиться так, что это будет — конец...

— Не надо, — сказал Панарин. — У тебя многое впереди. А вот себя ты боишься...

— Не старайся, я своей слабости ни за что не признаю. Да и не слабость это. Считаю, что на меня так подействовал этот день — я ведь танцевала с Печниковым, я с ним летала, и вдруг его нет. Ты тоже можешь...

— Могу, — сказал Панарин просто. — Работа такая.

«Если я когда-нибудь встречу Барабаша, я не подам ему руки, — думал Панарин. — Когда улетели те трое, график пришлось менять — а по старому расписанию именно Барабаш должен был сидеть сегодня на месте Вити Печникова в кресле ко-пилота «Марианны». Нелепо, конечно, в чем-то его обвинять, и я не собираюсь обвинять, но руки я ему не подам никогда. Бывают такие ситуации...»

— Лучше бы тебя не было, — сказала Марина.

— Знаешь, мне иногда хочется то же самое сказать о тебе. Только зачем? Сила наша, по-моему, в том и состоит, чтобы принимать и осмысливать то, что нам досталось, а не сетовать, что нельзя зачеркнуть те или иные события.

— Ты не только романтик и поэт, но и философ? — она, как обычно, быстро стала прежней.

— Какое там, — сказал Панарин. — Открываю избитые истины, но сам и для себя, исходя из своего опыта. С философией это, по-моему, имеет мало общего. — Он распахнул дверцу элcara. — И бог с ним, с приоритетом на афоризмы — он уже давно перестал кого-либо волновать... Можешь ты мне ответить на один вопрос?

— Смотря на какой.

— Почему ты не любишь ребят из ИНП?

К его удивлению, Марина ответила сразу и охотно:

— Потому что с год назад один из них пытался предсказать мне будущее. А за такое нужно убивать, тебе не кажется?

— Вряд ли, — сказал Панарин. — Когда знаешь будущее, всегда можно его изменить — я не верю в детерминизм. Так даже интереснее, чем ничего не знать.

— Какой смелый... Назло тебе хочется предсказать что-нибудь относительно твоей персоны.

— Попробуй.

— Если бы я умела...

— Ты же ведьма, вот и действуй согласно «Макбету».

— Не все ведьмы это умеют. Я, кстати, уверена, что и тот тип из «адской кухни» ничего подобного не умел. А это еще хуже — астрологи, создающие видимость обладания тайным знанием... Да, я только сейчас вспомнила: что тебе сказал врач?

— Что я просто-напросто заработался.

— Он хороший врач?

— В космосе плохих не держат.

— Нужно бы мне с ним поговорить, — задумчиво сказала Марина.

— О чем?

— О снах. Ты никогда не задумывался, как отличить сны от чего-нибудь другого?

— От чего?

— Не знаю, как объяснить. Я думала, что знаю о своих снах все, но впечатление такое, словно они стали другие, не мои...

— Интересно... — сказал Панарин, что-то вспоминая.

ЭПИЛОГ ПРОЛОГА

Снерг вышел из прозрачной кабины и постоял в нерешительности, поглаживая пальцами подбородок. Не было никакой нужды звонить Панарину, а коли уж позвонил, не стоило выдавать того, что происходило на душе. Убогий получился разговор — то ли просьба о помощи, то ли острое желание выговориться. Тим наверняка ничего не понял — да и что можно понять? — наверняка встревожен, но что делать, если ты сам ни черта не понимаешь... То ли это случилось утром, то ли в четверг, то ли дождь дил, то ли горчил чай — эта побасенка из старой сказочки как нельзя лучше отражает аргументы, привлекаемые для защиты гипотезы...

Он подошел к голубому барьеру, улыбнулся дежурной насколько мог беззаботнее:

— Можно срочный с Эльдорадо?

Девушка улыбнулась еще беззаботнее:

— Канал временно не работает. Магнитная буря в секторе. Когда восстановится связь, неизвестно.

Она выпалила это, как заученное — ничуть не задумываясь и не усмотрев в этом ничего необычного. Что ж, случались временами и магнитные бури, гиперсвязь, как радиосвязь, не гарантирована от влияния природных факторов, но сейчас каждая невинная мелочь оборачивается тревожным гудом колокола...

Он замаялся, склонив голову, сказал наконец:

— Я не знаю номеров... Можно представительство Эльдорадо?

Кроме него, в зале не усматривалось ни одного клиента, девушка тихо скучала и оттого согласилась, хотя могла бы и посоветовать обратиться в Глобинф.

Она подала Снергу подключенный к своему пульту экран, опустила глаза к клавишам, привычно набрала трехзначный номер справочной, потом тот, что зажегся перед ней на табло. После каждого сигнала вызова экран в руках Снерга оставался слепым. Девушка, нахмурив бровки, снова вызвала справочную, набрала другой номер, и повторилось то же самое, и еще раз. Она растерянно вскинула на Снерга глаза, ничего почему-то не сказала, и Снерг так же молча медленно кивнул, поощряя ее продолжать. Представительство молчало — солидное здание, ведавшее связями Ойкумены с самой большой колонией Земли, не менее сотни видеофонов...

После двадцатого номера девушка сдалась, беспомощно пожала плечиками:

— Ну вы же видите...

— Вижу, — сказал Снерг. — Пропашее дело. Очередная магнитная буря в секторе, бывает... Как вас зовут? Вероника. Прекрасное имя. В нем вера и победа — Вера и Ника... Так вот, Вероника, раз уж я взялся вам мешать, а вы из деликатности не протестуете, дайте уж, пожалуйста, напоследок еще один, там-то, я уверен, откликнутся. — Он назвал номер Рамона. — Наверняка...

Он был разговорчив и самую чуточку развязен, как всегда в редкие минуты полной растерянности. Девушка стала набирать номер, она ничего еще не понимала, но отголоски его тревоги ей не могли не передаться — юная женщина даст сто очков вперед старому телепату, — Снерг сжал плоский экран, лихорадочно ища первую фразу. И тут его мягко тронули за плечо. Он не вздрогнул и обернулся спокойно — вокруг был двадцать второй век...

— Пойдемте, — сказал Кадомцев. С экрана вопросительно глянул Рамон. — Я обегал все вокруг, искал вас, пойдемте быстрее...

Он тяжело дышал, волосы растрепались. Некогда было задавать вопросы. Снерг, виновато улыбнувшись, протянул экран Веронике — глаза у него покраснели от непонимания происходящего, — пробормотал что-то и поспешил следом за Кадомцевым,

метровыми шагами устремившимся к выходу. Они сбежали по широкой лестнице, окунулись, выскочив из-под сиреневого стеклянного козырька, в солнечный свет, и Кадомцев с маху свернул влево, к ребристому куполу зала заседаний Мирового Совета, сверкавшему над плотными кронами эвкалиптов. Лицо у него было сосредоточенно-злое.

— Представительство... — сказал Снерг.

Кадомцев, не спрашивая, о каком именно представительстве из пяти идет речь, не оборачиваясь, сказал:

— Представительство пусто. — Он почти бежал, так, словно навстречу строчили пулеметы. — Наши там были. Ни одного человека. Связь с Эльдorado прервана. Рейсовые и другие корабли, приписанные к Эльдorado и обслуживающиеся их экипажами, полчаса назад ушли эскадрой, запросив старт вне расписания. И так — по всей Ойкумене.

«Ответный ход, — подумал Снерг. — Ребята, — вспомнил он. — Алена. Но как же это?»

— Заседание начнется раньше, если уже не началось, — чеканил Кадомцев. — Представитель Эльдorado не явился. Вместо него прибыл кибер и доставил адресованное Совету послание. Быстрее! Мы с вами не члены Совета, нас с вами ожидать не будут...

Они все-таки опоздали на несколько минут. Влетели в вестибюль, где уже горела надпись «Заседание началось», оскальзываясь на мраморном полу, кинулись к лестнице — на второй этаж, на опоясывавшую зал галерею для репортеров и тех, кому захотелось бы присутствовать на заседании — правда, таких практически не было, каждый мог при желании наблюдать за ходом заседания по видеофону. На галерее и сейчас не было никого, кроме них двоих. Снерг глянул вправо-влево — глазки камер Глобовидения были тусклыми и слепыми. Снерг не помнил такого. «Закрытое заседание, — подумал он, — впервые за... кто скажет, за сколько лет?» И понял, что попал сюда только благодаря Кадомцеву — во-первых, и своей причастности к тайнам — во-вторых. Автоматически, повинаясь репортерскому инстинкту,

он сорвал с плеча футляр, выдвинул фиолетовый шарик «пчелиного глаза» и поставил камеру на широкий барьер. Кадомцев покосился, но ничего не сказал.

Несколько сот человек сидели в напряженном молчании, человек на кафедре внятно читал:

— ...к Мировому Совету. Руководствуясь итогами референдума, в котором приняло участие все достигшее возраста гражданской зрелости население планеты, Совет Эльдорадо сообщает следующее:

Первое. Планета Эльдорадо объявляет экстерриториальной свою Звездную систему. Границей решено считать орбиту самой удаленной от звезды планеты. Экстерриториальность будет поддерживаться всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, исключаящими угрозу для жизни и здоровья человека, но тем не менее являющимися надежным гарантом неприкосновенности заявленной территории.

Второе. Планета Эльдорадо заверяет, что ее население никоим образом не намерено допустить отхода от каких бы то ни было положений и принципов морально-этического кодекса, определяющего жизнь человечества.

Третье. Планета Эльдорадо на срок, который будет уточнен позднее, прерывает общение любого характера с Ойкуменой и настоятельно просит не стремиться к их одностороннему возобновлению, которое будет пресекаться предусмотренными в первом пункте методами.

Четвертое. Планета Эльдорадо заверяет, что жизни и здоровью уроженцев других планет, оказавшихся на Эльдорадо в момент объявления экстерриториальности, не угрожает какая-либо опасность.

Пятое. Планета Эльдорадо убедительно просит не рассматривать ее действия как содержащие что-либо враждебное. Они не направлены против интересов Ойкумены и являются вынужденной мерой, продиктованной обстоятельствами.

Шестое. Планета Эльдорадо надеется, что положения и принципы морально-этического кодекса, определяющего жизнь человечества, заставляет Солнеч-

ную систему воздержаться от каких-либо необдуманных действий, способных причинить лишь вред дальнейшему развитию человечества.

Человек на кафедре отложил бумагу и взял вторую:

— К меморандуму приложены надлежащим образом оформленные протоколы референдума.

Он замолчал и молчал секунд десять, словно хотел сказать что-то важное, разом прояснившее бы все загадки и исправившего все несуразности. Потом тихо сошел с кафедры. Словно тугая струя воздуха от вертолетного винта колыхнула густыми волнами траву — по залу метнулся невнятный многоголосый гомон, тревожный шум, — из конца в конец. Он никак не мог перейти во что-то осмысленное. «Триста человек из всех сил пытаются проснуться, — подумал Снерг, — и не хотят поверить, что не спят...» В следующий миг он понял, почему председателем Совета на второй срок был избран Данилин. Данилин встал и четко сказал:

— Объявляется перерыв на два часа.

Это был наилучший выход. Никаких решений сейчас принять невозможно, обсуждение, начнись оно через минуту, лишь выявит общую растерянность изумленных людей, превратится в sacramentalный «шум на сцене» — неразборчивое бормотание толпы статистов. Просто необходим был перерыв — для того, чтобы узнать что-то (если удастся). И для того, чтобы люди могли выплеснуть свою растерянность, излить ее в сумбурных разговорах, а затем спокойно и обстоятельно обдумать, что говорить и что делать. Вот так. Все правильно, и никак иначе.

Снерг посмотрел на пустую кафедру, и у него мелькнула мысль, заманчивая и яркая, и тут же пришлось ее прогнать — такие мысли хороши в двадцать, но в тридцать начинаешь уже проводить черту между мушкетерами и мушкетерством... Он поднялся и взял камеру — он был журналистом и все собственные эмоции предстояло зашвырнуть в долгий ящик: перед ним была информация, помеченная там

тремя — тридцатью тремя звездочками, — мгновение (правда, отнюдь не прекрасное) остановилось, предстояло схватить его и превратить в то, что вскоре увидят миллионы людей. Вторая древнейшая профессия. Ведь и кроманьонцы, уходившие на поиски новых охотничьих угодий, были журналистами в какой-то мере — они наверняка рассказывали не только о количестве зверей, но и реках, долинах, горах...

Мгновение остановилось.

Алена, мой милый Мефистофель, — подумал он с тревожной тоской. — Ребята. Но ведь дядя Мозес просил не беспокоиться, дядя Мозес, который в свой последний вечер вопреки всем прежним ошибкам (а были ли ошибки?) словно обрел дар прорицания...»

Работа предстояла не такая уж обширная — серьезное пока не началось. Снерг снял крупным планом нескольких беседующих, их лица, рассыпанные на кресле и на полу листы бумаги — забытый доклад, который, не замечая, топтал докладчик, — записал обрывки разговоров. Взгляд зацепил лицо, выражавшее, помимо удивления, и начавшуюся уже работу мысли, — и Снерг кошкой метнулся к Шагарину, социологу, специализирующемуся на внезапных поселениях, улучил момент, когда тот отошел от рассыпавшейся кучки людей и не успел пристать к другой, вежливо-непреклонно оттер социолога в сектор пустующих кресел и молча приблизил к его лицу микрофон. Отказа он не боялся — все здесь сейчас в таком состоянии, что готовы говорить с кем угодно, лишь бы не молчать...

— Это абсолютнейший нонсенс, — и впрямь без малейшего противодействия заговорил Шагарин. — В нынешнем обществе невозможно возникновение альтернативных существующей общественно-политической либо экономической систем, морально-этического комплекса, которые побудили бы одну из колоний отделиться от Ойкумены. Они и не отделялись, строго говоря. В меморандуме нет и тени намека на создание отдельного государства, на провозглашение независимости. Это и понятно — зачем, к чему? Просто потому, что захотелось иметь собствен-

ное государство? Чересчур уж по-детски... Любая населенная планета и так, если ей заблагорассудится, может обзавестись всеми атрибутами — флаг, герб, — только к чему? Мальчишки в летнем лагере на каком-нибудь островке еще могли бы провозгласить свое «государство», но и им это надоело бы еще до окончания каникул. Нет, ни о какой вспышке «космического сепаратизма» говорить нельзя. Сводя все к одной фразе, они почему-то решили на неизвестный срок запереться у себя в доме. Вот и все.

— Однако информация, собранная Сергачевым? — спросил Снерг.

— Это странно. И только. И заниматься этим должны не социологи и не общественные деятели. Кто-то другой. Может быть, как раз вы. Лично я отметил в происшедшем один любопытный и не поддающийся объяснению нюанс. Результаты голосования — единогласно. Понимаете, ни одного голоса против провозглашения экстерриториальности. Никогда еще не бывало в истории человечества, да и нашего общества, чтобы среди нескольких сот тысяч человек, пользующихся абсолютной свободой волеизъявления — а я не верю, что хоть в ничтожной мере был допущен отход от наших этических норм, — не нашлось хотя бы одного человека, имеющего особое мнение...

— Подождите, — сказал Снерг. — Пример: к Земле движется огромный астероид, способный затопить, как в свое время Атлантиду, целый континент. Кто же проголосует против уничтожения астероида?

— В первую очередь планетолог, который предложит не уничтожать астероид, а изменить его орбиту на безопасную с целью последующего изучения «гостя». Вы неудачно выбрали пример. Можно, конечно, хорошенько поломав голову, изобрести какой-нибудь казус, но речь-то идет о совершенно конкретном случае. Это единодушное голосование — самое темное место во всей истории, но оно как раз и убеждает, что рассуждать об атавистической вспышке сепаратизма глупо — уж в этом случае могли бы найтись оппоненты. А если, следуя традициям стереобоевиков, пред-

положить, что кто-то фальсифицировал результаты голосования, то для вящей убедительности он поставил бы процентов пять-шесть — «против».

— Однако они задержали наших людей.

Шагарин взглянул внимательно:

— У вас там... застрял кто-нибудь?

— Любимая женщина, — сказал Снерг. — И друзья. Там ведь сейчас не одна сотня туристов.

— Но отчего вы решили, что их там задерживают силой? Молчите? Со всей уверенностью можно сказать только одно: что-то там произошло. Что-то очень серьезное, если все население единодушно проголосовало за временную изоляцию. С точки зрения социологии они — не социум. Всего-навсего еще один космический форпост, внеземная станция, какая разница, триста человек там или триста тысяч...

— Мне это уже говорили.

— Кто? — Шагарин машинально перевел взгляд на окружающих.

— Мозес Сайприст за несколько часов до смерти.

— Он занимался еще и Эльдorado?

— Он многим занимался, — сказал Снерг. — И я тоже.

— И что же?

— У меня есть гипотеза, — сказал Снерг. — Я знаю, что вы, как и многие, относились к Сайпристу... ну, не как к пустоцвету, но как к насморку — он существует, хотя особо не вредит. Я никого не упрекаю, что ж... Алхимики, да. В какой-то мере. Только мы почему-то забываем, что алхимики, пусть и не найдя философского камня, тем не менее что-то да сделали для человечества. Бетгер, например, так и не добыл золототворящую тинктуру, но дал Европе фарфор. И это не единственный пример. Может быть, и в наш век впереди химии должна идти своя алхимия, впереди астрономии — астрология, впереди гиперфизики — флогистон...

— Что вы хотите всем этим сказать?

— У меня есть гипотеза, — сказал Снерг. — Грандиозная, не боюсь этого слова...

— Она как-нибудь объясняет сегодняшний сюрприз?

— Боюсь, что нет.

— Тогда вам придется подождать, как бы грандиозна ваша гипотеза ни была. Сейчас нам нужно только одно...

Он был прав, и сердиться на него не следовало. Снерг откланялся и пошел к выходу.

— Стах! — остановил его Кадомцев. — Вы в Глобовидение? Лучше подождать несколько часов, иначе мы просто прибавим к двумстам ошеломленным людям еще несколько миллиардов...

— Я понимаю, — сказал Снерг. — Можно бежать и вопить: «Пожар!», а можно отвести в сторону первого встречного пожарного и тихо прошептать ему все на ухо. Второе, конечно же, гораздо благоразумнее. Я не на Глобовидение, я на космодром. И вы должны мне помочь, я вас прошу... Ближайший лайнер на Эвридику — через пять часов, а мне нужно торопиться. У вас есть дежурные звездолеты, которые все равно стоят без дела...

— Зачем вам на Эвридику? Замок?

— Гораздо серьезнее, — сказал Снерг. — Какие там замки в такую минуту... Вы только отнеситесь серьезно к моим словам. Если я не ошибаюсь, вы скоро получите работу, о которой могли только мечтать. Вы, как астроархеологи недавно, стряхните с себя все насмешки и обвинения в безделье. Дайте мне звездолет, и, не исключено, в обмен вы скоро получите Вселенную... Если только я прав.

Кадомцев долго смотрел на него. Потом молча потянул из кармана браслет.

* * *

Снерг замолчал и жадно глотнул сока из запотевшей бутылочки. Он говорил почти час. Муромцев сидел с абсолютно безучастным видом — что всегда сопутствовало у него напряженной работе мысли, — Панарин ждал продолжения, Марина щурила глаза в

непонятном раздумье. Снерг едва не поставил бутылочку мимо стола — так он волновался.

— Вот так, — сказал он. — Такие были у меня встречи, такие были события. Я не допускаю мысли, что попы правы, что мы имеем дело с какой-нибудь моделью бога, патриархальной или модернизированной. Я считаю, что они, опередив нас, всего-навсего собрали некоторые данные. Я не отрицаю работы Латышева, но убежден: нам следует внести единственное изменение — подставить на место бога некую сверхцивилизацию. И все встанет на свои места, освободившись от налета мистики.

Он сделал короткую паузу, давая им время осознать.

— Как ревизор? — воскликнула Марина тоном приятелей городничего.

— Так, ревизор... — сказал Снерг. — Главным камнем преткновения, из-за которого мы и не заговорили о пришельцах — хотя я уверен, что кому-то да приходила в голову такая мысль, — было бы: почему же они закрывают нам дорогу к звездам? Закрывают, все правильно. Но почему? Не потому ли, что мы наделали глупостей, считая венцом творения наши достижения? А если нет? Если ДП-корабли — не высшее достижение технической мысли, а паровые дилижансы, которые время от времени вваливаются на улицы современных городов, ежеминутно создавая аварийные ситуации? Представим сверхцивилизацию, научившуюся преодолевать трансзвездные, а то и трансгалактические расстояния каким-то иным способом. Представим, что ДП-корабли, начини мы на них носиться вдоль и поперек Вселенной, создадут массу помех, неудобств и прямой опасности для коммуникаций, функционирующих, быть может, тысячи лет? Технологям и процессам, о которых мы и понятия не имеем? Что все эти годы мы, как тот чеховский герой, отвинчивали гайки с рельсов, а наши любительские радиостанции забивали рабочие частоты аэродромов. Суперцивилизация — это непременно и высокая этика, и высокая мораль, по которой,

возможно, и недопустимо притягивать нас к суду за порчу путей и, явившись такими светоносными пророками, растолковать нам нашу отсталость, ввергнув, может быть, в психологический шок ни много ни мало — целое человечество. Что же они делают? Разработана программа, имеющая целью поэтапно подвести нас к истине. Установлена Сфера Доступности. Убраны одни планеты и подставлены другие. Помеха Проекту «Икар», эти пресловутые «отражения», устроены так, чтобы мы наконец поняли: природа не может быть столь калейдоскопно-хаотичной, мы имеем дело с разумом. Но мы не понимали — для того, чтобы понять, нужно было слезть с пьедестала, который мы сами для себя воздвигли, а до чего же нам этого не хотелось! Вот и получилось, что первыми до многого докопались чернорясые — не от хорошей жизни, хватаясь за любую соломинку. И затруднили нам, надо признать, работу — из-за того, что к загадке причастны «святые отцы», многие будут скептически хмуриться...

— Так... — тихо сказал Панарин. — А те наши ребята, что погибли? Что же, нас останавливают, убивая?

— Подожди! — Муромцев оторвался от карманного компьютера. Он был бледнее, чем обычно. — Погибли? А видел ли кто-нибудь хоть один труп, хоть один обломок тех кораблей, что не вернулись? Проще говоря — исчезло некоторое количество человек и некоторое количество кораблей. Никто не доказал, что они живы, но никто и не доказал, что они погибли...

— Вы верите, получается? — повернулась к нему Марина.

— Вера — категория хлипкая, — сказал Муромцев. — Мы просто получили во многом логичную и безупречную гипотезу, содержащую гораздо меньше «против», чем «за». Я попробовал подсчитать энергию, которую пришлось бы затратить на «передвижку» планет, поддержания барьера Сферы Доступности, «отражения» — разумеется, исходя из уровня

наших сегодняшних знаний и возможностей. Цифры фантастические, но если Стах прав, это — та самая пресловутая астроинженерия, работа цивилизации, овладевшей, быть может, энергией своей Галактики. И никакой мистики. Астроинженерия, о которой мы пока можем лишь мечтать, но давным-давно предсказали ее теоретически...

— Вот именно, — сказал Снерг. — Я не знаю, зачем они «убирали» планеты — то ли какая-нибудь из них была форпостом чужих, то ли они хотели избавиться от контакта с нами какую-нибудь незрелую цивилизацию — чтобы мы, часом, открыв ее, не утвердились во мнении, что являемся венцом творения. И зачем они подсовывали нам планеты, я решительно не понимаю. Но работа только началась...

— А замок? — резко вздернул голову Панарин. Снергу показалось, что с радостью он это сказал, довольный, что может хоть что-то опровергнуть.

— Замок? — сказал Снерг. — А не вы ли мне рассказывали, ребята, как ломают головы ученые, изобретая местные Атлантиды? А астрономы и ребята Крылова ломают голову над другим: как случилось, что ни один локатор не засек приближения к планете болида? Кто его видел, этот ваш болид? Рассмотрим, что произошло. Ты, Тим, и Марина наблюдали загадочное атмосферное явление, а через час на том месте, где должен был отыскаться болид, отыскался замок.

— Ты что же, полагаешь, что замок упал с неба?

— Не знаю, — сказал Снерг. — И замок, и «болид» — пока самое темное место во всей этой истории: В формулу Латышева они категорически не вписываются. Может быть, нас решили еще раз ткнуть носом. Может быть... Да не знаю я! Мы ведь только начали...

— Может быть, стоило все же выйти на кафедру? — спросила Марина.

— Нет, — сказал Снерг. — Конечно, выглядело заманчиво — Мировой Совет в растерянности, кафедра пуста, и тут на нее взлетаю я и начинаю пророчествовать. Восемнадцатое брюмера Станислава

Снерга, только без штыков и крови. Не получилось бы у меня ни брюмера, ни разных прочих вандемьеров. Взвалить на Совет еще одну загадку в такое время...

— Интересно, как вписывается в твою гипотезу Эльдорадо?

— Как возможный результат нашей затянувшейся глухоты и слепоты.

— Так спокойно?

— Да! — Снерг изо всех сил старался не показывать, что заметил неприязнь, сквозившую в панаринских репликах. — Да! Там триста пятьдесят тысяч человек. И мои друзья. И моя любимая женщина. А я спокоен, я верю, что я прав, что дядя Мозес был прав. И я прилетел к человеку, которого знаю больше двадцати лет, чтобы ему первому все рассказать, чтобы он стал моим единомышленником. Мы же всегда были вместе, Тим.

— Двадцать лет спустя, как ты помнишь, мушкетеры разделились на два лагеря... — сказал Панарин.

— Простите, мне пора. Главное, думаю, прозвучало, — поднялся все понимающий человек Муромцев. — Я думаю, вы до отлета ко мне заглянете, Стах.

Марина вышла следом без всяких объяснений.

— Что с тобой, Тимка? — спросил Снерг.

— А ты не понял?

— Н-ну..

— Понял, — сказал Панарин. — Тебе да не понять... Если все это правда — мне зачеркивают последние пятнадцать лет жизни. Если звездолеты не нужны — куда же мне теперь прикажешь, Стах? Я ничего больше не умею и ничего больше не люблю. Даже если нам дадут Вселенную, она уже будет не моя. И ты уверен, что у них — ладно, считаем, что ОНИ существуют, — не найдется чего-нибудь, упраздняющего твое Глобовидение? Может, и оно чему-то там мешает?

— Возможно.

— Вот, — сказал Панарин. — Для тебя это лишь «возможно». А я уже списан. Самое страшное — что

я все понимаю. Объективные законы, высшие галактические критерии... Против законов природы не попрешь. Но динозавр, который сознает, что должен вымереть согласно объективным законам, мучается неизмеримо сильнее динозавра, не понимающего, откуда свалилась напасть... Скажешь, нет?

— Я с тобой согласен, — сказал Снерг. — И это еще одно «самое страшное»...

— Господи, ты же даешь Каратыгину такой козырь... Он же не преминет облобызать тебя с головы до пят. И у тебя появится влиятельный союзник. Примешь его в союзники?

— Да, — дернул губами, не разжимая зубов, Снерг.

— Платон мне друг. Но истина дороже?

— Да, — сказал Снерг. — Значит, ты против меня?

— Я — за звездолеты.

— А если... Помнишь — «ты убит!»?

Это было в детстве — старинные дворы, овраги, тополевая роща. Ватаги пацанов со шпагами, мушкетеры короля и гвардейцы кардинала, и если тебе задевали правую руку, изволь переложить шпагу в левую, а уж коли острие вражеской шпаги коснулось груди — ты убит, и точка, и изволь оставаться убитым до конца баталии, и не поможет наливший лицо жаром бойцовский азарт. Ты убит. И не сослаться на то, что д'Артаньяна убить нельзя — во-первых, что за д'Артаньян, коли позволил шпаге коснуться своей груди, а во-вторых, тебе резонно возразят, что и храбрый гасконец смертен...

— Да нет, — сказал Снерг. — Тимка, ты успокойся, все обдумаешь и все поймешь. Черт, что тебе в конце концов важнее — Вселенная или звездолеты?

— Я не знаю, — глухо сказал Панарин. — Кажется, ты прав — «я убит»...

Он вышел. Снерг смотрел ему вслед. Что же, получается, так и выглядит пресловутый психологический шок? Может быть, Тимка все поймет. Может быть, нет.

Ты делаешь открытие, которым вправе гордиться, но оно ударяет по твоему другу, по его мечте и

его жизни, по тысячам таких, как он, — им предстоит расстаться с делом своей жизни, но удастся ли им найти себя в другом деле, смогут ли они преодолеть шок? Новые свершения — грандиозны, но вы не к ним стремились, не их ждали. Колумб в рубке трансокеанского лайнера, Фархад, вдруг получивший шахский дворец и благословение на брак — желания вроде бы исполнены так, что и не снилось, но что-то покалывает занозой... А кто следующий, кто на очереди? Что принесет оборотная сторона медали?

Но об одном не имеешь права забыть — те, кто будут жить сто лет спустя, будут в непредставимом тебе мире как нельзя более счастливы — это будет их мир, их свершения, о которых ты понятия не имеешь. Большое ли имеют значение в этих условиях горькие мысли людей переходного периода?

Снерг представил звезду на своей ладони, невесомый апельсин, бархатистый и зыбкий, отчего-то ничуть не обжигающий. Теплой была звезда.

* * *

Панарин шел по улице, пока она не кончилась, и дальше было бескрайнее дикое поле, кончавшееся вдали синими зубцами гор. Здесь начиналось небо — не то, обкромсанное до жалости высотными домами, а настоящее, бескрайнее, где только и оцениваешь громаду облаков. Горы подавляют порой. Но небо за городом — никогда. Может быть, потому, что человек стремился к небу всегда, а горы ему порой лишь мешали.

Над травой бугрился валун, забытый проползшим и сгнувшимся в незапамятное время ледником. Какой-то астроархеолог трудолюбиво выжег на нем лучевым резаком Великого Бога Марсиан. Марина сидела рядом с валуном, подтянув колени к подбородку, смотрела в сторону гор. Панарин опустил рядом. Ее взгляд колыхнулся, как цветок на волне, вновь отчужденно ушел в сторону. На щеке не успела просохнуть влажная полоска.

— Вот и все, — в ее голосе не осталось ничего прежнего, дерзко-иронического, но и нового не прибавилось. — И я — запоздавший капитан. Как хотелось опередить, но как теперь выглядят мои кадры о замке и «Кентавре» по сравнению с тем, что открыл Снерг?

— Ты ему веришь?

— А иначе нельзя, — сказала Марина. — Это слишком неправдоподобно. Чтобы быть вымыслом, и слишком похоже на сказку, чтобы быть фантастикой... Он прав, я уверена. Что ж, он жил в царстве прозы по законам поэзии и добился, чего хотел. Вернее, того, что хотели... они. — Она показала куда-то в небо. — Но это одно и то же. А я... Я ударилась в стену. (Панарин вздрогнул.) И сама эту стену построила, вот что обидно.

Панарин молчал — можно ли защитить человека от него самого?

Марина тускло улыбнулась:

— Вот, можешь позлорадствовать, если хочется. Хочется? Идеальный способ отплатить мне за все настоящие и придуманные обиды. Защищаться у меня сейчас не хватит сил.

— От чего защищаться? — спросил Панарин. — Великий Космос, от чего? И что я, по-твоему, должен делать — отодрать тебя за уши? Словесно позлорадствовать, хохотать сатанински? Не стоит того твоя дурь, что сейчас рассыпается...

— Продолжай, — вяло отозвалась Марина. — Начало интересное.

Панарин обнял ее так, словно их через несколько секунд должны были разлучить навсегда. В это было вложено все — и горечь неудач Проекта последних лет, опалившая судьбы многих людей, и безжалостная логика открытий Снерга, собственные нелады, жалость к человеку, которому сейчас так же трудно, как и ему.

— Я никогда бы не показал слабости перед женщиной, — сказал Панарин. — Но мы до того друг на друга похожи, что страшно порой становится. Ведь это меня нужно жалеть. У тебя всего лишь разбилось

вдребезги что-то наносное в характере. А я оказался ненужным. Конечно, не все так черно, не все так однозначно, но если все подтвердится, может оказаться и так, что звездолеты станут никому не нужны. Цель человечества остается прежней, а средства, то есть мы, оказались неудачными. И то ли нам, капитанам парусников, придется переучиваться на судовых кочегаров, то ли вообще оставить корабли.

— Можно нескромный вопрос? Может быть, тебе в какой-то мере жаль славы первопроходца?

— Нет, не все ты поняла, — сказал Панарин. — Знаю я цену славе — была, не всегда над нами иронизировали... Ты ведь тоже не ради славы работаешь. Видимо, вся сложность в том, что до сих пор при всех наших свершениях у нас не было открытия, которое в таком масштабе взвихрили бы жизнь человечества и собираются проникнуть во все уголки нашего дома. И нам еще долго мучиться шоком, стрессом, пока не найдем свое место в новой жизни...

Марина приподнялась на локте и слушала внимательно, а он говорил и говорил, растворяя в серьезных раздумьях о будущем тяжелую тоску — потому что не должно было быть тоски, изменившуюся жизнь следовало понять и отыскать в ней свое место...

— Великолечно, — сказала Марина. — А я-то, глядя на тебя во время разговора со Снергом, решила, что ты совсем пал духом.

— Может быть, я и о тебе то же думаю?

Она опустила ресницы, и Панарин понял, что все тревожащее и болезненное лишь загнано вглубь, что не исчезла еще прозрачная стена...

Ничего еще не было ясно, они стояли на пороге, волшебный занавес, скрывающий будущее, был задержан, но протянуть руку необходимо...

Панарин протянул руку и коснулся плеча женщины, которую любил.

ПОВЕСТИ

МЫ НИКОГДА НЕ ЗВАЛИ ЕГО ДЖО

Блокнот первый

Тот не мужчина, кто ни разу не ссорился со своей возлюбленной.

Я придумал этот сомнительных достоинств афоризм только что, и поначалу он мне понравился. Было в нем что-то мужественно-старинное — латы, шпаги, котильон, или, если обратиться к более близким временам — решительный подбородок и стальной взгляд какого-нибудь короля салунов территории Невада. И стук копыт — полуобъезженного мустанга, и заросли чапарраля...

— Готова спорить, он даже не слушает! — Вернул меня в двадцатый век раздраженный голосок Алисы. — Ну, о чем я сейчас говорила?

— Тот не мужчина, кто... — машинально пробормотал я, как ни странно, угодил в яблочко.

— Вот именно! — энергично сказала моя невеста. — Тот не мужчина, кто в тридцать лет хоронит себя в этом дурацком обезьяннике!

— Все-таки родственники, хотя и чрезвычайно дальние... — пробормотал я.

— Он еще острит!

Когда размолвка с невестой происходит в машине, на пляже, в собственной квартире — в этом есть все же устоявшаяся обыденность, скучная банальность. За тысячи лет это происходило с тысячами людей. Однако, когда такая ссора разыгрывается в зоопарке, у клетки с обезьянами, — в этом нет никакой серьезности. Еще и потому, что обезьян это ужасно забавляет, и они прилежно стараются скопировать увиденное.

— Милая, какая ты красивая, когда злишься... — мечтательно проворковал я голосом фатального пер-

вого любовничка из дешевой мелодрамы. Этот затасканный прием, как и следовало ожидать, не возымел никакого эффекта.

Я заранее знал, что она скажет, не впервые эти разговоры звучали и не впервые приводились эти примеры. Я и сам знал, что Барри Даммер разъезжает уже на «континентале», что Сони Меруотер давно получил лабораторию, признание и неограниченные кредиты, что Элая Кристмен стал лауреатом премии Планкенхорста, а там, чем черт не шутит, и замахнется на награду имени почившего фабриканта динамита... Что все они — мои бывшие однокашники по колледжу. Что они добились успеха, а я прирос к этому несчастному зверинцу.

Она выложила все это; а потом принялась перечислять моих изрядно наследивших в мировой истории сверстников — тех, кто в тридцатилетнем возрасте создавал империи и разрушал империи, топил пиратские флотилии и командовал пиратскими флотилиями, строил соборы и открывал математические законы, ныне немыслимые без их имен, выбивался в генералы и премьер-министры, летал в космос и на международные симпозиумы, короновался и свергал королей. Все-таки образование вредит женщинам — очень уж странные выводы склонны они порой делать из познанного...

Итак, все катилось по привычному сценарию — Алиса пыталась пробудить во мне дремавшее под спудом благодушной лени честолюбие, а я сопротивлялся этим спасательным операциям, что давалось мне нелегко — я люблю Алису, но люблю и свою работу, своих обезьян...

— Дорогая, ну что я могу поделать? — спросил я. — Александру Македонскому было не в пример легче — попробуй-ка в наше время завоевать Персию... И что скажут наши союзники, если я отправлюсь брать штурмом Рим, — ты что, хочешь, чтобы меня посчитали коммунистом?

— А то, что тебя считают безнадежным неудачником тебя не волнует?

— Откровенно говоря, не особенно, — сказал я.

— Ну вот что, Рой. Мне самой надоели эти душеспасительные беседы. Либо ты перейдешь в институт Коулмена, пока он не забыл о своем предложении, либо... Продолжать?

— Я догадываюсь.

— Вот и прекрасно. Через десять минут жду тебя у той скамейки.

Она обожала четкие формулировки и круглые числа.

Я отошел к вольеру. Шимпанзе, все пятеро, сгруппировались у решетки, словно родственники, пришедшие в тюрьму на свидание к беспутному братцу. Они сочувственно трясли головами, уныло скалились и вздыхали. Дик, подкаблучник с многолетним стажем, печально косился на свою Лолу, и на его морде читалось, что кто-кто, а уж он меня прекрасно понимает и сочувствует. Лола, наоборот, взирала на меня весьма неодобрительно — женщины всегда солидарны, когда речь идет о том, чтобы держать мужчин в ежовых рукавицах, так что она безоговорочно была на стороне Алисы. Джозеф, мой любимец, вдовец и философ, протянул мне спелый желтый банан.

— Спасибо... — грустно сказал я, очистил банан и съел. — Что же делать, Джо?

— Дя... — вздохнул он, что на его языке означало «дрянь», а применительно к данному случаю звучало примерно так: «Дрянь твоё дело, Рой, как мужчина мужчине...»

— А ведь она меня бросит, старик, — сказал я. — Она такая. У нее слово с делом не расходится, а твердости на троих хватит... Что же, действительно идти в лабораторию мучить белых мышей и макак?

— Дя! — убежденно сказал Джо.

С лабораториями у него связаны стойкие неприятные воспоминания. В молодости он работал подопытным в каком-то институте, где на нем проверяли спорные положения какой-то теории из области высшей нервной деятельности, и все эти эксперименты едва не сделали его мизантропом.

— Сэр! — прохрипели у меня за спиной.

Я обернулся. Передо мной стоял, пошатываясь, сторож и уборщик Баттен. Несмотря на ранний час, аромат доброго самодельного кукурузного виски витал в воздухе, и заглушить его не могли даже стойкие специфические запахи обезьянника.

— Дя! — сказал Джо, не терпевший алкоголя.

— А поди ты, прадедушка! — цыкнул на него Баттен. — Сэр, там понаехала уйма важных шишек, все на «кадиллаках» и «линкольнах». И еще репортеры. Всякие. Телевидение тоже.

— Для посетителей еще рано, и ты это прекрасно знаешь, какого же тогда черта...

— Не черта, а президента, — уточнил Баттен. — Они говорят, что за президентом приехали.

— За каким еще президентом?

— Это вы должны знать, сэр. Они говорят, что вы должны знать, потому что вы — советник президента по каким-то там особым вопросам...

— Баттен, скотина ты такая! — сказал я. — Я терпел твои штучки, молчал даже, когда ты спаивал медведей...

— Что я им, в глотку лил? Сами пили.

— Дело не в медведях. Ну сколько можно? Допился до белой горячки, несешь жуткий бред — президент, советник... У меня столько же шансов стать советником президента, сколько у тебя — председателем общества трезвости...

— Вовсе я не пьян, — упрямо сказал Баттен. — Была у меня бутылочка, глотнул сам, дал глотнуть медведям, и все. Они, эта компания на «лимузинах», сами сказали, что приехали за президентом. Сейчас придут, и сами услышите.

— Хочешь сказать, что сторож их пустил?

— Ха! — сказал Баттен. — Как он мог их не пускать, когда с ними полиция? А один и вовсе сенатор, хотя на вид человек приличный... Сэр, а в каком вольтере у нас президент? Что-то не припоминаю, какого только зверья нет, а вот президента не помню...

— Пошел прочь, пьяная рожа! — взревел я.

И разинул рот. На дорожках замелькали полицейские в форме и какие-то широкоплечие типы в темных

очках, с явственно выделявшимися под пиджаками кобурами пистолетов. Их было много, они мгновенно заполнили весь обезьянник, кто-то наблюдал за мной в перископ из мусорного ящика, кто-то пригоршней разбрасывал микрофоны, кто-то залез на дерево и зорко озирался, держа наготове винтовку с оптическим прицелом. Трещали рации, звучали резкие команды, над зоопарком повисли зеленые военные вертолеты. Я поймал себя на том, что мысленно вытянул руки, ожидая щелчка наручников, и стал лихорадочно припоминать, кто может подтвердить мое алиби.

— Мистер Джордан, — щелкнул каблуками высокий мужчина с непроницаемым решительным лицом, не требующим визитных карточек.

— Да, — сказал я. — Требую адвоката... А в чем, собственно, дело?

— Ричард Стэндиш, начальник секретной службы. Я обязан немедленно обеспечить охрану президента. С вашей стороны инструкции будут?

— Как-кого президента? — тупо спросил я.

— Вот, а ты не верил! — гордо сказал Баттен.

Стэндиш цепко взглянул на него, щелкнул пальцами, и из-за его плеча прямо-таки из воздуха возник долговязый тип в дымчатых очках, с огромной папкой под мышкой.

— Бак?

Бак раскрыл свою папку, оказавшуюся портативным компьютером, и его пальцы забегали по клавишам так вдохновенно, словно он участвовал в престижнейшем конкурсе пианистов.

— О кей, Дик. Хьюберт Баттен, пятьдесят два года, бывший боцман торгового флота, вдов, незаконные дети в Гонконге, Маниле, Сингапуре, Антверпене, Лиссабоне и Ливерпуле, штрафовался полицией за хулиганское поведение в Буэнос-Айресе, Танжере и Вальпараисе. Проверен. Благонадежен, хотя занимается самогонованием в служебное время и в служебном помещении.

Тем временем за нашими спинами послышалась возня, и двое верзил в штатском подвели к нам громко протестующую Алису.

— Ошивалась поблизости, Дик, — лаконично доложил один. — Оружия нет.

— Бак?

— О кей, Дик. Алиса Лоутон, двадцати четырех лет, художник-дизайнер фирмы «Мейринг», незамужняя, сведения о цвете обоев в спальне, марке любимых сигарет и шоколада прилагаются. Невеста мистера Джордана. Проверена. Благонадежна, хотя три года назад назвала болваном остановившего ее машину патрульного дорожной полиции.

— Приношу извинения, мисс, — шелкнул каблуками Стэндиш. — Мистер Джордан, приношу извинения. Мои люди не знали в лицо вашу невесту.

— Рой, что эти типы здесь делают?

— Обеспечивают безопасность президента, — тупо сказал я.

— При чем здесь ты?

— Прошу прощения, мисс Лоутон, — сказал невозмутимый Стэндиш. — Вероятно, вы еще не видели утренних газет? Мистер Джордан — вот уже четыре часа специальный помощник президента по связям с общественностью. Четыре часа назад стали известны результаты президентских выборов. Волеизъявлением народа очередным, сорок вторым по счету президентом страны стал Джозеф Смит, с которым вы все знакомы...

Он протянул руку и элегантно жестом указал на Джо, моего любимца, шимпанзе шести лет от роду.

Массовый побег из госпиталя, завертелось у меня в голове. Нашествие вырвавшихся на свободу обитателей укромного приюта для переутомившихся агентов секретных служб. Интересно, где у нас такой? Многовато сумасшедших, однако даже если принять версию организованного побега...

— Хотите взглянуть? — Стэндиш протягивал мне пачку газет.

На первых страницах красовался портрет моего Джо над огромными заголовками: «Рой Джордан — новая звезда на политическом небосклоне!», «Независимые дают пинка Мамонтам и Мулам!». «Феерический взлет доселе неизвестных фигур!». «Смит —

хозяин Уайтхауза!». Джозеф Смит — сорок второй президент, Рой Джордан, никому до сих пор неизвестный политик, не принадлежащий ни к Мамонтам, ни к Мулам, сумел добиться избрания на высший пост другого не менее неизвестного политика, виднейшие обозреватели недоумевают, биржа выжидательно помалкивает, деловой мир анализирует...

Баттен, отодвинув локтем начальника секретной службы, сунул мне в руку бутылку из-под кока-колы, наполненную неочищенным кукурузным.

— Выпей-ка, сынок, — сказал он. — Я всегда говорил — наш Рой себя покажет, дайте ему только случай. Ловко ты все это провернул.

Итак, вариант с массовым побегом из спецлечебницы отпадал. Я все вспомнил. Теперь я знал совершенно точно — Джо действительно стал сорок вторым по счету президентом страны, хотя моих заслуг в том не было. Заслуги следовало отнести на счет Кэлтона Холла, модного писателя и моего старого приятеля. Я вспомнил тот разговор четыре года назад, тогда на вечеринке в доме нашего общего знакомого подвыпившая компания завела разговор о политике — приближались президентские выборы. Когда приелись сплетни и старые анекдоты, Кэл подбросил идею, которая показалась присутствующим чересчур уж фантастичной — выдвинуть кандидатом шимпанзе и провести его в Уайтхауз.

— В сущности, в этом нет ничего нового, — витийствовал Кэл. — В Канаде с шестьдесят четвертого года существует партия, регулярно выдвигающая кандидатом на пост премьера носорога. В Бразилии однажды выдвигали бегемота — на сей раз в мэры города. В Италии выдвигали мула, в Австралии осла. В качестве исторического президента я хотел бы напомнить присутствующим о получившем сенаторский титул коне Калигулы... Черт побери, чем мы хуже? Рой, как зовут твоего шимпанзе, того, что недавно овдовел?

— Джо, — сказал я под общий хохот.

— Только без излишней фамильярности, хватит с нас Джимми. Так вот, пусть будет Джозеф Смит, ра-

ботник зоопарка, человек из толпы. Некурящий и непьющий вдовец самых строгих правил, спокойный, уравновешенный, с безупречным прошлым, психически нормальный, не замешанный в грязных политических интригах, имеющий все гражданские права. Он ведь родился не в Африке, а у нас в стране, так что к нему полностью применим *Lex Locis*...*

— А образование? — захохотал кто-то.

— Вот это как раз и не важно, — отмахнулся Кэл. — В конце концов у нас был президент, прочитавший за всю жизнь пять ковбойских романов. Был президент, предпочитавший гривеннику пятак, потому что пятак больше по размеру. Был президент, устроивший из Уайтхауза распивочную пополам с игорным домом. Чем по сравнению с ними плох наш Смит? Важен не человек, а место. Пост — это пост, и тот, кто его занимает, автоматически считается обладающим букетом достоинств и добродетелей... Так что имею честь заявить почтенному собранию — я намерен начать кампанию за выдвижение в президенты Джозефа Смита и истратить на нее гонорар за последнюю книгу. Рой, ты ничего не имеешь против использования твоего подопечного?

— Нет, — сказал я. — Но как ты обработаешь избирателей?

— Половина, как обычно, вообще не станет голосовать. Кто-то будет голосовать за нашего Смита просто потому, что это забавно, и таких найдется много. Кто-то вообще не обратит внимания на личность Смита, намеренно отдаст предпочтение неизвестному, потому что широко известные кандидаты давно уже не вызывают доверия. Наконец, все Смиты страны будут голосовать за своего однофамильца, если их соответствующим образом обработать. Итак, я уверен в нашем кандидате!

Так это было тогда. Потом я слышал краем уха, что Кэл в самом деле начал с кучкой соратников

* *Lex Locis* — в американской юриспруденции «Закон о гражданстве», согласно которому каждый, родившийся на территории страны, автоматически получает гражданство США.

«предвыборную кампанию», но не придавал этому особого значения, а там и вовсе забыл. Выходит, они не остановились и пошли до конца. Кто мог подумать, что избирателям окажется настолько все равно?!

Я вернул Стэндишу газеты.

— Так, — сказал он. — Теперь эти четверо, находящихся в одном помещении с президентом... Вы их знаете, мистер Джордан?

— Конечно, — сказал я. — Дак, Лола, Флип и Хоб.

Стэндиш щелкнул пальцами, и Бак принялся с нечеловеческой быстротой барабанить по клавишам. Это длилось долго, лицо у него все больше вытягивалось, компьютер жалобно мяукнул, потянуло горелым, и Бак с ужасом воскликнул:

— Дик, у меня ничего на них нет! Абсолютно не проверенные!

— Мистер Джордан, немедленно попросите Президента покинуть помещение! — Быстро сказал Стэндиш. — Не стоит рисковать — четверо непроверенных... Энди, Мак, обыскать этих типов!

Я открыл сетчатую дверцу, и Президент тут же вылез — он любил знакомиться с новыми людьми. Охранники привычно сомкнулись вокруг него, косясь на окружающих. Энди и Мак, квадратные здоровяки в темных очках, нырнули в вольер, и там немедленно начался бедлам. Дак не выносит щеколки, Флип терпеть не может таких вот наглых визитеров, Лола, хотя и поколачивает супруга, считает своим долгом защищать его от посторонних, а Хоб обожает суматоху и возню. Суматохи хватало. Энди с Маком пришлось нелегко — по клетке летала банановая кожура, обрывки галстуков и обломки темных очков. Стэндишу пришлось бросить на помощь еще троих детективов и полдюжины полицейских, тогда только после недолгого и шумного сражения четверо непроверенных были загнаны в угол, скручены и обысканы. Ровным счетом ничего компрометирующего при них не нашли, но на всякий случай конфисковали бамбуковую палку. Как любезно объяснил мне Стэндиш, когда-то очень давно путе-

шествующего по Японии наследника русского престола огрели по голове именно бамбуковой палкой, а секретная служба, да будет мне известно, тщательно исследует и анализирует все имевшие место когда-либо покушения на высокопоставленных особ, начиная от Древнего Шумера и до наших дней.

— Послушайте, Стэндиш, — сказал я. — Вам это не кажется странным? Нисколечко?

— Что именно, мистер Джордан?

— То, что Президент, как бы это выразиться... не вполне соответствует нашему представлению о...

— Вы считаете, что я недобросовестно выполняю свои служебные обязанности?

— Упаси бог, вовсе нет. Просто... Вам не кажется странным, что это — Президент?

— Мне платят деньги не за рассуждения, мистер Джордан. На моем посту я не обязан думать, вернее, должен думать только о том, как охранять Президента. А в том, что это — Президент, нет никаких сомнений. Он избран волеизъявлением народа, в результате демократических выборов. Ни один закон не нарушен, и Джозеф Смит официально является Президентом страны.

А ведь он прав, подумал я, с точки зрения юриспруденции он абсолютно прав. У нас есть масса курьезных, но до сих пор так и не отмененных законов, запрещающих солить огурцы в деловой части города, продавать змей на улицах, стрелять зайцев из окон трамваев, купать двух младенцев в одной ванночке и колотить жену палкой толще установленного диаметра*. Всех этих законов не могут знать даже самые опытные юристы, однако я уверен, что даже при нашем сонме законов никому не пришло в голову издать закон, запрещающий избирать Президентом шимпанзе. Конечно, автоматически подразумевается, что президентом будет человек, но «автоматически подразумевается» — не аргумент для юристов, признающих лишь написанное на бумаге.

* Подобные запреты действительно существуют в местном законодательстве различных штатов Америки.

Так что закон не закрывает обезьянам дорогу к президентскому креслу. Джозеф Смит не менее законный президент, нежели сорок один его предшественник. Стэндиш абсолютно прав, и все наши возражения носят сугубо эмоциональный характер, а в судейском зале нет места эмоциям, там царит математическая строгость формулировок. Конечно, Калигула был самодуром и деспотом, но вряд ли в римском праве имелась статья, запрещающая возводить коней в звание сенатора...

К нам подошел Президент, уже одетый в лучший костюм от братьев Крукс, белоснежную сорочку с галстуком-бабочкой и лакированные штиблеты. Отбросив все сомнения, я взял его под руку, и мы осторожно двинулись навстречу ворвавшейся в ворота толпе репортеров...

От издателя

К сожалению, часть записок, рассказывающая об инаугурации, находилась в ужасном состоянии, и, несмотря на все усилия, восстановить ее не удалось. Поддалось расшифровке лишь упоминание о скоплении почетных гостей, артиллерийском салюте и прекрасной погоде. Инцидент с роскошной шляпкой жены гаитянского посла остается неразгаданным — кто именно содрал с супруги дипломата шляпку и взобрался с ней на вершину флагштока, где просидел полчаса, так и осталось неизвестным. Это мог быть и Президент, но ничего определенного сказать нельзя...

Веленевая бумага с эмблемой президентской канцелярии

...итак, если не считать инаугурации, это было первое появление Президента в обществе. И общество было впечатляющим. Среди приглашенных — дипломатический корпус в полном составе, племянник английской королевы, несколько нефтя-

ных шейхов, известный итальянский кинорежиссер, двадцать восемь миллионеров, рок-ансамбль «Ревущие флейты» в полном составе (семеро музыкантов и шестнадцать их жен), восемь епископов, три солиднейших обозревателя, четырнадцать делегатов мафии, сто семьдесят девять представителей светского общества обоего пола, четыре лауреата Нобелевской премии, недавно свергнутый африканский король... Список приглашенных я дочитал до половины и бросил. На душе скребли кошки — близкий контакт Президента с таким количеством мог кончиться плачевно и для нас, и для него.

В этот тягостный для меня момент вошел Стэндиш, и я позавидовал его лицу, такому восхитительно непроницаемому. Я хотел поделиться с ним своими опасениями, но не нашел слов — меня удивил его вид. Он был в смокинге, на лацкане которого поблескивал новенький крест Золотого Орла, но бос. Даже без носков. Прежде чем я успел открыть рот, он заговорил первым:

— Рой, вы еще не готовы?

— Причесаться я успею.

— Я не о том. Обувь вы разве не будете снимать?

— ?

— Из всех гостей будут обуты только дипломаты, да и то не все. Это новая мода. Разве вы не знали? Как только увидели, что на инаугурации Президент был босиком... Владельцы обувных фабрик в панике, акции падают, отмечены случаи самоубийства...

Я бы не поверил ему, но появились дамы — Алиса с женами Стэндиша и Кэла, ставшего пресс-секретарем Уайтхауза. Дамы были босы. Тогда я поверил и со вздохом принялся разуваться — советник Президента обязан был придерживаться его линии. Окажись я обутым, неизвестно, какотреагирует пресса, вполне возможно, в завтрашних газетах появятся сплетни о размолвке между Президентом и людьми из его команды...

Через минуту я узнал, откуда появился у Стэндиша наш высший орден. По коридору шествовал Президент — в смокинге, причесанный, надушенный и

босой. В горсти у него было зажато несколько крестов Золотого Орла, а следом за ним трусцой бежали человек пять сенаторов, генерал Айрон Булл и кучка второстепенных чиновников министерства юстиции. Они злобно косились друг на друга, подставляли друг другу подножки, толкались и ругались вполголоса. Престарелый сенатор Фэйсом-Тэйбл на секунду потерял бдительность и тут же полетел вверх тормашками, хныча от обиды. Президент остановился, подумал и сунул ему в руку орден, потом бросил остальные на пол и зашагал ко мне, не оглядываясь. Все, кто бежали за ним, упали на пол и сбились в кучу, из которой рвались яростные крики:

— С-сударь, черт побери!

— Ухо!

— Мой!

— Черт знает что, — сказал я. — Дик, вы бы вмешались...

Дик шелкнул пальцами, из раздвинувшейся стены появились четверо его молодчиков и ринулись в свалку. Президент подошел к нам, смокинг у него на груди оттопыривался — там оказался изрядный запас орденов.

— Господи, Президент, где вы их взяли? — спросил я машинально.

— О! — сказал Президент, протягивая мне крест.

— Право, я... — начал я было, но он не желал слушать никаких возражений, и мне пришлось принять награду. — Спасибо, Президент, я тронут...

— О! — сказал Президент и пожал мне руку.

И мы поехали на прием. Я уже начал привыкать к новой жизни — длинным, как анаконды, автомобилям, начиненным всеми мыслимыми удобствами, выездам с полицейским эскортом, своему огромному кабинету, секретарям, Уайтхаузу. Все шло как нельзя лучше, почему же тогда Алиса вела себя как-то странно — не радовалась моей головокружительной карьере и не торопилась тащить меня в церковь? И почему сам я не так безмятежен, как встарь?

Огромный зал был уже полон. Раньше я видел такое только в кино — дамы с обнаженными плеча-

ми, огромные драгоценные камни на шеях и в прическах, блеск золота и хрусталя, экзотические мундиры и ордена иностранных генералов, парижские туалеты, русская икра, арабские галябии... Впрочем, все это я рассмотрел позже — прежде всего мне бросилось в глаза множество босых ног, мужских и женских, с педикюром и без (пальцы некоторых были даже украшены перстнями). Новая мода охватила бомонд со скоростью лесного пожара. Обуты были только епископы (да и то лишь трое из восьми, люди почтенного возраста) и часть дипломатического корпуса. Послы Чили, Гаити, Парагвая, Пакистана, Гондураса и некоторых других стран тоже попирали пушистые ковры босыми пятками, а некий вальжанный подполковник даже засучил фирменные брюки, считая, видимо, что одних босых ног недостаточно. Среди дипломатов наблюдалось стойкое размежевание — послы дружественных стран были босы, дипломаты держав, имевших с нами в данный момент какие-либо трения, щеголяли в высоких сапогах при фразных парах, неприсоединившиеся и страны третьего мира богатый выбор — от охотничьих шнурованных ботинок до колена до низко открытых туфель, а то и сандалий, состоящих из деревянной подошвы и ремешков. Но израильский посол превзошел всех — на нем были стеклянные ботфоры. С одной стороны, они были абсолютно прозрачные, и каждый мог видеть, что мистер Гольденберг не надел носков.

Президент вошел, следом вошли мы, и разговоры оборвались. Я поежился. Вряд ли дипломаты, бизнесмены и светские львы стали бы лично волочь нас за ноги к мусоропроводу, но существуют еще и лакеи, и если Президент и здесь отмочит что-нибудь...

Осанистый дуаген дипломатического корпуса выступил вперед и с достоинством откашлялся. Не успел он произнести ни слова. Президент решительно взял у него из рук листок с текстом приветственной речи, скомкал, попробовал на зуб и, смяв, опустил в карман случившемуся рядом «банановому» генералу. Вслед за тем вытащил из кармана и преподнес

дуайену и генералу новешенькие Кресты Золотого Ора. Вспыхнули блицы. Награжденные, гордые и счастливые, они прикрепляли ордена, соседи по шеренге завистливо косились на них. Президент прошелся взад-вперед, наугад рассовывая дипломатам оставшиеся ордена, а последний швырнул на стол, в блюдо с икрой, откуда его тотчас выудил пригоршней какой-то представительный шейх.

Внезапно Президент остановился и зачарованно воззрился вверх.

Это была великолепная люстра, огромная, украшенная мириадами подвесок, похожая на собор Нотр-Дам, перевернутый вверх ногами на полотне Сальвадора Дали. И Президент не выдержал. С восторженным воплем он вскочил на плечи высоченного генерала, перепрыгнул на пальму, раскачался как следует — из его карманов посыпались на головы собравшихся еще два ордена, орехи, бог весть как оказавшаяся у него зажигалка — и влетел на люстру. Однако люстра — это не лиана. Хрустальные висюльки градом посыпались на стол и собравшихся, захлопали взорвавшиеся лампочки, Президент покачнувшись и с молодецким воплем рухнул вниз, на стол, прямо в огромное блюдо с датскими бутербродами, час назад доставленными самолетом из знаменитого копенгагенского ресторана «Оскар Давидсен». Мы бросились к нему, но все оказалось в порядке, он даже не ушибся. Рядом с ним оказалась ваза с бананами, и он восседал в блюде веселый, взъерошенный, в каждой лапе — по банану.

Я зажмурился и стоял с закрытыми глазами, а вокруг гомонили:

— Вот-вот, чего-то в этом роде я и ожидал, так мне и говорили — простой, демократичный...

— В самом деле, никакой чопорности, ничего от Старого Света, и правильно, я считаю — в конце концов, мы Новый Свет...

— Нет, но какого благородства человек, а? Как это мило с его стороны — вручить орден даже послу Гванеронии, хотя отношения у нас сейчас с ними...

— Настоящий джентльмен, верно? Он — с Юга, и не возражайте! Только там у нас еще и сохранились настоящие джентльмены... Он наш!

— И нисколько не задается. Как-то чувствуется, что с ним можно запросто поговорить, верно?

— Да, другой на его месте задрал бы нос — из неизвестности в Уайтхауз...

— Такой милый... Том, ты не мог бы меня представить?

— Дорогая, вот же мистер Джордан!

— Да-да, мистер Джордан, будьте так любезны!

Я открыл глаза. Президент уплетал бананы, далеко расшвыривая кожуру, тотчас исчезавшую в карманах любителей сувениров. Теперь я был спокоен. Президент мог вытворять что угодно, потому что он был Президентом. И вообще с чего это я взял, что он может шокировать публику? Не хватит времени и места, чтобы перечислить все странности, которыми страдали владетельные особы, — но разве им переставали воздавать почести? Да и чем можно удивить после панков, сексуальной революции, пробежек голых толп по улицам наших городов и всего прочего? Двадцатый век дал нам многое, и плохое, и хорошее, но напрочь отучил удивляться...

Мне стало легче, и я почувствовал себя прекрасным. Я взобрался на стол, уселся, свесив ноги, и непринужденно обратился к собравшимся:

— Прошу садиться, господа и дамы!

И налил себе шампанского. Президент сунул мне банан и зажал вазу между колен, подозрительно поглядывая вокруг — гости дружно полезли на стол, стараясь оказаться поближе к Президенту. Парагвайский посол угодил на салатницу с остро вырезанными краями, очень неудобную для сидения, но терпел и гордо поглядывал на тех, кто устроился подальше. Вокруг тихо, но так, чтобы Президент слышал, шептались:

— Ново! Оригинально!

— Свежо!

— И до чего демократично!

Перед Президентом выстроились в ряд три вазы с бананами и он, убедившись, что любимого ла-

комства достаточно, раздавал их направо и налево, а я представлял ему гостей, тут же забывая их имена, мне шептали новые и новые, кто-то услужливый наполнял мой бокал, играла музыка, Президент уже вальсировал с королевой сезона миссис Нокмаллер, неизвестно откуда на моем фраке появился десяток орденов, и какой-то терракотовый полковник торопливо прикреплял одиннадцатый, шепча что-то про военную, экономическую и финансовую помощь, моральную и политическую поддержку, заверял, что они там у себя самые настоящие демократы, а их почему-то упорно именуют хунтой, до слез обидно... Кто-то раскачивался на люстре, хрусталинки сыпались на головы и за шиворот, Президент во главе толпы светских львов и львиц скакал по столам и пальмам. Все смешалось. Люстра, теряя последние подвески, рухнула под тяжестью двух бонвиванов, трех полковников и самого молодого епископа, но никто не обратил на это внимания — в зале никого почти не осталось, из парка доносился треск веток и рев: «Гип-гип-ура, Смит!» И я понял, что мы признаны светским обществом...

Второй блокнот

...«линкольн» Уайтхауза ждал меня в аэропорту. Шофер оказался новый, незнакомый, и я молчал. Скоро я обнаружил, что мы свернули на Шестое федеральное шоссе и мчимся, судя по солнцу, на юго-восток, совсем в другую сторону.

— Эй, куда вы меня везете? — спросил я.

— Так мы же переехали, мистер Джордан, — сказал шофер. — Вы что, пока рыбачили, радио не слушали?

Радио я не слушал. Он рассказал, что с наступлением лета Президент вдруг расхворался, захандрил, стал раздражительным. И созванный консилиум медицинских светил нашел, что глава государства страдает одной из разновидностей клаустрофобии. Пре-

зиденту было очень неуютно в каменном Уайтхаузе, посреди огромного бетонного города...

Нужно было срочно что-то предпринимать. Медицинские светила ратовали за немедленный отдых на лоне природы, однако политики считали, что при нынешней международной обстановке длительное отсутствие Президента на посту недопустимо и может вызвать нежелательные толки. Страсти разгорались. Политики обвинили медиков в некомпетентности и недопонимании, медики политиков в том, что политика тем дороже здоровья (на что политики заявили, что так оно и есть). Начинали уже переходить на личности. Но положение спас молодой врач, не имевший, собственно, права голоса и состоявший при консилиуме в качестве стенографиста, ассистента и мальчика на побегушках. Сей молодой человек и предложил просто-напросто, не отрывая Президента от дел по управлению государством, перенести Уайтхауз на летний период в какой-нибудь близлежащий лес, и наши горячо ухватились за эту идею, она их вполне устраивала...

Лес был окружен проволочной сеткой трехметровой высоты, и вдоль нее невозмутимо патрулировали полицейские дозоры. Секретная служба понатыкала на деревьях свои ночные телекамеры, датчики и детекторы. Вдоль наскоро проложенных бетонных дорожек установили фонари и указатели.

«Кабинет Р. Стэндиша — направо, мимо сосны № 46, дуб 14/К».

«Кабинет Р. Джордана — налево, за ручьем, дуб № 24/Е».

«Секретариат — вязы с 12/А по 76/Р».

И так далее. Они здесь неплохо устроились — к деревьям-кабинетам были подвешены веревочные лестницы, на помостах, сооруженных в кронах, разместились кресла, столы, софы, кровати, телевизоры, компьютеры, телефоны и пишущие машинки. На деревья провели даже воду и свет. Кухня, правда, осталась на земле — кухарки заявили, что в их годы грешно лазать по деревьям. В целях благопристойности секретарш обязали носить джинсы и брючные

костюмы, временно изгнав юбки. Гринхауз действовал, как часовой механизм...

Я шел по дорожке, разыскивая свой кабинет. На деревьях тихо стрекотали пишущие машинки, звонили телефоны, жужжали телетайпы, у веревочных лестниц стояли в очереди посетители. Справа, перепрыгивая с верхушки на верхушку, промчался Президент — веселый, полностью излечившийся от меланхолии. Следом, шаря по кронам, топотали понизу телохранители.

Навстречу мне шагал сенатор Фэйсом-Тэйбл, бережно неся что-то в носовом платке.

— Здравствуйте, сенатор, — сказал я.

— Здравствуйте, голубчик, — седенький он был, благостный. — Отдохнули, загорели, заметно, да...

— Что это у вас?

— Это? — он моргнул и пожевал губами. — Знаете, голубчик, опять забыл, этот, как его... Вы не помните?

— Проверен, голубчик, проверен, — закивал наш Мафусаил. (Толку от него в сенате, откровенно говоря, давно никакого не было, хватало его только на то, чтобы по старой памяти воевать за интересы авиационных концернов.) — Вполне соответствует. Еж? Знаете, голубчик, я ведь забыл совсем, как их и звать, пока истребители пристраивал, все эти прокуренные комнаты наши, политика, который год подряд без передышки. А тут травка, эти поют, ну как их, вспомнить не могу, и эти бегают, как их, вылетает из головы, хорошо-то как, хвала Создателю...

Он улыбнулся мне и засеменил прочь, на кухню, за молочком для этого, как его, вот незадача, снова из головы вылетело...

Холла я нашел в его кабинете — на дубу под соответствующим номером. Дупло у него было оборудовано под бар с холодильником, и мы выпили по случаю моего возвращения.

— Вот, полюбуйся, — сказал он. — Мне пришлось заниматься и хозяйственными вопросами, ты посмотри, что пишут...

«Гринхауз, дуб 4/А, господину Президенту.

Уважаемый господин Президент!

Во время заселения Гринхауза мне был выделен кабинет-тополь 315-Н, в то время как мой заместитель Д. Бейтс получил кабинет-вяз 41/С с вдвое большим, нежели у меня, количеством веток, более густой листвой, большим диаметром ствола и более внушительным внешним видом. В связи с этим прошу Вас изыскать способ предоставить мне более соответствующее моему служебному положению помещение, так как нынешнее мало способствует повышению моего престижа в глазах моего заместителя, коллег и посетителей.

С почтением Н. Гейтс».

— И нечего смеяться, — сказал я, взял авторучку и наложил резолюцию: «Хозяйственному отделу — разобраться, принять меры. Джордан». — С официальными бумагами, Кэл, нужно обращаться официально, а не скалить зубы, потому что официальные бумаги...

— Рой! — закричал снизу Стэндиш. — Спуститесь немедленно!

Я спустился. Он схватил меня за рукав и зашептал в ухо:

— Рой, нужно что-то делать, Президента подкупают...

Пока мы бежали к дубу 4/А, он торопливо объяснял, что этот тип с самого начала показался ему подозрительным, но не было никаких оснований отказать в приеме, а теперь подозрения подтвердились, но Президент не желает ничего слушать, так что вся надежда на меня. Я слушал и думал, как же это могло случиться, если наши обычные ценности, все, что идет в ход в таких случаях, для Президента не имеет ровным счетом никакой ценности — деньги, акции, шикарные машины?

Но я недооценил пронырливость и деловую хватку наших бизнесменов. Тихо и осторожно мы забрались на соседнее дерево и увидели эту сцену во всей ее неприглядности.

Какой-то прилизанный тип в элегантном костюме что-то горячо доказывал Президенту, все время угощая его отборными бананами, которые извлекал из огромного саквояжа. На столе лежал какой-то документ, Президент поглядывал то на него, то на бананы и в задумчивости почесывал голову золотой авторучкой.

Ветерок подул в нашу сторону, и до нас донеслось:

— Господин Президент, грузовик бананов ежемесячно на протяжении всего срока вашего пребывания... гарантирована наша поддержка при выдвижении на второй срок... кроме того, мы готовы...

Нужно было торопиться — не хотел бы я, чтобы у Президента был свой Уотергейт, а к тому шло...

Мы со Стэндишем спустили этого типа с лестницы, то бишь с дуба, и приказали охране вышвырнуть его за ворота вместе с саквояжем.

— Есть еще одна загвоздка, — сказал Стэндиш. — Рой, как это не прискорбно, но я должен сообщить — вчера по личному распоряжению Президента в секретариат зачислена некая мисс Фло из Сандверского зоопарка.

— Господи! — взревел я. — И он туда же!

Президент смущенно потупился.

— Президент, — сказал я. — При всем моем к вам уважении я должен заметить, что вы следуете отнюдь не самым лучшим образцам...

На правах старого друга я долго ругал его, он был смущен и расстроен, но в конце концов мы поладили на том, что впредь он не допустит подобных художеств и не будет повторять ошибки и грешки некоторых своих предшественников...

...Мне приснился страшный сон — будто к нам с официальным визитом прибыл премьер дружественной страны, оказавшийся слоном, а нас не предупредили заранее, и двери Уайтхауза оказались узки и низки для высокого гостя, и малы высланные на аэродром лимузины, нет подходящей мебели и постельного белья, ритуал торжественной встречи скомкан и вылился в самый позорный за всю исто-

рию нашей дипломатии скандал, и почему-то виновным во всем оказался один я, и меня тащат в сенатскую комиссию, хотят линчевать, шум, гам, пальба...

Мне стало страшно, и я проснулся, но сон, казалось, продолжается — внизу бегали и вопили, меж деревьев метались лучи фонарей, визжали женщины, хлопнул выстрел...

Я натянул брюки и, держа под мышкой рубашку, соскочил с дерева. Выбежал из своего кабинета, так сказать. По дорожке неся кто-то закутанный в простыню и вопил благим матом:

— Вампир! Дракула! Помогите! Полиция!

Из темноты вынырнули агенты, бегущего остановили. С воплем сверху прыгнул Президент, к нам бежал Стэндиш и волокли прожекторы. Энди, тот самый детектив, который когда-то обыскивал непроверенных обезьян, держал скрученного полицейским приемом опоссума. Тут же возился со своим всезнающим сыскным компьютером Бак. С вязов испуганно смотрели кутавшиеся в простыни секретарши, и большая желтая луна равнодушно освещала весь этот бедлам.

— Ну почему вы решили, что это вампир? — морщась, спрашивал Стэндиш закутанного в простыню типа.

— Показалось... — разводил тот руками. — С этими фильмами ужасов всех зверей боишься... Как залез он ко мне — все, думаю, слопают...

— Я и говорю, — раздался откуда-то сверху козлетон Фэйсом-Тэйбла. — Совещания все, заседания, не помнишь, как эти, то бишь как их, называются...

— Черт знает что, Дик, — заявил Бак. — Абсолютно непроверенный тип. Ничего у меня на него нет...

Несчастливого опоссума уволокли для более детального выяснения, и паника понемногу улеглась. Уже засыпая, я вновь услышал шум и визг, но, как выяснилось утром, это всего-навсего храбрый детектив Энди из-за слабых познаний в науках перепутал деревья и вместо тополя, на котором его ждала симпатичная телефонистка, угодил на дуб. Там его никто не ждал, более того — там он оказался третьим

лишним и был принят находившимся на дубе своим коллегой за припозднившегося соперника. Наутро Стэндиш объявил им выговор за драку, вычел из жалованья стоимость испорченного казенного имущества (сломанные ветви) и в наказание определил сроком на один месяц на самую низкооплачиваемую и крайне непрестижную в среде секретных агентов подсобную работу — читать интимную переписку конгрессменов...

Стандартная писчая бумага

Осень в этом году выдалась холодная. Президент стал зябнуть, и нам пришлось вернуться в Уайт-хауз. Президент уехал без меня — я поручил его заботам Стэндиша и забрался на свой дуб, чтобы закончить кое-какие дела. Я писал, печатал, рылся в статистических таблицах и отчетах, лицо обдувал свежий ветерок. Признаться, не так уж и хотелось возвращаться в столицу, к бензиновому чаду, тучам машин, бешено мерцающим потокам неона. К нашей цивилизации.

Все шло, как обычно — и в стране, и в мире. Президент уже больше года находился на своем посту. Заседали сенат и конгресс, к нам приезжали высокие гости, Президент побывал с официальными визитами в десяти странах трех континентов, подписывались договоры и соглашения, авианосцы заходили в далекие порты, внушая уважение нашим соседям, самолеты летали по расписанию, телевидение регулярно передавало обращения Президента к стране, репортажи об открытии им школ, больниц и аэровокзалов. И вся страна, весь мир принимали это как должное. Иногда мне самому приходилось делать усилие, чтобы по-прежнему видеть в Президенте того, кем он был до избрания — шимпанзе Джо. Магия слова действовала на меня. Я никак не мог понять, почему. Не могло быть и речи о государственной деятельности Президента — речи, заявления и тексты выступлений писали мы, на пресс-

конференциях и брифингах отвечали на вопросы журналистов мы, подписывал бумаги он по нашей указке. И так далее. Самостоятельно он выбирал только костюмы, да и то не всегда.

Поразмыслив, я пришел к выводу, что не так уж все это и непривычно. Всегда кто-то писал для президентов речи, и единственное, что отличало Джо от его предшественников — то, что речи предшественники произносили сами. А вот возможностей влиять на события у них порой вряд ли было больше, чем у Джо. В своих решениях президенты всегда учитывали чье-то мнение, а иногда просто подчинялись чьему-то влиянию или неприкрытому нажиму. Было время, когда одним из президентов вертели как хотели его дружки и собутыльники. Другого открыто называли «председателем совета бизнесменов», хотя неизвестно, кто был председателем, а кто рядовым членом совета. Было время, когда некий сенатор правил страной как владыка и самодержец, почти не обращая внимания на тогдашнего президента. Было время, когда советник по безопасности разве что не водил президента за собой на веревочке. Президентов, которые пытались стать подлинными хозяевами страны, можно пересчитать по пальцам, так что Джо лишь повторяет предшественников...

В Уайтхаузе царил суматоха. Въезжали на прежние места сейфы с государственными секретами и разной бумажной чепухой, временно оказавшиеся не у дел секретарши щебетали, собравшись стайками по углам; двигали мебель, проверяли телефоны, натирали полы, выпроваживали журналистов, вежливо просили подождать сенаторов и генералов... и вдруг посреди этого гама и деловой суеты я наткнулся на уоррент-офицера, вернее, он натолкнулся на меня, он летел по коридору с лицом молодого монаха, которому вдруг явился дьявол.

— В чем дело? — испуганно спросил я. Этот офицер, наш «атомный связной», должен неотлучно находиться возле Президента — в его портфеле лежат коды и шифры, с помощью которых Президент, и только он, может подать сигнал к началу ядерной

войны, поднять в воздух стратегические бомбардировщики. Выпустить межконтинентальные ракеты.

Офицер молчал, клая зубами.

— Что случилось? — я пытался вспомнить его имя и не мог. — Где ваш чемоданчик?

— Ч-чемоданчика нет, — он смотрел на меня шалыми глазами. — Президент, он его... того... все разорвал — и половину в канализацию, а половину съел...

Год в Уайтхаузе кое-чему меня научил. Я запер офицера в ближайшем пустом кабинете. Поставил перед дверью двух агентов, дав строжайший приказ никого и близко не подпускать. Другим я велел немедленно доставить ко мне начальника секретной службы Стэндиша и пресс-секретаря Холла — больше я никому не мог довериться. Через две минуты они появились в моем кабинете — Холл, как я увидел, в одном ботинке. При всех своих недостатках детективы секретной службы были отличными исполнителями и, оказись Холл в момент их визита без штанов, надеть их он не успел бы...

— Положение таково, — сказал я. — Все ядерные коды «черного портфеля» уничтожены. Вторые экземпляры есть у военных, но к ним, разумеется, мы обратиться не можем — представляете, как они себя поведут, если пронюхают, что оказались монопольными владельцами?

— Господи! — схватился за голову Кэл. Стэндиш непроницаемо молчал, словно деревянный индеец перед табачной лавкой.

Я взял лист бумаги и громко прочел вслух:

— Экстренное обращение Президента к нации и дипломатическому корпусу. Первое: Президент обратился к Организации Объединенных Наций с предложением о немедленном ядерном разоружении. Второе: Президент направил ядерным державам меморандум, в котором сообщает, что, как Верховный главнокомандующий, отдал вооруженным силам приказ приступить к демонтажу всех боевых систем, имеющих своим компонентом ядерное оружие. Третье: рассматривается вопрос о других видах оружия массового уничтожения...

— Хватит! — заорал Кэл.

— Для начала хватит, — согласился я.

— Идиот, ты что, собираешься нести это на подпись Президенту?

— Собираюсь, — сказал я. — Мы с тобой год с лишним протираем штаны в этом заведении и в основном пишем речи да открываем лечебницы для увечных кошечек. Теперь... Я хочу, чтобы у меня были дети, но не хочу, чтобы они жили под нависшей бомбой, как тридцать лет прожили здесь присутствующие. И вот у нас появился единственный шанс, такое выпадает раз в жизни — мы сможем жить без бомбы...

Я думал, что Кэл опять сорвется на крик, но он выдержал марку — достал блокнот, что-то нацарапал, с треском выдрал листок и бросил передо мной на стол. Прощение об отставке, как я и ожидал.

— А я-то думал, что ты ничего не боишься, Кэл... — сказал я, но он уже выбегал из комнаты. — Ну, а вы, Дик?

— Я не политик, — сказал Стэндиш. — Моя обязанность — охранять Президента, пока он находится у власти. Чем я намерен заниматься и впредь, с вашего позволения.

— Ну, а все-таки? Что вы-то обо всем этом думаете?

В его лице что-то изменилось:

— Да ничего я не думаю, Рой. Я это плохо умею. Просто мне надоело все время помнить, что и я, и мои дети, мои друзья — все живут который год под нависшей бомбой...

Итак, один союзник у меня все же был, и он стоил многих. Было страшно, но отступать мы не могли.

— Значит, так, — деловито начал Стэндиш. — Я вызываю всех своих парней и утраиваю посты. Нужно связаться с командованием округа и развернуть вокруг Уайтхауза надежные десантные части. Возможно, придется ввести в столицу танки. Списки всех, кого следует немедленно арестовать, я подготавливаю через полчаса.

— Очень мило, — сказал я. — Может быть, потребуем еще и авианосец? Дик, мы не в Гондурасе.

— Вы болван, — сказал он. — Вы хорошо представляете, что начнется вслед за оглашением обращения к нации? Военные... Следует ожидать всего.

— Я считаю, что у нас это невозможно. Парашютисты вокруг Уайтхауза, танки на улицах, аресты по спискам... Дик, мы с вами не диктаторы, вернее, Президент не диктатор и не может действовать, словно какой-нибудь латиноамериканский генерал. Наши двухсотлетние традиции...

— Вы серьезно?

— Да, — сказал я. — Нужно же во что-то верить, Дик. У нашей страны, нашей системы немало недостатков, я согласен, но, несмотря ни на что, мы остаемся демократическим государством, и я не допущу никаких командос вокруг Уайтхауза, танков на улицах и арестов.

— А вы помните, как десять лет назад вас и вам подобных лупила полиция, когда вы протягивали им цветы?

— Ах, вы и это знаете. Ну, разумеется... — сказал я. — Помню. И именно потому не хочу действовать теми же методами. Все. Немедленно соберите журналистов в Голубом зале.

Он, я чувствовал, хотел бы возразить, но долголетняя привычка к дисциплине взяла верх — он молча щелкнул каблуками и вышел. Я направился к Президенту.

Президент подписал и обращение к ООН, и меморандум к ядерным державам, и через полчаса я зачитал оба документа собравшимся в Голубом зале репортерам. Голубой зал мы выбрали не случайно, там самые широкие в Уайтхаузе двери, но все равно троих едва не затоптали, когда журналисты ринулись прочь, спеша в свои редакции и студии. Произошло неслыханное в нашей истории — торопясь донести такую новость до слушателей и читателей, ни один репортер не задал ни одного вопроса...

То, что началось потом, было похлеще пожара в сумасшедшем доме. С экранов телевизоров как вет-

ром сдуло ковбойские filmy, «мыльные оперы», полуобнаженных красоток и даже рекламу. На экраны хлынули обозреватели, комментаторы и интервьюеры. Ребята Гэллага носились по улицам, теряя подметки.

Через пару часов стали поступать экстренные выпуски газет, и я узнал о себе много нового. Утверждалось, что я мессия, сволочь, продажная шкура, национальный герой, развратник, коммунист, алкоголик, анархист, квакер, протестант, мужественный политик, наемник Кастро, прислужник ниггеров, смельчак, узурпатор, наркоман, апостол нашего века, сатана. Оказалось, что я изнасиловал школьницу в дамском туалете воскресной школы, фальсифицировал результаты голосования в одиннадцати штатах, отбыл девять сроков за пятнадцать тяжких преступлений и бежал, не отсидев до конца за шестнадцатое. И тому подобное. Относительно моего происхождения и подлинного имени имелись существенные разногласия — правые газеты дружно склонялись к мнению, что я — высокопоставленный сотрудник примерно девяти коммунистических разведок (по ошибке или из-за плохого знания географии одна газетка отнесла к числу стран Варшавского договора и Андорру). Но были и другие версии: а) двоюродный брат полковника Каддафи, б) земное воплощение Будды, в) анонимный инопланетянин в резиновом скафандре, имитирующем человека, г) вернувшийся из Гималаев граф Сен-Жермен, д) да какая разница, кто этот подонок, если его следует поскорее вздернуть?

Во второй половине дня посыпались новые сюрпризы. Биржу лихорадило, акции военных предприятий уже стоили меньше бумаги, на которой были напечатаны, и кое-кто, оставив пустое злопахательство, стал проникаться уважением ко мне и Президенту — только великие люди способны так вот потрясти Ее Величество БИРЖУ. Уайтхауз тройным кольцом окружали конная полиция и национальная гвардия, но Стэндиш был здесь ни при чем — к зданию стекались многочисленные демонстрации, и го-

родские власти сами приняли меры. Демонстранты не доставили нам особых хлопот — они сразу принялись драться между собой, так как имели разные точки зрения на происходящее, после чего тридцать шесть полицейских угодили в госпиталь — одного сбросила испуганная лошадь, одного трахнули по голове транспарантом, а остальные получили нервное расстройство из-за того, что не могли понять, кого из демонстрантов следует защищать, а кого разгонять. Клан зажег у ворот Уайтхауза довольно дохленький крестик, который быстро погасили ведром воды наши привратники.

В четыре часа дня к Уайтхаузу двинулась новая демонстрация. Впереди шли министры обороны, Военно-морского флота и Военно-воздушных сил, председатель и члены Объединенного комитета начальников штабов, а следом по десять человек в ряд маршировали генералы и адмиралы, полковники и подполковники, майоры и капитаны, коммодоры и вторые лейтенанты, уоррент-офицеры, капралы и сержанты. Они несли плакаты: «Требуем всеобщей занятости!», «Дайте нам работу, дайте нам ракеты!», «Не хотим быть безработными!»

Перед полицейским оцеплением они остановились, два генерала подняли на плечи министра обороны, вручили ему мегафон, и министр начал:

— Дорогие сограждане! Наше правительство бросило еще одну лопату земли на могилу демократии! Новый законопроект, насквозь дискриминационный по сути, обрекает честных тружеников на безработицу! Требуем новых рабочих мест! Требуем всеобщей занятости! Требуем гарантированной заработной платы, всех видов социального обеспечения...

Продолжить ему не удалось. С его стороны было непростительной ошибкой использовать лозунги, действовавшие на полицейских, словно красная тряпка на быка. Полиция, до сих пор безучастно взиравшая на происходящее, мгновенно воспрянула духом и обрела ясную конкретную цель — сработал условный рефлекс. Взлетела сигнальная ракета. Конники и гвардейцы с газометами, электрическими

дубинками и собаками вновь обрели вкус к жизни и врезались в стройные ряды безработных военных. Было наглядно доказано, что сто полицейских с одним офицером, безусловно, превосходят в боевом отношении тысячу офицеров без единого солдата.

Через десять минут площадь опустела. Мусороуборочные машины сметали в кучу погоны, обрывки аксельбантов, ордена и фуражки.

Армия разваливалась. Солдаты толпами покидали казармы, унося и увлакивая казенное имущество — так как демобилизационного пособия им не платили. Было объявлено о создании «Ассоциации безработных военных» с зарубежными филиалами. Полиция по привычке моментально учредила слежку за активистами ассоциации и установила в ее штаб-квартире подслушивающие устройства, а парочку лидеров ассоциации на всякий случай арестовала, после чего принялась искать основания для их ареста и приговора.

Уайтхауз напоминал осажденную крепость. Никто уже не занимался делом, считая, что глупо сидеть над скучными бумажками в разгар исторических событий. Только охрана трудилась не покладая рук, снимала репортеров с ограды, вытаскивала из каменных труб, а одного, вооруженного портативным землеройным агрегатом, изловили в буфете — бедняга плохо знал расположение залов и подрылся не туда. Там меня и нашла Алиса, едва прорвавшаяся к нам из города — кто-то из людей Стэндиша ее узнал и помог миновать полицейские заслоны.

— Веселишься? — спросила она.

— Есть причины, — сказал я.

Она отобрала у меня бокал и сообщила:

— Генерал Айрон Булл у Президента.

Через секунду я опрометью мчался в Овальный кабинет, прихватив на всякий случай пустую бутылку из-под шампанского. За всеми хлопотами мы как-то совершенно забыли о Президенте...

Президент сидел на столе и уплетал бананы, а генерал Айрон Булл стоял перед ним на коленях и о чем-то умолял с рыданиями в голосе, тыча пальцем в большой лист бумаги.

— Дя! — сказал Президент, скомкал бумагу и отшвырнул.

— Но, господин Президент... — заикнулся было генерал.

— Дя! — сказал Президент тоном, отметаившим всякую возможность дискуссии.

Генерал попытился к выходу. Стереотипы властно довлели над ним, и, вместо того, чтобы заорать: «Ах ты, наглая мартышка!», он цепко держал в памяти буквальный смысл сцены — президент распекает генерала...

Я поднял и расправил забытую генералом бумагу. Как и следовало ожидать, это была подписанная астрономическим числом офицеров петиция со слезной просьбой не губить их малых детушек, а также национальный престиж и нашу способность сдерживать натиск коммунизма.

— Дя! — сказал Президент, отобрал у меня петицию, скомкал и швырнул в урну.

— Господин Президент! — сказал я, — да вы, похоже, начинаете принимать самостоятельные решения!

— О! — сказал Президент, протягивая мне банан.

Мы сидели на столе и жевали бананы. В дверь заглянул сенатор Пертингтон, лидер демократического большинства в сенате, председатель доброго десятка комиссий и подкомиссий, выпускник Причарда, и прочее, и прочее. Он поманил меня, и я вышел, хотя Президент недвусмысленно выражал желание отослать прочь и этого визитера.

— Уговорите Президента отменить приказ о ядерном разоружении, — сказал Пертингтон.

— Мое влияние не безгранично.

— Ну, бросьте. Уговорите его. Я понимаю, что он не такой уж опытный политик, но неужели год в Уайтхаузе ничему его не научил?

— Видимо, нет, — сказал я. — Сенатор, меня давно интересует — как вы допустили, чтобы президентом страны стал шимпанзе?

Он взглянул на меня так, словно я предложил ему ограбить дом престарелых, предварительно зарезав его обитателей, а потом взорвать здание:

— Слушайте, Джордан, ваше привилегированное положение все же не дает вам права... Вы не смеете называть так Президента.

— Даже если он — шимпанзе?

— Вот что, — сказал Пертингтон. — Запомните раз и навсегда — президент нашей страны ни в коем случае не может быть этим самым... ну, вы понимаете. Даже если он, м-м... это самое и есть. Он — Джозеф Смит, избранник народа, и любой, именуемый его обезьяньими кличками, может нажать кучу неприятностей. Так что помалкивайте. Уговорите вы его отменить необдуманные решения?

— Нет.

— Ну что ж, дело ваше, — сказал он ледяным тоном. — Я только хотел напомнить, что сенат собрался на экстренное заседание. Надеюсь, Президент не станет ломать сложившиеся традиции и найдет в себе смелость выступить перед сенатом? Не забывайте, что сенаторы — такие же избранники народа, как и Президент.

— Через час мы будем в сенате, — сказал я, — можете так и передать избранникам народа.

Он ушел, и я отправился к себе переодеться для поездки. Президент увязался было за мной, но я велел ему тоже идти переодеваться, и он ушел. Алиса прибирала бумаги у меня на столе. По радио передавали песенку о трех шимпанзе, встретивших марсианина. «Кто вы?» — спросил марсианин. «Мы почти люди», — ответили шимпанзе. «Почему — почти?» — удивился марсианин. «Потому что у людей очень глупая жизнь и мы не хотим становиться людьми», — ответили шимпанзе марсианину.

Интересно, подумал я, а Президенту не надоело еще быть Президентом? Все эти условности, нет рядом соплеменников, приходится постоянно носить одежду и пользоваться вилок...

— Бедный, как тебя газеты ругают, — сказала Алиса.

— Ерунда. Им скоро надоест.

— Знаешь, я, кажется, начинаю тебя уважать.

— Быть не может, — сказал я искренне.

— Нет, правда.

— Ну и прекрасно, — сказал я. — Я рад, и мы с Президентом отправляемся сейчас в сенат давать отчет избранникам народа. Ох, и шуму будет...

Президент выбрал открытый лимузин — он очень любил открытые машины. Окруженный мотоциклистами кортеж выехал за ворота. Демонстрантов не было, только там и сям играли на скрипках и рисовали на асфальте картинки безработные полковники. Погода стояла чудесная. Мы включили радио и узнали, что акции военных предприятий вообще ни черта уже на бирже не стоят, армия продолжает разбегаться, и это перекинулось уже в Европу, затронув пакт «Норд»...

— О! — сказал Президент, гордо поглядывая на нас.

— Вот именно, — сказал я. — Дик, что вы думаете о шансах Президента на второй срок?

Стэндиш, все время беспокойно оглядывавшийся по сторонам, не оборачиваясь ко мне, сказал:

— Прежде чем говорить о втором сроке, нужно...

Хлесткие шелчки вплелись в ровное журчание моторов, наш водитель затормозил, и машину развернуло поперек дороги, что-то острое обожгло мне плечо. Что-то теплое плеснуло в лицо. Стэндиш молотил кулаками по борту лимузина и рычал:

— Говорил я тебе, болван!

Мотоциклисты сбились в кучу, мимо нас промчались телохранители с искаженными бледными лицами, выли сирены, хрустело стекло, кто-то кричал, может быть, кричал я...

Плечо горело, по рукаву пиджака текла кровь. Рядом раздались выстрелы — это детективы стреляли по окнам какого-то склада. Президент лежал навзничь на широком сиденье спокойный, серьезный, неподвижный, я заглянул ему в лицо, отразился в его широко открытых глазах, и в ушах у меня зазвучала песенка о трех шимпанзе, встретивших марсианина. Телохранители вытащили на улицу какого-то человека, он кричал, они кричали, металась прохожие, глаза Президента гасли, гасли...

— Президент! — крикнул я, пытаясь поднять его голову. — Президент, мы не успели...

Поздно, его уже не было, и бессмысленно было просить у него прощения за то, что мы впутали его во всю эту историю. Стэндиш, с разбитыми в кровь костяшками пальцев, стащил с себя пиджак и медленно накрыл им лицо Президента.

— Рой, вы ранены, — сказал он тихо. — Джек, какого черта ты стоишь? В госпиталь, быстро!

Взвыли сирены. Машина развернулась, отшвырнув брошенный посреди улицы мотоцикл и помчалась куда-то. Я уронил голову на пиджак, прикрывавший лицо Президента, и заплакал — то ли от боли, то ли от жалости и омерзения к нашему миру...

Блокнот третий

Вот и все.

Президента похоронили в Дарлингтоне. Оркестр морской пехоты играл печальную музыку известных композиторов, медленно проплывали длинные черные лимузины, наматывая на колеса траурные мили повсюду — ленты черного крепа и букеты белых асфелий.

Сенатор Пертингтон произнес длинную речь, в которой очень прочувствованно и пространно охарактеризовал заслуги Президента на ниве политики, экономики и освоения космического пространства, потревожил покой первых поселенцев, проводил параллели и перекидывал мосты. Все смахивали слезы, а супруга министра обороны упала в обморок и была деликатно вынесена за пределы кладбища. Залп из сорока одного орудия — и гроб с телом Президента был опущен в могилу.

Писем мы получили много, среди них были и полные злорадства, и полные искреннего сочувствия. Некоторые были опубликованы. К сожалению, в газеты не попало письмо одной маленькой девочки, год назад вручавшей Президенту цветы на церемонии открытия им картинной галереи. Она писала:

«Уважаемые сенаторы очинь нехарашо убевать президентов а убевать президентасмита было вовсе подло он был такой добрый и уморительный в костюмчики и он никого не обижал не точто некаторые».

Вот такое было письмо. Его не напечатали — во-первых, очень уж неграмотно, во-вторых, не вполне уместно называть Президента уморительным...

В результате следствия, проведенного лучшими специалистами, было неопровержимо доказано, что застреливший Президента человек был параноиком, и болезнь в конце концов вылилась в маниакальное стремление убить важную персону, чтобы прославиться. К сожалению, до суда убийца не дожил — повесился в камере.

Безработные военные вернулись на свои места, обращение к ООН и меморандум ядерным державам так и не были отправлены адресатам, но тем не менее в воздухе ощущается что-то новое, никто не может сказать о нем ничего определенного, но все знают — было До и существует После...

Дик Стэндиш потерял место. На следующий день после вступления в должность нового главы государства Дик, планируя необходимые меры безопасности, осведомился с непроницаемым лицом: «Сэр, вы в какие обычно часы предпочитаете скакать по деревьям?» Через час его проводили в отставку по состоянию здоровья, наградив на прощанье медалью. Он основал небольшое бюро частного сыска, процветает и иногда бывает у меня в гостях.

В зоопарк я не вернулся. Мирно и покойно живу в купленном во времена процветания коттедже, по заказу одного солидного издательства пишу книгу «Мы никогда не звали его Джо. Год и три месяца Президента Смита». Больше половины уже готово. Многие считают, что события я отобразил удивительно достоверно. Что ж, в конце концов у меня больше, чем у кого-либо другого, прав писать о Президенте — как-никак я несколько лет был его близким другом и, что скрывать, имел на него большое влияние. Хорошо помню, как однажды, во время своей предвыборной кампании, он сказал мне сле-

дующее... господи, и я туда же? В общем, я его хорошо знал.

И должен быть ему благодарен хотя бы за то, что он, пусть и косвенным образом, устроил мою судьбу. Алиса все-таки вышла за меня. Как ни странно, она больше не называет меня неудачником и не уговаривает поступить в какую-нибудь перспективную лабораторию. Впрочем, может быть, в этом и нет ничего странного — на всех нас, членов президентской команды, феерическая история его взлета и гибели наложила свой отпечаток и оставила в душах свой след. Вряд ли мы когда-нибудь осознаем это во всей полноте, и не думаю, что это так уж необходимо — Президента все равно уже нет...

Однажды ко мне заглянул Дик Стэндиш, и разговор зашел о Президенте.

— Все-таки он был хорошим парнем, — сказал Дик. — Не пил, не впутывался в грязные махинации...

— Ты же прекрасно знаешь, почему он не мог этого делать, — сказал я.

— Знаю, — согласился Дик. — Но какая разница? Все же, кем бы он ни был, он был президентом. Никто не посмеет отрицать, что был президент, который не произносил воинственных речей, никому не угрожал, не разрывал подписанных однажды договоров и не давал пустых обещаний, которые потом отказывался выполнять. Президент, пойми ты это. Может быть, один из лучших наших президентов... — он вздохнул и добавил: — Вот только охранять его было сущее мучение, ребята, бывало, с ног сбивались...

Но тут пришла Алиса и позвала нас обедать.

...И НАВСЕГДА ЗАБЫТЬ ЭДЕМ

конспект романа в нескольких монологах
и интермедиях

1. Монолог первый.

Ирина Ларичева, астрогеолог

Кто-то, не мудрствуя лукаво, окрестил это место в незапамятные времена Долиной Зеленых Холмов. Правда, мудрствовать и не стоило, подумала я. Долина есть? Есть. Холмы зеленые? Зеленые. Вот и все.

Мы спустились к реке по свободному от деревьев южному склону. Река была широкая и спокойная, а за рекой и простиралась Долина Зеленых Холмов. Желтые песчаные берега — мечта купальщика. Бирюзовое небо, в зените — молочно-белый серпик Павлина.

— Когда-то здесь жили, — сказал Лант. — Очень давно. Потом их прогнали на север, к водопадам.

— Ваши? — спросила я осторожно.

— Нет. Нас здесь тогда не было.

— А кто?

— Черные Перья. Мы прогнали их самих на север, уже потом. Ты хочешь идти в воду?

— Ага. У нас еще есть время, мы успеем.

Лант спутал ноги купам и растянулся на песке. Топор и дротики он аккуратно разложил рядом — внезапного нападения он не боялся, просто такие уж у них были обычаи, даже он, побывавший на Земле и видевший в сто раз больше своих земляков, не мог иначе. Я, кстати, тоже постоянно таскаю на поясе кобуру. Согласно параграфам. Так что в этом вопросе особых различий меж нами нет.

Вода была чудесная. Хотелось понырять за раковинами, но не стоило беспокоить Ланта. Он до сих пор не научился плавать, и к моему купанию всегда относится неодобрительно, а уж когда я ныряю... По их давним поверьям, в воде живет какой-то особен-

но мерзкий и злокозненный злой дух. Как установили наши, скорее всего, поверье это — отголосок воспоминаний о тех временах, когда их предки жили на океанском побережье и немало натерпелись от зеро-завров, действительно мерзких и опасных земноводных ящеров. Я рассказала это Ланту. Он, разумеется, ответил: «Люди верят старикам». И все.

Я вышла из воды. Лант лежал в той же позе и смотрел на меня, но теперь это меня смущало гораздо меньше, чем первые недели, я давно уже доказала себе, что, во-первых, повседневный наряд их женщин немногим роскошнее моего купальника, во-вторых, мои представления о первобытных людях как об в высшей степени необузданных, абсолютно не умеющих управлять своими эмоциями субъектах происходили из плохого знания палеопсихологии и чрезмерного увлечения в детстве третьесортными историческими романами. Без умения управлять своими эмоциями первобытный человек просто не выжил бы... Их жизнь регламентируется множеством правил, объединенных в некий кодекс, временами удивительно благородный. Никто в здравом уме не станет применять силу к женщине из дружественного племени. А мы считаемся как раз «дружественным племенем», мы включены в кодекс...

Я натянула брюки, рубашку, плюхнулась рядом с ним и предложила:

— Давай поговорим?

— Давай, — согласился он.

Когда мы говорим «говорить», то имеем в виду что-то вроде «дискутировать», «спорить». Он неплохо владеет русским, но те слова, которые ему не нравятся, так как кажутся бессмысленными или лишними, упорно заменяет теми, что нравятся больше.

— В прошлый раз мы говорили про войну.

— Ага, — сказала я. — Про войну. Ты много раз ходил воевать?

— Шесть раз. Тебе не нравится?

— Ну, я понимаю — надо... — сказала я осторожно. — А девушки... Тебе случалось?

— Каждый раз.

— Но это...

— Ты как ребенок, — жестко усмехнулся он. — Своих девушек обижать нельзя. Это плохо. За это убивают. А вот когда идет война, чужих девушек убивать нужно. На войну идут, чтобы жечь чужие дома, брать чужих женщин и чужие вещи — иначе зачем война? Или ты хочешь сказать, что твои предки делали по-другому?

— Ох, это было так давно... — сказала я.

— Но оттого они же не перестали быть твоими предками? Я смотрел ваши фильмы, все было точно так же — огонь и кровь. Ты хотела бы жить тогда?

Я поежилась:

— Нет уж, благодарю покорно...

— Я хотел бы, чтобы ты жила тогда.

— Да?

— Да. Я не стал бы тебя обижать. Я увел бы тебя с собой.

— Ну знаешь! Не вижу разницы.

— Почему? Я сделал бы тебя своей женой.

— А я не хочу, чтобы меня делали женой. Стать женой — это другое дело.

— Сколько слов вы напридумывали...

Так случается довольно часто — кодекс кодексом, но не понимаем мы друг друга, хоть ты плачь. По его меркам — благородство, по моим — хамство. Но если благороден, то какая разница — благороден на свой лад или нет? Или благородство весьма растяжимое понятие? Логические рассуждения заводят в такие дебри...

— Давай о чем-нибудь другом, а?

— Я хочу кончить об этом. Почему вы всегда хотите жить сложно?

— Потому что жизнь — сложная.

— На Земле. Но ты ведь здесь. Не боишься?

— Нет, — храбро солгала я.

— Врешь.

— Ну и вру.

— Вот видишь. Ты женщина, а женщины обязаны повиноваться.

— Черта с два. Смотря где.

— Везде.

Мне не понравилось, как сузились его глаза. Я сказала:

— Нам пора ехать.

— У тебя дрожит голос.

— Пусти!

Бесполезно. Все равно, что пытаться одолеть робота. Я рванулась изо всех сил, чувствуя, что вот-вот разревусь от бессильной злости. Неожиданно он отпустил меня, встал и отвернулся. Плохо веря, что все обошлось, я тоже встала. Осторожно тронула его за плечо:

— Лант...

— Ну что? — наверное, впервые за все время нашего знакомства он потерял обычную свою индейскую невозмутимость. — Ты на меня злишься? Я плохой? Но что делать, если я не могу без тебя? Что?

— Это сложно объяснить...

— Да брось ты свои сложности! Посмотри на меня. Я хуже, чем мужчины на Земле?

Действительно, как оценить его, если не знать, что он чарианец? Высокий, смуглый, черноволосый, сероглазый. Красивый, что уж там. Когда он ходил по улицам земных городов, одетый по последней земной моде, он ничем не отличался от остальных...

— Ну что ты. Ничем ты не хуже.

— Хорошо. Верю, но что же тогда тебе нужно? Как тебе доказать, что ты мне нужна? У нас, чтобы заслужить любовь девушки, охотятся на опасного зверя или убивают много врагов. Для тебя это не годится, я понимаю. Что тогда? Научиться водить ваши вертолеты? Улететь с тобой на Землю? Что?

— Я лучше сама задам тебе вопрос, — сказала я. — Бывало так, что кто-то из вас выполнял все, что требовалось, а девушка все равно на него и смотреть не хотела?

— Бывало. Только редко, — торопливо уточнил он.

— Вот видишь.

— Или у тебя есть другой?

— Да никого у меня нет.

- Я знаю, кто тебя любит у вас.
- Ну и что? Я-то его не люблю.
- Я хочу, чтобы ты была моей.
- А тебе не кажется, что ты слишком часто повторяешь «я хочу»?
- Я люблю тебя. Роди мне сына.
- Хочешь, я скажу тебе правду? Только обещай, что обязательно поверишь.
- Да. Говори.
- Я не знаю, понимаешь? Я не хочу отталкивать тебя навсегда и не могу тебе уступить. Так тоже бывает...

Купы похрапывали, чувствуя, что скоро вернутся в стойло. Мы молча въехали в лес, молча опустились в распадок, как положено, далеко обогнули ушелье, где воины Нохора предательски убили Рыжего Шамана и его спутников — проклятое место. Наконец выбрались на древний торговый путь, проложенный в незапамятные времена исчезнувшим народом, о котором наши историки так ничего и не узнали. До станции было не так уж далеко, еще ближе — до деревни, и страшно далеко — до Земли. Лант упорно молчал, держался впереди, и я не видала его лица. Мягко шлепали неподкованные копыта, купы шли бодрой рысью, поперек дороги легли длинные закатные тени, солнце садилось за далекие синие горы, и мне, как многим, не в первый уж раз показалось, что не было и нет никакой Чары, что я — в прошлом Земли, где Европа покрыта густыми непролазными лесами, на планете нет ни одного каменного здания, Антарктида заросла пальмами, а великая Атлантида еще не погрузилась в океан...

Круглые дома с конусообразными крышами стояли тесно, по давней традиции, но частокола не было — селение находилось в центре территории племени, самого сильного в союзе пяти племен южной оконечности континента. Здесь уже появились зачатки частной собственности, хотя сами соплеменники Ланта, понятно, не подозревали, что именно им, судя по прогнозам наших ученых, суждено стать основателями первого на Чаре государ-

ства, что разложение первобытнообщинного строя уже началось...

Я бывала здесь не раз, и все мне здесь было привычно — бродившие там и сям свиньи и козы, бегавшие за ними ребяташки, запахи. И на меня почти не обращали внимания. Они верили в бесплотных духов воды, земли и огня, богов по своему образу и подобию еще не создали, и оттого земляне были просто племенем, пришедшим с той земли, что за облаками и обосновавшимся по соседству. Пройдет много лет, прежде чем они решат, что за облаками не бывает земли, что на небе живут только боги...

Лант хотел оглянуться на меня, но удержался. Я поняла — у входа в дом, мимо которого мы ехали, стояла Ванда, в коротком синем платье, волосы по-здешнему перехвачены ниткой бус...

2. Монолог второй. Вадим Ребров, инженер, заместитель начальника станции

Мефистофель перехватил меня неожиданно — его всегдашний стиль. Я стоял у высокого окна, смотрел на далекую полосу леса и прямую, словно луч лазера, дорогу, проложенную древними караванщиками-торгованами. В этот момент за спиной и раздался бас:

— Вы, как я понимаю, свободны?

— Как ветер, — сказал я, не оборачиваясь.

— В таком случае, батенька, зайдите ко мне.

— Вам самому-то интересно работать под земского врача позапрошлого столетия? — полюбопытствовал я, обернувшись.

— Служба, — сказал доктор Р.Т.Н. Аллертон, психолог по призванию и должности, затаенный добряк по натуре, но не при исполнении. — И еще нехорошая зависть к земским врачам, чьи интересы не простирались дальше тропосферы... Пошли?

Я покорно пошел за ним. Психолог на внеземных базах подчинен непосредственно Земле и располагает большей, чем начальник станции, властью...

Он любезно предложил мне сесть, а сам остался стоять, заложив за спину короткопалые руки, грузный, седой старик, в далеком прошлом, говорят, галантный кавалер и чуть ли не фат.

— Раны зажили?

— Какие там раны, — сказал я. — Царапины.

— Тем лучше. Скажите, как вы сами реагировали бы на подобный поступок своего подчиненного?

— Отправил бы на Землю с первым же бортом, — сказал я.

— Вот именно. Тридцатилетний мужчина, хороший специалист и опытный руководитель, нормальный психически, в одну прекрасную ночь вдруг, одевшись, как чарианин, вооружившись чарианским оружием, отправляется в лес, чтобы в одиночку убить серого древолаза...

— Лучшие охотники делают это именно в одиночку.

— Вот именно, — сказал он. — Итак, вам удалось уложить зверюгу, отделавшись пустяковыми царапинами. Чарианцы вас весьма зауважали. Ожерелье из клыков, я вижу, вы носите в открытую... Ну и что? В смысле — что дальше, Ребров? Вы доказали себе... и Ланту главным образом, что ни в чем не уступаете ему?

— Доказал, — сказал я. — Что бы там ни было, а доказал. Я понимаю, что вы обязаны...

— А я не докладывал на Землю. Какой смысл? Вы живы и невредимы, древолаз подох. Только вот ведь в чем дело, Ребров, — вы как-то забыли, что Ирина землянка. Будь она чарианкой, ваша эскапада имела бы гораздо больше смысла... А так... Ланту вы кое-что доказали, ей же вы не доказали ровным счетом ничего.

— Пусть так. Вы кругом правы. И все же я должен был...

— Да. С точки зрения докосмической психологии это звучало бы ересью, но теперь... Да, вы должны были что-то доказать, в первую очередь самому себе. Еще один парадокс Чары. Правда, я не уверен, что это следует называть парадоксом. Нет ни парадокса, ни

нонсенса и в том, что доктор Густавсон встречается с той девушкой из селения Оири, а Ванда Тшинецкая две ночи из трех проводит в селении Ланта... Вы когда-нибудь жалели о том, что мы открыли Чару?

— Да, — сказал я. — Да.

— А вот это уже парадокс, — сказал доктор Аллертон. — Столько лет искать подобных себе братьев по разуму и жалеть о том, что встретили их. Будь они хоть чуточку не такими, каковы мы... А они именно такие, настолько похожие на нас, что временами кажется, будто мы провалились в доисторическое прошлое Земли. Будь они немного моложе или немного старше — безобразными питекантропами или создавшими богов и царьков рабовладельцами... Но они идеальные партнеры для контакта — кроманьонцы-чарианцы. Звериный страх перед непонятными существами уже позади, суеверный ужас перед богами еще впереди. Мы угодили как раз в тот момент, когда любых пришельцев они считают составной частью мира.

— Как я понимаю, вы не собираетесь меня лечить?

— От чего? От любви? Хотел бы я знать, где вы отыщете такого доктора, вернее, такого идиота. Вадим, как психолог я собрал интереснейший материал, как врач я бессилен. Чтобы вторгаться в происходящее, я сначала должен ответить на вопрос — что такое человек и его любовь? Как вы думаете, могу я это сделать?

— Вряд ли, — сказал я. Почти грубо сказал.

— На этот вопрос мы не смогли ответить на Земле, тем более беспомощны теперь. Общность духовных интересов? Но таковой просто не может быть у Густавсона и его Ранги. Физическое влечение? И это далеко не всегда раскрывает загадку, почему именно этому мужчине нужна именно эта женщина. Так что мы в цейтноте, Ребров. Думаю, очень многие предпочли бы иметь вместо Чары какую-нибудь загадочную планету, заселенную непознаваемыми негуманоидами.

— Зачем вы мне все это говорите, доктор? — спросил я. Почему-то страшно было слушать его бас и свое молчание.

— Не могу же я беседовать с зеркалом, — сказал он. — Нужно же мне кому-то все это говорить. К тому же вы — один из тех, кто вовлечен в происходящее, а не наблюдает его со стороны, подобно мне. Кстати, я и о Густавсоне на Землю не докладывал.

— Что с ним?

— Ничего страшного, с ним все в порядке. Выбитые зубы и синяки не в счет. Он там с кем-то сцепился из-за Ранги. Вы ведь знаете этот обычай?

Я знал этот обычай — поединок, в котором дубиной приходится отстаивать свое право на любимую женщину. Еще действуют суровые законы предков, не допускающие бесполезной, то есть не на войне и не на охоте гибели сильных мужчин, необходимых племени в качестве воинов и охотников. Поэтому правила довольно гуманны — дуэлянты лупцуют друг друга тяжелыми посохами, избегая смертельных и калечащих ударов, за чем бдительно надзирают старики, секунданты и третейские судьи одновременно.

— И кто же выиграл?

— Выиграл Эрик, — сказал доктор. — Хотя противник, говорят, был редкостный битюг... Ребров, меня вот что еще интересует: когда вы думали о Ланте и об Ирине, у вас никогда не возникало мыслей вроде: «Какое он имеет право волочиться за нашими женщинами, грязный дикарь?»

Я стоял и смотрел в окно. За прозрачным, почти невидимым стеклом — огромное голубое небо, над лесом вдаль расплывается розовая каемочка восхода, и я поймал себя на том, что хочу без оглядки бежать отсюда, к пестрым роям гравилетов над белыми городами, к свистящим мягко поездам монорельса, огромным мостам, огромным автоматическим заводам...

— Да, — сказал я. — Я стыжусь таких мыслей, но они были. Вы считаете, что мне нужно лечиться? Когда у землянина двадцать второго века появляются подобные мысли...

— А кто вам сказал, что вы сейчас живете в двадцать втором веке? — вкрадчиво спросил доктор Аллертон. — Никто не знает номера века, в котором

мы в данную минуту живем, и вряд ли это номер двадцать два...

— Чего вы боитесь, доктор?

— Я боюсь, что никогда не смогу понять, чего же мы все боимся...

— Я...

Меня прервал резкий стук в дверь.

— Ко мне так никогда не стучат, — сказал доктор. — Скорее всего, ищут вас. Войдите!

Дверь распахнулась. Гурский с порога резво мотнул головой, приглашая меня выйти. В дверях я обернулся. Доктор Р.Т.Н. Аллертон быстро отвел глаза, и я, никогда не считавший себя знатоком хитроумных тайников человеческих душ, с нереальной четкостью представил, как он, едва за мной захлопнется дверь, сядет за необъятный полированный стол и долго-долго будет смотреть в пустоту...

— Что? — спросил я. — «Тореадор» на орбите?

— С Яной беда, — сказал он. — Пошли.

— Что случилось?

— Пошли, говорю! Кто запер оружейную?

— Начальник, когда улетал. Что случилось?

Он пошел впереди, рассказывая на ходу, и я не узнавал его голоса.

Яна частенько отлучалась к своим озерам, насыщенным реликтовой, нигде больше не сохранившейся жидкостью, уезжала на двое-трое суток, и никто не беспокоился, помня о кодексе. Как и прежде, она отправилась туда верхом, и вечером на обратном пути столкнулась с тремя лоботрясами из Вауле, деревни Ланта — я кое-что слышал о них от чарианцев, причем сплошь нелестное. В данный исторический период лентяам уже не грозили изгнание из племени или смерть, так что кое-кто тут уже сообразил, что стыд — не дым, глаза не выест. Несколько лет эта троица кое-как перебивалась, благо дичи хватало, а их полузаброшенный участок все же давал иногда скудный урожайишко. У них хватало благоразумия особенно не раздражать односельчан, и те просто-напросто махнули рукой на лодырей, втихомолку дожидаясь, когда их прикончат при очередном

военном походе, куда они не смогут не отправиться, или они сами, нахлеставшись дурмана из корней килона, укокошат друг друга на радость землякам.

В тот вечер они опять напились и шатались у брода, скорее всего, прицеливаясь к чьей-то верше. Там, у брода, и встретили Яну. Они держали ее в своей развалюхе до рассвета, к утру окончательно перепились, и ей удалось бежать. Вот и все. Случай с точки зрения местного права гнусный, но отнюдь не беспрецедентный...

Я рванул дверь, и меня оглушил яростный гомон. Никто не обратил на меня внимания, они орали, перебивая друг друга, но бас Чака перекрывал все — он стоял у карты, на которой проведенные световым карандашом красные стрелы зловеще протыкали Вауле...

— Четыре вертолета идут конвертом, — рычал он. — Левый передний поджигает посевы, левый задний обрабатывает хибары стрекки, с обоих правых выбивают скот. Амбары я спалю с первого захода. Чтобы горшка целого не осталось, пусть поживут в пещерах!

— Оружейная заперта, — бесстрастно бросил Малисов. — Мы можем рассчитывать только на личное оружие.

Из кармана его рабочих брюк торчала рифленая рукоятка — как и у остальных.

— Ну, дверь мои роботы в два счета выломают...

Из-за стола поднялся Вундис, и наступила пронзительная, как ультразвук, тишина. Слепо отбрасывая ногами стоявшие на пути стулья, он подошел к Чаку, остановился на расстоянии удара и сказал ему в лицо:

— Жечь посевы? И только? Может быть, заразить оспой одеяла, как встарь? А скальпы, с ними как, снимать или нет, объясни-ка! Ох ты, парнишка из Техаса...

— Я из Миннесоты... — пробормотал Чак.

— Генетическая память, а? — вряд ли Вундис слышал его уточнение. — Парни из Техаса, в голубых мундирах и великолепных стетсонах, с кольга-

ми и винчестерами, вы стояли, подбоченьясь, над трупами... Хорош только мертвый индеец, да? Только я живой индеец, и если ты не перестанешь, я забуду, что нынче двадцать второй век...

— Нет, ты погоди. Ты погоди. — Гурский обошел меня, словно неодушевленный предмет, ухватил Вэша за плечо и развернул лицом к себе. — Ты не туда гнешь, Вэш. Скажи, как насчет меня? У нас с тобой, по-моему, нет счетов времен фронтьера? Ведь правда, нет? Тогда давай конкретизировать без оглядки на земное прошлое. Предположим, что мы — не мы, а жители соседнего селения, которые узнали, что трое подонков надругались над нашей девушкой. Как мы поступим?

— Запалим Вауле с четырех концов, — сказал Малисов, и остальные одобрительно заорали.

— Вот именно. С точки зрения здешних законов мы поступим абсолютно правильно, спалив деревню. Согласно тем же законам, мы даже поступим крайне гуманно — мы ведь не станем в отместку еще убивать, как тут обычно практикуется. Какого же черта ты притягиваешь за уши тень генерала Кастера? Верно, мы земляне. Однако мы живем среди чарианцев, мы вписаны в их мир, в их кодексы и законы, в их глазах мы — точно такое же племя, почему же мы не можем отомстить так, как предписывает здешнее право? Земля нас осудит, но мы не на Земле...

— Ты не думай, я все понимаю, — сказал Вэш. — И все равно я думаю в первую очередь о перебитых бизонах и о резне на Колд-крик. Хорошо, мы отомстим за Яну, но кто отомстит за обесчещенных триста лет назад наших девушек? За великий город Теночтитлан? За Рязань? За Гернику? За всех девушек и за все города? Вам вдруг показалось, что, спалив убогое селение на планете за двадцать парсеков от Земли, мы разом отплатим земным насильникам и подлецам всех времен и народов. Но это неправда... Мы все-таки не чарианцы...

— Хватит! — рявкнул я, прошел к столу и сел. Они хмуро смотрели на меня. — Хватит. Давайте лучше о нас самих. До чего мы докатились? Истери-

ки, игра в софизмы-силлогизмы, повышенная возбудимость, наружу вылезают распри, про которые давно пора забыть. Того и гляди, мы начнем вспоминать, чьи предки чьих обидели тысячу лет назад и начнем палить друг в друга, довершая дело... Что с нами происходит? В нас пробуждаются темные инстинкты? Нет, тут что-то другое... Мы стали хуже? Не думаю. Духовно богаче? Вряд ли. Я понятия не имею, как назвать то, что со всеми нами происходит, но мы уродуем себя, пытаюсь совместить в себе Землю и Чару, прошлое и настоящее...

— Проповедь темпераментная и искренняя, — сказал Чак. — Но вот что ты предлагаешь для данного случая, какой выход?

— Вы тут орали о местном праве, — сказал я. — Но наши вертолеты и оружие наверняка находятся вне местного права — потому что они вне здешних возможностей. Может быть, нас всех, и меня первого, нужно немедленно распихать по лучшим санаториям Земли, но что-то же нужно делать... В деревню поедете вы трое — Чак, Вэш, Паша Гурский. И никакого современного оружия — только чарианское. И чтобы, кроме тех троих, в деревне не пострадала и паршивая собака... Марш!

Интермедия. (Чак Рочер, микробиолог)

Вообще-то он зря попрекал меня шермановскими кавалеристами. Ничего такого, уж я-то знаю, специально копался в архивах. Ивар Рочер, первый американский Рочер, приехал в Штаты в восемьсот семидесятом и до самой смерти плотничал в Миннесоте, а когда подросли его сыновья, битвы с индейцами стали уже историей. Так что ничего подобного, зря он это. Но, пошел! Неужели я сейчас убью, смогу убить, пусть и подонка? Ведь смогу... А что скажет Джули? Что скажут там, на Земле? Да что бы ни сказали, плевать! Для них это абстрактная морально-этическая головоломка, утеха психологов и космоисториков, для нас — нет, в нас появилось что-то, неуловимо отли-

чающее нас от тех, кто остался дома, и, кажется, до самой смерти буду делить землян на тех, кто был здесь, и на тех, кому здесь побывать не довелось. К их счастью, к их сожалению... Но-о!

Интермедия. (Вэш Вуидис,
Парящий Лист, оператор систем
дальней космической связи)

Хай! Хай! Конечно, я зря накинудся на Чада. Но я-то — как вышло, что во мне проснулось ЭТО? И не только во мне, слишком многое просыпается в слишком многих, и всему виной Чара, проклятая планета, благословенная. Я скачу убивать. Я, индеец, сын народа, едва не выбитого с лица земли. Правда, и мои предки не всегда играли на арфах, шелестя белоснежными крыльями, но во всех наших индейских междоусобицах погибло меньше людей, чем на одной только Кубе, когда туда приплыли каравеллы с крестами на парусах. Разве мои предки снимали с белых скальпы лишь из одной врожденной кровожадности — потому что накопело. Да и другие белые платили им за скальпы белых... Так что легко им судить там, в двадцать втором веке... стоп, почему «им»? Нам, а не им. Неужели я забыл, что я один из них? Хай, хай!

Интермедия. (Павел Гурский, астроном)

Нет, это невозможно, и все же так и есть. Три землянина, специалисты с дипломами двух-трех институтов, конечно, крепкие, тренированные парни, и все же, все же... В какой школе верховой езды Вэша могли обучить сидеть вот так — вольная посадка, ничего общего не имеющая с посадкой конника спортсмена, рука на отлете, и в ней — местный аналог томагавка. И Чак со своим копьем, и я с луком — откуда в нас это словно бы проснувшееся умение? Естественное объяснение — предки. Не си-

ний гусар, так Игорев конник, не петровский драгун, так донской казак, а возможно, что и одинокий ордынец затесался мимоходом в шеренгу пращуров. Но все же — почему это так ярко проснулось в нас? Сейчас я убью. Но убью подонков... Хай!

Они с криками влетели в деревню и, не сдерживая распаленных дико храпевших купов, пронеслись мимо шарахавшихся людей. Где-то близко закричали женщины — протяжно, рыдающе тоскливо, всегда они кричат здесь при набегах. Взыла и забилась в пыли угодившая под копыта собака, вопли нарастали, с полей бежали мужчины — в деревне прекрасно поняли, зачем в Вауле ворвались вооруженные всадники.

Как ни странно, те трое и не думали никуда скрываться, только сейчас, заслышав вопли и нарастающий грохот копыт, заметались по двору, разыскивая неизвестно куда засунутое с пьяных глаз оружие. Через несколько секунд один из них рухнул лицом вниз, вцепившись обеими руками в древко пробившего его насквозь копья. Второй успел выдернуть дубину из-под кучи корзин, но в воздухе просвистел томагавк и угодил в цель под дикий вопль команча. Третий, рывками бросаясь из стороны в сторону, бежал к лесу. Стрела впилась ему в шею, и он пробежал несколько метров, прежде чем рухнул.

Трещало пламя, мгновенно охватившее хижину. Всадники медленно двинулись прочь. Мужчины, столпившиеся на окраине селения, опускали копья и расступались — убедившись, что этим все и кончилось, деревня молчаливо признавала правоту соседей...

Монолог третий. Вадим Ребров, пока еще заместитель начальника станции

Они молча привязали купов и разошлись в разные стороны. Никто не подошел ко мне, и это избавляло меня от необходимости зачитывать еще и им только что полученную космограмму. Я смял в кулаке ленту.

Утром на орбите должна была появиться эскадра. «Дон Кихот», «Зодиак», «Малабар», «Болид», «Звездный тигр» — огромные транспортники, колоссы. Плюс уполномоченный Совета астронавтики, находившийся на борту «Зодиака». Все это, вместе взятое, могло означать только одно...

Я подошел к перилам и оглядел окрестности так, словно только что, впервые прилетел сюда, и теперь знакомился с местом, где предстояло жить. Белые купола обсерваторий, россыпь разноцветных коттеджей, солидные здания лабораторий и мастерских, синие громады ангаров и складов, алые, желтые, голубые вертолеты на аэродроме, хитроумные антенны дальней связи, бассейны, аллеи, спортивные площадки — небольшой город, по старинке именовавшийся станцией «Иван Ефремов». И нигде не видно людей — наверняка все сделали тот же вывод, что и я, и собирают сейчас вещи, одержимые самыми разными мыслями...

Монолог четвертый. Ирина Ларичева

В окно постукивали осторожно, но настойчиво. Не зажигая света, я накинула халат, прошлепала босиком к окну и нажала кнопку. Стекло бесшумно ушло в стену. Меня опажнуло ночным холодком, и передо мной возникло лицо Ланта.

— Ты одна? — прошептал он.

— Нет, у меня совещание, — сказала я и посторонилась. — Влезай, холодно. Зажечь свет?

— Нет. Что у вас случилось?

Над соседним домом, заслонив звезды, призраком проплыл грузовой вертолет, следом еще два.

— Ох, Лант... — я села на постель, он, как обычно, устроился на полу. — К нам идут транспортники, понимаешь? Мы улетаем. Все. Скоро здесь никого из нас не останется, оборудование увозят на космодром, эскадра подойдет на рассвете... Почему ты молчишь?

— Я думаю, — сказал Лант. — У нас никогда не бывало, чтобы женщина уходила. Она может уме-

реть, может выйти замуж в другое селение, ее могут украсть, убить, но вот так — она есть, и ее нет, она где-то за облаками, и никогда сюда не вернется... У нас так не бывает.

— Ну хочешь, полетим со мной?

— Нет. Там все чужое. Я лучший в деревне, но стать лучшим у вас не смогу.

— Мы могли бы вместе что-нибудь придумать... Почему обязательно быть лучшим?

— Не лучшим. Просто уважаемым.

— Но ведь можно...

Он заглянул мне снизу в лицо:

— А ты можешь остаться со мной? Мне у вас многому пришлось бы учиться. Тебе у нас придется учиться не так уж и многому.

— Я хочу, чтобы мои дети выросли землянами, — сказала я. — Понимаешь? Я подумать боюсь, что мои дети будут жить в твоей деревне, словно страшный сон...

Но ведь должен быть выход? Все или ничего — какое глупое выражение... На потолке плясали случайные отблески огней суетившихся над поселком вертолетов, а где-то в космосе эскадра стальных громадин неслась к Чаре, словно кабан сквозь камыши, ломясь сквозь неэвклидово пространство, о котором я знала не больше Ланта. Господи, ну с чего мы взяли, что нужно открывать все без исключения Америки? Где это рубили головы побывавшим в Атлантиде морякам — в Египте, в Финикии?

— Ну обними меня, — сказала я сквозь слезы. — Слышишь?

Было все, чего мы оба хотели, но мне не давала покоя скользкая и холодная мысль — я поступаю с ним подло. Честнее было бы не открыть ему, прогнать, не искать зыбкой видимости компромисса, от которого не станет легче ни ему, ни мне...

— Что ты молчишь? — почти крикнула я. — Ты получил все, что хотел.

— Я не только хотел тебя, но и любил, — сказал он, и я сжалась, как от холода. — Вы меня многому учили, но ты научила совсем не тому. В любви ни-

чего не бывает наполовину. Что ж, возвращайся за облака, если так надо — прощай...

Он тенью скользнул по темной комнате, бесшумно выпрыгнул в окно и исчез, растворился в зыбком полумраке, в мелькании разноцветных огней, рассыпавших пустые угловатые тени. Ослепительный луч прожектора полоснул по потолку, на секунду превратив люстру в инопланетное чудовище. Вдали квакнула сирена.

Я сидела на смятой постели и сухими глазами смотрела на свистопляску огней. Хотелось плакать, самое время было разреветься в подушку, но что-то подсказывало мне, что на слезы я не имею права...

**Монолог пятый. Вадим Ребров,
инженер, бывший заместитель начальника
бывшей станции**

— У меня есть просьба, — сухо сказал я.

— Да?

— Я хочу улететь с последним бортом.

— Пожалуйста, — небрежно обронил Данкевич.

Он сидел выпрямившись, абсолютно симметрично сложив руки на острых коленях, и его замкнуто-бесстрастному лицу позавидовали бы многие окрестные вожди. Но сухарем и бюрократором он не был — я кое-что слышал о нем. Просто миссии такого рода, какая возложена на него, требуют от исполнителей масок, лучшей из которых, безусловно, является манекенность лица и тела. Но ни в коем случае не души. Правда, у меня не было ни малейшего желания проникать в его душу. Мне хотелось одного — чтобы все как можно скорее кончилось.

— Как же Ванда? — спросил я.

— Никаких сложностей, — ответил он. — Ее приятель улетает с нами.

— Что касается меня, то я с вами не улетаю, — в дверях стоял Эрик Густавсон, вошедший без приглашения и без стука. — Ясно? Я с вами не лечу. И если кто-то попытается мне помешать, если кто-то...

— Не заводите себя, — ровным голосом произнес Данкевич. — Вы должны осознать — мы уходим навсегда, и в ближайшие сто лет здесь не будет даже орбитальных наблюдателей. Так что Земля будет потеряна для вас навсегда.

— Что предпочтительнее — еще один средний инженер, который никогда не выдумает пороха там, на Земле, или охотник не из последних — здесь?

— Вот и решайте.

— Вот и решил, — Эрик круто развернулся и толкнул ногой дверь.

— Странно, что вы заставили его снять одежду, — не без сарказма заметил я. — Станцию мы уничтожаем подчистую, вот штаны экс-землянина Густавсона проглядели.

— К тому времени, когда у них появится археология, от штанов экс-землянина Густавсона не останется и клочка. А всевозможные пуговицы или бусы, оставленные здесь, в худшем случае заставят здешних историков — да и то не всех, самых молодых и дерзких — выдвигать шальные гипотезы и писать статьи, которые не примет ни один серьезный журнал. В конце концов, и на Земле попадались странные находки, но никто их не признавал, и погоды они не...

Он вдруг замолчал, но у него хватило силы воли не отвести от меня взгляда.

— Вот именно, — сказал я тихо, очень тихо. — В конце концов на Земле тоже встречались странные предметы. И не менее странные легенды... Здесь, — я мотнул головой в сторону окна, — еще нет письменности. И живописи из-за отсутствия подходящих для росписи пещер нет. Поэтому рассказы о нас за тысячи лет так исказятся, трансформируются и украсятся, что станут напоминать то ли обычные сказки, то ли некоторые земные легенды... Данкевич, вот что мне чертовски хотелось бы знать: а не пришлось ли кому-то лет этак с тридцать тысяч назад в панике бежать с Земли, как сегодня с Чары бежим мы? Может быть, не Адама и Еву изгоняли из Эдема, а из Эдема бежал сам Господь Бог? Тот, что фигурирует под именем Господа Бога? Если Адам был

создан по образу и подобию Божьему, то Бог наверняка был молодым... Все ли сюжеты Библии мы расшифровали, и все ли расшифровали правильно?

— Вы никогда не пробовали писать?

— Увы, нет, — сказал я. — Иначе я написал бы большую книгу о людях, которые наивно полагали, что собеседник, похожий на тебя, как две капли воды, во сто раз ближе и понятнее, безопаснее и желаннее, нежели какой-нибудь сиреневый спрут в мантии доктора гонорис кауза. О людях, которые нашли то, что искали, и бежали от того, что нашли... Я все понимаю, но почему мы ничего не можем сделать?

— Потому что на этот раз от нас не требуется гасить звезды, сносить горные хребты и осушать моря, — сказал Данкевич. — От нас требуется гораздо более сложное — совместить несовместимое... Аллертон прав — мы проиграли еще и потому, что пришли ни раньше, ни позже, а в самый удачный неудачный момент. Пришли во время, когда нет антропоморфных богов, так что никто богами нас не считает и не собирается поклоняться нашим вертолетам. Увести за собой чарианцев — лишь увеличить население Земли на несколько сот тысяч человек. Мы решили, что это — встреча в пространстве, а это — встреча во времени, Ребров. Стоит посмотреть на события как на встречу во времени — и все встает на свои места, наше отступление не выглядит отступлением, наше бегство перестает казаться бегством, все недоразумения, эксцессы, вспышки забытых противоречий и тени минувших конфликтов умирают, едва рычаг машины времени переведен на возвращение машины в родную эпоху... У нас с чарианцами нет, не может быть разногласий религиозного, политического, экономического, литературного характера. Ни точек соприкосновения — по причине отсутствия у них политики, религии, экономики, литературы в нашем понимании. Остаются одни-единственные проблемы — личного характера, если можно так выразиться. Это-то и создает трудности. Мы можем и не бежать, но для этого от нас требуется понять, что же такое Человек, почему он любит, почему ненавидит. Требуется понять и познать самих

себя — а этого мы не в состоянии сделать даже сегодня. Вот главная причина бегства — да, бегства...

Мы замолчали. Я смотрел в окно — станции больше не существовало, долина была усеяна кучами неведомого серого пепла, который очень скоро размоют дожди и разнесет ветер. Уцелел только мой коттедж, но и к нему, я видел, направляются двое, волоча за собой блестящий кольчатый шланг. Только пепел. И несколько оставшихся в селении безделушек — они не станут фетишами, священными реликвиями, и оттого затеряются в веках. Эрик рано или поздно умрет. Останутся разве что легенды о странном племени, жившем некогда по соседству — в горниле тысячелетий — и они переплавятся в нечто неузнаваемое, удивившее бы нас самих эхо миража. Или исчезнут вовсе, как этот серый пепел — разве до нас дошли хотя бы жалкие обрывки фольклора кроманьонцев, их сказок и песен, разве мы знаем их имена, названия, которые они когда-то давали рекам и горам, Луне и звездам?

— Итак, — сказал Данкевич, — мы поворачиваем рычаг, и машина времени возвращается в родной век. И ничего не изменят прилипшие к башмакам путешественников цветы и мертвые бабочки, равно как и забытые в прошлом безделушки...

Мы вышли из коттеджа, тут же рассыпавшегося в беззвучном взрыве облаком серой пыли. Я перехватил взгляд Данкевича — он смотрел вдаль, туда, где розовое закатное солнце высветило на вершине близкого холма черные силуэты наблюдавших за смертью поселка чарианцев.

— Вы думаете, это не ново? Не впервые? — спросил Данкевич.

Я понял его и повторил:

— Хотел бы я знать, кто бежал с Земли тридцать тысяч лет назад...

— Но разве легче оттого, что мы — не первые, что кто-то уже потерпел аналогичное поражение? Легче? Может, наоборот — труднее и горше?

Я ничего ему не ответил.

1984

СТРАНА, О КОТОРОЙ ЗНАЛИ ВСЕ

...Я стою у окна, напряженно вслушиваюсь в каждый звук, не отрываю глаз от зеленой стены леса. В лесу — смерть, и оттого мирные деревья кажутся оборотнями. До леса что-то около двухсот метров, мой домик — обыкновенное загородное прибежище охотника — стоит на открытом месте, и только благодаря этому я еще жив. Но те, что за мной охотятся, бросятся в атаку с наступлением темноты, я это знаю, и знаю, что они не уйдут. Их человек шесть, они вооружены автоматами, а я один, у меня есть винчестер и служебный пистолет, но в темноте меня не спас бы и пулемет. Может быть, они просто подожгут домик — у них хватало времени, чтобы смотаться в город за какой-нибудь зажигательной бомбой. Так что мне остается надеяться лишь на эту крашеную гримзу, секретаршу Тэда. Если она найдет его и передаст то, что я просил передать, я спасен, — если только Тэд захочет меня спасать...

Мое имя — Патрик Грэм. Мне тридцать четыре года, я имею воинское звание подполковника, но никогда не ношу мундира, потому что работаю там, где форму никто не носит, — в разведывательном управлении. Сектор «Африка». В настоящее время я — начальник особой группы, занимающейся африканской республикой Гванеронией. Вы слышали о ней? Разумеется: вот уже месяц все газеты мира непрерывно помещают материалы о развернувшихся там боевых действиях — отряды полковника Мтанга Мукиели, сторонника идеалов западного мира, теснят войска прокоммунистически настроенного премьера Амбруаза Букиры, контролируют уже две трети территории страны и не сегодня-завтра овладеют

столицей. Это знают многие, но никто не знает, что только от меня зависит, возьмут ли отряды Мукиели столицу. Или от меня уже ничего не зависит?

Дело осложняется тем, что ничего этого нет, ничего и никого. Нет Гванеронии и десяти миллионов ее населения, нет шахт и приисков, нет премьера Букиры и полковника Мукиели. Впрочем... Иногда сам я начинаю сомневаться — может быть, существуют все же где-то за океаном и Гванерония, и мятежники? Ведь полковнику Мукиели переправлено на сорок миллионов оружия и военной техники, из-за развернувшихся там событий здесь, в этом городе, погибли несколько человек, и меня осаждают в собственном охотничьем домике агенты секретной службы дружественного нам государства... Господи, я в тебя не верю, но помоги, защити, заслони от выпущенного нами самими джинна!

Полковник Мукиели родился в возрасте сорока лет.

Этот день не был понедельником, а число — тринадцатым. Была среда, двадцать пятое мая, прекрасное во всех отношениях утро. С утра я принялся за сводку для генерала, к одиннадцати часам закончил и понес бумаги.

Генерал Райли, начальник нашего отдела, — личность незаурядная. Выглядит он как типичный тупой солдафон, какими их рисуют карикатуристы: нескладная фигура, грубое лицо, словно вырезанное из сырого полена тупым секачом. Но за этой банальной внешностью кроется умный, интеллигентный, энергичный человек, кстати сказать, знающий наизусть почти всего Киплинга. И единственная его слабость — частенько цитировать «железного Редьярда».

Я вошел. Он пригласил меня сесть и несколько минут дочитывал только что полученные последние донесения.

— Совсем неплохо, Патрик, — сказал, прочитав. — Те парни, в Квеши, доказали, что мы не зря ухлопали деньги на их учебу. Полюбуйся — они под-

палили-таки фабрику. Как корова языком слизнула... По мнению ребят из экономического отдела, это отбросит черненьких лет на пять — средств для восстановления у них нет и неизвестно, когда будут. Это удар по всей промышленности.

— Потери были?

— Трое. А у тебя что?

— Ничего выдающегося, — сказал я. — За истекший месяц в моем районе произошло двенадцать вооруженных столкновений и восемь успешно проведенных диверсионными группами заданий. Правительственные войска потеряли сто одиннадцать человек, причинен материальный ущерб в семьсот тысяч четырехста девяносто один доллар.

Затрещал телефон. Райли снял трубку, послушал и приказал:

— Тогда уберите его. Нет, лучше за городом, — он повесил трубку. — А потери вторгавшихся групп, Патрик?

— Девяносто восемь человек, восемь бронетранспортеров, семь минометов, четыре вертолета.

— Это плохо. Сплошные убытки.

— Ничего не поделаешь, — сказал я. — Качество противовоздушной обороны и оперативность вооруженных сил черномазых повышаются. Это неприятный процесс, но мы бессильны его остановить.

— Плохо, плохо, — он выбрался из-за стола и зашагал по кабинету мягкой кошачьей походкой. — Патрик, оставим казенные фразы. Наверху весьма и весьма нами недовольны. На последнем совещании нашу деятельность в глаза назвали игрой в солдатики. Все эти стычки местного значения, наскоки через границу, неудачные покушения и невзорвавшиеся посылки. Мне предложили, если ничего у нас не изменится, передать Фришу спецнадбавку к ассигнованиям.

— Черт знает что, — сказал я. — Из-за того переворота, что ли?

— Вот именно.

— Но, в конце концов, эта страна едва ли не меньше нашей столицы...

— Но это — страна, — сказал Райли. — Государство. Полковник Фриш провел блестящую операцию, приведя к власти в некоем стратегически расположенном государстве дружественное нам правительство, тут же подписавшее все необходимые соглашения. Звучит? Что по сравнению с этим наши рапорты о подожженных магазинах и разгромленных автоколоннах? Нам просто снова напомнят, сколько стоят вертолеты и подготовка командос. Фришу плевать, что это был крохотный островок, и начальству плевать. Фриш бегаёт именинником, будто он сам разгонял тамошний парламент.

— Нас прижмут, — сказал я. — К тому идет.

— Уже прижимают — вот-вот лишат прибавки... Патрик, сейчас нас может спасти только какое-нибудь шумное, громкое дело — война, восстание, переворот. Неважно что, лишь бы это случилось в нашем секторе Африки, лишь бы это получило широкий резонанс, лишь бы мы проявили оперативность. Пусть эту войну наши люди даже проиграют... хотя, конечно, лучше выиграть.

— Я готов рискнуть, — сказал я. — Намажусь ваксой, полечу в Африку и обстреляю из базуки какое-нибудь наше посольство.

Он не улыбнулся в ответ. Посмотрел мне в глаза и медленно сказал:

— Еще одна такая шутка, и я пошлю тебя претворять ее в жизнь, честное слово.

Он даже не процитировал что-нибудь подходящее к случаю из Киплинга, и это был вовсе уж скверный признак...

Я ушел от него в расстроенных чувствах и, словно специально для того, чтобы окончательно испортить мне настроение, в коридоре мне попались двое парней из отдела Фриша. Эти подонки весело обсуждали во все горло свои повышения и премии, нежно поглаживали новенькие военные ордена на лацканах. И предложили мне перебираться к ним, пока есть свободное место: младшего статистика, правда, но ты не ломайся, Патрик, а то ведь может быть и хуже, понизят Тэда Райли и засунут резидентом в какую-

нибудь из неперспективных стран, а тебя переведут на нижеоплачиваемую подсобную работу, вроде чтения переписки конгрессменов, и куда ты тогда денешься, прощай твои мечты о подполковничьих погонах, так что идем к нам, пока не поздно.

Я пожелал им завтра же дожидаться демократического контрпереворота и отправился к своим. Там я застал идиллическую картину: Моран увлеченно рассказывал Кастеру, как он вчера увел из незнакомой компании шикарную девочку, ухитрившись при этом не получить по морде от незнакомой компании, перед Берренсом лежал буклет международной автомобильной выставки, Крофт трудолюбиво изготавливал фотомонтаж (голова Берренса и тело обнаженной девицы), Паркер болтал по телефону, и сразу видно было, что с подружкой.

Я высказал этим мерзавцам все, что о них думаю, но мерзавцы нахально заявили, что они провернули все текущие дела, оприходовали подорванные линии электропередачи и сожженные мосты, поплакали над сбитыми вертолетами, а если случилось, наконец, что-то грандиозное, то они готовы сомкнутыми рядами ринуться в бой.

Мне нечем было крыть, пришлось заткнуться и удалиться в свой кабинет. Тут появился Бэйб, и мне, как всегда в таких случаях, захотелось очутиться на другом конце света. Например, в Китае — потому что Бэйб не знает китайского и не сможет расспросить аборигенов, куда я подевался.

Это шестифутовое румяное чудовище — мой дальний родственник по тетушке Эмили, и славится он двумя вещами — феноменальной невезучестью и полной неспособностью с ней бороться. Если когда-нибудь случится так, что с орбитальной станции кому-нибудь свалится на голову ведро с краской, то этим неудачником будет Бэйб, и не спорьте. После того, как он последовательно становился учителем, клерком, полицейским, секретарем политического деятеля, пожарным — и с пугающей регулярностью терял место максимум через неделю после поступления на него, тетушка Эмилия вспомнила обо мне, а

я вспомнил, что по ее завещанию мне полагается шестьдесят тысяч, но в случае моего отказа принять участие в судьбе Бэйба денежки могут достаться какому-нибудь приюту для престарелых попугаев. Тетушка Эмилия обожала попугаев.

Я принял в Бэйбе участие. К моему удивлению, он прошел все тесты и испытания и был признан годным для работы в разведке. Я решил было, что полоса неудач для него кончилась, но последующие события показали, что Фортуна и Бэйб — вещи несовместимые. Райли определил его наблюдать за проживающими в нашем городе африканцами, но на этом поприще Бэйб ухитрился за неделю прозевать троих из объектов наблюдения, раскрыться перед двумя другими и угодить в полицию как подозрительная личность. Когда он принял негра-швейцара из отеля «Холидей» за сотрудника ангольской разведки и вызвал опергруппу (в результате на полчаса застопорилось уличное движение и восемь пострадавших содрали с нас сорок тысяч компенсации), Райли пообещал, что вышвырнет его, если в течение трех дней от него не будет получено хотя бы строчки по-настоящему дельной информации. Обрадовать эта новость могла разве что престарелых попугаев.

— Ну? — спросил я, когда проклятый любимый родственник вошел в кабинет. — Если ты скажешь, что пришел пустой, я тебя повешу на люстре.

— Вешай, — грустно разрешил Бэйб. — Вешай меня, Патрик, ничего у меня нет.

— Послушай, — сказал я. — Мы подозреваем, что этот африканец в свободное от чтения лекций время работает на свою разведку. Ты неделю таскался за ним и ничего не принес. Ну хоть один разговор, хоть одну фразу, которую можно было бы истолковать двояко? Хоть одну встречу, выглядевшую подозрительно?

— Ничего нет. Встречается он в основном со своими студентами.

— О чем говорят?

— Думаешь, я понимаю? Сам скажи, можно ли придать двоякий смысл такому вот перлу, — он заг-

лянул в блокнот. — «Возможные пути построения сложных эфиров меняются в зависимости от состава и строения кислоты и спирта». Учти, я еще самое простенькое записал.

— Да, — сказал я с отвращением. — Ученые чертовы.

— Может, он яд делает? — с надеждой спросил Бэйб.

— Ага, и хочет отравить президента. Иди-ка ты к сочинителям комиксов с такими идеями.

— Но вы же хотели отравить этого...

— Так то мы, — сказал я. — Нет, Райли тебя вышвырнет.

— А тетушка Эмилия перепишет завещание, — мстительно ответил этот подонок.

Он сидел, грустно ссутулившись, а у меня блеснула великолепная мысль. Это пахивало авантюрой, но могло и сойти с рук.

— С кем сегодня встречался твой проф? — спросил я.

— С какой-то девицей.

— О чем говорили?

— О проблемах современной химии.

Я сунул в машинку лист бумаги и напечатал:

Начальнику отдела «Африка-Дельта»
РАПОРТ

Довожу до Вашего сведения, что объект слежки — профессор Мтагари, находящийся в нашей стране по программе культурного обмена, сегодня при встрече с неустановленным лицом женского пола сообщил данному лицу, что в республике Гванерония группа военных выступила против прокоммунистического режима.

Лейтенант Корберс

— А теперь подпиши и неси к Райли.

— Это где же такая Гванерония?

— Такой страны вовсе нет, дубина, — сказал я.

— Ты с ума сошел?

— И не собирался, — сказал я. — Какая тебе раз-

ница, есть такая страна или ее нет? Не ты о ней говорил, а твой профессор. Не станет же Райли копаться в справочниках, разыскивая твою Гванеронию, — мало ли крохотных, почти забытых стран? Подошьют в дело и забудут.

Бэйб подписал рапорт и унес его Райли. Некоторое время я наслаждался покоем и тишиной. Вдруг дверь с грохотом распахнулась, в кабинет ворвался Тэд Райли, выдернул меня из-за стола, выволок в коридор и потащил куда-то со скоростью крылатой ракеты. Встречные шарахались.

— Куда ты меня? — опомнился я метров через двадцать.

— К шефу! — завопил Райли, сияя. — Патрик, дорогой, ты и не знаешь, наверное, что за алмаз откопал твой парень! Это же дождь благодатный во времена великой суши! Время собирать камни и время разбрасывать камни! Отец у него был евангелическим проповедником, иногда это чувствуется.

— Что там за алмаз?

— Мятеж! — вопил Райли. — Понял, болван, понял, голубчик? Мятеж в стране, где есть нефть, военные выступили против красного премьера! Мне приказано вернуть всех из отпусков, и никаких денег Фришу! Да здравствует Гванерония!

У меня похолодело в животе, но мы были уже перед дверью Святилища, вломились туда без доклада, и ведьма-секретарша лишь ободряюще улыбнулась нам вслед.

Шеф сидел за столом — он всегда сидит за столом, никто никогда не видел, чтобы он стоял или ходил по кабинету, и всегда на столе лежат голубая папка и золотая авторучка, и постоянно на шефе один и тот же серый костюм с бордовым вязаным галстуком. Злые языки твердят, что шеф и спит за столом в той же позе, а кое-кто с оглядкой нашептывает, будто шеф и не человек вовсе, а робот, присланный к нам для испытаний, и якобы какое-то суперсекретное предприятие уже выпекает таких роботов десятками. Проверить это невозможно — не станешь же колоть шефа булавкой.

— Генерал Райли. Майор Грэм, — сказал шеф. — Прошу внимания. Как мне только что доложили, в Африке, в стране, располагающей значительными нефтяными ресурсами, началось восстание против прокоммунистического режима. Майор Грэм, как сообщил мне лейтенант э-э-э... Корберс, вы являетесь лучшим специалистом по э-э-э... Гванеронии. (Я обмер.) Вы назначаетесь начальником особой группы «Гванерония» отдела «Африка-Дельта» с присвоением звания подполковника. Ваша задача — немедленно представить всеобъемлющие данные о политической обстановке, экономическом и военном потенциале, повстанцах, их руководителях, помощи режиму со стороны коммунистов, позиции ОАЕ и ООН. Вы, генерал, разработайте все возможные варианты помощи повстанцам: поставка оружия, обработка общественного мнения. Лейтенанта Корберса — резидентом в Гванеронию с присвоением звания капитана. Через час доклад должен лежать у меня на столе — я уже звонил президенту, он будет ждать. Все. Вы свободны.

До двери я еще дошел, из кабинета я еще вышел, но не помню, что было в коридоре. Очнулся я на диване в кабинете Райли, без пиджака, с развязанным галстуком и мерзким вкусом какого-то лекарства во рту. Вокруг столпились все мои подчиненные и изрядное количество посторонних.

— Очухался! — обрадовался Райли. — Вот что делает с человеком радость — как только узнал, что ему дали подполковника...

— Господи, Тэд, — простонал я. — Ради бога, выгони их всех и запри дверь, я тебе кое-что скажу...

Через несколько секунд посторонние оказались в коридоре, а дверь на запоре — Райли умел понимать с полуслова и создавать рабочую обстановку.

— Нужно срочно что-то делать, — сказал я. — Никакой Гванеронии нет. Нет ее, понимаешь?

— Ты что, нагрузился с утра? Или травка?

— Да пойми ты! — взвыл я. — Этот проклятый рапорт придумал я, чтобы ты не уволил Бэйба, понимаешь? Чтобы была хотя бы строчка дельной ин-

формации. Черт с ним, с моим новым званием, лишь бы выпутаться.

— Вот теперь верю, — сказал Райли. — Ты и в шутку не стал бы отказываться от полковничьих погон. Ах ты, гад этакий, что же это ты наделал?

— Выгони меня, — сказал я.

— А доклад через час должен быть у шефа, и шеф поедет с ним к президенту, и я один должен буду расхлебывать твоё варево? Сядь и помолчи.

Я замолчал. Он присел на угол стола, барабанил пальцами по колену и отрешенно напевал:

— Гроб на лафет! Он ушел в лихой поход.
Гроб на лафет! Пушка медленно ползет.
Гроб на лафет! Все мы ляжем тут костями.
Гроб на лафет... —

он вдруг соскочил со стола, и, глядя на меня дерзко и весело, закончил:

— И барабан — греми! Подполковник, впредь до соответствующего распоряжения приказываю считать Гванеронию реальностью!

— Что-о?!

— Сейчас ты запрешься у себя, отключишь телефон, отправишь по домам своих ребят и в спокойной обстановке составишь доклад для шефа. Ты ведь специалист по этой стране, вот и оставайся им.

— Ты что, рехнулся?

— Ничуть, подполковник. Гванерония существует, как и тамошние мятежники.

— Но как туда поедет Бэйб?

— Запихнем его на одну из наших загородных дач, пусть себе строчит донесения.

— Мы должны будем посылать туда оружие.

— Продадим какому-нибудь Парагваю. Там охотно возьмут.

— Туда устремятся корреспонденты.

— Мы поставим для них превосходный спектакль. Для этого нам понадобится напоминающая по ландшафту Африку местность и полсотни негров с винтовками. Это нетрудно устроить даже киношникам.

— Хорошо, — сказал я. — Можно сочинять донесения, можно продать на сторону оружие, можно устроить спектакль для репортеров, но существуют карты, справочники, энциклопедии.

— Карты, — он взял со стола газету. — Послушайка. «Сенатор Паркинсон, которого прочтут в руководители комиссии по иностранным делам верхней палаты, не смог перечислить государства Юго-Восточной Азии, не смог назвать столицу Аргентины, не знал, какие страны граничат с Суданом». И тем не менее сенатор назначен председателем комиссии, Патрик. А помнишь черчиллевское: «Жизнь прожил, и не знал, где эта самая Камбоджа»? Понял? Чем крупнее начальство, тем хуже оно знает географию — для этого у него есть специалисты, то есть мы. Впрочем, если шефу очень уж приспичит, он получит великолепную карту, на которой будет хоть три Гванеронии. Нам срочно нужна огласка — чем больше будут орать о Гванеронии, тем реальнее она будет выглядеть. Верят же люди в летающие тарелки, неужели же мы с нашими возможностями не сможем заставить их поверить в Гванеронию?

— Безнадежная затея.

— Не мели ерунды. Дорогой Патрик, мы — пилоты стратегического бомбардировщика, мы летим на страшной высоте, мы не видим цели. Ты сегодня докладывал мне об африканских делах, но видел ли ты сам сожженную фабрику и сбитые вертолеты? Вот то-то. И еще. Кто-то из средневековых схоластов говорил: «Верю, потому что это нелепо». Мы должны думать: «Верю, потому что это обыденно». Во всей этой истории нет ничего из ряда вон выходящего, она невыносимо банальна: еще в одной далекой стране началась гражданская война. Обыденность — наш козырь и решающий фактор. Христа распяли потому, что он выглядел, как обыкновенный человек.

— Ты великий человек, Тэд, — сказал я. — В истории разведки немало мистификаций, но выдумать целую страну!

— Выдумал-то ты, — ухмыльнулся он. — Я только развил и дополнил. Ну что ж, когда-то люди ве-

рили в золотой город Эльдorado, чашу Грааля, страну пресвитера Иоанна, земли песьеглазцев, остров Хай Бризейл, эту веру поддерживали, эти страны искали. Попробуем и мы, отступить все равно поздно. Отправляйся, и чтобы через час отчет о Гванеронии лежал у меня на столе. Шагом марш! Бренди можешь забрать с собой.

Я вернулся к себе, разогнал по домам своих ребят, наказав завтра в связи с известными обстоятельствами явиться пораньше. И сел писать отчет. В Гванеронии проживало десять миллионов человек. Злясь на эту чертову страну, я сделал ее чрезвычайно бедной полезными ископаемыми, за исключением нефти, да и вообще это была не та страна, куда охотно ездят туристы, — бедная, безлесная, пейзажи малопривлекательны, промышленность исключительно слаборазвитая.

Потом я принялся за премьера Букиру. Бедняга Амбруаз всецело находился под влиянием большой группы военных советников едва ли не всех коммунистических стран. Советники эти, как я их описал, могли бы заставить застонать от зависти какого-нибудь режиссера, специализирующегося на фильмах ужасов, — это была какая-то компания монстров, грызущих по ночам человеческие кости. Они с утра до вечера заставляли Букиру учить наизусть труды Карла Маркса, строили аэродромы для своих ядерных бомбардировщиков, пытали не успевших покинуть страну западных дипломатов, а в свободное от этого время гонялись с автоматами за мирными гванеронцами, вынуждая их вступать в коммунистическую партию. Честное слово, получилось не хуже, чем в некоторых наших газетах. Я стал подумывать, не попытаться ли мне писать детективные романы — разве я бездарнее Флеминга?

Зато полковник Мтанга Мукиели, глава повстанцев, — да, это был парень что надо! Он обеими руками голосовал за развитие частного капитала, денационализацию промышленности и сотрудничество с транснациональными корпорациями, он хоть сейчас готов был установить дипломатические отношения с

Преторией, он терпеть не мог обоих Кастро и всех сандинистов. Оставалось только жалеть, что его не существует, — такой парень чертовски пригодился бы нам в Африке, где мы, увы, не могли похвастать подобными приобретениями.

Назавтра с утра за мной приехала машина Райли и отвезла в какое-то здание. Там в огромном холле сустились репортеры, ездили взад-вперед телекамеры, устанавливали юпитеры, тянули провода, подключали микрофоны, а посередине восседал Тэд Райли и благожелательно улыбался этому сброду. Пока я занимал место позади таблички «подполк. Грэм», какой-то шустрый малый выскочил вперед и заорал:

— Тэд, каковы перспективы повстанческого движения?

— Расчешут всех, — сказал Тэд.

Выдержки из стенограммы пресс-конференции.

К. Гулби (Ай-Эй-Ви). Генерал, я не припомню, чтобы мне прежде приходилось слышать что-либо о Гванеронии...

Райли. Ничего удивительного, Кен. Гванерония — новое название страны, установленное прокоммунистическим режимом после прихода к власти. Раньше она называлась... совершенно иначе. Кроме того, Букира давно закрыл границы страны для корреспондентов из стран свободного мира.

М. Уоларт (Сентрал Кроникл). Почему он это сделал?

Райли. По нашим данным, там был установлен жесточайший режим красного террора. Были уничтожены тысячи людей, вся вина которых состояла в том, что они были сторонниками западной демократии — в полном несоответствии с террористическими подрывными лозунгами Маркса.

Д. Гренди (Эн-Ай-Эй). Каков размах повстанческого движения?

Райли. Грандиозный.

М. Уоларт. Что вы можете сказать о полковнике Мукиели?

Райли. Я не знаком с ним лично, но могу вас заверить, что это в высшей степени благородный

человек, подлинный защитник свободы и демократии.

Н. Лендингтон. (Ивнинг пост ревью). Какие меры принимаются нами для оказания помощи дружественному нам народно-освободительному движению?

Райли. В настоящее время вопрос изучается компетентными лицами, и нет сомнений, что помощь будет оказана своевременно и в должном размере.

Н. Льюк (Бест иллюстриред). Есть ли там наши люди?

Грэм. Да, мы имеем там своих людей. Это честные, добросовестные, опытные работники, мы на них полностью полагаемся. Информацию мы получаем разностороннюю и своевременную.

Е. Чезмен. (Сатурдей геральд). Могут ли наши войска высадиться в Гванеронии?

Райли. Если об этом нас попросит правительство национального освобождения.

О. Чезмен. А вы не боитесь, что там им будет столь же неуютно, как в некоторых других местах?

Райли. Молодой человек, вы, я вижу, не патриот. Не хочу я с вами разговаривать.

У. Тилбер (Ди-Эйч-Ай). Какова в будущем судьба нефтяных месторождений Гванеронии?

Райли. Наш друг Мтанга Мукиели пригласил принять участие в их разработке компанию «Баксос ойл лимитед».

— Ну, как? — весело спросил меня Райли, когда мы ехали в управление.

— Великолепно, — сказал я.

— Обыденно, — поправил он. — Я не сказал ничего нового, все это талдычили до меня, разве что применительно к другим странам и другим событиям.

— Но почему тебе пришло в голову припутать именно «Баксос»?

— Потому что именно ее ребятам первым пришло в голову отозвать меня в уголок, — он протянул мне чек. — Твоя доля, ровно половина. Курочка начинает

нести золотые яички. По справедливости, следовало бы подбросить и резиденту.

— Куда ты его дел?

— Как и собирался, на нашу виллу в лесу, на «Игрек». Там у него есть все, что необходимо для плодотворной работы на благо нации, — вдоволь виски, смазливенькая горничная и парочка надежных сторожей. Что ты вздыхаешь?

— Я подумал, как обрадуется тетушка Эмилия, когда узнает, что Бэйб стал героем-резидентом.

— Я обязательно напишу ей теплое письмо, — заверил Райли. — Не будь ее наследства и ее Бэйба, мы с тобой продолжали бы тихо корпеть над скучными сводками. Да, кстати, собирайся. Тебе предстоит дальнейшее странствие. «За цыганской звездой кочевой на закат, где дрожат паруса и глаза глядят с бесприютной тоской в пламенеющие небеса...» Словом, в Гванеронию. Повезешь туда репортеров.

— Почему я?

— А какая разница? Не беспокойся, все уже подготовлено, спектакль мы им устроим на славу...

Проведенная под моим личным руководством операция «Репортер» прошла без всяких осложнений, оправдала все затраты и произвела наилучшее впечатление. Двадцать пять репортеров и телеоператоров погрузили в военно-транспортный самолет без окон. Время, достаточное для перелета через океан, он провел в воздухе, выписывая над страной гигантские восьмерки. После приземления журналистов погрузили в бронетранспортеры и миль десять везли по ухабистой немощеной дороге, петлявшей среди унылых голых холмов — ландшафт этот с таким же успехом мог принадлежать и Африке (впрочем, для пушего правдоподобия мы установили в нескольких местах у самого горизонта чучела жирафов и зебр). Время от времени по сторонам дороги взрывались небольшие заряды, а в одном месте взорам журналистов представала пылающая деревня, безжалостно сожженная, как выяснилось, правительственными войсками.

Наконец бронетранспортеры остановились на вершине холма, и журналисты получили возможность любоваться захватывающим батальным зрелищем — внизу, в долине, рота повстанцев Фронта демократического движения штурмовала форт, занятый правительственными войсками. Выглядело это впечатляюще, шуму было много — строчили пулеметы, звонко частили автоматические пушки, возле самого холма взорвались два заранее заложенных фугаса, имитировавших шальные снаряды. Лязгал гусеницами и палил по наступающим правительственный танк. Под занавес над полем боя появился вертолет Фронта и сбросил напалмовые бомбы на форт, где стояли дистанционно управляемые пулеметы и лежали несколько позаимствованных в морге безродных, а потому невоинствующих покойников, изображавших павших защитников прогнившего режима.

Репортеры были в восторге. После боя им была предоставлена возможность побеседовать с представителями обеих сражающихся сторон («правительственный» танк поджег изнутри его же экипаж, потом выскочил и сдался в плен). Пленные много и охотно рассказывали о тяготах своей службы, о палочной дисциплине, введенной коммунистическими советниками, о моральных терзаниях, которые они, пленные, испытывали, сражаясь против повстанцев, и в заключение поголовно выразили пламенное желание вступить в ряды Фронта и сражаться до победы.

Повстанцы тоже не подкачали. Не помню точно, сколько заплатили статистам, но авторы либретто и текста свои десять тысяч, безусловно, заслужили. Любо-дорого было слушать, как повстанцы демонстрируют в беседах с журналистами боевой дух, национальное самосознание, приверженность высоким идеалам западного мира и моральную стойкость.

Выжав из повстанцев все и запасшись сувенирами вроде гильз и пуговиц от мундиров, репортеры окончательно обнаглели и заявили о своем намерении совершить поездку по окрестностям, но такой вариант мы предусмотрели и отреагировали соответственно. Нажав в кармане кнопку рации, я отдал

приказ правительственным войскам контратаковать. Вокруг холма вновь стали рваться «снаряды», у горизонта замаячили правительственные вертолеты, повстанцы изготовились к обороне, и их командир, поблагодарив репортеров за визит, категорически предложил им покинуть зону боевых действий.

Что касается полковника Мукиели, с которым, естественно, рвались побеседовать репортеры, то мы еще вчера объявили, что полковник дал обет — до взятия им столицы не принимать ни одного журналиста и не давать ни одного интервью.

— Вот так все и было, — сказал я.

— Превосходно, — сказал Райли. — Теперь есть двадцать пять человек, которые плюнут в морду любому, кто усомнится в реальности Гванеронии. И вскоре эти двадцать пять начнут пудрить мозги миллионам... Кстати, Мукиели выделено оружия на двадцать миллионов. Оно уже погружено на корабль, идущий в Африку, — правда, не в Гванеронию, но наши с тобой счета от этого не пострадают. Разумеется, все пополам. Здорово, Патрик, верно? В несколько дней стали миллионерами, палец о палец не ударив!

А секрет, что был зарыт
у подножья пирамид,
только в том и состоит, .
что подрядчик, хотя он
уважал весьма закон,
облегчил Хеопса на мильон!

— Черт побери, Патрик, это великолепно!

Он вылез из-за стола и стал плясать джигу. Тоненько засвистел селектор.

— Генерал, к вам пытается прорваться какой-то тип, — раздался голос секретарши.

— Что за тип? — спросил я, ближе стоявший к столу.

— Понятия не имею, подполковник. Минутку... преподаватель географии на пенсии. Твердит, что

пришел по срочному и важному делу. Как прикажете поступить?

— Пропустить немедленно, — быстро подсказал Райли.

— Пропустить, — машинально сказал я. — Тэд, ты его приглашал? Кто это?

— Понятия не имею.

— Самое время возиться с отставными географами.

— Ну да, — сказал Райли. — Самое время. В последние дни я вдруг страшно заинтересовался географией.

Через минуту в кабинете появился незванный гость — благообразный седой старичок, благородный отец из плохой мелодрамы.

— Прошу, — радушно приветствовал его Райли. — Садитесь. Я — генерал Райли, это — подполковник Грэм.

— Корбишли, — представился старичок, — учитель географии на пенсии, тридцать лет, знаете ли, отдал.

— Ну как же, — сказал Райли. — Благороднейшее занятие — приобщать юношество к познанию мира, верно, Патрик? Я как раз говорил Патрику, что сам когда-то мечтал стать учителем географии, честное слово, не получилось, жаль.

— Жаль, — сказал старичок. — Знай вы географию лучше, вы сразу поняли бы, как бессовестно вас дурачат.

— Что вы имеете в виду? — осведомился Райли бархатнейшим голосом.

— Я имею в виду Гванеронию, генерал. Может быть, это удивит вас, но ее не существует.

— То есть как это не существует? — раскрыл рот Райли с изумлением средневекового фанатика, которому вдруг заявили, что Земля, представьте себе, не плоская, а имеет форму шара.

— Ее нет, — сказал старичок. — Я не знаю, кто все это затеял и как ему удалось ввести в заблуждение прессу, правительство и разведку, но печальный факт остается фактом. Никакой Гванеронии не существует.

— Вы уверены?

— Генерал, я тридцать лет преподавал географию, она для меня все, я помню наизусть карты и списки городов, могу перечислить в алфавитном порядке все столицы мира... Страны с такими очертаниями нет ни на одной карте Африки. Нет таких городов, нет таких рек и такого озера. Нет и не было таких политических деятелей. Это грандиозная мистификация, афера века, и наш с вами гражданский долг — немедленно отыскать и разоблачить ее инициаторов. Мы с вами...

— Одну минуту, — вежливо перебил его Райли. — Прошу прощения, я приглашу еще одного человека, чье, присутствие, безусловно будет не лишним. Он с радостью вас выслушает.

Он встал и быстро вышел.

— Приятный человек, — сказал мне старичок. — Как быстро он оценил ситуацию!

— Да, — сказал я.

— Все же мне непонятно, как такое могло произойти.

— Сам теряюсь, — сказал я. — Вы с кем-нибудь делились своим открытием?

— Что вы! Я полагал своим гражданским долгом сначала поставить в известность тех, кто первым подвергся обману. Признаюсь, мне непонятно одно — с какой целью затеяно все это.

Дверь с грохотом распахнулась. Я примерно догадывался, что должно было произойти, но не думал, что они приедут так быстро.

Молниеносно, словно атакующие леопарды, двое верзил в белых халатах метнулись к мистеру Корбишли и подняли его из кресла. Когда его выносили из кабинета, на ходу запеленывая в смиренную рубашку, на его лице еще дотлевала счастливая улыбка выполнившего свой гражданский долг человека. В кабинет вернулся Райли в сопровождении молодого представительного врача.

— Буйный? — деловито осведомился врач.

— Кажется, нет, — сказал Райли.

— Что с ним?

— Маниакальный заскок, не знаю, как это называется по-латыни. Вы только представьте себе — вообразил бедняга, что никакой Гванеронии не существует. Учитель географии с тридцатилетним стажем.

— Ага! — сказал врач и энергично черкнул в блокноте. — Гванерония... ну да, это про нее сейчас столько пишут, что-то там опять коммунисты гадают, снова происки Москвы. Ну что ж, клиническая картина ясна. С отставными географами такое случается, знаете ли, иногда выдумывают несуществующие страны, иногда сомневаются в реальности существующих. Заурядный случай, классический синдром, — он произнес несколько длинных и красивых латинских терминов. — Обычно такие не буйствуют, мы поместим его в уютное тихое местечко, и ему там будет хорошо.

Мы выпили по стаканчику, он рассказал нам несколько интересных случаев с начавшими чудить учителями географии, мы рассказали ему свежие новости из Гванеронии, и он уехал.

— Однако, — сказал я.

— Ничего страшного, — беззаботно отмахнулся Райли. — Если разобраться, сплошная филантропия. Старому человеку обеспечили уход, уют и медицинскую помощь, бесплатную, заметь, освободили до конца жизни от забот о будущем. Пенсия у него наверняка была грошовая. Гуманно. Патрик, ты не читал завтрашних газет?

— Нет, разумеется.

— Могу рассказать, что произойдет завтра. Агентами разведслужбы Букиры злодейски, среди бела дня, на улице застрелен профессор Мтагари. Помнишь, за ним одно время наблюдал Бэйб? Дело в том, что профессор передал нам личное послание полковника Мукиели, и красные ему этого не простили. Мы скорбим об утрате. Может быть, Мукиели наградит его посмертно.

— Это еще зачем?

— Для вящей убедительности. Для колорита. Труп — весьма солидный аргумент. Нужно же нам подбрасывать дрова в огонь, как по-твоему?

— Ох, не нравится мне все это, — сказал я.

— Ты что? С каких это пор тебя заботит смерть африканца? Мало их отправилось к праотцам твоими трудами?

— Дело не в нем, — сказал я. — До сих пор была только глупая шутка, теперь еще и кровь. Получается, будто человека убивает фантом. Как в том итальянском фильме, помнишь? Там убийца стрелял с киноэкрана и уложил кого-то в зале.

— Позволь напомнить тебе, что вся история началась с твоего рапорта, — сказал он. — С твоего.

— Ладно, переживем, — сказал я. — Но все-таки мне не нравится, что людей убивают персонажи несуществующей драмы. С таким же успехом однажды и на нас могут начать охотиться по чьей-то прихоти несуществующие агенты.

— С нами такого никогда не случится.

— И все-таки мы выпустили джинна из бутылки, — сказал я. — От нас уже ничего не зависит, мы уже не в состоянии управлять событиями.

— С чего ты взял? Все возможные варианты будущих гванеронских событий мы с тобой просчитали вместе. Кстати, что там новенького?

— Повстанцы заняли какой-то город, — сказал я. — Важный в стратегическом отношении, можно планировать наступление на столицу... Я тебе сегодня больше не нужен? Знаешь, поеду-ка к Джейн, устал что-то...

Джейн

Ключ от ее двери у меня был. Каюсь, раза два я пользовался им, пытаясь застать врасплох соперника — мнимого, как потом выяснилось. Это было в те времена, когда я ее ревновал. Но однажды, неожиданно вломившись в ее квартиру и застав ее сладко спящей в полном одиночестве, я подумал: не следует, пользуясь на работе всеми мыслимыми достижениями современной науки и техники, за порогом своего учреждения уподобляться неандертальцу.

На это дело я бросил отборных специалистов, не ведавших, что творят. Операция под кодовым названием «Тадж-Махал» (идиотское название выдумал плохо соображавший с похмелья Кастер) длилась месяц и проходила в классическом стиле: миниатюрные микрофоны повисали на телефонных проводах, хитроумные телекамеры проникали сквозь задернутые шторы, лазерные лучи улавливали вибрацию оконных стекол, передавая содержание ведущихся там разговоров, сменявшие друг друга неприметные личности, пешие и моторизованные, неотступно следовали по пятам мисс Джейн Митчел.

Не будем уточнять, в какую сумму это вылилось, не стоит рыдать над перенесшим небольшое кровопускание секретным фондом — случилось, что в результате менее важных операций вылетали в трубу вдесятеро большие суммы. Главное, выяснилось, что, кроме некоего Патрика Грэма, других мужчин у вышеупомянутой мисс Д. М. не имеется. По-моему, это оправдывало все затраты.

Осуществлявший общее руководство «Тадж-Махалом» Моран быстро догадался, что к чему, но, разумеется, держал язык за зубами — не я первый использовал наши возможности в личных целях.

Я плюхнулся на тахту и включил телевизор. Загрохотало, загремело, на экране сквозь клубы дыма и пыли бежали, падали, вскакивали и снова бежали вооруженные люди, трешали очереди, взметались разрывы. Диктор молчал, но мне вся эта суета показалась знакомой, словно я сам был там.

Камера панорамировала на горящий танк. Проступая сквозь батальную сцену, из глубины экрана на зрителя надвигалась карта, похожая очертаниями на жирного морского конька, и это я кропотливо вычерчивал эту карту неделей ранее: Гванерония, страна, о которой знали все, страна, где наши африканские друзья пытались остановить коммунистическую экспансию, страна, где усердно и самоотверженно трудился на благо свободы и демократии наш героический Бэйб.

— К последним событиям в Гванеронии, — зачастил диктор. — Недавно группа ведущих репортеров

рение, где она убивает, и завтра застрелят профессора Мтагари, у которого Джейн, кстати, недавно брала интервью для своей газеты.

— Однажды я ехал в метро, — сказал я. — Там на стене был наклеен комикс, два персонажа вели диалог. «Куда мы мчимся?» — «В никуда». — «Так какого черта мы мчимся туда так быстро?»

Комнату наполняло треньканье банджо, дисгармоничное и неприятное, как наша жизнь, и те, кто завтра должен был стрелять в профессора, уже знали о своем задании, и хриплый голос певца с экрана орал над ухом:

— Я трудиться не сумел,
грабить не посмел.
Я всю жизнь свою с трибуны
лгал доверчивым и юным,
лгал птенцам.
Встретив всех, кого убил,
всех, кто мной обманут был,
я спрошу у них, у мертвых,
бьют ли на том свете морду
нам, лжецам?

Позже, лежа с ней рядом, я спросил:

— Как ты относишься к тому, что я работаю в разведке?

— Господи, ну как я должна к этому относиться? По-моему, у нас с тобой нормальная жизнь нормальных людей.

Увы, подумал я, нормальной наша жизнь была, пока ко всем реальным мятежам не прибавился еще один, разыгранный призраками. Или мы только полагаем, что наша жизнь была нормальной? Можем ли мы быть уверенными, что была?

— Нет, я не о нас, — сказал я. — Меня интересует, не вызывает ли у тебя моя работа неприятных ощущений? Считаешь ты меня убийцей или нет?

— Патрик! — она расхохоталась без малейшего притворства. — Когда и где ты кого-нибудь убивал? Ты же кабинетный работник, сам говорил, что почти не умеешь стрелять.

— Но я подписываю приказ — и где-то на другом конце света отряд диверсантов переходит границу отнюдь не для сбора гербария.

— Но ты же не диверсант и не тот псих, что стрелял с крыши в прохожих. И не лейтенант Колли. Колли убивал, потому что ему этого хотелось, потому что ему это нравилось, сам, из своей винтовки. Ты просто служащий, ты подписываешь эти свои бумаги не из маниакального пристрастия к убийствам. Это твоя работа. Нельзя же подозревать в садизме каждого рабочего оружейного завода.

— Ты уверена?

— Патрик, что с тобой? Знаешь, я начинаю беспокоиться: это как же тебя должно было допечь, чтобы ты стал волноваться?

«Когда ждать взрыва?» — тем временем думал я. «Храни нас, господи, от взрыва!» — вот она, молитва нашего века, и она относится не только к ядерной бомбе. Молиться и помнить, что взрыв всегда возможен — сегодня, завтра, позавчера. Да, позавчера. Может быть, взрыв произошел позавчера, десять, двадцать лет назад, но мы об этом не знаем, может быть, мы немного перестарались, сведя понятие конца, хаоса, апокалипсиса к образу огненного гриба.

— Совсем забыла, — сказала Джейн. — Если устроить тебе сцену, это тебя отвлечет?

— Попробуй, а в чем дело?

— Принялся за старое? Вот уже третий день за мной таскаются какие-то типы. Снова заботаешься о моей нравственности?

— Ничего подобного. Тебе просто показалось.

— Ничего не показалось, ходят за мной как приклеенные, одни и те же. Слава богу, после твоих уроков я могу с уверенностью сказать, что мне не чудится. Настоящая слежка.

— Ладно, доставлю тебе удовольствие, — я подошел к телефону и набрал номер Морана. — Старина, у меня к тебе небольшое поручение. Помнишь объект «Тадж-Махала»? Молодчина. Так вот, завтра с утра поручи паре ребят, лучше всего Дику и Лога-

ну, — пусть потопают за этим объектом денек. На предмет фиксации чужой слежки. Вот именно. Потом объясню. Пока.

— Бесподобно, — сказала Джейн.

Взрыв

Утром, выйдя от Джейн, я первым делом позвонил Морану из ближайшего автомата.

— Привет, — сказал он. — Что прикажешь?

— Начинайте, — сказал я. — Сейчас она выйдет.

— Уже начали, подполковник, — хихикнул Моран. — Ты, как я понимаю, где-нибудь поблизости?

— У самого ее дома.

— Тогда оглядись-ка. Никого?

— Никого, — сказал я. — Нет, постой... (Поодаль на стоянке примостилась в уголке зеленая «Вега», и за стеклом маячили две физиономии в черных очках.) Теперь вижу. Только передай им, чтобы сняли очки, мы не в Голливуде...

Я ждал. Джейн вышла из подъезда (по моему совету она должна была добираться до редакции пешком), скрылась за углом, щелкнула дверца «Веги» — Логан двинулся следом, Дик запустил мотор и поехал себе не спеша. Это были хваткие, опытные ребята, и мне оставалось спокойно ехать к университету.

...Я сидел за столиком уличного кафе в двух шагах от университета и перебирал утренние газеты. Полковник Мукиели прочно оккупировал первые полосы: здесь были фотографии самого полковника, красивого мужчины с мужественным лицом, фотографии его орлов, позировавших с автоматами наперевес, карты Гванеронии с окрашенными в синий цвет освобожденными районами, пространные излияния перебежчиков из правительственных войск, а также заявления некоторых высокопоставленных лиц. Влиятельные лица вели себя соответственно — сенатор Гольденвассер назвал принятые меры полумерами и призывал немедленно направить в Гванеронию нашу морскую пехоту. Сенатор Крейген реко-

мендовал блокировать Кубу, припугнуть Ливию и на всякий случай выйти из ООН. Эксперты компании «Баксос ойл лимитед» официально оценивали нефтяные запасы Гванеронии как занимающие десятое место в мире. Страны ОПЕК заявили о поддержке правительства Букиры и пригрозили повысить цены за баррель. Студенты провели у министерства обороны демонстрацию, протестуя против нашего вмешательства в гванеронские события, после чего были арестованы за препятствование уличному движению. Габриэль Гарсиа Маркес опубликовал язвительный памфлет, направленный против нашей разведслужбы.

Я отложил газеты. Райли прав — все это выглядело чертовски обыденно. Сенаторы повторяли то, что они говорили ранее в сходных ситуациях, газеты повторяли то, что они писали месяцем ранее о других странах. Звучали те же обвинения, те же заверения, те же угрозы в те же адреса.

Очередную партию оружия стоимостью пятнадцать миллионов мы с Райли сплывили на этот раз в Южную Америку. Контора по вербовке наемников предоставила нам триста «диких гусей», но мы не оплошали и здесь — переправили это воинство на те острова, где ребята Фриша недавно организовали переворот, чтобы они там помогали удерживать власть. Газеты наперебой хвалили нашу с Райли оперативность, деловую хватку и патриотизм. Поговаривали о военных орденах.

Сюда я приехал, чтобы увидеть смерть профессора Мтагари. Трудно сказать, почему я это сделал. Возможно, хотелось увидеть своими глазами, как выглядит то, что мы разрабатываем в тиши кабинетов. Райли прав — мы весьма похожи на пилотов стратегических бомбардировщиков: реальные операции, резиденты, рейды террористических групп, пожары, взрывы и перевербовки от нас столь же далеки, как и выдуманная Гванерония. Пожалуй, Гванерония даже более реальна — ведь я сам ее выдумал и точно знаю, что в болтовне газет правда, а что — ложь. Например, «Пари-Матч» пишет, что Мукиели — сын английского капитана и племянницы быв-

шего гванеронского короля Ловово, но я-то точно знаю, что папаша полковника держал лавочку в гванеронской столице, а мать разводила кур.

Я вспомнил про Джейн — она должна была уже прийти, прошел к телефону и вызвал Морана.

— Ну, что там?

— Послушай, Патрик, — голос Морана был серьезным и озабоченным. — Твоя девочка, что, замешана в какую-то историю?

— Что ты имеешь в виду?

— За ней действительно наблюдают.

— Кто?

— Минуту, как раз Логан на связи... Ага... Так вот, Патрик, Логан уверяет, что за ней от самого дома шли двое парней, но в то же время еще трое следили и за ней, и за теми парнями. Две группы. Логан уверяет, что это профессионалы.

— Я тебе голову оторву, если разыгрываешь.

— Пошел ты к черту, подполковник, тут не до шуток. Установить этих парней пока не удалось. Порыться в картотеке, как ты считаешь?

— Поройся, — сказал я. — И отправь туда еще одну двойку. Я скоро приеду, и разберемся. Все.

Я вернулся за столик и заказал еще бокал. Вся эта история мне чрезвычайно не нравилась.

— Мистер Грэм? — произнес кто-то с акцентом выпускника привилегированного колледжа. — Разрешите присесть за ваш столик?

Я кивнул, и он сел напротив — высокий человек средних лет с аристократическим профилем.

— Мистер Грэм, разрешите представиться, — сказал он. — Полковник Бленгенторн из разведки вашего европейского союзника. Я хотел бы побеседовать с вами о гванеронских делах. Вам, разумеется, известно, что Гванерония — наш бывший протекторат, и, таким образом, мы имеем в этом регионе крупномасштабные интересы.

— Чем могу быть полезен?

— Мы хотели бы принять более расширенное участие в благородном деле помощи Фронту демократического освобождения. Нами уже направлена в Гване-

ронию группа офицеров связи, и я прибыл к вам для координации действий. Кроме того, мы хотели бы принять участие в разработке гванеронских полезных ископаемых, в частности нефти. В моем портфеле имеется проект создания акционерной компании с участием вашей «Баксос» и нашей «Перл».

— Обратитесь к генералу Райли.

— О, разумеется, — сказал полковник Бленгенторн. — Но так как непосредственно руководите операцией именно вы, нам хотелось бы предварительно заручиться вашей поддержкой. В связи с этим прошу принять скромный знак внимания.

Он положил передо мной массивный золотой портсигар с выгравированным гербом нашего европейского союзника и деликатно отвернулся, пока я прятал его в карман.

— Кроме того, — сказал полковник, — мы могли бы поделиться с вами несомненно ценной для вас информацией. Известно ли вам, что так называемый профессор Мтагари — агент-двойник, работающий и против вас?

— Нет, — искренне сказал я. — Это что-то новое. Профессор Мтагари работает на полковника Мукиели.

— И на разведку Букиры одновременно. Не исключено, что и на русских тоже. Наши люди установили, что «профессор Мтагари» в действительности — полковник Четудума, известный также как Шибоботе и доктор Ниурума, резидент гванеронской разведки в вашем городе. Эти сведения нам передала контрразведка вашего ближневосточного союзника. Вполне вероятно, что вы просто не успели еще получить эти материалы, — они, несомненно, были посланы и вам.

— Как стало известно, что Мтагари — резидент? — спросил я. — Вы абсолютно уверены?

— Оказалось, что ниточка тянется от людей Арафата. Год назад некая Джейн Митчел, находясь в Ливане, была завербована палестинцами. Окончательно это подтвердилось здесь, когда она встречалась с профессором Мтагари. Наши люди и опер-

группа разведки вашего ближневосточного союзника взяли ее под жесткое наблюдение.

— Что за чушь? — сказал я. — Джейн Митчел.

— Ваша близкая подруга. Не хочу вас огорчать, подполковник, но несомненно имела место тщательно подготовленная операция, направленная против вас. Вы же опытный разведчик, прекрасно знаете, на что способны палестинцы и гванеронская разведка... Смотрите — Мтагари!

Из-за поворота показался бедняга профессор, он шел в нашу сторону, листал на ходу какой-то журнал, и я знал, что сейчас произойдет: из-за угла вывернется черный лимузин, в котором, вероятнее всего, будет сидеть Доран с Крэгом, и едва слышно хлопнет выстрел.

Из-за угла вывернулся черный лимузин, но вместо свистящего хлопка бесшумного пистолета затрещала автоматная очередь... Я увидел поодаль на тротуаре парня в кожаной куртке, с прижатым к животу коротким автоматом; протрещала вторая очередь, черный лимузин вильнул и врезался в витрину магазина, раздался истерический женский визг, и возле профессора резко затормозил голубой «корвет». Двое молодчиков заломили профессору руки и швырнули его в машину, следом прыгнул парень с автоматом, и «корвет» унесся, отчаянно визжа тормозами на поворотах.

— Чистая работа, — сказал полковник. — Резидент Гванеронии в руках разведки вашего ближневосточного союзника. Насколько мне известно, они хотят сегодня убрать и Джейн Митчел... Мистер Грэм!

Я был уже за рулем. Визжали тормоза, на поворотах машину заносило, сзади взревела полицейская сирена, и в голову мне лезли самые разные воспоминания — что Джейн в прошлом году действительно летала в Бейрут, я читал ее репортажи, что с профессором Мтагари, крупным химиком, что-то там эпохальное синтезировавшим, она встречалась несколько раз, что это она, несомненно, была «неустановленным лицом женского пола» из рапорта Бэйба, что Бэйб появился в нашем городе всего две не-

дели назад, Джейн улетала куда-то, у меня не было случая их познакомиться, и он не знал ее в лицо, что разведка нашего ближневосточного союзника не церемонится, когда речь заходит обо всем связанном с палестинцами... Но вряд ли даже они рискнут среди бела дня врываться в редакцию, засада наверняка устроена у нее дома. Я достал пистолет из отделения для перчаток и сунул его в карман пиджака.

На третий этаж я влетел за три секунды. Дверь квартиры Джейн была распахнута настежь, пол устилали листы бумаги и разбросанные вещи, все было перевернуто вверх дном. Я схватил телефон и набрал номер.

— Моран слушает.

— Эл, это Грэм! — крикнул я. — Немедленно все резервные опергруппы к зданию «Глоб»! Да, моим именем. Оцепить редакцию, ищите парней из тех двух групп! Передай Дику и Логану — пусть поднимутся в здание и охраняют Джейн!

— Откуда ты знаешь? — закричал он в ответ, едва я остановился перевести дух.

— Что? — я похолодел.

— Какой там, к черту, Логан? Их обоих только что застрелили, изрешетили всю машину! У «Глеба» полно полиции. Что происходит, Патрик? Райли объявил боевую тревогу — кто-то застрелил Дорана с Крэгом, у нас перехватили профессора! Патрик, тебе немедленно нужно в управление, приказ Райли!

Я ударил по рычажку и набрал другой номер.

— Джейн Митчел слушает.

— Где ты? — крикнул я.

— Что за вопрос? У себя, разумеется.

— Кто у тебя там?

— Никого.

— Закрой дверь, запишись на ключ. Никому не открывай, только мне, слышишь?

— Патрик, ты в своем уме?

— Запри дверь! — закричал я. — Где ты сейчас стоишь?

— У окна. Там на стоянке что-то случилось, полно полиции.

Да, мужчин влекла она
даже от Сент-Джаста,
ибо Африкой была.
Южной Африкой была,
нашей Африкой была,
Африкой — и баста!

Вот так, Патрик. Пусть на бумаге, но Африка — наша.

Часов до трех пополудни я пил у Джима. У Джима, как всегда, былолюдно и шумно, резво бегали официантки, обнажался под музыку кардебалет, а я сидел, уставившись на очередную пустую бутылку, и думал, что же мне теперь делать?

В истории с Гванеронией нет ничего необычного — мы с Райли устали повторять это друг другу. С точки зрения обывателя, мир — всего лишь газетная полоса, экран телевизора, и когда я сижу над очередной сводкой, я ничем не отличаюсь от какого-нибудь Джонса, листающего воскресное иллюстрированное приложение. Катастрофы, убийства, бои — для нас — нечто эфемерное, существующее бог знает в каком измерении. Чтобы увидеть за черными строчками усеянное трупами поле, нужно будить фантазию, заставлять работать воображение, а зачем это мне, зачем это Джонсу? Мы летим в бомбардировщике на ужасной высоте, я и Джонс, не видим земли, не видим, что натворили внизу наши бомбы. Но иногда сбивают и бомбардировщики, и пилотам, если они хотят спастись, приходится ползти по грязному полю, дрожа за свою шкуру...

— Мистер Грэм? — спросил незнакомый человек.

— Да, — сказал я. — Какого черта? Работаете на кого-нибудь, что ли?

— Майор Цвий Ехлуми, военная разведка вашего ближневосточного союзника. Мистер Грэм, я буду краток. Нам стало известно, что вы — агент-двойник, работающий на разведку Букиры. Возможно, и на палестинцев тоже — ваши связи с небезызвестной Митчел...

— Что с Мтагари? — спросил я.

— К сожалению, несмотря на все принятые меры, толку от него не добились, и он, увы, ускользнул туда, откуда даже мы не в состоянии его добыть. Мистер Грэм, если вы не хотите разделить его участь, вы должны рассказать все о контактах с людьми Букиры и Арафата, о деятельности гванеронской разведки в вашей стране. Как и когда завербованы полковником Чегудумой и Джейн Митчел, что успели передать. Словом, вы знаете, чего мы от вас ждем.

Честно говоря, сначала я хотел «расколоться», наговорить им с три короба — это было тем более легко, что речь шла не о реальном предательстве. Однако Джейн стояла перед глазами, и меня взбесило, что за мной охотятся в моей собственной стране эти подонки, едва ли не превратившиеся из наших союзников в наших хозяев, и я сказал:

— Пошел вон.

— Не глупите. Если будете заператься, отправим вас следом за вашими сообщниками.

— Пошел вон!

Он отошел, исчез в толпе танцующих. Я протрезвел мгновенно, расплатился, постоял около столика, словно бы раздумывая, и вдруг опрометью бросился на кухню, расшвыривая удивленных официантов. Вряд ли они перекрыли служебные выходы.

Они и не перекрыли. Я сел в первую подвернувшуюся машину, стоявшую незапертой. Но что дальше? Я бесцельно крутил по городу, при мне был пистолет и немного денег. Ехать домой бессмысленно — там наверняка засада, как и возле управления, — пока Райли свяжется с их представителями, пока те свяжутся с моими преследователями, и все это придется делать через столицу, потому что их местных резидентов мы сплошь и рядом не знаем сами... Я уже ни на что не надеялся. И вспомнил про Саймона Марша, единственного близкого человека, не связанного с нашими играми, единственного журналиста, которого уважал, единственного, кто мне мог поверить сейчас, а поверив, объяснить согражданам, как их дурачат.

...Он сидел напротив, загорелый, бородатый, невозмутимый, и его маленькая квартирka с африканскими масками на стенах, сваленными на столе и креслах книгами и газетами, квартирka, где в кажущемся хаосе был на самом деле свой, известный одному хозяину порядок, действовала на меня как кружка ключевой воды на страдающего от жажды в пустыне. Здесь оставалась за порогом наша жизнь — с теми призраками, которых мы сами создавали.

— Ну, садись, — сказал Саймон и налил мне бренди. — Что у тебя опять стряслось? Ты же, как правило, заявляешься, когда тебе необходимо поплакаться в жилетку...

— Плохо, — сказал я. — Саймон, старина, понимаешь...

Зазвонил телефон. Саймон сграбастал трубку здоровенной лапищей, послушал и взглянул на меня с недоумением и жалостью.

— Это из «Глоба», — сказал он. — Понимаешь, такое дело...

— Не надо, — сказал я. — Все знаю. Сай, ты слышал о Гванеронии?

— Вообще-то я месяц сидел в Южной Америке, но радио было и в том городишке. Банальная история — снова наши ради нефти лезут в авантюру. Да, а где эта Гванерония? Что-то я не помню...

Я рассказал ему все — как я выдумал эту проклятую Гванеронию, как мое создание помимо моего желания обрело плоть и кровь, как мы с Райли продавали на сторону оружие и разыгрывали спектакль для репортеров, как вмешались наши союзники, как началась охота за мной. Обо всем. Он внимательно слушал, хмыкал, теребил бороду, иногда перебивал вопросами о второстепенных деталях.

— Ты мне веришь? — спросил я, закончив.

— Безоговорочно, — сказал он. — То-то название показалось мне незнакомым, я подумал сначала, что страну переименовали, новое название, вроде Заира, Зимбабве, Бенина... Да, твой Райли прав — ваша сила в обыденности. Пороха вы не изобрели, вы изобрели велосипед.

— Сам знаю, — сказал я.

— Но вот чего ты хочешь от меня?

— Господи, это же ясно. Ты известный журналист, сотрудник газеты, влиятельной настолько, чтобы ничего не бояться. Я тебе дарю сенсацию века, Саймон!

— Послушай-ка, — перебил он, — скажи честно — если бы не погибла Джейн, если бы не стали охотиться за тобой, ты пришел бы ко мне?

— Разумеется, нет, — сказал я, глядя в пол.

— То-то. Тебе хочется отомстить, неважно кому, только бы хоть как-то отомстить.

— Ты меня презираешь?

— Нет, наверное, — сказал он. — Просто ты и тебе подобные представляете собой новый тип людей — гомо информатикус — тип, родившийся с развитием телевидения и глобальной сети информации. Мир вы представляете себе по сухим цифрам, сводкам и диаграммам, строительство нового медицинского центра и сожженная карателями деревня для вас адекватны — всего лишь группа дырочек на перфокарте. И это позволяет вам относиться равнодушно к любому злу. К любому... Знаешь, у меня есть знакомый социолог. Он заложил в компьютер содержание десяти крупных газет за последние годы и вывел своеобразные алгоритмы. Он показывал мне созданные на основе этих алгоритмов «номера газет». Патрик, это было страшно! Среднее арифметическое, полная безликость, но не отличимая от реальных газет. Странам и президентам он дал условные имена вроде твоей Гванеронии, но сотня подопытных, которым он показывал свои «газеты», даже не заметила, что они поддельные, — те же угрозы и заверения, те же сообщения о мятежах и конкурсах красоты.

— Так, — сказал я. — Значит, я — гомо информатикус, довольно мило. Пусть будет так. Ну, а ты? Ты-то у нас кто? Святой? Черта с два, ты служишь тому же богу.

— Знаю, — сказал он. — Потому-то и не собираюсь выступать в роли судьи и праведника. Но между нами все же есть разница, Патрик. Я был в местах, где резвились террористы, которых посылали

такие, как ты. Я видел, как горят деревни и умирают люди. И рассказывал об этом, как мог. С тобой обстоит иначе. Чтобы такие, как ты, увидели за стопкой перфокарт кровь и боль, требуется, как правило, чтобы земля у вас загорелась под ногами. Чтобы убили твою девушку, а за тобой гонялись с автоматами союзники. Вот тогда тебя проберет до души, и ты начнешь метаться — сохрани господь, не в поисках справедливости, всего лишь в попытках хоть кому-нибудь отомстить. Я тебя поздравляю, Патрик. Хотя что-то человеческое появилось, месть — это уже чувство.

— Провались ты, — сказал я. — Мне от тебя требуется одно — будешь ты об этом писать?

— Ни строчки.

— Прекрасно, — сказал я и встал. — Испугался? Что ж, понятно, есть кого бояться.

— Сядь! — рявкнул он, и я опустился на стул. — Дурак ты все-таки. Меня не испугали в Африке ваши «гориллы», чего ради я испугаюсь вас теперь? Скажи, пожалуйста, что произойдет, если статья появится?

— Меня выгонят.

— Тебя и Райли. А вернее всего, не выгонят — ваши миллионы у вас отобрать довольно трудно, как и отдать вас под суд — умеючи можно открутиться. Вы получите взбучку и будете по-прежнему корпеть над бумагами, раздувая реальные мятежи. С неделю люди будут смеяться над плохо знающими географию сенаторами и генералами, а потом все забудется. Сенаторы будут по-прежнему угрожать реальным людям и странам, генералы — предоставлять помощь прототипам твоего Мукиели. И все.

— Одним словом, ты оставляешь меня с этими молодчиками, нашими союзниками?

— Сиди, я не кончил, — он набрал номер. — Генри? Это Сай. Быстренько подбрось мне кого-нибудь из твоих ребят и оповести остальных. У меня здесь подполковник Грэм, да, тот самый. Да, новости поистине сенсационные.

— Что ты задумал?

— Я тебя спасаю. Вывожу из игры. Ты им скажешь, что повстанцы разгромлены, что Мукиели убит, что-нибудь в этом роде. Это твой единственный шанс.

Через десять минут квартира Саймона была битком набита репортерами, на меня нацелились десятка два микрофонов. Я сидел у окна и ждал, пока последний опоздавший настроит диктофон.

— Что там случилось, Патрик? — крикнул кто-то. — Мукиели занял столицу?

— Джентльмены, — сказал я. — Должен вас огорчить — части Мукиели разбиты. (Кто-то удивленно свистнул.) Да, джентльмены, произошла досадная случайность, от которой не гарантирован ни один военачальник. Сегодня на рассвете части Мукиели завязали бои в предместьях столицы, но... Полковник Мтанга Мукиели вместе со всем штабом погиб при налете истребителей на передвижной командный пункт. Оставшись без командования, подразделения Фронта деморализованы и рассеяны превосходящими силами противника. Это все. Прошу прощения, мне трудно говорить, я взволнован — мы понесли большую утрату... Подробности я сообщу вам позже.

Давя друг друга, опрокидывая стулья, репортеры понеслись к выходу и загромыхали по лестнице. Я ушел следом за ними, избегая встречаться взглядом с Саймоном. Я находился в каком-то полусне, но это состояние мгновенно улетучилось, как только на стоянку перед домом Саймона вылетел голубой «корвет».

Мне удалось оторваться от них и на этот раз — все-таки я служил не в бакалейной лавочке и кое-что умел. Снова началось бесцельное блуждание по улицам. Одним махом я уничтожил бравого полковника и его воинство, но Райли узнает об этом, когда сообщение передадут по радио, а мои преследователи — и того позже.

Устав кружить по городу, я вспомнил о своем охотничьем домике и помчался туда. Предварительно я позвонил Райли, но его не оказалось на месте, его как раз вызвали к шефу. Ободренный (это могло означать и то, что шеф уже слушал радио), я со-

обшил секретарше, что именно она должна передать генералу, — в том числе и то, что моя жизнь зависит теперь только от него. Я мало надеялся на его чувства, но все же слишком многое нас связывало.

Ночь напролет я просидел в домике, сжимая винчестер и вслушиваясь в каждый шорох, измученный голодом и жаждой, загнанный в угол. А утром на опушке появился знакомый голубой автомобиль. И еще один, серый.

Последние штрихи

Сейчас уже середина дня. Они пока не предпринимают попыток атаковать — печальный пример того, которого я уложил при первой попытке, их, судя по всему, не особенно воодушевил. Утащив своего раненого, или, надеюсь, убитого, они стали палить из автоматов, укрываясь за деревьями, но скоро поняли, что этим многого не достигнешь, и перестали. И они, и я определили уже, что их верный шанс — темнота. Осветят домик фарами, швырнут что-нибудь зажигательное, и мне придется выстрелить себе в висок — лучше уж это, чем попасть к ним на допрос. Райли, кажется, ждать уже бесполезно, скорее всего, он решил превратить в очередную жертву гванеронской разведки и меня.

Между деревьями показался белый лоскут, потом человек, размахивающий им, вышел на открытое место и направился к домику. Я прокрался к простенку и встал так, чтобы видеть окно, выходящее на противоположную от парламента стороны. Эти их штучки давно известны, в стычках с фedaинами они применяют именно такой способ — пока с одной стороны звучит записанный на пленку призыв сдать-ся, с противоположной тем временем подбирается поближе пулеметчик.

Господи, да ведь это Райли с белым флагом! Я уронил винчестер, выбежал на крыльцо и бессильно опустил на ступени, меня била дрожь.

— Ах ты, блудный сын! — Райли отшвырнул бе-

лый платок, достал из карманов кипу газет и плоскую фляжку. — Глотни-ка.

Я высосал фляжку досуха, потом сказал:

— Тэд, пошли побыстрее в машину, зябко что-то.

В машине я набросился на газеты. На первых полосах красовался портрет полковника Мукиели в траурной рамке. О покойном было сказано много теплых слов, за ним признавали крупные заслуги в деле борьбы с коммунистическим проникновением в Африку. Посмертно он был награжден нашим военным орденом. О его смерти и разгроме его подразделений было написано с подробностями, которых не знал и я сам, и это было интересное чтение. Я перебирал газеты и вдруг наткнулся на улыбающуюся физиономию Бэйба, обведенную черной каймой. Ниже сообщалось, что наш резидент в Гванеронии капитан Корберс погиб вместе со всем штабом Мукиели, и нация скорбит, посмертно наградив его и присвоив его имя строящемуся эсминцу.

— Увы, друг мой, увы, — сказал Райли в ответ на мой растерянный взгляд. — Гроб на лафет, он ушел в лихой поход... Я был уверен в тебе, но не вполне уверен в нем. Кстати, мы с тобой тоже награждены военными орденами, но, слава богу, не посмертно. Я получил вторую звезду, ты — полковника.

— Значит, историю замяли? — с облегчением спросил я. — Все сойдет с рук?

— Ну конечно, а как же иначе? Можно было дожидаться сразу. Что же, шеф отважился бы признаться, что свалил дурака, а правительство и министерство обороны — что отпустили на сорок пять миллионов оружия призраку? А сенаторы и президент, у которого, кстати, на носу выборы — что бухали в колокола, не заглянув предварительно в школьный учебник географии?

— Значит, наши деньги...

— Останутся при нас. Кто посмеет их у нас отнять, не придав дело гласности? Вообще-то мои ребята записали разговор президента с шефом — знаю я эту парочку, их постоянно следует писать... У них был большой соблазн сделать и нас с тобой жертва-

ми гванеронской разведки, но я дал понять, что где-то в частном банке в сейфе лежат все материалы об этой истории, которые в случае нашей «случайной» смерти автоматически передаются нашей и европейской прессе и политическим соперникам президента. Приятное дело — шантажировать президента, никогда раньше не доводилось.

— Ну и?

— И все. Президент с шефом деловые люди, они поняли, что мы нормальные бизнесмены, а не какие-то там левые разоблачители, и сами заинтересованы в том, чтобы держать рот на замке. В конце концов, они решили — черт с ними, все равно эти миллионы упорхнули не из собственных карманов, а оружие в итоге все равно попало к нашим союзникам. Да и народ имел возможность лишний раз убедиться, какие козни способны строить коммунисты.

— Спасибо, Тэд, — искренне сказал я.

— Глупости, — Райли обаятельно улыбнулся. — Я не альтруист, Патрик, просто должен же я был отблагодарить человека, благодаря которому получил больше двадцати миллионов, вторую звезду и орден... Вот только бедняга Бэйб, ну, да что тут поделаешь... Тетушка Эмилия будет горевать?

— Естественно, — сказал я. — Но, в конце концов, Бэйб в образе павшего национального героя, — на это она и рассчитывать не могла.

— Ну вот видишь. Запомни официальную версию, с которой ознакомлены компетентные лица в правительстве и руководство управления. «Гванерония» была грандиозной операцией по дезинформации агентуры красных. В рамках глобальной стратегии. Вот, почитай речь президента. Кстати, пикантная новость — в штат нашего управления зачислен специалист-географ. На всякий случай...

Речь президента была эффектной и запоминающейся, особенно концовка. «Что ж, наши друзья проиграли, — сказал президент. — Случается и такое. Мы забудем Гванеронию навсегда, словно ее и не было...»

Писали и о нас с Райли — обозреватели единодушно сходились на том, что лично нас ни в чем

нельзя упрекнуть, мы сделали все, что могли, а вот военные и правительства проморгали, если бы они отправили туда больше оружия или решились высадить нашу морскую пехоту, кто знает, чем кончилось бы.

Что ж, подведем итоги, сказал я себе. Самое время. На этой операции я приобрел более двадцати миллионов, повышение, погоны полковника и орден. А потери? Можно ли назвать в числе моих утрат только женщину, которую я любил, или надо считать все, что произошло, всех, кто получил пулю в спину или в лоб?

Сначала в сумасшедший дом угодил безобидный старичок Корбишли, правдолюбец и идеалист. Потом застрелили принятых за... да черт его знает, за кого — Дика и Логана. И единственную женщину, которую я был в состоянии любить. Убили Дорана и Крэга, где-то в загородном коттедже вытряхнули душу из профессора Мтагари, знаменитого африканского химика, что-то там эпохальное синтезировавшего, потом был выпускник привилегированного колледжа полковник Бленгенторн и один из людей майора Ехлуми, и Бэйб. Девять человек. Двух из них застрелил я сам, и всех убил наш призрак. Теперь совершенно точно знаю, что уверенность в себе и нашем мире я потерял. Понял, что и призраки способны убивать не хуже, чем живые. Понял, какие же мы сволочи — вся наша контора. Так каков итог и в чем он заключается? Или я буду продолжать как миленький играть с нашими бумажками?

— Ну что ты набычился? — спросил Райли. — Брось. Все обошлось, все довольны. А что до... время лечит и не такие раны, милый Патрик, особенно если пользуется микстурой из денег, орденов и званий. Хвост трубой, полковник, ты еще генералом будешь, ведь эта история доказывает и то, что мы с тобой — чертовски ловкие и хваткие ребята, руководство не может того не оценить...

— Слушай, Тэд, — сказал я, — твой папаша был проповедником, ты хорошо знаешь Библию, сам говорил.

— Ну еще бы, — сказал Райли. — Знаешь, как он меня, бывало, драл.

— Это там у Экклезиаста сказано про ветер?

— Э-э... Всему свое время и время всякой вещи под небом... Нет, не то. Ага, вот! Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои.

— Вот именно, — сказал я. — Переходит на круги свои... Теперь мы с тобой знаем, что такое возможно, теперь нам с тобой будет очень страшно, и этот страх засядет в нас до смерти.

— Ерунда, — сказал он.

— Нет, — сказал я. — А вдруг сейчас зазвонит телефон и нам сообщат, что, по данным наших союзников или министерства обороны, некий майор Мтабуне объединил отступающие разрозненные подразделения мятежников и начал наступление на столицу? Если снова разыграется нечто похожее? Ты же сам сказал как-то, что не одни мы такие умные. Вдруг — новый фантом, еще более страшный, и новые правила игры, которых мы не знаем?

И телефон действительно зазвонил, скорее всего, даже наверняка, звонили по поводу чего-нибудь обыденного и все же, все же... Райли протянул было руку к трубке, но не взял ее, оглянулся на меня, что-то мелькнуло на его лице, и я мог бы поклясться, что это страх, если бы не знал, что он ничего и никого не боится.

Машина неслась по городу, мелькали дома, прохожие, сверкали вывески, мигали светофоры, а мы сидели на широком мягком сиденье, и перед нами на расстоянии вытянутой руки надрывался заливис-то телефон, но ни я, ни Райли не смели протянуть руку.

ВАРЯГИ БЕЗ ПРИГЛАШЕНИЯ

Получить квартиру в новом доме, если до этого не имел никакой, событие, безусловно, радостное. Смотреть на наш дом одно удовольствие, такой он новый и красивый: песочно-желтый, девятиэтажный, с длинными балконами и узором из красных кирпичей на торцовых стенах. Если бы только не подходы к нему... Когда-нибудь здесь появятся аккуратные асфальтовые дорожки, клумбы и детские площадки, но пока вместо этого планируемого благоустройства лишь взрыхленная земля, разнообразный строительный мусор и канавы.

Я перешел канаву по грязной узкой доске, вошел в свой подъезд, достал из почтового ящика «Комсомолку» и письмо, почему-то без обратного адреса. Предназначалось оно мне, хотя я так и не смог вспомнить, чей это почерк. Решил прочесть его дома и пошел на свой третий этаж.

Щелкнул замок, я шагнул в прихожую, хотел повесить сетку на вешалку и остановился с протянутой рукой.

Это была не моя прихожая. Вместо досок пола рыжего цвета — великолепный блестящий паркет, вместо зеленой краски, какой обычно покрывают стены в прихожей — красивые сине-черные обои с полуабстрактным рисунком. Вместо моей простенькой ширпотребовской вешалки — ультрасовременное сооружение из меди, которое и вешалкой-то назвать казалось нетактичным. Произведение искусства, а не вешалка. Место стандартного плафона над дверью в туалет занял элегантный светильник, а сама дверь была не больнично-белой — приятно для глаз синей, гармонировавшей с обоями. Ни такой вешалки, ни

таких обоев, ни такого светильника я никогда не видел ни в кино, ни в магазинах, ни в чьей-либо квартире. Все это было красиво и очень современно, а из прихожей я видел комнату, напоминающую декорацию для фильма о современном западном бомонде.

Первое, что пришло мне в голову — я ошибся квартирой, по рассеянности проскочил выше или не дошел до своего этажа. А то, что ключ подошел к замку — в конце концов, при нынешней стандартизации такие вещи происходят не только в фильме Эльдара Рязанова и юмористических рассказах, но и в жизни. Мне приходилось слышать о таких случаях, а теперь это произошло со мной. Мелкая бытовая хохмочка...

Я забрал сетку и осторожненько, неслышно ступая, вышел на площадку. Оказавшись в неловком положении, самое лучшее — как можно быстрее выпутаться.

И, все-таки я не ошибся ни площадкой, ни дверью! Та незнакомая роскошная квартира была двенадцатой, моей, а на Двери соседней одиннадцатой белела знакомая царапина от пола до замка. И возле моей, двенадцатой, лежал старенький, привезенный из общежития половичок. Это была моя квартира.

И я снова вошел в великолепную прихожую, повесил сетку на произведение искусства, снял туфли и вошел в комнату, так неожиданно ставшую чужой. Комнату? Ну да, моя квартира состояла из одной-единственной комнаты. Сейчас, неизвестно откуда, появились еще две. Комнаты не возникают из ничего: если у меня прибавилось две, значит, двух лишились соседи, но пока что не слышно, чтобы они взволнованно метались, чтобы они заметили. Правда, они могли еще не вернуться с работы...

Тут я заметил, что старательно думаю о второстепенном не решаясь задать себе главный вопрос — кто это устроил и зачем? В отлучке я пробыл максимум тридцать пять минут. Не в человеческих силах за такой срок настелить паркет, оклеить стены обоями, заменить лампы, привезти и расставить мебель, привести квартиру в такой вид, словно она

пребывает в нынешнем великосветском состоянии месяц по крайней мере. Не говоря уж о том, что не в человеческих силах добавить две лишних комнаты. Люди такого не могут, по крайней мере — пока.

И мне стало страшно. Просто первобытно страшно. Я сидел в великолепном кресле у великолепно-го стола посреди великолепной гостиной, и меня бил озноб. Хотелось сесть спиной к стене, чтобы никто не прыгнул сзади, хотелось бежать, но куда? От кого? От чего? И к кому? Я не сплю, я не сошел с ума. Мир не изменился. Кроме моей квартиры.

Я распечатал письмо и стал читать. Внешне оно не выглядело необычным — конверт, какие продают в киоске на углу, текст умело, без помарок отпечатан на пишущей машинке.

«Уважаемый Борис Петрович! Без сомнений, вы удивлены и, вполне вероятно, напуганы случившимся. Хотим сообщить вам, что волноваться и бояться не нужно. В случившемся с вами нет ничего сверхъестественного или мистического. Обстановка квартиры, деньги и машина! (еще и машина!?) принадлежат вам лично, и вы можете распоряжаться ими как сочтёте нужным. Деньги настоящие, и пользование ими не связано с какими бы то ни было сложностями. Что касается Жанны, то здесь вы также свободны в своем выборе. Советуем ни в коем случае не обращаться в органы милиции или иные аналогичные организации — это для вас чревато»...

Я отложил письмо. Это для вас чревато... «Палажи! под старую скамейку тыщу руб. новыми.. Если стукнешь! ментам — тебе хана». Похоже? Нисколько. Такие письма пишут, когда хотят что-то от тебя получить, но здесь противоположное — от меня ничего не требуют, наоборот, только дают, а неприятностями грозят, если я это сдам! властям. Станные шантажисты, шантажисты навыворот...!

Действительно, почему бы не набрать 02? Приедет капитан или лейтенант с институтским ромбиком, мне без труда удастся убедить его, что все это не мое и никогда моим не было — я не вороватый завбазой и не подпольный валютчик, я простой программист.

Все это богатство скорее всего конфискуют. Интересно, будет ли оно считаться кладом, найденным мною и переданным государству? И... Что? Незвестный в темном подъезде, сопя, сует мне нож под ребро? Четверо неизвестных заталкивают в машину и увозят?

Дело даже не в обещанных неприятностях, хотя и они — не сахар. Я могу так никогда и не узнать, кто это сделал и для чего, а ведь я страшно любопытен, да и не одно любопытство двигало бы любым, попавшим в такую ситуацию. Еще и долг — долг исследователя, если хотите. Человек, столкнувшийся с таким, просто обязан докопаться до сути — не ради славы, не ради любопытства. Жажда познания, вот что это такое. Если есть загадка, она должна быть решена.

Письмо прояснило кое-что, но одного я решительно не понимал — кто такая Жанна. Слово написано без кавычек — имя женщины? Но где она в таком случае?

Я встал и начал обыскивать квартиру — медленно, методично, как сыщики в романах.

Мебель была великолепной, ковры тоже, одежда — такую, должно быть, носят миллионеры или еще свергнутые короли. Огромный цветной телевизор, стереомагнитофон, подключенный к квадрофонической системе и установке цветомузыки. Кухня — скопище нок, призванных максимально облегчить труд хозяйки. Ванная — цветной кафель, озонаторы и куча других приспособлений, назначения которых я не знал. Деньги я нашел в секретере, по приблизительным подсчетам, их оказалось сорок три тысячи в рублях, пять тысяч в долларах и еще десять тысяч в неизвестных мне банкнотах.

Для живущего на одну зарплату скромного программиста более чем достаточно...

Огромный холодильник забит разными деликатесами, бар — не менее полсотни бутылок, я узнал лишь три-четыре марки, про которые слышал или читал. Миниатюрный рай. Эдем на одного. На одного ли?

Во время обыска я убедился, что Жанна — женщина, и появление этой женщины здесь было предусмотрено. Половину гардероба составляла женская одежда, а в секретере лежали футляры с украшениями — золото и драгоценные камни. Мои неизвестные благодетели были кем угодно, только не крохоборами и уж безусловно людьми со вкусом. Людьми? Не знаю, не знаю...

Одна маленькая странность — вместе с моими пожитками исчезли все мои книги. Библиотека у меня была небольшая, но хорошая, я подбирал ее семь лет, и если что-то огорчило, так это исчезновение книг.

Зная, что анонимные филантропы боялись крохоборства как черт ладана, логично было предположить, что вместо моих пропавших книг появится масса новых, дорогих и дефицитных. Однако ни одной книги в квартире не было. Думать и над этим ребусом мне уже не хотелось. Мне хотелось есть.

После того как я ознакомился с содержимым холодильника, моя авоська с бутылкой кефира, двумя плавленными сырками и банкой хека в масле казалась инородным телом. Я отнес ее на балкон, вернулся в гостиную и сел пировать... Интересно начинается отпуск, право...

Звонок в дверь, мелодичный, нисколько не напоминающий звук старого, раздался минут через сорок. К тому времени я успел немного поесть и почему-то уже не боялся неизвестных филантропов. Не было смысла их бояться — неприятностями они грозили, если я обращусь в «иные аналогичные органы»...

Первый раз за сегодняшний день я окаменел, обнаружив, во что превратилась моя квартира. Второй раз сейчас... Удачнее всего было сказать о ней одним-единственным словом — Совершенство. Мисс Вселенная. Самые синие в мире глаза, самые красивые светлые волосы, даже не прикасаясь к ним, чувствуешь, какие они легкие и пушистые. Фигура... губы... улыбка... На ней были обыкновенные джинсы и голубой батник, но это не имело значения: если напялить на нее рогожный мешок и поставить рядом

с королевой в парадном платье со всеми регалиями никто и не взглянет на королеву, все станут, разинув рот глазеть на это чудо, мисс Вселенную...

Она улыбнулась, и от этой улыбки где-то на другом конце Галактики полыхнула сверхновая, а я понял, что погиб, и окончательно, любой на моем месте погиб бы...

— Боря, вы меня впустите наконец?..

— Я... мы... вы... — сказал я. — Пожалуйста...

Мой язык решительно отказывался повиноваться. Если это сон, просыпаться я не хочу. Проходя мимо, она задела меня плечом, ее волосы коснулись моего лица, и я вдохнул приятный легкий аромат незнакомых духов. Я посмотрел в зеркало — оттуда на меня растерянно пялился Борис Петрович Песков, двадцати шести лет от роду, не урод, но и не первый парень на деревне. Среднестатистический молодой специалист. О научной работе не думал, рацпредложений не вносил, изобретений не делал и вряд ли сделаю, фантастических рассказов не публиковал даже под псевдонимом, потому что к литературному творчеству неспособен. Смею надеяться, что не совсем серенький: знаю много, читаю много, в компании не ударю лицом в грязь, сумею поддержать и веселье, и умный разговор. Таких миллионы — средние скромные люди, умеющие с должной самокритичностью оценивать себя и потому не претендующие на что-то большее, чем они есть. Типичные представители определенной социальной категории. Почему ж тогда именно со мной случились эти странности? Чем я заслужил или в чем провинился по большому счету вселенской бухгалтерии?

— Боря, идите сюда, — позвали из комнаты, и я покорно пошел. — Здравствуйте, — сказал я. — Вы Жанна?

— Да, — ответила она, открыто глядя мне в глаза. Боря, вы очень удивлены?

— А как бы вы думали? — спросил я. — Не могли бы вы мне объяснить, кто со мной все это проделывает и зачем?

— Не могу, — сказала она. — Не обижайтесь, Боря, так надо. Скоро вам расскажут.

— И долго ждать?

— Вряд ли долго.

— Уже лучше, — сказал я. — Ну, а вы? Чем обязан счастьем видеть вас в сих чертогах?

— Понимаете, Боря... — она, кажется, смутилась. — Я ваша жена.

— Елки-палки, — сказал я. — Вы это серьезно?

— Серьезно, у меня и документы... Вы хотите меня прогнать?

— Нет-нет, что вы, Жанна, — на этот раз смутился я. — Зачем же сразу гнать... то есть... в общем, я не то хотел сказать, не в том смысле, что вас нужно гнать... Вы, может, есть хотите?

— Хочу.

Я помчался к холодильнику. Пока она ела, не спеша и очень воспитанно, я стоял на балконе и смотрел вниз. Внизу ходили обычные люди, занятые обыденными делами и развлечениями. Две подружки из второго подъезда играли в бадминтон на свободном от канав и мусора пятачке. Мальчишки возились с красным мопедом, мопед тарахтел и чадил на весь двор. У моего подъезда выгружали мебель припозднившиеся новоселы. Студентка с третьего этажа прогуливала большую палевую овчарку возле обломков бетонных плит и ржавых железзяк...

Вокруг продолжалась обычная жизнь. И мальчишки с мопедом, и махавшие ракетками девчонки, и все остальные — никто не видел никаких изменений, для них этот день оставался обычным днем. Рядовой день одного из летних месяцев тысяча девятьсот семьдесят седьмого года.

Именно их поведение успокоило меня, я перестал бояться за свой рассудок. Просто со мной случилось Необычайное. В какой-то мере это даже интересно; раньше жилось скучненько, пресновато. Что ж, теперь не заскучаешь, теперь просто некогда скучать... Взглянуть, как там Жанна?

В столовой ее уже не было. Я нашел ее в спальне, она легла поверх одеяла, сбросив только туфель-

ки, подложив ладонь под щеку. Либо спала, либо очень ловко притворилась. В ее лице не было ничего пугающего или сверхъестественного. Не привидение, не ведьма — хотя откуда я могу знать, как выглядят ведьмы, если никогда их не встречал? Молодая красивая девушка. Моя жена.

Я вернулся в гостиную. Чувствуя себя одновременно Джеймсом Бондом, Штирлицем и любопытной Варварой открыл сумочку Жанны. Паспорт — Пескова Жанна Федоровна, русская, двадцати трех лет, прописана в моей квартире со вчерашнего дня. Паспорт тоже выдан вчера — на новую фамилию, надо полагать. Свидетельство о браке — если ему верить, вчера мы с Жанной, оказывается, зарегистрировались. Комсомольский билет, взносы уплачены. Пропуск в один из наших НИИ. Красивый тюбик губной помады. Всякие женские мелочи — гребешок, зеркальце и тому подобное. Автобусный билет. Деньги — одиннадцать рублей потрепанными бумажками и мелочь. Ключ от моей квартиры, новенький, как две капли воды похожий на мой.

Документы я исследовал внимательно, они выглядели самыми настоящими — хотя какой из меня специалист по распознаванию фальшивых документов? И вообще — любой школьник, если он прилежно читает детективы, знает, что любая разведка штампует прекрасные поддельные документы, которые можно отличить от настоящих лишь с помощью сложных и трудоемких исследований.

Но я не нужен ни одной иностранной разведке. Государственных, военных, экономических и прочих тайн, коих домогаются иностранные разведслужбы, я не знаю. Наш вычислительный центр никогда не был связан с секретными работами. Ну и, наконец, ни одна иностранная разведка не смогла бы сотворить из ничего две новые комнаты... Кстати, что там с комнатами? Соседи из тринадцатой давно вернулись с работы, но никто не поднял шума, следовательно, их жилплощадь в целости и сохранности.

Я разыскал ключи и пошел в гараж смотреть машину. «Волга» вполне соответствовала квартире —

светло-голубая, обтянутые коврами сиденья, кондиционер, стереомагнитофон, какой-то особенный руль, нестандартные колпаки колес, фары, обивка салона. От обыкновенной серийной машины она отличалась, как венский экипаж от простецкой арбы, не средство передвижения, а роскошь...

Потом я запер гараж и немного постоял, глядя на людей во дворе. Я чувствовал, что отделен от них невидимой стеной. Им оставаться в ритме повседневности, мне разгадывать загадку, может быть, самую хитроумную за всю историю человечества. Получалось, что я уже не один из них, не прежний Песков, исправно работавший с восьми до пяти, вовремя плативший взносы и толкавшийся в очереди за бананами...

Жанна спала. Я устроился перед телевизором, приглушив звук, и стал смотреть вторую серию трех мушкетеров. Они радовались красавице и кубку, разгадывали козни и разрушали их, дрались — правда, шпаге было отведено обидно мало места, первенствовал вульгарный мордобой, д'Артаньян с мучительным раздумьем в глазах пытался понять, с какой же стороны, черт возьми, у его шпаги эфес...

Интересно, что сделал бы на моем месте д'Артаньян — не этот шут из телефильма, а тот, из романа? В первую очередь влюбился бы в Жанну, предположим, это случилось и со мной, а дальше? Ведь несмотря на то, что имя прочно спаялось с понятием романтики, хотел он сугубо материального — денег, повышений. Это в первом томе мушкетеры по молодости лет очертя голову бросались во всевозможные авантюры, не сулившие никакой выгоды, кроме поцелуев и приятного чувства победы над врагом. В последующих томах они во сто раз рассудочные, меркантильные, расчетливее, очень грустное зрелище — четверка друзей двадцать лет спустя...

Вероятнее всего, гасконец, дитя своего дымившего кострами инквизиции века, провонявшего ладаном времени, несомненно, принял бы все за козни сатаны, залучить очередную грешную душу.

В те времена дьявол выполнял, помимо прочего, важную функцию — служил универсальным объяс-

нением возможных чудес. Ведь человеку всегда было мало реального мира. Человеку хотелось верить в Необычайное, рассуждать о том, чего вроде бы и нет, но тем не менее оно существует где-то за углом, на соседней улице, и всегда найдется заслуживающий доверия очевидец. Но источником всех чудес был либо бог, либо дьявол.

В бога я не верю. Не верю в сатану — и в патриархального Мефистофеля при козлином копыте, красном плаще и двух воронах, и в рафинированного Воланда в черной тройке и мокасынах из змеиной кожи. У нас есть вещи поинтереснее. — Несси, снежный человек, летающие тарелочки. И так далее.

Виновником моего изобилия не может оказаться Несси. Снежный человек не может дарить кому-либо костюмы и цветные телевизоры, так как сам, если верить компетентным лицам, не имеет и пары штанов. Он невольный нудист и бессребреник. Остаются пришельцы из иных миров вполне современная гипотеза, завлекательная, в духе и стиле века.

Только ничего она не объясняет.

Разумеется, у существ из иных миров могут быть свои представления о контакте. Но вряд ли существует такой способ контакта — человека заваливают материальными благами, вручают ему красавицу жену, а сами остаются в тени, ограничиваясь туманными обещаниями рассказать всю правду когда-нибудь потом, после, при условии, соблюдении...

— Боря, я проснулась, — раздался за моей спиной голос Жанны, и я гордо отметил, что даже не вздрогнул.

— Ты всегда спишь днем?

— Я? Нет, — сказала Жанна. — Просто я устала, такой день выдался хлопотный, дальняя дорога...

Я начал уже к ней привыкать, да и называть на «вы» собственную жену в наше время довольно странно.

— Иди-ка сюда, — сказал я. На цветном экране мушкетеры и гвардейцы кардинала весело лупили друг друга по мордам. — Садись-ка и рассказывай, как это я вчера успел с тобой зарегистрироваться.

Потому что сам я ничегошеньки не помню, я вообще вчера на улицу не выходил, разве что за угол за сигаретами. Были мы в загсе или нет?

— Нет...

— Уже интересно. Как же объяснить, что по документам ты моя жена?

— Я и есть твоя жена, — сказала Жанна и посмотрела так невинно, что мои расспросы на фоне этого взгляда выглядели сплошной глупостью. Как будто то, что она моя жена, такая же прописная истина, как и то, что я живу на Земле, Земля вращается вокруг Солнца, а Солнце восходит на востоке. Лапидарная аксиома. — Ты не рад?

— Ужасно рад, — сказал я. — Вот сейчас встану на голову и начну болтать ногами, визжа от полноты чувств. А потом выбегу на улицу с ликующими воплями и даже...

Я осекся, увидев, что она плачет, и по щекам ручейками течет размытая косметика. И растерялся — не видел такого и не знал, что делать. Из-за своей ослепляющей красоты она показалась мне сначала холодной статуей, как женщины из романов Ефремова, я и думать мог, что она способна плакать, как обыкновенная девчонка. Рассматривал ее как персонаж то ли кошмара, то ли цветного фантастического сна, чуть ли не еще одну роскошную вещь.

Она все плакала, я взял ее за плечи, прижал к себе.

— Думаешь, мне легко? — спросила она сквозь слезы. — Ты хоть у себя дома... Мне уйти, да?

— Не надо, — сказал я. — Оставайся. Делай что хочешь, только не плачь, не люблю я таких сцен... Ну что ты, в самом деле?

Она успокоилась понемногу, взяла протянутый мной платок и стала вытирать расплывшуюся краску.

— Слушай, Жанна, — сказал я. — Все-таки можешь ты мне хоть что-нибудь объяснить?

— Потом, — сказала она. — Все я понимаю, но и ты пойми, нельзя мне...

— Нельзя, так нельзя, — вздохнул я. — Иди умойся.

Без косметики она выглядела еще моложе и красивее, и мне окончательно стало ясно, что, как бы там дальше ни сложилось, никуда мне от нее не деться...

— Мы пойдем куда-нибудь? — спросила Жанна.

— Куда?

— Ну, где у вас развлекаются?

— Ах, вот как? — сказал я. — «У вас»? Это подразумевает, что есть еще и «у нас»? И вы, голубушка, оттуда?

Она молчала, и ее глаза стали испуганными — я снова вторгнулся в ту область, где действовали неизвестные запреты, наложенные неизвестно кем.

Зазвонил телефон — прежде его не было, он появился вместе с остальной роскошью, и никто из моих знакомых не мог бы звонить... Сообразив это, я схватил трубку:

— Песков слушает.

— Чем занимаешься, Песков? — спросил мужской голос, незнакомый и уверенный.

— А вам какое дело?

— Интересуюсь, — спокойно сказал незнакомец. — Сидишь, поди, тарачишься на свой интерьер и места не можешь найти? Жанна-то пришла?

— Кто вы? — спросил я.

— Собрат по счастью. Зовут меня Виктор, что на вымершем языке означает «победитель». Как жизнь, Боря? Всем доволен?

— Ваша работа? — спросил я напрямик.

— Да нет, что ты. Мы — тутошние... Жанна пришла?

— Да, — сказал я.

— Прекрасно. Одевайся-ка ты попараднее, бери-ка ты ля белль Жанну и приезжай-ка ты в «Русскую тройку». Столик мы для тебя заказали.

— А если у меня настроения нет? — спросил я.

— Ну, не кокетничай. Собирайся и приезжай, очень уж нам хочется на тебя посмотреть. Мы тут...

Голос отдалился, явственно слышно было, как разговаривают двое: «Витенька, ну дай я с ним поговорю...» «Я и сам могу». — «Нет, дай я, а то ты со своей

иронией...» — «Да куда он денется, он же от любопытства на стену лезет...» — «Нет, дай уж я, свой человек как-никак мягче нужно». — «Держи, аллах с тобой...»

— Боря? — спросил тот, второй голос. — Витя у нас зубоскал, он всегда вот так, с подковырками. Правда, приезжайте в «Тройку», только скажите на входе, что вы Песков, мы их предупредили. Столик мы заказали, а сами за другим будем. Вы уж не обижайтесь, нам хочется на вас со стороны взглянуть. Приезжайте, мы вас ждем.

Засим трубку повесили.

— Вот так, — сказал я Жанне. — Одевайся как на прием к королеве, и едем туда, где у нас развлекаются. Добрая душа постаралась, заказала столик.

Она ушла переодеваться. Я надел один из подаренных костюмов и пошел смотреться в зеркало. Поправил умопомрачительный галстук, сделал светское, как мне казалось, лицо и тихонько сказал отражению светским голосом:

— Бокал мартини, леди? Вы чудесно выглядите, я, право... Как часто делаете плезир? Такая жара была, такой сюксе...

Окончив светские упражнения, открыл секретер и набил бумажник. Уголовники на своем жаргоне называют деньги капустой, и в моем случае они правы — в таком количестве деньги уже не выглядят ценным мерилom стоимости. Куча радужных бумажек. Капуста...

Жанна выглядела на шесть с плюсом — голубое с ребром вечернее платье, бриллианты на шее, в ушах, на пальцах...

Поворачивая ключ в замке, я ощутил минутное колебание. Странное ощущение, нехорошая мысль — что если, покуда мы будем развлекаться, какой-нибудь мазурик откроет замок? Вот уж похозяйничает... Очень неприятна мысль. Никогда прежде такая не посещала. Не сразу она меня оставила.

...Я галантно распахнул дверцу, подал Жанне руку. В ресторане громко играла музыка, в окнах мелькали танцующие, перед дверью толпились желающие попасть внутрь, но швейцар, который мог бы сойти

за генерала, будь на нем меньше галунов, не пускал. Попасть в «Русскую тройку» даже в это относительно раннее время непросто, ресторан модный. Мы уверенно подошли к двери, я заметил своего шефа с супругой, томящихся в толпе жаждающих, и у меня возникло злорадное желание отвести душу.

— Игорь Сергеевич, и вы здесь? — спросил я. — Недаром говорят, что только гора с горой не сходится, а человек...

Шеф взглянул на меня и... Он был достаточно воспитанным, чтобы не разевать рот, но ему страшно хотелось это сделать, и я его вполне понимал. Вряд ли он думал увидеть меня здесь в таком костюме и с такой дамой. Никак не ожидал.

— Борис Петрович? — спросил он почти ровным голосом, и я понял, что он овладел собой, но в голове у него, понятное дело, полный сумбур. — Какими судьбами? Вот не ожидал...

Я не сомневался, что он не ожидал. Я сказал, исходя светскостью:

— Да вот, понимаете ли, жена вытащила развеять. Как-никак отпуск...

— Чья голубая «Волга» с краю? — зычно спросил крупный мужчина в фуражке таксиста.

— Моя, — сказал я, косясь на шефа — он уже мог владеть лицом. — Отгони, — попросил таксист, — а то проехать не могу.

Когда я вернулся, шеф, немного уже оправившись, игриво спросил:

— Почему же вы никогда не говорили, что жена-ты? Прятали такую прелестную жену, крепостник вы, право...

Мы вежливо посмеялись.

— Собственно, мы поженились буквально на днях, — сказал я. — Однако что же мы стоим? Пойдемте?

— Но ведь не пробиться...

— Ничего, — сказал я уверенно. — Что-нибудь придумаем.

Шеф попробовал было отпустить какой-то комплимент Жанне, но его супруга пронзительно взгля-

нула на него, и он увял. Давно уже циркулируют слухи, что шеф в дополнение к прочим достоинствам еще и устоявшийся подкаблучник, и после этой мимолетной немой сцены я окончательно уверился, что слухи были насквозь правдивы. Квазигенерал браво загородил подступы, но я веско сказал:

— Я Песков.

Судя по его реакции, неизвестные, заказавшие мне столик, дали ему на лапу весьма и весьма... Был вызван метрдотель, каковой быстро провел нас к столику, очень удачно выбранному теми же неизвестными — на виду и вместе с тем не в самой гуще и достаточно далеко от эстрады. Предупредительный официант возник, как чертик из коробочки.

Я взглянул на шефа, тщетно пытавшегося сохранять светскую невозмутимость, и стал развлекаться, небрежно зачитывая официанту названия самых дорогих и престижных яств. На всю компанию. Шефу я объяснил, что сегодня у меня большой праздник, событие едва ли не эпохального значения, и потому они с супругой — мои гости. По закону гор, так сказать. Ошеломленный шеф не сопротивлялся.

Я попытался взглянуть на все его глазами.

У него есть сотрудник — молодой специалист, щеголяющий обычно в джинсах индийского производства, или костюмчиках из магазина «Елочка», а наша «Елочка», несмотря на схожесть ботанического названия, отнюдь не московская «Березка». На работу сей молодой человек ездит демократично — на автобусе, хотя, как поговаривают, собирается покупать мопед. Живет в государственной однокомнатной квартире, обставленной продукцией местных мебельщиков. Дяди-министра или тети-завмага нет. Ярлык на меня давно наклеен.

И вдруг этот самый сотрудник, коему давно найдено место в строгой иерархии шефа, сидит в модном ресторане, куда его пропустили без звука, едва услышав его фамилию, делает заказ на сумму, превосходящую его месячную зарплату, и не поморщится, одет как дипломат великой державы на приеме у королевы, и на пальце у него массивный золотой

перстень, а на руке последний визг — суперплоские часы толщиной с двухкопеечную монету, мэйд ин, естественно, Джапан, и ест он самое дорогое, что нашлось в этом заведении, и небрежно докуривает до половины «Кэмел» — не лицензионный финский, а настоящий штатовский, а рядом с ним его обворожительная супруга, вся из себя в бриллиантах, да, про «Волгу» на улице мы забыли... Бедный шеф — мещанин новейшей формации...

Прежний мещанин, тот, что бесхитростно гонял чаи под абажуром, умиленно слушал канарейку, висющую в клетке над горшком с геранью и дремуче мычал, когда его спрашивали, как он относится к последним исканиям Антониони, давно канул в прошлое. В атавистически чистом виде он существует лишь на самой глухой периферии, подобно снежному человеку, да и там, по слухам, усиленно вымирает.

Появился другой. Он неглуп, даже интеллигентен, довольно часто — ценный работник и хороший специалист в своей области. Его книжные полки поразят вас, и часто эти книги не пылятся престижно-мертвой деталью интерьера. Он не покажет себя профаном в споре об экзистенциализме и его наиболее ярких апологетах да и само это слово произнесет без запинки. Не ударит в грязь лицом в разговоре о музыке, современной и классической, Кафке, Бермудском треугольнике, философском смысле «Мастера и Маргариты» и последних происках США в Африке в свете глобальной стратегии Пентагона и «Семи Сестер». Остроумен, начитан, следит за мировой политикой, новинками культурной жизни и науки, может быть душой компании, не спутает Мане с Моне, одним словом, настолько разносторонен и интересен, что невольно хочется думать — может быть, мещанином был только тот, классический, с геранью и чвикающей канарейкой, и раз он, дремуче-абажурный, вымер, то и само мещанство упокоилось вместе с ним? И не являются ли попытки доказать его существование в нашем сегодняшнем обществе сродни усилиям создать вечный двигатель?

Увы. Хорошенько присмотритесь к нему и обнаружите любопытный штришок.

Пока речь идет о Сартре или НЛО, разговор остается нормальным разговором, он даже может изменить точку зрения на твою, признать, что прав был ты, а он заблуждался. Но если ты попытаешься втолковать ему, что тебе в тысячу раз приятнее валяться на диване с новой книгой или мотаться по горам и лесам в компании себе подобных, нежели пробиваться к Ивану Ивановичу, который через Петра Петровича может, если его об этом попросит Сидор Сидорович, достать такое, что в Союзе имеют только два маршала, один засекреченный физик и один народный артист, если ты попытаешься ему это втолковать, ты погиб. Он не скажет тебе этого открыто, в глаза, отделается многозначительными кивками и обтекаемыми фразами, но будет уверен, что ты все врешь, что тебе просто стыдно признаться в отсутствии денег, нужных знакомств или деловых способностей, и оттого ты изворачиваешься как можешь, придумывая какие-то смехотворные объяснения. И это самое страшное — он верит, что высшая добродетель в том, чтобы жить так, как живет он. Снова мы вернулись к коронному тезису мещанина — чтобы все были как все...

Вот это и есть мой шеф — великолепный представитель своего племени, экземпляр, путем сложных, непроясненных наукой мутаций образовавшийся из прежнего геранщика.

К нам подошли два очень приличных молодых человека и пригласили на танец наших дам. Подозреваю, что первый пригласил супругу шефа только потому, что второму показалось неудобным приглашать одну Жанну. Не перевелись еще у нас тактичные люди...

— Прошу, — сказал я, наполняя бокал шефа.

— Нет, это какая-то мистика, — пожаловался он. Вы, Борис Петрович, и вдруг... Простите, никогда не ожидал...

— Ах, дорогой Игорь Сергеевич... — сказал я, небрежно гася докуренную, конечно же, до половины сигарету. — Двойная улыбка Фортуны, если мож-

но так сказать. Во-первых, умер мой дед, генерал Песков. Слышали, надеюсь, о таком? Во-вторых, Жанна Федоровна дочь... — я очень многозначительно помолчал. — В общем, вы понимаете...

Все. Я его раздавил. Повизгивая от удовольствия и зависти, он поставил меня над собой. В глазах его полыхал один из кличей его племени: «Умеют же люди устраиваться!»

Вернулись наши дамы, и шеф сказал своей:

— Лена, а ты знаешь — Борис Петрович, оказывается, внук генерала Пескова!

— Неужели того самого? — почти без промедления изумилась Лена.

«Я скромно потупил глаза. Может быть, и правда был такой генерал Песков?»

Официант поставил передо мной бутылку шампанского, которого я не заказывал.

— Ваши друзья просили передать, — сказал он, автоматически обернувшись в сторону того столика.

Я посмотрел туда. За столиком сидели двое мужчин, и один из них, перехватив мой взгляд, приподнял бокал и поклонился. Он был высокий, спортивного склада, лет сорока, с жестким интеллигентным лицом, в очень модных очках. Второму было лет шестьдесят. Полная противоположность первому — кругленький, даже расплывшийся, румяный такой, излучавший любовь ко всему, что попадалось на глаза. Что касается одежды, то нас явно обшивал один и тот же портной.

Снова какой-то парень пригласил Жанну, и я разрешил, наверное, слишком горячо — она взглянула на меня с легким недоумением. Я встал, подошел к тем двоим и спросил:

— Присесть позволите?

— Ну конечно, Боренька! — воскликнул толстяк, и я узнал голос из телефонной трубки.

— Виктор, — сказал спортивный. — Впрочем, я уже представился по телефону. Это Назар Захарыч. Рады приветствовать. Вижу, что вы вполне освоились со своим новым положением, так и надо, молодец. Вы мне нравитесь, Борис.

— Весьма тронут, — сказал я. — Польщен. Надеюсь, теперь вы объясните суть и цели? Согласитесь, что я чувствую себя...

— Это пройдет, — бодро сказал Виктор. — К хорошему привыкают очень быстро. А суть и цели... По причинам, которые не стоит здесь приводить, потому что к завтрашнему дню они устареют, мы посвятим вас в некоторые тайны только завтра. Потерпите?

— Потерплю, — сказал я.

— Значит, часов в шесть вечера мы вас навестим. Честь имею.

Я совершенно правильно понял нехитрый намек и вернулся к своей компании. Все складывалось прекрасно...

Вечер промелькнул незаметно — ведь шеф остроумный и приятный собеседник, душа компании, а теперь, когда он признал во мне равного себе и даже стоящего чуть выше, он был особенно мил. Соизволив вспомнить о моих увлечениях, он объявил, что у него имеется редкое издание Булгакова, и, так как он считает себя моим должником... Некоторое время мы успешно состязались в светскости, но состязание прервали наши дамы, напомнившие, что сегодня они танцевали только с чужими, так что пора нам проявить инициативу. Мы вняли.

После закрытия мы отвезли домой шефа с супругой, получили горячее приглашение навестить их как можно скорее, приняли его и поехали домой. Не сомневаюсь, что сегодня в качестве колыбельной шефу придется выслушать монолог на тему «Живут же люди, умеют же добиться!», и, если я хоть что-то понимаю в людях его типа, с сегодняшнего дня он возненавидит меня тайной жгучей ненавистью — обязательно тайной...

Дверные замки были целехоньки, злоумышленники бродили где-то далеко, но все равно нужно было поставить запоры похитрее, это можно устроить хотя бы через шефа, есть у него книжечка с координатами нужных на все случаи жизни людей...

А на нас с Жанной напала какая-то дурацкая ото-

ропь, мы стояли посреди комнаты, не глядя друг на друга, и, пожалуй, действительно походили на парочку молодоженов викторианской эпохи.

— Поздно... — промямлил я, косясь на окно с задернутыми роскошными шторами.

Жанна шагнула ко мне и положила руки мне на плечи.

...В дверь звонили длинными звонками. Я продрал глаза, выскочил из постели и стал натягивать брюки, одновременно выгибая шею, чтобы взглянуть на часы. Половина восьмого. Вот так всегда — когда я знаю, что нужно на работу, исправно вскочу в шесть, абсолютно самостоятельно, но если впереди свободный день, обязательно требуется постороннее вмешательство.

В прихожей я столкнулся с Жанной, спешившей из кухни. На этот раз она была одета в довольно скромное платье. Звонок мелодично взвыл еще раз.

— Боря, я на работу, — сказала Жанна. — Можно я машину возьму?

— Пожалуйста, — сказал я.

— Завтрак на кухне, не скучай.

Как будто мы расставались так по утрам в сотый раз. Я открыл дверь. За дверью стоял Генка Белоконь, бородатый, невозмутимый, в черной кожанке, собственноручно сшитой по собственному фасону, в желтом мотоциклетном шлеме, на котором справа распластала крылья черная тучная мышь, а слева натягивал лук черный кентавр, — он любил выглядеть пижоном, хотя никогда им не был.

— Пока, — сказала Жанна, чмокнула меня в щеку, побежала вниз по лестнице, и от белоконевской невозмутимости не осталось и следа. Белоконь — вот кто мне нужен. Во-первых, он такой парень, на которого безусловно можно положиться, во-вторых, он президент городского клуба любителей фантастики, значит, привык ко всевозможным сногшибательным гипотезам и теориям — я бывал на нескольких их заседаниях. Он в какой-то мере специалист по необычному, а мне сейчас нужен именно такой специалист...

— Ну, очухался? — спросил я. — Привет. Какими судьбами в такую рань?

— Вот, держи своих «Мушкетеров», — протянул он мне книгу. — Подумал: дай заскочу по пути.

— Заходи-ка, — сказал я.

— Некогда.

— У меня беда.

— Непохоже что-то, — ухмыльнулся он в бороду. Я сгреб его за рукав и втащил в прихожую, онглянул по сторонам и обратил ко мне вопрошающий взор.

— Это еще цветочки, — пообещал я и поволок его в комнату.

— погоди, черт, — уперся он. — Дай хоть мокроступы сниму. Ну, и как все это нужно понимать?

Я толкнул его в роскошное кресло, придвинул ему сигареты, хрустальную пепельницу и принялся рассказывать все по порядку. Про свалившуюся словно с неба роскошь. Про Жанну. Про двух незнакомцев из ресторана, про моего поверженного шефа. Про то, что мне страшно и я не понимаю, что делать дальше, не знаю, чего ждать.

— Так... — сказал он, теребя бороду. — Значит, эта прелестная блондинка, твоя жена, если верить документам... Ты знаешь, почему снежный человек до сих пор не добился официального признания? Документов у него нет, с водяными знаками и печатями. Потому в него и не верят. Мысль обратиться в милицию или КГБ отбросил?

— Что они могут сделать... А если все повторилось бы?

— Правильно. Моральной поддержки жаждешь?

— Конечно, — согласился я, стараясь не выглядеть очень уж жалко. — У тебя есть какие-нибудь соображения по поводу?

— Посмотрим. Ты не возражаешь, если я немного покопаюсь в твоих чертогах?

— О чем разговор!

Он покрутился по комнате, включил и выключил телевизор, залез в нутро магнитофона, мимоходом завернул на кухню, позвенел там чем-то, ушел в

спальню, и слышно было, как он копается в шкафу. Мне стало легко и уютно, наконец-то я был не один...

Минут через десять он вернулся.

— Ну? — спросил я жадно.

— Ну, ну... — он плюхнулся в кресло и скрестил ноги в линялых джинсах. — Интересное кино. Теперь хоть гони, не уйду. Куда она отправилась, твоя сказочная принцесса?

— На работу.

— Как прозаично... Ну конечно, они должны были и это предусмотреть.

— Кто? — спросил я с надеждой.

— Ну откуда я знаю? Те, кто за этим стоит. Ведь кто-то за всем этим стоит, ты согласен?

— Конечно.

— Обычным путем мебель сюда попасть не могла. Две лишних комнаты — тоже из арсенала средств и возможностей, какими мы пока не располагаем. Пока, смею думать: какие-то штучки с пространством, вероятнее всего. Взаимопроникающие пространства, скорее всего. То есть твоя спальня и комната соседа находятся в одной и той же точке.

— Это я и сам знаю, — сказал я. — Фантастику твоими трудами регулярно читаю. Интересно, а если попробовать пробить стену?

— Лучше не стоит.

— Не буду, — сказал я. — Итак, о фантастике. Как я заметил, во многих книгах обязательно существует этакий резонер, он же Главный Проясняющий Темные Места. Вот и давай проясняй, как-никак у тебя профессиональная подготовка, президент.

— Попытаюсь, — сказал он задумчиво. — Какие у нас с тобой должны быть ключевые вопросы, ты не думал?

— Думал уже. Зачем все это? Кто — не стоит и гадать, все равно не догадаемся. Каким образом — ну, какой-нибудь телекинез. Даже покойный Глушков пытался теоретически обосновать телекинез. С какой целью все затеяно — вот что меня волнует.

— Так вот, коли уж я Главный Проясняющий, то я, кажется, догадался.

— Ну?

— Конечно, я могу и ошибаться, но... Боря, ты гордый человек? Или нет, я не так формулирую. Ты считаешь себя венцом творения?

— Не знаю, — сказал я. — После того, что случилось, я верю, что существует кто-то могущественнее нас, я, разумеется, не о божестве. Аргументы, знаешь ли, убедительные...

— А как ты смотришь на роль подопытного кролика?

— Я?

— Ты. Понимаешь, аналогия возникает в первую же минуту. Точно так же мы у себя работаем со всякой живностью (он биолог), ставим ее то в преотличные, то в препаршивые условия с самыми разнообразными целями, но основа всегда неизменна — исследовать реакции подопытной мышки или свинки. Я могу ошибаться, но страшно похоже...

— Не очень это меня радует, — сказал я. — И что им от меня нужно? Или от нас троих?

— Хотел бы я это знать... Согласись, что наши неизвестные «они» вряд ли станут интересоваться простейшими реакциями, подсовывать тебе деньги только для того, чтобы узнать, станешь ты их тратить или нет, заявишь в милицию или нет. Все-таки человек не морская свинка, мне очень хочется верить, что затеяно нечто грандиозное, большой эксперимент ради большой цели... Ладно. Экспериментируют они, попробуем экспериментировать и мы. Как по-твоему, человек твоя Жанна или робот?

— Ну, ты даешь, — сказал я. — Что это тебе в голову взбрело?

— Экспериментирую, хватаюсь за что попало. Хотя если она и робот, то такого класса, что это, собственно, уже и не робот.

— Провались ты, — сказал я. — Никакой она не робот, понесло тебя по вашим гипотезам...

— Ладно, пойдем дальше. Тебя не удивило, что среди изобилия материальных благ книги отсутствуют?

— Еще как удивило. И новых не выдали, и старые сперли, гады.

В дверь позвонили, и я пошел открывать. На площадке стоял невысокий мужчина в коротком светлом плаще, подтянутый, напоминающий офицера в штатском.

— Чем могу? — спросил я.

— Вы разрешите войти? — спросил он, чуть наклонив голову, это было похоже на старинный офицерский поклон. — Мне хотелось бы с вами поговорить.

— Пожалуйста, — сказал я. Со вчерашнего дня я почти не удивлялся всяким странностям, к тому же у меня мелькнула мысль, что незнакомец может и иметь к этим странностям какое-то отношение, так и вьются вокруг меня незнакомцы...

Он прошел в комнату, не сняв плаща, я отметил, что он и глазом не повел по сторонам, словно увидел именно то, что и ожидал. Для человека, пришедшего к незнакомым ему людям, у него было слишком уж невозмутимое лицо. Или я не был для него незнакомцем?

— С кем имею честь? — спросил я, усадив его в кресло.

— Называйте меня просто Иванов, — сказал он. — Видите ли, там, откуда я родом, моя фамилия встречается столь же часто, как у вас фамилия Иванов. Так что смело зовите меня Ивановым.

Белоконь взглянул на меня со значением, но я знал, что нужно делать.

— Иванов, — начал я, — какая у вас должность на вашей планете?

— На вашей — инспектор-наблюдатель, — сказал он спокойно. — На нашей я не работаю. Давно уже.

— И за кем же вы наблюдаете? — спросил Белоконь.

— За вами, естественно.

— Зачем?

— Я историк, — сказал он. — Какой историк не хотел бы своими глазами увидеть прошлое? А вы ведь — наше прошлое.

— Это вас я должен благодарить за подарки?

— Нет, — сказал Иванов. — Давайте сразу внесем ясность. Эксперимент с вами проводит другая цивили-

лизация, другая раса. Это, впрочем, такие же гуманоиды, как мы с вами, в чем вы могли убедиться на примере Жанны... Между прочим, наши противники, но что поделаешь — существуем...

— Схватка двух миров... — пробурчал Белоконь. — И Земля — арена. Я-то думал, что такое случается только у Саймака.

— Интересно, почему вы так думали? — обернулся к нему Иванов. — И вообще, что вы думали, президент? Что в космосе нет разумных, кроме вас? Или они есть, но идейных расхождений у них быть не может? Все они, как горошины из одного стручка, да? Геннадий, вы ведь живете не на Земле, вы живете в космосе, ваша атмосфера — не броня, а космос не шеренга слепков с одной-единственной матрицы, когда же вы это поймете?

— Так, — сказал я. — И оттого, что наша атмосфера не броня, вы можете экспериментировать, как хотите?

— Я уже сказал, что это не мы. Не путайте нас с ними. Мы были и остаемся наблюдателями, только наблюдателями, вы понимаете? Не имеем права даже шевельнуть пальцем.

— Даже если кто-то отдаст приказ начать ядерную войну?

— Даже.

— Это не жестоко?

— Иногда разумная жестокость лучше абстрактного гуманизма.

— Ага, — сказал Белоконь. — Это старая песня — что тот, кому оказали помощь, станет вечным нахлебником филантропа. Интересно, с какой стати? Понятия не имею, что творится в космосе, поэтому буду приводить только земные примеры. Вы хорошо знаете нашу жизнь?

— Я у вас шестой год, — признался Иванов. — Другие и дольше, так что разбираемся.

— Прекрасно. Тогда вы должны знать, что наша страна много помогает другим странам, но они не собираются превращаться в нахлебников. Или вы иначе думаете?

— Нет, отчего же. Только вы путаете помощь с опекой. Представьте — друг против друга стоят изготовившиеся к бою армии, вот-вот должна прозвучать труба, и в этот момент к военачальникам одной из сторон подходит незнакомец и предлагает: «Не стоит вам губить своих солдат, отпустите их по домам к женам и чадушкам, а с вашим противником я разберусь сам». И начинает разбираться. Солдаты той армии, которой он протезирует, расходятся по домам и какое-то время благоденствуют. Но однажды появляется новый, незнакомый враг, и для борьбы с ним мало торопливо собранных солдат, нужен опыт, который как раз и помешал приобрести благодетель. И ничего другого не остается, кроме как снова кликать его, доброго, могущественного. Хорошо, если он окажется поблизости и не опоздает... Вы сумели отказаться от бога, найдите в себе силы отказаться и от заоблачных варягов.

— Можно проще. Одна-единственная акция — уничтожение ядерного оружия.

— А химическое? Бактериологическое? Бомбы, что выжигают кислород в радиусе километра? Шариковые? А промышленность, производящую взрывчатку, тоже — в порошок? И атомные заводы? Но тогда вы не сможете производить атомные электростанции, лучевые пушки для онкологов, аммонал для шахтеров. Наконец, главное — заводы по производству эйч-бомб существуют не в безвоздушном пространстве, они неразрывно связаны со всей промышленностью производящей бомбы страны. Вы в самом деле согласны ради избавления от атомного страха вернуться в каменный век? Что тогда? Средства из арсенала вашей фантастики — все эти гипноизлучатели, за минуту превращающие людей в ангелов? Между прочим, они у нас есть, маленькие, правда, их используют биологи и косморазведчики против диких зверей, но мы можем сделать и большие. Хотите? Ах, вам лично «позитивная реморализация» не нужна? Пиночет, Стресснер и так далее? А миллионы не-генералов и не-чинов? Кто будет производить отбор — вы?

Отличный вышел бы из него боксер. Он гонял Белоконя по рингу, небрежно отмахиваясь, как от комара, прижал к канатам и не добил только из жалости.

— Хватит, Генка, — сказал я, — мне было жаль его и себя тоже, потому что он частично высказывал и мои мысли. — Действительно, если вдуматься, вся эта гнусь не растеряется и без бомб, был бы только лес, где можно выломать дубину. Давайте о чем-нибудь другом.

— Хорошо, давайте о другом, — согласился Белоконь. — Иванов, вы же наблюдатель, вы не имеете права шевельнуть и пальцем, почему же вы к нам пришли?

— Во-первых, я дал вам минимум информации, слегка улыбнулся он. — Во-вторых, обстоятельства особые. Песков уже вошел в контакт с «филантропами». Это прозвище, мы их так зовем.

— А они вас?

— «Перестраховщики». Прозвища считаются оскорбительными. Потому я и смог появиться у вас, что вы уже знакомы с Сообществом, к сожалению, не с лучшими его представителями. Тем не менее я не имею права шевельнуть и пальцем, чтобы чему-нибудь помешать.

— Какова цель эксперимента? — задал я вопрос, который следовало задать раньше.

— Подготовка к их коронному номеру, который они собираются проделать с вашей планетой: дать каждому то, что они дали вам троем.

— А потом?

— Ничего. Они и не собираются вступать в какие-либо контакты. Уничтожат ваше оружие, сделают невозможным его дальнейшее производство, осыплют планету изобилием и вернутся к себе.

— Но ведь это ваши идейные противники! Вы не собираетесь вмешиваться?

Лицо Иванова стало грустным и каким-то беспомощным:

— Вот этого мы как раз и не можем. Существует Сообщество и его законы. По законам Сообщества

мы можем вмешаться. Вернее не мы лично, я просто историк. Служба Безопасности обязана вмешаться, но только в случае военной агрессии против вас или иного применения силы. — Он грустно улыбнулся. — Говоря откровенно, какими бы ни были входящие в состав Содружества цивилизации, ни одна из них не станет применять силу против какой бы то ни было другой. Говоря совсем откровенно, законы Сообщества несколько устарели, но изменить их, как вы понимаете... С маху такое не делается, а «филантропы» на зубок знают законы. Никакого применения силы, с неба свалятся дары, опустеют арсеналы, и только. Я не имею права даже высказать свои соображения.

— Ну, а все-таки?

— Не могу. Мне не нужно было приходить.

— Кто же Жанна? — спросил Белоконь.

— Человек, разумеется. Такая же, как и ваши женщины, только...

— А почему она?

— Бросьте вы, — сказал Иванов. — Что толку копать в третьестепенных проблемах? Думайте о главном.

У меня создалось впечатление, что его невозмутимость — маска, а на самом деле ему страшно хотелось побеседовать с нами о многих серьезных вещах. По тому, как он говорил, как держался, видно было, что его волнует и мы сами, и наши проблемы, и готовящаяся акция. Что позиция стороннего наблюдателя противна ему, угнетает, и он охотно послал бы к чертям все запреты и полез в драку, но законы заставляли его молчать и держать руки в карманах. Я завидовал ему и жалел в то же время. Конечно, вряд ли они жили скучно, но они жили под безопасным небом, а нам еще предстояло только сворачивать горы. Или уже нет?

— Хотя что-то вы собираетесь делать? — спросил Белоконь.

— Создалась такая ситуация, когда ни вы, ни я не можем ничего сделать. Впрочем, вы можете решать, и это будет равносильно тому, как если бы вы что-

то сделали. Решать. — Он посмотрел мне в глаза. — Решать. Ну, я пошел. Мне и приходить-то не следовало...

Он уходил к автобусной остановке, ловко лавируя среди обломков бетона, мы смотрели из окна ему вслед. У него была быстрая, размашистая походка человека, знающего, что впереди много незаконченных дел. Наконец он скрылся из виду, завернул за дом с гастрономом. Мы взглянули друг на друга, и я поразился белоконовскому лицу — совсем чужое оно было, злое, потерянное и отсвечивало словно бы пожаром, таким я его впервые видел.

— Толстовцы... — сказал он и разразился бранью. — 3-законопослушные...

И началось извержение вулкана. Сначала он долго поносил всех, кого только можно было, — меня за то, что это случилось со мной, себя за то, что он оказался причастным к этому делу, Иванова и его коллег за интеллигентскую мягкотелость, «филантропов» за их коварные планы, наши вооруженные силы за то, что они не смогут ничему помешать. Потом он немного успокоился и стал рычать о черных перспективах. Я только слушал.

— Вот она, инопланетная агрессия, — рычал он, метаясь по комнате. — Всякие писаки малевали картины одна страшнее другой — летучие осьминоги, испепеляющие лазерами города, гигантские радиоактивные муравьи, лопающие всех подряд, бездушные альтаирские роботы, сметающие все на своем пути, чудовища огненные, мохнатые, десятирукие, стоногие, аморфные, невидимые, рев, вой, хруст костей, бегущие толпы. Пляшущие на развалинах Нью-Йорка огнедышащие жабы, железный истукан, насилующий кинозвезду у обломков Эйфелевой башни, Годзилла — весь этот хлам, который у нас не переводят, по тому что это макулатура. Все эти ужасы, рассчитанные на тамошнего читателя, неприхотливого и закомплексованного... А оказалось, что ничего этого не будет. Не будет агрессоров устрашающего облика, бегущих толп, пылающих городов, огненных лучей, ядовитых газов, хаоса, ужаса и паники. Не

будет никакой войны, пришельцы не только не станут воевать сами, но и нас отучат навсегда от войн. Но движение человечества вперед будет остановлено — не пулями и газом, а тотальным изобилием, лимузином у каждой двери, золотом в каждом кармане, бриллиантом в каждом ухе, цветным экраном метр на метр в каждом красном углу. Этим преждевременным изобилием... Лучшие умы человечества никогда не отрицали материального благополучия, — рычал он, терзая буйную шевелюру. — Общественные писсуары из золота, бриллиантовые детские кубики — да, в будущем это должно стать нормой. Но всему свое время. То изобилие, что жалуют нам со своего плеча пришельцы сейчас, в середине восьмидесятых годов двадцатого века, не нужно. Рано, преждевременно. Да, среди четырех с лишним миллиардов землян много борцов, но неборцов, обывателей, будем смотреть правде в глаза, гораздо больше, чем нам хотелось бы. Слишком многим заоблачные дары заслонят весь мир с его проблемами, и в тысячу раз труднее будет поднимать их в атаку, сплачивать вокруг знамен, вытаскивать из золотой скорлупы... Они будут отлягиваться, кричать, чтобы их не тревожили, что они счастливы, и все вокруг счастливы — тот сосед, и вон тот, и тот, так что подите к черту и оставьте нас в покое, чего вам не хватает теперь, когда у всех все есть, что вам, больше всех надо?.. Миллионы сегодня голодают и бедствуют, и как объяснишь им, прыгающим от радости при виде дома, за который не нужно платить десять лет, полного холодильника, автомобиля, что это — суррогат счастья?.. А потом те, которые неборцы, войдут во вкус, им уже мало будет шестицилиндрового авто, телевизора метр на метр, захочется лимузина двенадцатицилиндрового или на воздушной подушке, телевизора, способного передавать запахи, и посыплются из-за облаков новые дары в красивой упаковке, и океан изобилия захлестнет с головой, и мечта лететь к звездам так и останется мечтой... Человечество погибнет, и погубят его не кровожадные осьминоги в лязгающих треножниках, и слава богу, если мы

умрем достаточно рано, не увидев заката окончательно вставших на четвереньки соплеменников...

Наконец он устал, охрип, сел и зажал голову ладонями.

— Что-то слишком мрачно, — заметил я. — Опасно, согласен, но чтобы на четвереньки...

— Какая разница — в прямом смысле или переносном? Возьмем твоего шефа — сейчас он еще копошится пишет докторскую, потому что доктору больше платят, можно купить «Волгу», и он ведь не самый лучший представитель своего племени. И обрати внимание — исчезли все книги, но появился шикарный бар, с полусотней бутылок. И первое, что сделали твои «собратья по эксперименту» — отправились в ресторан... Как в пиратские времена, черт побери — в первую очередь яркие побрякушки и бутылки с яркими этикетками. Господи, обидно-то до чего — будь это война, агрессия, нападение жукоглазых, можно было бы драться, стрелять, взрывать. В кого станешь стрелять сейчас — в небо? В твой телевизор? Пойду я...

— Куда?

— К себе поеду, возиться с мышами, а что еще прикажешь делать? Как сказал некто Иванов, сделать мы ничего не сможем. И он тоже...

Он встал и вышел вялой походочкой, ничего в нем не осталось от прежнего президента — ухоря и любителя поспорить о будущем — каким оно будет, каким будем мы и скоро ли. Я остался один.

Посидел немного и тоже ушел. Шатался по городу, забрел в кино, что-то там смотрел, пил газировку, оказался в столовой, что-то там жевал и думал, думал, думал...

Ненависть Белоконя к тому миру, что должен появиться в результате ливня благ, я вполне разделял, я никогда не любил подобных моему шефу людей, и больно было думать, что настает их царство, но что же делать? И почему наш звездный Иванов говорил слегка загадочно, он бы не стал говорить просто так...

Ничего я не придумал, вернулся домой уставший и расстроенный и с порога услышал, что Жанна пла-

чет в спальне. Не очень уж громко, но я сразу услышал и бросился туда.

Она редела, а рядом с ней валялись мои «Три мушкетера», раскрытые на том месте, где четыре храбреца ворвались в кармелитский монастырь, распугивая монашек лихо закрученными усами и дымящимися пистолетами, но коварная миледи успела подбросить в бокал Констанции яд, кардинал умел подбирать людей, и Констанция умирает, но никто еще не понял, что она умирает, только Атос, умница, совесть четверки, догадался...

Я облегченно вздохнул, когда-то, в стародавние времена, я тоже плакал, правда, на том месте, где умирает блистательный Бекингем, убитый фанатиком, умирает с достоинством, дай бог нам всем так, но когда я плакал, мне было лет семь или даже меньше...

— Ну что ты? — сказал я как маленькому ребенку. — Это, в конце концов, придумано, не было этого, сочинили все...

Она посмотрела на меня с таким изумлением, что я смутился и замолчал.

— То есть как это «не было»? Разве можно писать о несуществующем?

Я так и сел — прямо на «Мушкетеров». И начался прелюбопытнейший разговор, в ходе которого я понял, почему место моих книг не заняли новые, роскошные — у самих пришельцев беллетристики как таковой не существовало, была только техническая и научная литература. Почему так получилось, как до этого дошло и с чего началось, Жанна не знала. Правда, по ее словам, среди некоторых немногочисленных групп населения, главным образом среди молодых историков, циркулировали смутные, основанные на каких-то полуполюгендарных источниках слухи, что когда-то, в глубокой древности, существовали какие-то книги, описывавшие выдуманных людей и выдуманные события. Опираясь на это, кое-кто из молодых смельчаков пытался делать разные еретические выводы, но их не поощряли — «официальные инстанции» яростно выступали против слу-

хов о наличии у предков так называемой «художественной литературы». Темная история, загадочная, многое в ней приходилось домысливать.

В седьмом часу вечера появились «собратья по счастью». Они были нарядны и веселы, от них пахло шампанским, и они привезли с собой огромный красивый торт. Они хохотали, хлопали меня по плечу и наперебой повторяли, как это здорово, что третьим оказался именно я, и такое событие, как наша встреча, нужно отпраздновать немедленно и как следует, потому что событие это в некотором роде глобальное и эпохальное. Ошеломленный их натиском, я безропотно подчинялся. Назар Захарыч, повязав фартучек, с удивительной ловкостью накрывал на стол, объясняя одновременно, что хотя он, собственно, тридцать лет женат и на свою участь не жалуется, мужчина должен уметь шить, готовить и стирать. Я только поддакивал. Тем временем Горчаков убеждал Жанну отложить книгу и присоединиться. Убедил. Мы сели за стол и откупорили шампанское.

Вечер прошел прекрасно. Гости оказались приятными и остроумными собеседниками. Был произнесен не один веселый тост, рассказана масса занимательных историй и вполне пристойных анекдотов. Чтобы не ударить в грязь лицом, я поведал, как изничтожил вчера шефа, и мой рассказ встретили с большим подъемом...

Постепенно веселье пошло на убыль. Весьма тонко Горчаков дал понять Жанне, что им хотелось бы поговорить со мной без нее, она быстро поняла намеки и удалилась в спальню. К этому времени я стал приходить в себя. Кончилось разгульное застолье, пора было вспомнить тирады Белоконого, и расстроенное лицо Иванова, и свои собственные нелестные мысли о «филантропах»...

— Хорошо! — искренне сказал Назар Захарыч, Боря, сначала погрейте бокал в ладонях, очень, говорят, здорово влияет на аромат. Молодцы пришельцы эти, я в них не верил, во все эти тарелки...

— Да, — сказал я. — Рюрик, Трувор и Синеус.

— Что?

— Варяги, — пояснил я. — Бытовала в истории такая сказочка. Мол, собрались когда-то наши предки славяне и отписали за море варягам: земля наша богата, обильна, только вот порядка в ней нет, не способны сиволапые, наладить его, так что приходите и володейте нами...

— Этого не было, — сказал Горчаков, глядя на меня с обостренным нехорошим интересом. — Позднейшая фальсификация немецкого изготовления. Я ведь историк, знаете ли.

— Ставлю вам пять, — сказал я. — Ничего подобного не было. Но оказалось, что эта идея до ужаса прилипчива. Даже сегодня. Только вместо варяжской земли — звезды. Правда, нынче не прежние времена, они не собираются сажать нам на трон своего Трувора, они сажают на трон полированный гарнитур. Его величество Сервант XXIII, король Евразии, царь обеих Америк, великий князь Австралии, герцог Африки и прочая и прочая «великия и малыя». Когда же мы перестанем призывать варягов?

— Их никто не звал.

— Тем лучше, — сказал я. — Незванный гость хуже татарина, его и выставить не грех. Не нужно нам изобилие. И совсем смешно получается — Горчаков, Песков и Хомутов — апостолы нового века...

— Стоп! — крикнул Горчаков. — Мы ведь не называли в кабаке наших фамилий, правда, Назар? (Назар Захарыч утвердительно кивнул, глядя недоуменно и жалостно.) Не называли. Откуда же вы их знаете?

— Вот, знаю, — сказал я. — Маху дал, маху...

— Пр-роходимец... — выдохнул Горчаков сквозь зубы. — Ну, конечно, мне следовало сразу догадаться, и то, что вы знаете наши фамилии, и антипатия внезапная... Он у вас был?

— Кто? — спросил я, делая глупое лицо. — Никого у меня не было.

— Был... — яростно сказал Горчаков. Иванов, Петров, Сидоров, как же, наслышаны... Перевербовал, паршивец, и вы ему поверили?

— Просто кое-кто высказал ясными словами то, чего я не мог бы выразить сам, — сказал я. — При чем тут вербовка? Я и сам пришел бы к выводу, что ваши варяги с их изобилием нам вовсе не нужны. Он, кстати, не говорил ничего, просто я понял, что возможен другой путь. Нам нужны мы сами.

— А ведь вы маоист, Боря, — ласково протянул Горчаков.

— Я?

— Вы. Это же они повторяли: «Чем хуже, тем лучше».

— Ну, Витя... — укоризненно сморщился Назар Захарыч. — Что же ты сразу шьешь парню политику, не те нынче времена... Какой же он маоист?

— Помолчи, — поморщился Горчаков. — Он невольно становится на их позиции, понимаешь, добрячок ты мой? «Пусть все остается по-прежнему». А какое оно, прежнее? «Сытыми мы коммунизм не построим». Построим, Боря. Вы грамотный человек, с высшим образованием. Должны помнить, сколько миллионов, — да, миллионов! — человек умирают сейчас от голода или постоянно недоедают. Африка, Азия, Латинская Америка. Да и в Европах... Как вы думаете, поймут они вас, если вы скажете им: придется вам голодать и дальше, и умирать, и хоронить своих детей, и продавать своих детей, но зато вы должны гордо утешаться сознанием, что отсталяли свою космическую независимость? Поймут? Им нужен хлеб, а не ваша гордая независимость. Если они узнают, что это вы помешали им получить еду для себя и своих детей, они вас растопчут и будут правы.

— Значит, идеал — сытое брюхо?

— Вовсе нет, — сказал он. — Просто сначала нужно накормить и одеть человека, а остальное он делает сам.

— Точно! — обрадовался Назар Захарыч, довольный, что и ему удалось вставить словечко. — Сначала их покормить нужно, мы в сорок пятом первым делом выкатывали полевые кухни...

— Вот именно, — сказал Горчаков. — Прежде всего на площади вывозили полевые кухни и раздава-

ли кашу. Борис, этим людям, про которых я говорил, не нужны высокие материи. Пока не нужны. Сейчас им не до того. О высоких материях они станут думать потом, когда будут сыты и накормят своих детей. Я вовсе не хочу утверждать, что с наступлением Эры Изобилия волшебным образом исчезнут абсолютно все пороки...

— Да, — сказал я. — От выпивки при таком баре удержаться трудно.

— Не опешьте. Это мелочи. Полностью исчезнут преступления против собственности, никто ведь не станет воровать у другого то, что имеет сам. Исчезнет пресловутый дефицит и связанная с ним уголовщина. Эра Изобилия уничтожит почву, на которой произрастает мещанин. Потеряет всякий смысл проникать на базу с черного хода и носить записки от Ивана Ивановича. Так что постарайтесь забыть этого галактического провокатора.

— Он не похож на провокатора, — сказал я.

— Блаженный слюняй, не в терминах дело, — отмахнулся Горчаков. — Он просто забыл, что такое голод. Перестаньте о нем думать. Думайте больше о том, что вы — представитель Земли. Из пяти миллиардов населения планеты, из двухсот пятидесяти миллионов населения государства выбраны мы трое. Знаменосцы грядущих поколений — высокие слова, но что делать, если это правда. Нам выпало быть... Да, черт побери, подопытными кроликами эксперимента, но это такой эксперимент, что я согласен с ролью кролика. Хотя мы не кролики.

— Апостолы, — сказал я.

— Не придирайтесь к терминам. Подобрать подходящие слова недолго. Люди, на которых лежит ответственность за человечество. Постарайтесь проникнуться значением и величием этих слов. Вы уже не можете оставаться каким-то там просто Песковым двадцати шести лет от роду... Вы один из немногих, на ком лежит ответственность за светлое будущее человечества.

— Зажравшегося, — сказал я.

— Сытого, — сказал он. — Избавленного от сутенных забот о куске хлеба.

— Молодой он еще... — застенчиво подал голос Назар Захарович. — Лиха не хлебал, по карточкам не жил, и вообще...

— Вот именно, — сказал Горчаков. — Назар воевал, а я пацаном голодал после войны, мы-то помним, что значит кусок хлеба, не то, что вы...

Спорить с ними я не мог — не умел. Я не привык спорить на такие темы и не предполагал, что когда-нибудь придется, но я знал, что не уступлю.

— Гоните этого иезуита, если еще раз появится, — сказал Горчаков, хлопая меня по колену. — Попался бы он мне, я бы с ним поговорил... — Он встал и тряхнул за плечо Назара. — Поехали.

— На посошок, Витя, — кротко отозвался Назар Захарыч. Совершенно ясно, что, несмотря на перевес в годах, он ходил у Горчакова под каблуком, тихий человек, добренький, безответный. Я не мог представить его молодым, в шинели...

— Ладно, — разрешил Горчаков. — Доброй ночи, Борис.

Он ушел в прихожую, высокий, жесткий, собранный, раз навсегда определивший свою позицию и не собиравшийся отступать. Когда твой противник сильный человек, его даже уважаешь; легче, если он рыхлая ничтожная личность, и тем проще, его неприкрыто презираешь, а сильного презирать невозможно, нужно что-то большое, чтобы перестать его уважать.

Назар Захарыч допил посошок и встал.

— Доброй ночи, Боря, — сказал он плюшевым голосом. — Вы не обращайтесь внимания на все, что Витя про политику... Просто вспомните детишек в неблагополучных странах, видели ведь фильмы? Ужас...

— Послушайте, — сказал я. — Вы оба мне так и не сказали, я не могу понять... В чем суть эксперимента, самая суть?

— Ну это же просто, Боря. Помните школьные опыты с бумажками? Опустили ее в пробирку, посинела она или там покраснела — опыт удался. И вот такие бумажки — мы трое. Посинеет — все в порядке, можно начинать по всей планете. Поняли?

— Понял... — сказал я. — Доброй ночи.

Дверь за ними захлопнулась. Я прибрал со стола, поплелся в спальню. Жанна захлопнула книгу и вопросительно взглянула на меня, я отобрал книгу, положил ее на столик и поцеловал Жанну.

— Ушли? — спросила она.

— Да, — сказал я.

— Вы не поссорились?

— Вроде нет. Ноль-ноль, команды покидают поле.

Мне было с ней удивительно просто и легко, как будто мы знали друг друга с пеленок, и с первого класса я таскал за ней портфель, в девятом целовались в подъезде, а в восемнадцать прибежали к загсу за час до открытия.

— Слушай, — сказал я, садясь рядом с ней. — Понимаешь, такое дело... Если эксперимент провалится, что будет с тобой?

— Не знаю.

— То есть как? Что, у тебя на этот счет нет инструкций?

Она молчала. За окном стояла теплая летняя темнота, вспыхивали огоньки электросварки на соседней крыше, во дворе припозднившийся гитарист орал ужасным голосом песню про каскадеров.

— Сложно... — сказала она. — Во-первых, не хочу я возвращаться. Во-вторых, наши, кажется, чего-то не рассчитали или не ждали. Вы какие-то особенные, с остальными было проще, у нас принято считать, что любая цивилизация, не достигшая Эры Изобилия, достойна жалости, вы же полностью подходите под стандарт неблагополучных, отсталых, но в вас что-то есть, то ли ваши книги, то ли, не знаю, как сказать... Я не знаю, как это выразить, нас не учили думать о таких вещах...

— Жанна ты, Жанна, — сказал я, не зная, что еще сказать.

— Догадываюсь, что тебя мучает, — тихо сказала Жанна. — Так вот, я не хочу, чтобы у нас с тобой было по обязанности, понимаешь? Я тебя люблю, Борька. Смешно, да? Жена впервые объясняется

мужу в любви на третий день после регистрации. А муж ей вообще еще не объяснился.

— Жутко смешно... — согласился я.

Утром меня поднял с постели длинный звонок, и снова на площадке стоял Белоконь во всем своем мотоциклетном великолепии. Он ничего не сказал, не поздоровался, стоял и смотрел.

— Здорово, — сказал я сквозь зевок.

— Что ты затеял?

— Ничего.

— А почему не едешь?

— Куда?

— Да к Иванову же!

— Я же не знаю, где живет Иванов, — сказал я, проснувшись окончательно.

— Ну что ты чепуху мелешь? Зачем ты его вызывал?

— Никуда я его не вызывал, — сказал я. — В чем дело?

— Десять минут назад мне звонил Иванов, — сказал он быстро. — И говорил, что ты назначил ему встречу за городом у поворота на дачи, но тебя все нет, а телефон твой не отвечает.

— Ер-рунда, — сказал я, вернулся в комнату и поднял трубку. Телефон молчал, гудков не было...

...Я миновал щит с двойным напутствием «Добро пожаловать. Счастливого пути». — Смотря с какой стороны ехать. Я ехал из города, и мне желали счастливого пути. Я прибавил газу, теперь я уже не сомневался, что Иванова выманили в это уединенное место, именно выманили, и если учесть, что кое для кого он представлял нешуточную угрозу, а уединенные места всегда были сопряжены с нехорошими делами, а Иванова кое-кто всерьез ненавидел... Но неужели это возможно? Возможно такое?

Оставалось уповать на неизвестные нам законы Сообщества. Но кроме «филантропов», вынужденных их соблюдать, существовал еще Горчаков, не подписывавший никаких конвенций и не подпадавший под юрисдикцию заоблачных законов. Я знал о нем мало, но чувствовал, что этот человек пойдет на все,

защищая то, что считает своими идеалами, вопрос только в том, на какие методы он решится, что окажется у него в руках...

Дорогу разделял барьер — узкая полоса зеленой травы, стиснутая ноздреватыми бетонными поребриками. Издали я увидел светлый плащ. Иванов прохаживался на противоположной стороне, возле серого короба автобусной остановки, разрисованного нравоучительными картинками на темы безопасности движения с Волком и Зайцем в главных ролях. Я затормозил, выскочил из машины и побежал на ту сторону. Иванов увидел меня, приветственно взмахнул рукой. Отчаянно заскрипели тормоза, рядом встала бежевая «Волга»; опущенное стекло правой передней дверцы, долгая, оглушительная автоматная очередь, душный запах пороха и жесткое, застывшее лицо Горчакова над стволом.

Шевельнуться я не мог и успел подумать, что настала моя очередь, а еще — что это глупо, обидно и рано.

Мотор взревел, «Волга» унеслась в город. Я встал на колени рядом с Ивановым и попытался поднять его за плечи. Жутко на него смотреть, кровь была везде, но он еще жил, смотрел сквозь меня, не видя, и что-то громко говорил на незнакомом языке. На шоссе было тихо и пусто.

Мне наконец удалось его приподнять, он был страшно тяжелый.

— Иванов! — закричал я ему в лицо.

Он увидел меня, и я чувствовал, какие страшные усилия он прилагает, чтобы смотреть на меня осмысленно, сказать что-то сквозь красную пену на губах.

— Бор-ря... — выговорил он. По моим ладоням ползла горячая кровь. — Третий, ты третий, по тебе... те уже... по тебе... гласность... только так...

Его лицо застыло, и кровь хлынула на подбородок. Я понял, что это конец, осторожно, как будто нужна еще была осторожность, опустил его на бетон, подставив ладонь, чтобы не ударилась голова. Случилось странное — словно на секунды открыли дверь в иной мир. Я услышал переливчатые звуки,

чьи-то голоса — сердитые, печальные, чей-то плач, чьи-то яростные возгласы. Я понял, о чем говорят, хотя не разобрал ни слова.

Кто-то сказал: «Мерзавцы!» Кто-то осторожный поторопился напомнить: «Я же говорил, не так нужно было все иначе...» А кто-то просто плакал, потому что из всех звездных Ивановых этот был единственным...

Иванова не стало. Кровь на бетоне и у меня на руках осталась, а его не было, его забрали, и дверь в иной мир захлопнулась. Неужели навсегда?

Я поднялся с колен и сел на ободранную скамейку. Мимо промчался КамАЗ помидорного цвета, без натуги тащивший двадцатитонный красный контейнер с иностранной маркировкой. Придорожный мусор закружился в крохотном смерче и улегся до следующей машины.

Заявить? Милиции, полиции и разведки всего мира, сколько их ни есть, вся их новейшая техника и громадный опыт не смогли бы доказать, что Горчаков — убийца. Убитого им человека никто никогда не найдет, да и человека этого словно бы не было. Автомат тоже скорее всего находится в недоступном для землян месте. Просто и незамысловато: человек жил — человек умер, убит, и убийца вне досягаемости писанных законов. Убрать Иванова сами «филантропы» не могли, запрещали законы Сообщества. Другое дело — Горчаков, ему можно по его просьбе выдать автомат в удовлетворение его потребностей, и никто не обязан следить, что он с автоматом станет делать. Ни к чему не придерешься...

— И долго вы собираетесь так сидеть? — раздался над моим ухом знакомый голос.

Я не заметил, как он вернулся, но знал, что мне делать. Но он опередил. Когда я смог разогнуться, борясь с затухающей волной боли, Горчаков стоял, небрежно массируя ладонь.

— Ну, успокоились?

— Пошел вон, сволочь! — сказал я.

— Зря, — сказал он. — Успокойтесь. Поймите, это было необходимо. Один человек стоял на пути к сча-

стью миллионов. Цель оправдывала средства. Мне было тяжело, меня тошнило потом...

— Вы мерзавец, — сказал я. — И что страшнее всего — вы действуете по убеждению. Будь вы платным ландскнехтом, все было бы проще и понятнее...

— Хорошо, что вы не считаете меня вульгарным убийцей. Это уже шаг к пониманию.

— Наоборот.

— Нет, — сказал он. — Пройдет совсем немного времени, и вы простите мне эту автоматную очередь. Когда не станет голода, ядерных ракет и балансирования на грани.

— Горчаков, — сказал я. — Может, никакой вы не радатель нищих арабов и голодных китайцев? Может, вы, просто-напросто до ужаса боитесь ядерной войны?

— Вовсе не из-за страха перед бомбой. Просто вы никак не можете согласиться с тем, что я искренне верю в свою правоту.

— Что бы там ни было, я против вас.

— Господи! — крикнул он. — Ну почему они выбрали вас, юнца, не нюхавшего жизни... Если бы вы прошли войну, как Назар, или голодали, как я в детстве...

— Я не верю, что цель оправдывает средства, — сказал я. — Так нельзя. До этих выстрелов я еще мог бы уважать вас...

Я обошел его, как столб, сел в машину и поехал домой, соблюдая правила уличного движения. Дома, как и ожидал, Жанна лежала на диване с книжкой из белоконовской библиотеки. Она увидела мой испачканный кровью костюм и ахнула.

— Спокойно, — сказал я. — Отложи-ка книгу и поговорим о серьезных вещах. Ты говорила, что остаешься при любом исходе эксперимента? Так вот, эксперимент кончился. Ничего этого, — я показал на окружающую роскошь, — больше не будет.

— Как?

— Вот так. Эксперимент провалился. Бриллиантов и машины не будет. Только ты и я.

— И вероятность термоядерной войны?

— И вероятность. Только вероятность — это еще неизбежность, от нас зависит, станет она неизбежностью или нет.

— А если я скажу, что останусь, только если ты не станешь ничего выбрасывать?

— Так не пойдет. Ведь они будут считать, что эксперимент удался...

Потому что мне пришлось бы выбирать — она или человечество. Человечество, каким я хотел его видеть — всегда сытое пока, но полное уверенности, что оно само найдет свою дорогу, без заоблачных варягов, что бы не предлагали.

— Ну?

— Боря, а ты меня никогда не разлюбишь?

Позвонить Белоконю я смог только через час. Он примчался мгновенно, узнав, чем кончилась история с Ивановым, кинулся было искать возле дома подходящий арматурный прут, чтобы отправиться с ним к Горчакову, мне удалось его удержать. Его просто арестовали бы. Я изложил ему свой план, и он побежал искать людей.

Один грузовик я заказал в трансгентстве, второй Белоконь поймал у магазина, там же он завербовал трех грузчиков...

Через час в квартире остались оклеенные шикарными обоями стены, да еще телефон. Я набрал номер Горчакова.

— Слушаю, — сказал он. — Решили трезво поговорить, Боря?

— Хотите присутствовать при интересном зрелище? — спросил я. — Прекрасно. — Приезжайте к реке, в район новостроек, мы все будем там.

— Что вы затеяли?

— Как по-вашему, эта инопланетная мебель хорошо горит?

Он стал кричать. Я нажал на рычаг, оборвал провод, взял телефон под мышку и вышел. Запирать дверь не было необходимости. Белоконь с Жанной ждали меня в машине. Водители грузовиков закрывали борта.

— В общем, так, мужики, — сказал я шоферам. — Поезжайте за мной.

Сел за руль, и кортеж тронулся.

Свою акцию «филантропы» станут проводить, если удастся эксперимент, а эксперимент удастся, если все три образца станут наслаждаться лаковым раем. Об этом сказал Назар Захарыч, потом подтвердил Иванов, добавив про огласку, ради этого он держался из последних сил. То, что мы намеревались сделать, мог не признать за провал эксперимента только слепой на оба глаза экспериментатор...

Подходящее место я нашел на пустыре, недалеко от последних домов южной окраины города. Затормозил, следом остановились грузовики.

— А теперь что? — спросил шофер.

— А теперь сбрасываем, — сказал я. — Вот сюда и как попало.

Подавая пример, Белоконь откинул борт, прыгнул в кузов и развязал веревку. Стенка рухнула вниз, рассыпаясь на секции, осколки стекла брызнули в стороны.

— Вы что, сдурели? — рявкнул второй шофер.

— Ну да, — сказал я, грохая оземь телевизор. — Массовый побег из дурдома. Помогайте, что вы стоите?

Они стали помогать, гмыкая и переглядываясь, но нас эти взгляды не трогали, мы знали, ради чего стараемся, и на все остальное нам было наплевать.

Бежевая «Волга» появилась, когда грузовики уже уехали, и мы с Белоконем обливали кучу мебели бензином. Горчаков был бледен и растрепан, в одних носках — видимо, выскочил из дома, не думая об одежде.

— Стойте! — кричал он на бегу. — Вы понимаете, что делаете? Это же конец, сопляки!

— Ага, — сказал я. — Нешто мы не понимаем? Гена, помоги человеку.

Белоконь скрутил ему руки, а я зажег спичку, бросил ее и отпрыгнул назад. Лицо опалило жаром. Взметнулось гудящее пламя, они здорово горели, эти инопланетные гарнитуры, прямо-таки потрясаясь, горели, плавился лак, трепыхались и скручивались,

как сухие листья, радужные бумажки, кружились искры...

А Горчаков плакал.

— Вы подлец, — сказал он. — Вы понимаете, какой вы подлец? Теперь на вашей совести будет каждый ребенок, что умрет от голода, каждый безработный, что попадет в тюрьму за украденную булку. Каждая эпидемия. Каждая засуха. Все... И ведь вы будете спать спокойно...

— А вы? — резко спросил я.

Он хотел сказать еще что-то, но из-за слез не мог выговорить ни слова. Безнадежно махнул рукой, отвернулся и побрел к машине, постаревший, сгорбленный, а я смотрел ему вслед и думал — что-то осталось недосказанным. Может быть, он просто не верил в человечество? Или все сложнее, сложнее...

От домов к нам уже бежал кто-то в форме, и если учесть, что мы никому не могли объяснить, что судьба человечества только что решилась на этом вот пустыре, пора было как можно скорее покинуть это место. И мы уехали. Пересекли город с юга на север, свернули в лес, нашли подходящую поляну. Белоконь вытащил из багажника вторую канистру с бензином. Машину мне было жалко, мне всегда хотелось ее иметь — не из-за соображений престижа, а из соображений власти над расстояниями. На этот раз мне было труднее бросить спичку, но пришлось.

Я взглянул на Жанну, и она улыбнулась мне. Итак, все-таки я получил что-то, что дороже всех их телевизоров и бриллиантов, и за это никому не нужно быть обязанным, только самому себе.

Мы шли по сосновому лесу. Сзади гроыхнуло — взорвался бензобак. Хотелось забыть обо всем этом, как о дурном сне, но не удавалось — перед глазами стоял подтянутый мужчина в светлом плаще, шагавший по Земле торопливой походкой человека, знавшего, что впереди у него много дел и нужно успеть их все переделать...

— Ты хоть одну бутылочку догадался оставить? — спохватился Белоконь.

— Да нет, не сообразил.

До города мы доехали на попутном грузовике, добрались до моего дома и только на лестнице сообразили, идти следовало к Белоконю — моя квартира пуста, как Луна. Или «филантропы» оказались настолько благородными, что вернули мои старые пожитки?

Первой в квартиру вошла Жанна — и ахнула, обернувшись к нам. Я обмер, как и тогда, в первый день. Все, что подарили «филантропы», стояло на своих местах, будто мы и не уносили ничего, будто и не жгли. И понятно теперь, что бесполезно уносить и сжигать еще раз — что бы я ни сделал с данайскими дарами, они возродятся, как Феникс из пепла и займут прежние места. Как неразменный грош у Скалбе — его не потерять, и не потратить, все равно вернется в карман...

Оказывается, я недооценил «филантропов». Они и не думали отступать, они были упорными, как всякий экспериментатор.

Признаться, мне стало чуточку страшно, потому что вся дальнейшая жизнь должна была стать схваткой со всеми этими роскошными вещами, которые только притворялись безобидными. И теперь предстоит все время помнить, что где-то далеко, за миллионы километров отсюда следят и ждут, наблюдают чужие глаза, и нельзя проявить в словах и поступках даже секундной слабости — кто знает, как она будет истолкована там, в космосе?

На Руси всегда умели поговорить по душам с незванными гостями. Мне было страшно, но отступать я не собирался.

Докуренная до фильтра сигарета обожгла мне пальцы, и я с наслаждением раздавил ее на полированной крышке стола...

КОММЕНТАРИИ К ПОЛУЗАБЫТОМУ

«Нелетная погода»

Когда меня наконец уговорили все вошедшее в эту книгу издать, я вытащил рукопись «Нелетной погоды», лет пятнадцать пылившуюся в дальнем углу — машинопись выцвела, края лохмами, — бегом пробежал и вдруг с нешуточным удивлением обнаружил, что мне за этот роман совершенно не стыдно. А, собственно, почему я полагал, что мне за него должно быть стыдно? Он все же, смею думать, нисколько не наивный и не устаревший. Он просто-напросто пронизан солнечным оптимизмом Полдня XXII века, тем самым, которым мое поколение заразили Стругацкие. Сами они в пору, когда «Нелетная погода» писалась, уже, зябко подняв воротники, вышли из своего Полдня в другие, более ненастные миры, где серые тучи на небе появляются гораздо чаще, чем безмятежное солнышко. Но мы-то, мы были гораздо моложе, а потому еще оставались в Полдне. Мы были молоды и оттого считали, что Полдень не кончается.

Вот и получился ничуть не грустный, без единой тучки на небе, оптимистический роман о людях, которые не опускают рук, когда им нелегко, потому что живут они, не забывая, в Полдне. Сейчас даже удивительно, что роман вышел таким легким, опереточным в хорошем смысле, если вспомнить, что писался он, когда автору было невероятно тяжело и тоскливо — ну, чисто личные причины. Но вот поди ж ты! Двадцать лет спустя я не отыскал в «Нелетной погоде» и тени тогдашнего тяжелого времени. Ни следа. Странно даже.

И то, что роман остался неизданным, тоже странно — какая-то череда необъяснимых случайностей.

Хотя, быть может, дело еще и в том, что однажды появилось вдруг твердое убеждение, что второй его части уже никогда не будет. Я ее прекрасно видел в уме, она вполне сложилась, я прекрасно знал, что там произойдет и чем все кончится. Но что-то изменилось. Скорее всего, к той поре и для меня самого тоже кончился Полдень, и я тоже из него вышел вслед за мэтрами, другой дорогой, но под то же самое неприветливое небо, большей частью низкое и серое. И оптимизма вроде бы меньше не стало, и написанная после «Погоды» «Провинциальная хроника начала осени» заканчивается ничуть не уныло и не безнадежно — наоборот, сильные и смелые герои, с веселой яростью сверкая мечами, бросаются в бой, где их определенно ждет победа... И сражаются они как раз под ясным солнечным небом...

Все так, но это уже какой-то другой Полдень. С маленькой буквы. Просто полдень. А тот, что с большой, уже никогда не вернется. И я не буду врать, что мне его не жаль. Еще как жаль. Из-за того, что он кончился для меня лично, не менее десятка повестей так и легли недописанными, хотя до финала в иных оставалось совсем немного. Но что поделать, если вещи эти могли быть завершены только посреди Полдня...

«Мы никогда не звали его Джо»

Самое интересное, что в советские времена эту повестушку, практически не раздумывая, с ходу отвергли не менее десяти журналов и издательств. Казалось бы, она была идеологически выдержанная и насквозь правильная — очередное обличение порочных нравов заокеанского супостата. А вот нате ж вам! Отвергали с поразительным единодушием, и даже, к моему тогдашнему изумлению, однажды опасливым шепотком прозвучало что-то вроде: «Анτισоветчина...»

А в общем, теперь мне ясно, что ничего в этом не было удивительного. Ведь эта безделушка, по-моему, никакой не «политический памфлет», а рассказ о жут-

кой и тупой Бюрократической МАШИНЕ, не зависящей ни от идеологии, ни от географии, способной со всем усердием грохотать вхолостую, ради себя самой, имитировать работу и прилежание без всякой связи с реальной жизнью и без малейшей пользы...

«Страна, о которой знали все»

Опять-таки — не памфлет, а маленькая повесть о той же Бюрократической МАШИНЕ, живущей для себя, ради себя и по собственным законам. Между прочим, то, что вы прочли — только одна сюжетная линия из двух. Была и вторая. Параллельным курсом шли две истории — незадачливого разведчика, однажды выдумавшего целую африканскую страну, и тамошнего корреспондента ТАСС. Последний, очень быстро просекши истинное положение дел, тем не менее продолжал со всем усердием разоблачать очередные империалистические происки в свободной Африке — ну, что поделать, работа у человека такая, разоблачениями империализма только и жив, при хлебе с икрою... А заканчивалось все тем, что однажды они случайно встретились в баре, излили друг другу душу и от отвращения к себе нажрались до такой степени, что забыли, кто есть кто, и разведчик поперся в корпункт ТАСС, а журналист, соответственно, долго колотился в проходную разведцентра.

Ну вот, а потом один шустрый редактор без моего, собственно, согласия и ведома вычеркнул всю линию советского журналиста, послал в печать, и получилось то, что получилось. Рукопись, увы, была в единственном экземпляре, сейчас уже не восстановить.

«И навсегда забыть Эдем»

Это и в самом деле были наброски для большого романа с тайнами, знойными страстями, приключениями и спорами, который опять-таки никогда не будет написан — потому что и его писать можно было только посреди Полдня...

СОДЕРЖАНИЕ

НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА (Роман)	5
-------------------------------	---

ПОВЕСТИ

Мы никогда не звали его Джо	297
...И навсегда забыть Эдем	333
Страна о которой знали все	357
Варяги без приглашения	402
Комментарии к полузабытому	445

Официальный сайт А. Бушкова

<http://www.shantarsk.ru>

Литературно-художественное издание

Александр Бушков

НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА

Роман

ПОВЕСТИ

(Специальный русский проект)

Редактор *Д. Хвостова*

Художественный редактор *А. Гладышев*

Технический редактор *Л. Бирюкова*

Компьютерная верстка *Е. Митрофановой*

Корректор *Л. Медведева*

Подписано в печать 27.10.04.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 70 000 экз.

Изд. № 04-6973. Заказ № 3682.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»

129075, Москва, Звездный бульвар, 23А, стр. 10

ОАО ПФ «Красный пролетарий»

127473, Москва, Кранопролетарская, 16

входят в группу компаний ЗАО «ОЛМА МЕДИА ГРУПП»

Отпечатано с готовых диапозитивов

в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»

127473, Москва, Краснопролетарская, 16

Александр Бушков

НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА

При попытке входа в гиперпространство, космический корабль «Лебедь» потерпел крушение.

Связь с ЦУПом и кораблями сопровождения оборвалась, запасы энергии иссякли, приборы сигнализировали о реальных, но неизвестных испытателям опасностях.

За всю историю кораблей Дальнего прыжка ничего подобного не случалось. Назад, в обычное пространство экипаж выйти не смог.

Командир корабля Панарин не знал, где они, но «Лебедь» должен вернуться домой...

ИЗДАТЕЛЬСТВО
**ОЛМА
ПРЕСС**

ISBN 5-224-04917-2

9 785224 049172